

ПОДЪЁМ
РЕГИОН

*Отчий
край*

Этнокультурные
особенности
Воронежской
области

Воронеж ■ 2015

*Издается в рамках подпрограммы
«Этнокультурное развитие Воронежской области»
государственной программы Российской Федерации
«Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 годы*

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Составитель *В.В. Будаков*
Редактор *В.Е. Новохатский*

Отчий край. Этнокультурные особенности Воронежской области. — Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2015. — 304 с.

Новый издательский проект ГБУК ВО «Журнал «Подъём», как и предыдущий сборник «Истоки», посвящен этнокультурным особенностям Воронежского края. Исследования ученых об истории региона, самобытности жизни и обычаях наших предков, произведения классиков воронежской литературы, статьи современных писателей и журналистов о кровной связи с духовным наследием поколений представляют интерес для всех, особенно для молодых читателей, кто хочет больше знать о своей Родине.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Иван НИКИТИН. «Я Руси сын! здесь край моих отцов!»	5	
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	Валерий БЕРЕЗУЦКИЙ. Донская старина. Историко-этнографический очерк	6	
	Павел ПОПОВ. Червлёный Яр нашёлся в Воронеже .	34	
	Юрий КУРГУЗОВ. «Главная тема жизни — славяне...»	45	
	Иван ЩЁЛОКОВ. О чем рассказала речка Красная .	68	
	Иван ХАРИЧЕВ. Калитва — у порога и окрест. (Страницы летописи старейшего придонского села) .	77	
	Виктор БУДАКОВ. Дон и слово. (Великая река в произведениях воронежских писателей)	90	
	Владимир НОВОХАТСКИЙ. Для такой бабы и тысяча лет не срок	94	
	Наталья ПРОСКУРИНА. Дворянские усадьбы: геокультурный аспект	107	
	Евгений НОВИЧИХИН. Хрустальное озеро сказки. (Народная сказительница Анна Николаевна Королькова)	125	
	Эдуард ЕФРЕМОВ. Поющее сердце. (100 лет народной певице Марии Николаевны Мордасовой) ..	132	
	ОБЩЕСТВО	Сергей РУДАКОВ. Единством сильны	160
		Виктор ПЕТРОВ. На чем стоит Новохоперск	162
		Эдуард ЕФРЕМОВ. Храня в себе любовь и доброту ..	168
Марина ДЮЖАКОВА. Через миграцию — к адаптации		173	
Полина БОРОЗДИНА. Дорога навстречу друг другу ...		179	
ТРАДИЦИИ	Вера ГАЛЮК, Елизавета ЦВЕТКОВА, Людмила ЧЕРЕЗОВА, Татьяна ПЕЛИПЕНКО. Воронежские фестивали	200	
	Петр ДЕМКИН. Квас с панинской изюминкой	222	
	Вячеслав ЛЮТЫЙ. Поэзией и мыслью, мелодией и чувством	227	
	НАСЛЕДИЕ	Галина СЫСОЕВА. Воронежские песенные традиции	236
		Мария МЕДВЕДЕВА. Магия слов и музыка речи. (Особенности говоров жителей лискинских сел по реке Хворостань)	254
Геннадий КОВАЛЁВ. Имена на земле. (Топонимика открывает тайны)		263	
Игорь МАРКИН. «Когда песок взыйдет...» (Народные поверья в обыденной жизни)		276	
Татьяна ПУХОВА. Зорюшка вечерняя, солнышко восхожее. (Фольклор сел Панинского района)		279	

НЕЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

Александр АФАНАСЬЕВ. Праздник, дом и мифы. Отрывки из очерков	24
Алексей КОЛЬЦОВ. Хороша песня на голос. Из писем А.А. Краевскому	31
Иван БУНИН. Антоновские яблоки. Косцы. Рассказы	55
Алексей СУВОРИН. Светлый праздник. Картинка ...	83
Александр ЭРТЕЛЬ. Две пары. Рассказ	86
Иван НИКИТИН. Дневник семинариста. Отрывок из повести	98
Александр НИКИТЕНКО. «Не можем безнаказанно отрываться от начал...» Из дневника писателя	105
Андрей ПЛАТОНОВ. Житель родного города. Рассказ	116
Алексей ПРАСОЛОВ. Жестокие глаголы. Отрывок из повести	151
Василий ПЕСКОВ. Речка моего детства. Очерк	154
Гавриил ТРОПОЛЬСКИЙ. Город помнит. Очерк ...	195
Владимир КОРАБЛИНОВ. Углянец. Из книги «Азорские острова»	230
Николай ЗАДОНСКИЙ. Этюды из прошлых дней ...	287
Анатолий ЖИГУЛИН. Страницы автобиографии	298

Иван Никитин

**«Я РУСИ СЫН!
ЗДЕСЬ КРАЙ МОИХ ОТЦОВ!»**

...Но мне милей роскошной жизни Юга
Седой зимы полуночная вьюга,
Мороз, и ветер, и грозный шум лесов,
Дремучий бор по скату берегов,
Простор степей и небо над степями
С громадой туч и яркими звездами.
Глядишь кругом — все сердцу говорит:
И деревень однообразный вид,
И городов обширные картины,
И снежные безлюдные равнины,
И удали размашистый разгул,
И русский дух, и русской песни гул,
То глубоко беспечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокруг — и на душе легко,
И зреет мысль так вольно, широко,
И сладко песнь в честь родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется,
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! здесь край моих отцов!»

*Из стихотворения «Юг и Север».
1851*

Валерий Березуцкий,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Воронежского государственного
педагогического университета*

ДОНСКАЯ СТАРИНА

*Историко-этнографический
очерк*

Над обрывистым меловым берегом Дона, широко расправив по ветру крылья, неспешно парит коршун, высматривая добычу... Жаворонок, вспорхнув над пожухлой от зимней спячки травой, заливается весенней песней... Ветер гонит по синему небу белые облака куда-то в неведомые дали, и проносятся они над Доном-рекой, будто века и тысячелетия... И кажется, ничего не изменилось с давних пор, только человек обустроил по-иному место своего обитания сообразно со временем... И течет оно в неведомую даль вслед за белыми облаками и неспешными водами Батюшки-Дона...

Понять историю заселения любого края нашей страны невозможно без знания истории. Да, это так. Но также ее не понять, если мы не будем знать географические особенности местности, территории заселения. Это понимали еще первые историки Древней Греции, когда писали о нравах и обычаях народов, живших за пределами их родины и в других географических условиях. А первый историк России В.Н. Татищев писал в XVIII веке, когда история наша только становилась на ноги, что понять историю без географии невозможно.

Действительно, человек ведь живет не просто на земле, а в конкретных географических условиях, которые и формируют у него разный род хозяйственных занятий, способность к переселениям и дальним походам и даже менталитет — образ мышления и мировосприятия, особенности культуры — основные признаки народа, нации. В пустыне Сахара разводятся верблюдов, но там негде заниматься земледелием или рыболовством. В лесной же зоне, где-нибудь в Подмосковье, не будут расти не только верблюды, но и овцы, как и другие степные животные. Здесь издревле ловили рыбу, охотились, а земледелие требовало огромных усилий. Лес ведь...

А вот наш Воронежский край расположен в лесостепи — переходной области между лесом на севере и степью на юге, где леса чередуются со степными просторами, лесные почвы с черноземами, а лесные птицы и

звери со степными. Еще совсем недавно, в XVIII веке, в крае водились дикие лошади — тарпаны, истребленные крестьянами из-за урона, наносимого сельскому хозяйству, а в лесных урочищах обитали медведи и зубры. Всякой дичи было столько, что ее поставляли на рынок в Москву, а государственные крестьяне, жившие в XVIII веке на Дону, платили государству один из налогов рыбой. В наиболее благоприятных для леса условиях лесные массивы составляли до половины всей площади лесостепи. Здесь благоприятные условия для всех видов хозяйственной деятельности — земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства, собирательства. Она же, лесостепь, особым образом повлияла на заселение нашего края в различные исторические времена. Посмотрим как.

Нам кажется, что климат сегодня постоянно «ухудшается», то ли в сторону глобального потепления, как думают одни ученые, или в сторону глобального похолодания, которое приведет к новому ледниковому периоду, как думают другие. То, что климат сегодня «не тот», вам расскажет любой пожилой человек, помнящий послевоенные снежные зимы, когда дома в деревне заметало снегом по крышу, и лето было летом, а зима была зимой. Куда-то подевались заморозки в конце мая, которые заставляли сельчан разводить костры на ночь, накрывать высаженную рассаду бумажными колпаками. Что же происходит с климатом, и причем здесь история народов, заселявших Воронежский край в древности и современности?

Современные исследования показывают: климат, а, следовательно, ландшафты, почвы не были неизменными и постоянно изменялись во времени. Причем, эти изменения не носят одностороннего характера, т.е. не направлены в сторону постоянного похолодания или постоянного потепления. Эти изменения носят циклический характер, меняются как времена года. Вот только установить периоды этих колебаний не так просто.

Есть исследования, авторы которых выделяют периоды глобальных изменений климата через каждые 1800-1900 лет. Выделены более мелкие периоды — 66 лет, 33 года, 11 лет, но изменения, которые происходят по прошествии этих «мелких» отрезков, мы не всегда замечаем. Связаны колебания климата с астрономией, с изменениями в расположении планеты солнечной системы. Прибавим к этому еще непонятные колебания вспышек, происходящих на солнце, вмешательство человека в природу, который «отапливает» атмосферу планеты, воздействуя на процессы, происходящие внутри и на поверхности нашей Земли-матушки. Это еще более усложнит картину климатических колебаний, но не меняет основного содержания вопроса: климат на земле менялся и меняется по законам, по большей части, не подвластным человеку.

Изменения климата на планете приводили к изменениям во всех географических зонах — от тундры до пустыни. Но наибольшим колебаниям подвергалась лесостепь. Почему? Лесостепь из-за своего особого, пограничного между лесом и степью положения менялась, то становясь более лесной, когда наступал период увлажнения, благоприятный для наступления леса, то более степной, когда потепление и засухи вели к отступлению леса на север и наступлению с юга степи. Сравнительно недавно, всего 15-20 лет назад, усилия археологов и почвоведов позволили ответить на вопросы, на которые не было до этого времени ответов: почему курганы степных пастухов-кочевников находятся не только на высоких берегах рек, но и в поймах, чуть ли не в воде, в болоте? А все дело в том,

что тогда, в период создания курганов, реки либо высохли, либо превратились в небольшие ручейки, а ныне болотистые поймы тогда представляли собой сухую степь. Городища славян VIII-X вв. на р. Воронеж, сплошь покрытые сегодня лесом, в то время строились на открытых пространствах.

Изменение климата приводило не только к изменениям ландшафтов, почв, но и заставляли человеческие коллективы так или иначе реагировать на них. В периоды облесения лесостепи лесные охотники и рыболовы спускались вслед за лесом и уходящими на юг животными в поисках новых угодий. Столетиями они осваивали новые, ранее неизведанные места — Дон и его притоки, оставляя следы своего пребывания в виде битой посуды, каменных орудий труда... Но наступали другие времена, и климат становился засушливым, леса не выдерживали повышенных и неестественных для них температур и отступали на север, уступая место степи, которая завоевывала себе новые пространства. Вместе со степью приходили степные народы — кочевники, жившие скотоводством в привычных для себя условиях, а теперь осваивавшие новые угодья. Вот так лесостепь то впитывала в себя одни племена и народы, то заставляла их уходить, уступая место для народов других. Что же получается? Выходит, что лесостепная территория — это своеобразный «природный проходной коридор», но не «постоянная квартира». Племена и народы приходят, веками живут и... уходят. Приходят другие, чтобы повторить судьбу предшественников. Воронежские археологи пришли к выводу: лесостепь не является «родиной» ни одной древней культуры донской лесостепи. Они, эти культуры племен и народов, в основе своей имели другую родину, а лесостепь для них — временное место жительства.

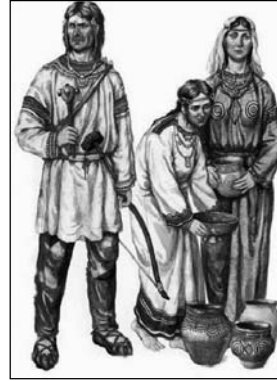
Вот такие своеобразия нашего края, когда мы говорим об истории и географии. А теперь окунемся в древние исторические периоды, чтобы понять, кто и как искал здесь источники жизни. В те давние времена, которые, как говорят, «покрыты пылью веков»...

Многие воронежцы, знающие историю края, на вопрос о самых древних местах, где обитал человек, уверенно назовут Костенки — «жемчужину палеолита» (древнего каменного века), с которых и начинается история человека современного вида, т.е. нас с вами. И не ошибутся, если будут иметь в виду именно ЧЕЛОВЕКА. И ошибутся, если будут думать, что более древних археологических следов жизни в нашем крае, чем Костенки (42-45 тыс. лет назад по последним данным) нет. Есть! И находятся эти свидетельства в Острогожском крае, у нынешнего с. Шубное. А время этим свидетельствам не менее чем 100-50 тыс. лет назад, а то, может, и более. О ком мы говорим, если это не человек современного вида?

В 1925 г. известный в будущем археолог С.Н. Замятнин проводил поиск древностей на территории Россошанского и Острогожского уездов. Именно тогда у с. Шубное он нашел примитивные обломки орудий труда и кости древних животных, которые и дали основание говорить о находке стоянки, относящейся к эпохе, когда обитал на земле неандерталец. Долгое время неандертальца считали предком современного человека. Сегодня так уже мало кто думает. Выяснено, что неандерталец жил в одно время с современным человеком и находились они во враждебных отношениях, хотя доказана вероятность скрещивания современного человека и неандертальца. Череп неандертальца, вопреки предыдущим исследованиям, оказался не прогрессирующим, а деградирующим. Проще говоря, неандерталец не развивался, а приобретал более обезьяньи черты,

Венера из Костенок

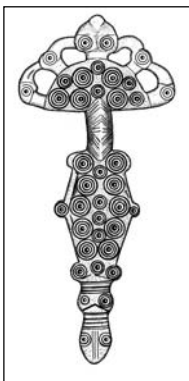
Люди катакомбной культуры.
Реконструкция З. Васиной

Серебряный кубок греческой работы
из Частых курганов под Воронежем.
IV век до н.э.

Бронзовые браслеты праславян.
III-V вв. н.э. Журавский клад на Дону.

Бронзовая фибула (булавка)
пеньковской культуры
из Острогжского клада.

Всадник эпохи Хазарского каганата.
Реконструкция О. Федорова

нежели приближался к человеку. Выяснено, что у современного человека и неандертальца нет общего предка, и ветви развития современного человека и неандертальца разные.

Но вернемся к открытию С.Н. Замятнина. Кроме обломков орудий труда, сделанных из кварцита, Сергей Николаевич собрал в овраге и кости древних животных — гигантского оленя, пещерного медведя и др. Археолог сделал предположение об отнесении найденной им стоянки к эпохе неандертальца, и более древнему времени. Совсем недавно сотрудниками археологической экспедиции Воронежского педагогического университета стоянку удалось найти вновь. Сделать это было нелегко: с 1925 г. село расстроилось, появились новые селения, изменились ландшафты, так что с первого раза, несмотря на координаты С.Н. Замятнина, найти стоянку не удалось. Только во второй раз она была обнаружена, снова собраны фрагменты орудий, которые хранятся сегодня в археологическом музее ВГПУ.

О Костенках сказано так много, столько написано, что, кажется, уже и написать нечего. Но каждый год раскопок приносит все новые находки, которые со временем заставляют открывать новую страницу нашей истории.

Как далеко ушла наука от слонов Александра Македонского, которых Петр I «увидел» в огромных костях. Еще совсем недавно в справочниках писали о Костенковских стоянках, которым 35-40 тыс. лет. Теперь появились более древние даты — 42-45 тыс. лет. В 2014 г. рядом с музеем найдено еще одно жилище, исследования которого продолжаются до сих пор. Теперь установлено, что в Костенках обитали представители разных археологических культур, т.е. здесь жил человек современного вида, но в разные исторические периоды и с разными культурными традициями. Но даже в одно и то же время представители современного человека были по-разному развиты в области техники изготовления орудий из камня. Представители так называемой *костенковско-стрелецкой* культуры наследовали традиции неандертальцев и выглядят более примитивными по сравнению с представителями *костенковско-спицынской* культуры, которые ушли вперед и не использовали «неандертальские» приемы в обработке камня. Причины подобных различий еще предстоит исследовать, но можно предположить: там, где имеются неандертальские признаки в технике обработки камня, там, возможно, и было смешение людей современного вида с неандертальцем. Это не могло не сказаться на разнице в технике обработки. Как на самом деле всё обстояло, пока тайна. И реальность, как это часто оказывается, была, конечно, намного сложнее.

И в верхнем палеолите (42-45—12 тыс. лет назад) климат менялся неоднократно, хотя условия были ледниковые. Люди строили жилища из костей мамонта, были и более легкие — из жердей, покрытых шкурой. В жилищах устраивали отопительные и осветительные сооружения — ямы с костями, заполненные жиром.

Отдельный вопрос о палеолитических венерах — женских статуэтках, сделанных из камня и бивня мамонта. Со времени первых находок ведутся споры об их назначении, и он так и не решен. Но установлено главное: эти статуэтки не являются доказательством матриархата — времени господства женщины в коллективах охотников. Думалось, что их найдут со временем везде — в Европе, Азии, как доказательство того, что на определенной стадии развития человечества было время матриархата. Но нет... Оказалось, что статуэтки были распространены не только в корот-

кий временной отрезок (28-21 тыс. лет назад), но были присущи далеко не всем культурам! Выходит, что большинство обходилось без матриархата?

И самое главное. Смотря на мир охотников на мамонта, мы часто впадаем в мир иллюзий, полагая, что тот мир был примитивным, в отличие от нашего. Что там — кости, мамонты, охота... Однако ж задумаемся, что было бы с сознанием первобытного «примитивного» человека, если бы ему объяснили столь привычную для нас обыденность: люди сегодня создали столько оружия для уничтожения самих себя, что эту жизнь вместе с планетой можно уничтожить несколько раз! Уверен, что этот «примитивный» охотник не только не понял бы «зачем», но и посчитал бы нас умалишенными. Нас, кто считает себя цивилизованными... Те люди из Костенок были не примитивными, они были другие. Они жили в свое время, по своим правилам и нормам, диктуемым тем временем. Их нельзя сравнивать с современными австралийцами или папуасами, они были просто другими... И по-своему высокоразвитыми, сообразно их времени и условиям жизни.

В конце палеолитической эпохи, примерно 12 тысяч лет назад, началось глобальное потепление на всей планете. К IX тысячелетию до н.э. ледник растаял. Образовались русла большинства современных рек, сменился животный мир и растительность. Природа изменялась на глазах человека, и он должен был не только смотреть на этот неподвластный ему процесс, но и приспосабливаться к нему, готовиться к новым испытаниям.

В донской лесостепи наступило время среднего каменного века (мезолит) и нового каменного века (неолит). Какие ландшафты окружали охотников и рыболовов в новый период человеческой истории на Дону? Большинство специалистов считает, что именно в неолите на Дону и сложилась лесостепь как природно-географическая зона, со всеми ее характеристиками, о которых мы говорили. И в неолите климат изменялся, становясь то более засушливым, то более влажным. Донская лесостепь могла привлечь сюда и охотников, и рыболовов, и тех, кто делал шаги в сторону производящего хозяйства — земледельцев и скотоводов. Оправдываются ли наши теоретические предположения реальными археологическими свидетельствами?

Профессором А.Т. Синюком в 1970-е годы была открыта в лесостепном Подонье культура эпохи неолита, которую исследователь так и назвал — *среднедонская неолитическая культура*. Было выяснено, что люди этой культуры, скорее всего, являлись наследниками племен более ранней эпохи — мезолита, которые попали на Дон откуда-то с востока, возможно, что с Прикаспия. Занимались они охотой и рыболовством, лепили глиняную посуду, но свидетельств земледелия еще нет.

Многим кажется, что если нет занятия земледелием или скотоводством, то это явный признак отсталости. Это так, если рассматривать ситуацию вообще, а не конкретно. Представим себе те усилия, которые надо было вложить в земледелие — распахать землю (а для этого нужны упряжные животные, расчистка поверхности), посадить растения, а потом ждать, выйдет что-либо или нет. Даже сейчас занятие земледелием в нашем Подонье — дело рискованное. Есть даже понятие такое — зона рискованного земледелия. И сегодня мы рискуем и думаем, будет урожай или нет. Бывает — получаем, а бывает — и нету урожая. То ранние заморозки, то нет дождя нужного... — А что мы хотим от человека неолита? При-

том, что его окружали дикие животные, в реках было полно рыбы, и затраты труда на охоту, рыболовство были куда меньшими, и более надежными были его результаты.

В IV тысячелетии в лесостепное Подонье со стороны севера, из лесной зоны стали приходить новые группы людей из междуречья Волги и Оки, что было связано с увлажнением климата и наступлением леса на лесостепь. Они принесли с собой новые традиции в изготовлении посуды, орудий труда. Лесные племена пришли «основательно»: в донской лесостепи появились массивные каменные топоры, тесла для обработки дерева, в большом количестве орудия рыболовства — костяные гарпуны, крупные крючки для ловли рыбы. Пришельцы были главным образом охотниками на крупных зверей — медведей, оленей, лосей, и «мелочью», как среднедонские племена, не увлекались. Для среднедонской культуры наступил второй этап ее развития.

Среднедонцы и пришельцы-лесники жили мирно, каких-либо следов их враждебных отношений не замечено археологами. Иное дело степняки. С начала IV тысячелетия до н.э. в результате постепенного изменения климата на Дон начинают проникать племена скотоводов-коневодов с юга. Результат натиска степняков привел к вытеснению местного населения, которое уходит на север и северо-запад. Какая-то часть населения осталась, смешавшись с пришельцами. Возможно, что уход неолитического населения был в значительной степени связан именно с климатом, поскольку именно в IV тысячелетии, во второй его половине, начинается процесс засухливости.

Во второй половине III тысячелетия, уже в преддверие начала бронзового века — новая волна переселенцев. На этот раз с севера на Верхний Дон, мало затронутый климатическими изменениями, пришли племена рыболовов. Получилась в итоге чересполосица: на севере Воронежского края в лесах у р. Воронеж и его притоков жили рыболовы, на юге — скотоводы. Каждый занял свою экологическую нишу и добывал средства к существованию.

Примерно в середине III тысячелетия до н.э. началось глобальное изменение климата, содержанием которого стало повышение температуры и сокращение количества выпадаемых осадков, что привело к серьезным изменениям ландшафтов и условий жизни людей. В новых условиях скотоводство выдвинулось на первый план, увеличение численности населения могло произойти только при условии увеличения количества скота. Появляется проблема пастбищ, начинаются войны за них, военный грабеж тех, кто держался еще за земледелие в долинах больших рек. Возникают первые крупные объединения скотоводов, появляются союзы племен, где выдвигаются военные вожди, воинская прослойка.

Переход к новому образу жизни привел к появлению новой идеологии. Ее отражением стало массовое создание курганов. Вообще курганы появились ранее, еще в IV тысячелетии до н.э., но они были единичны. В бронзовом же веке (вторая половина III-II тысячелетия до н.э.) курганная традиция распространилась по всей степи и лесостепи, в том числе и на Дону. До сих пор загадка появления кургана остается. Но ушли в прошлое представления о курганах, как об указателях движения кочевников, сторожевых вышках, «памятниках умершим» и т.д. Сегодня ясно, что в курганах хоронили далеко не всех представителей общества, что основной идеей, лежащей в создании кургана, является, видимо, образ Мировой Горы, как первоосновы Космоса (порядка), который творится из ок-

ружающего Хаоса. Создание кургана символизировало начало творения, цель которого — преодоление негативных и опасных последствий, явления, события. Жертвоприношение человека при этом — действие, направленное на установление контакта с потусторонним с целью заручиться его поддержкой. В ходе проведения ритуальных церемоний курган приобретал особую религиозную значимость и продолжал действовать какое-то время в качестве святилища. «Активизация» святилища осуществлялась повторением действия — жертвоприношением и «моделированием акта» первотворения в образе Горы, в виде производимых досыпок кургана. Необходимость сохранения стабильности мироздания, предотвращения вторжения Хаоса порождали масштабные мероприятия с участием всего коллектива.

Курганная насыпь — проявление иррационализма древних, что имеет наиболее вероятное объяснение в социальных сдвигах, происшедших в обществе, вставшем на путь новых общественных отношений. Трудовые затраты на создание курганной насыпи — дело не семьи, а большого коллектива, сплоченного едиными мировоззренческими взглядами. Отдавать часть своего труда для создания монументального сооружения, чем, безусловно, являлся курган, они могли позволить для особых, важных персон, их окружения, жертв.

Интересную информацию в связи с рассматриваемым вопросом несут Утевские курганы в Самарском Поволжье. Общее количество курганов, сооруженных здесь в эпоху ранней и средней бронзы, известно. Суммирование дат позволило поволжским исследователям определить общий интервал существования курганов отмеченного времени, который оказался равен 1000 лет. За этот период создавалось только около 10 курганов за одно столетие! Исследователи делают вывод, что возведение насыпей было неординарным событием, требующим координации действий достаточно большого коллектива. Иррационализм возведения культовых сооружений всегда был призван выступать объединяющим началом для реализации некоторой общей идеи и для подчинения людей воле ограниченного круга конкретных ее носителей.

История не оставила нам названия тех племен и объединений, которые обитали на территории Воронежского края в тот «бронзовый курганский период». Но это были разные народы, с разными традициями и обычаями: одни хоронили свою знать в обширных прямоугольных ямах и археологи называют эти племена ямной или древнеямной культурой. Это были первые настоящие скотоводы в донской лесостепи. Их время — вторая половина III тысячелетия до н.э. Племена ямной культуры сменяют племена культуры катакомбной, названной так по конструкции могил: в яме в одной из стенок делали подбой, куда и укладывали умершего. И глиняные сосуды, и обряды погребения, и антропологический облик у ямных племен и катакомбных был разным, что свидетельствует о различном их происхождении. Откуда они появились в донской лесостепи — вопрос. Возможно, что какая-то местная основа у ямных племен была еще с более раннего времени, но катакомбники явно пришлые и явно не местные. Их движение на Дон осуществлялось как с юга, через Кавказ, так и с запада, с территории нынешней Украины, где они освоились ранее. Образ жизни тех и других — скотоводческий: у ямных племен на первом месте была овца, у катакомбников — крупный и мелкий рогатый скот. Впрочем, степные условия, а не гастрономические предпочтения диктовали состав стада. Нужны были подвижные, выносливые животные, спо-

собные к долговременным перемещениям. Эти требования к составу стада докатились и до нынешних времен, до нынешних кочевников. Кроме того, нужны были тягловые животные (в первую очередь волы), а с освоением верховой езды (по-видимому, только в железном веке, в его начале) — лошади.

Если за ямными племенами не стоят признаки государства или предгосударственного объединения, то за катакомбными племенами, возможно, стоит уже предгосударственное общество с четким разделением на кланы и классы. На юге, на Кавказе, Кубани, известны сложные святилища катакомбных племен, по-видимому, они уже имели такую организацию, как союз племен, предшествующий государству. Им не хватало только городов (но нужны ли города кочевникам?) и письменности, которую могли заменить не дошедшие до нас ее скрытые формы, как, к примеру, узелковое письмо индейцев и прочее.

В середине II тысячелетия до н.э. наш край заселили племена новой культуры — срубной, названной так по конструкции могил — срубов. Большинство могил вовсе не имеют срубов, но название закрепилось, отражая традицию начала XX столетия, когда В.А. Городцов, известный российский археолог, впервые разделил ямные, катакомбные и срубные погребальные обряды. Откуда пришли в наш край эти племена и что принесли с собой?

Археологи не могут пока однозначно решить этот вопрос, но отмечают, что в Подонье срубные племена пришли с востока, вероятнее всего, с Нижней Волги. Так или иначе, срубники освоили наш край так плотно, что появилась археологическая поговорка: «срубников нет там, где их еще не искали». Действительно, на каждом ручье, балке, ныне пересохшей, небольшой речушке — везде их керамика, кости съеденных животных. О чем свидетельствует эта частота встречаемости, которой нет ни у ямных племен, ни у катакомбных? В первую очередь, о большой плотности населения. Как срубным племенам удалось решить проблему кормовой базы и, следовательно, численности населения? Раскопки срубных поселений на Дону, осуществленные воронежскими археологами А.Д. Пряхиным, А.Т. Синюком, В.И. Бесединым, Ю.П. Матвеевым, исследования археологов Поволжья и Нижнего Дона, Приуралья показывают: плотность населения была высокой из-за развитого комплексного хозяйства срубных племен. Иначе говоря, срубникам удалось найти наилучшее сочетание разных видов хозяйственной деятельности, где скотоводству отводилась ведущая роль. Но относительно благоприятные условия, хотя и в значительной мере засушливые, благоприятствовали тому, что в скотоводстве было несколько направлений — кочевое (когда скот пасли, перегоняя с места на место с весны по осень), отгонное (скот перегоняли с места на место с постоянным возвращением на место поселения), стойловое (скот содержали постоянно в сараях, загонах). Столь разные направления давали возможность поддерживать высокую численность скота, а значит — населения, свести к минимуму детскую смертность.

Есть, хотя и незначительные, свидетельства земледелия в донской лесостепи. Понять его роль в хозяйстве еще трудно. Предполагается, что для посевов использовали мягкие пойменные почвы, которые распахивали деревянными приспособлениями — предками современной сохи и плуга. Срубники были высокопрофессиональными специалистами по плавке медной руды и пытались плавить железную руду. Но, судя по первым попыткам, дело не заладилось, и железоделательное производ-

ство, более трудоемкое, чем медеплавильное, распространения у них не получило.

Погребальный обряд срубников скромный, и одно время возникли сомнения о высоком уровне развития срубного общества. Однако зададимся вопросом, которым задались противники низкого уровня развития срубников: является ли видимая простота и скромность обряда, его единообразие отражением низкого уровня развития мировоззрения, а, следовательно, и всего общества? Ведь, к примеру, в христианстве такой же скромный обряд погребения, который вовсе не отражает уровень развития общества. Высокий уровень доказывается высокоразвитым скотоводством, развитым ремеслом, что, несомненно, присутствует у срубников.

Какова же судьба этих высокоразвитых племен? Судьбу их решили не они сами, а та же природа, а точнее — новые серьезные изменения климата. Срубные племена хотя и жили в относительно неблагоприятных условиях климата, но эти условия не шли ни в какое сравнение с теми, которые пришли на смену в конце II тысячелетия до н.э.

В XII веке до н.э., по данным почвоведов, на юге Восточной Европы закончился период природно-климатических условий, который дал возможность племенам бронзового века достичь относительного расцвета. Начинается общее похолодание с одновременным усилением засушливости. Эти явления не были кратковременными, а продолжались вплоть до середины I тысячелетия до н.э., т.е. более половины тысячи лет. Эти изменения привели к кризису не только земледелия, но и разрушили основы развитого скотоводства. Кризис в экономике привел к кризисным явлениям во всей жизни. Резко сокращается численность населения с увеличением детской смертности. Если в середине II тысячелетия до н.э. — XII в. до н.э. на территории донской лесостепи известно более 1000 поселений срубных племен, то в конце II — начале I тысячелетия таких поселений лишь несколько десятков. К концу II тысячелетия до н.э. исчезают погребения срубников. Конечно, резкое сокращение населения не свидетельствует о его окончательной гибели. Потомки срубников переходят к кочевому скотоводству, а их культура меняется. Прежние боги не помогли, а новые обещают процветание... Меняются обряды и традиции, мировоззрение человека, его психология... На пороге I тысячелетия стоял железный век.

Разработка железорудных месторождений и производство железа было впервые налажено в середине II тысячелетия до н.э. в Хеттском царстве. Самые ранние железодельные печи были найдены в 80-е годы прошлого столетия в Грузии, которая тогда была северной окраиной Хеттского царства. После разгрома царства секрет производства железа сохранить не удалось, и с начала I тысячелетия до н.э. начинается освоение новой технологии другими племенами. Уже в IX-VII веках до н.э. на Ближнем Востоке и в Европе научились изготавливать углеродистое железо — сталь.

С изобретением способа производства железа начинается переворот в хозяйстве и военном деле. Орудия земледелия теперь стали более надежными и прочными, а воины получили крепкое оружие, как наступательное, так и оборонительное. Войны за пастбища, военный грабеж приобрели невиданный размах. В Библии сказано о новых народах-кочевниках: *«Голос их ревет как море, скачут на конях... Колчан его как открытый гроб... Он пожрет твою жатву и хлеб твой, истребит сынов и*

дочерей твоих, пожрет овец и коров твоих, разрушит мечом города твои...».

Не оставили в стороне кочевники железного века и Воронежский край. Благодаря сведениям древнегреческих, а впоследствии римских историков мы знаем их имена — киммерийцы, скифы, сарматы. В донских курганах археологи находят их погребения. Но образ жизни этих кочевников не был одинаковым. Если киммерийцы и родственные им племена жили в жестких условиях климатических изменений, то в середине I тысячелетия до н.э. начинается период относительного увлажнения, что не могло не сказаться на образе жизни племен, живших в лесостепном Подонье в скифское время, в VI—IV веках до н.э. Судя по археологическим данным, одна часть населения жила в укрепленных поселениях — городищах и неукрепленных поселениях — селищах, занимаясь разведением скота и земледелием. На городище Мостище на р. Потудань экспедицией ВГПУ было обнаружено на далеко не полностью вскрытой площади более 120 ям, вырытых в мелу, большая часть которых предназначалась для хранения зерна. В культурном слое городища много костей животных, свидетельствующих о развитом скотоводстве. Другой образ жизни наблюдается по результатам раскопок курганов скифского времени. Люди, захороненные в курганах, вели образ жизни кочевников, вооруженных мощным наступательным и защитным оружием. И ничто не свидетельствует об их занятиях ремеслом или земледелием. Исследования антропологов показывают: люди, похороненные в курганах, и те, которых хоронили без курганов (видимо, жители городищ) — разные народы. Это дало основание еще раз вспомнить древнегреческого историка Геродота, который на расстоянии 15 дней пути вверх от озера Меотиды (Азовское море) размещал два разных народа — будинов и гелонов, живущих разными традициями и обычаями. Истоки этих народов уходят корнями к скифским и родственным им племенам степи и лесостепи Европы. И снова, как и прежде, Дон приютил этих скитальцев на время, чтобы потом приютить иные народы, срок которых подошел и установлен географией...

В прославленных мастюгинских «Частых курганах» и других, подобных им, археологи нашли и находят немало настоящих сокровищ, если говорить о серебре и золоте. Но металл для настоящего исследователя древности имеет смысл лишь тогда, когда он несет историческую информацию о вере, мировоззрении, образе жизни далеких племен и народов. В этом отношении изделия из драгоценных металлов действительно сокровища. Эти украшения уздечек с изображениями животных и птиц, украшения рукоятей мечей, металлических и глиняных сосудов из Греции и ее торговых колоний поражают воображение изяществом исполнения и тайным смыслом изображений на них. Немало страниц написано по расшифровке этого, так называемого «звериного стиля», много еще предстоит расшифровать. Но не восхищаться древнему искусству в металле и глине просто невозможно.

История, казалось, вечных будинов и гелонов также уходит в прошлое, как и история их предшественников. На востоке уже переполнен котел истории, сваривший новые племена и народы, которые ждут своего часа. На исторической арене появляются сарматы.

Историки, специалисты в области языкознания расшифровывают это общее название ираноязычных племен с иранского «саурима», что означает «опоясанный мечом». Римские историки знают сарматов, как общее

наименование разных племенных объединений, среди которых языги, роксаланы, росомоны, аорсы, аланы и другие. Котел истории «сварил» их еще в IV веке до н.э. в Приуралье и, выплеснув на историческую арену, привел к господству сарматов на широкой территории Евразии с IV века до н.э. и по IV век н.э. Сарматы быстро вытеснили скифские племена, заняв их территорию, и появились в донской лесостепи. Одна из главных причин — остепненные к тому времени (к первым векам до н.э.) донские ландшафты. Тем не менее, лесостепное Подонье — это все же не степь. Здесь и травы побольше, и условия кочевания иные. В результате степнякам приходилось меньше кочевать, и появились даже сарматские постоянные места обитания — укрепленные поселки. Трудно сказать, сколь оседло они здесь жили, но жили! Сложные отношения возникли с теми, кто еще остался здесь, в Подонье, со скифского времени. Враждебные отношения были рано или поздно сменены на мирные. Появились и признаки совместной жизни: глиняная посуда восприняла традиции одних и других, как и обряды соединили в себе традиции разных народов.

Вопрос о том, какие племена осели на Дону, остается малоисследованным. Есть мнение о том, что это были сарматы-конееды, которых знает древний историк и географ Клавдий Птолемей. Эти сарматы, в отличие от других, основным животным, употребляемым в пищу, почитали не овцу, а коня. И есть тому, правда, немного, подтверждений. Но совершенно ясно, что в I-II веках н.э. в Подонье вторглись аланы — мощное объединение кочевников (давние предки современных осетин). Они надолго освоились в Подонье, до прихода в донскую лесостепь новой угрозы — гуннов.

В конце IV века н.э. гунны огнем и мечом прошли по степи Северного Причерноморья, сметая на своем пути города, кормившие ранее сарматов ремесленными изделиями и оберегавшиеся ими, уничтожая всех, кто сопротивлялся, вовлекая в свое движение на запад самих сарматов. Свидетельств пребывания гуннов нет на археологической карте Воронежского края. Более того, есть основания считать, что наш край явился местом спасения сарматов-алан, живших в низовьях Дона и имевших из-за этого имя у древних историков «сарматы-танаиты» (от названия реки Дон, которую греки называли Танаис).

Удивительна наука археология. Она сродни кораблю, который отправился с капитаном в дальнее плавание и где волею судеб суждено ему делать открытия. Так случилось и с сарматами-танаитами. В 2010 г. в ходе работы полевого областного детского лагеря «Возвращение к истокам» у с. Лосево в Павловском районе неожиданно было обнаружено уникальное погребение, которому не сразу дали правильную оценку. Уж больно необычно оно для нашей территории. Но поиск научной истины привел к сарматам-танаитам. Этот сармат из алан, судя по конструкции погребального сооружения, обладает всеми признаками того, чтобы считать его сарматом-танаитом и по обряду, и по предметам погребального инвентаря, который оказался при нем. Это был один из тех, кто спасался от гуннского нашествия в лесостепном Подонье. Понятно, что он был не один, что есть еще погребения где-то, вероятно, неподалеку, которые также будут свидетельствовать о бегстве алан с Нижнего Дона в далекое верховье...

Долгое время история лесостепного Подонья с V и до VIII веков была в прямом смысле «белым пятном», на котором не находилось места племенам и народам. А ведь это было время становления славянского народа, который зарождался в Поднепровье и по логике должен был в силу

изменений климата или политических событий «прорваться» и в Подонье. Долгое время таких свидетельств не было, и историю славян на Дону начинали самое раннее с VIII века, а заканчивали веком X, когда угроза нашествия печенегов-кочевников заставила донских славян покинуть обжитые места.

Все изменилось, когда, начиная с 1980-х годов, начали встречаться археологам сначала незначительные, а затем все более явственные свидетельства присутствия в лесостепном Подонье находок предков славян, местом обитания которых было среднее течение р. Днепр и его притоки. Их принято называть еще не славянами, поскольку термин появился только в VI веке, а «праславянами», т.е. предками славян. Особенно характерными были свидетельства керамического производства, поскольку именно в керамике, в способах изготовления посуды, ее формах скрывается этническая принадлежность народа. Кроме того, стали известны археологам клады и случайные находки на поселениях характерных украшений праславянок того времени — булавок, или, как их еще называют «фибулы», подвесок, браслетов и т.д., имевших на своих поверхностях цветные эмали красного, зеленого и других цветов. Происхождение этих украшений с праславянами напрямую не связано. Их носили германцы, балты и другие народы, а родина украшений подобного стиля еще не выяснена. Но наши предки тоже носили их, а что они принадлежали именно праславянам, свидетельствуют керамика, конструкции жилищ и другие «праславянские» признаки. Таким образом, «белое пятно» было в значительной степени ликвидировано в рамках III-V веков.

Но оставались VI-VII века, не менее драматичные и не менее славянские. Ведь именно в это время уже хорошо известны были германцам и византийцам многочисленные племена венедов (венетов) и антов. Германский историк Иордан прямо называет их славянами, и хотя со временем было установлено, что это были не только славяне, именно присутствие славянское стало явно ощутимее. И в 90-е годы прошлого века, а в особенности уже в начале 2000-х годов хронологический пробел VI-VII веков был также ликвидирован. Сначала на Верхнем Дону усилиями археологов были обнаружены свидетельства миграции в Подонье племен из лесостепного Поднепровья, а потом как информационный взрыв на карту Среднего Дона был нанесен замечательный клад украшений конца VII века, принадлежавший одной из славянских культур, которую археологи называют пеньковской (по месту первых находок на Украине). Значит, и в VI-VII вв. из Поднепровья шел миграционный поток в широтном направлении на Дон и, как выяснилось, далее вплоть до Хопра и Волги.

Какие причины заставили наших предков предпринимать столь далекие походы? Ведь не ради же интереса к путешествиям. С одной стороны, это результат перенаселения и попыток найти новые источники существования. Следует миграция на новые земли, новые охотничьи и рыболовные угодья. Так было во все времена. К этому добавим изменяющуюся политическую обстановку, когда наши предки не раз подвергались нашествию со стороны кочевников, германских племен, в частности, готов. Что было основной причиной в каждом конкретном случае, выяснить сложно, но можно. Поэтому археологи ведут постоянные исследования памятников славян этого времени.

История донских славян, живших на реках Дон и Воронеж, изучена куда лучше. Археологические памятники начали исследоваться еще в 30-е годы прошлого века, и их изучение продолжается сегодня. Интерес-

но, что монах Нестор, написавший в XII веке «Повесть временных лет» и давший подробную характеристику славянским племенам, расселившимся по Днепру и его притокам, ничего не знал о славянах на Дону и все, что о них известно, является заслугой археологии.

Донские славяне занимались типичными для славянского этноса занятиями: земледелием, скотоводством, много охотились, ловили рыбу. Жили в полуземлянках: жилище было наполовину и более углублено в грунт, а крыша оставалась на поверхности. Это для более теплых условий жизни в холодные зимы. В углу жилища стояла печь-каменка, на которой готовили пищу в горшках. Топили жилище по-черному, т.е. трубы не было, и дым уходил в отверстие в крыше. Эта традиция долго жила потом уже в России. В XVIII-XIX веках в селах и деревнях сплошь и рядом топили «по-черному». Частые из-за этого способа отопления случались пожары, и Петр I даже издал указ, чтобы «по-черному не топили», но указ указом, а традиция традицией...

Сородичей хоронили в курганах, как было принято в славянском мире. В одной из частей кургана сооружали небольшой ящик — «домик мертвых» и туда ставили горшок с остатками сожжения трупа. Часто курган окружали ровиком, вырытым в земле, столбами. На кургане устанавливали деревянного идола. Способы устройства кургана, ровиков, другие признаки обряда привели к выводу о том, откуда взялось это славянское население. Нет, это не предки тех славян, что обитали здесь ранее, это другие славяне. Во-первых, это наверняка вятичи, которые жили на Оке и спустились к югу в поисках новых угодий. Во-вторых, колонизационный поток шел с запада, с территории Поднепровья и его притоков. Исследователь донских славян А.З. Винников считает, что это были, вернее всего, северяне, жившие на р. Северский Донец. А также, возможно, и какая-то часть полян, обитавших в среднем течении Днепра.

Донские славяне строили укрепленные поселки — городища. Но это не были города, ведь город это прежде всего центр ремесла, торговли, имевший площадь, административные здания и т.д. Славяне же жили в полуземлянках без какой-либо системы в их расположении. Это было селение, огороженное валами, рвами с деревянными укреплениями против опасных степняков. Именно угроза нашествия кочевников-печенегов (тех, которые погубили на днепровских порогах киевского князя Святослава) заставила донских славян покинуть, казалось бы, обжитые надолго места. Они ушли снова на Оку и возвратились в Поднепровье... Впрочем, следы их затерялись куда менее явственно, чем наши предположения...

VII-X века — это время существования еще одного образования в Воронежском крае — племен Хазарского каганата.

На высоком берегу Тихой Сосны, там, где извилистая чистая и красивая речка впадает в широкий Дон, величественно высится выступающий в пойму мыс. Около него красуются, будто из сказки, величественные «дивы», поражающие и поражающие очевидцев всех времен своей таинственной красотой. Кажется, кто-то их создал такими, а вовсе не природа занялась своим обычным делом — удивить человека в очередной раз неповторимым искусством...

Здесь, на мысу, находятся развалины меловой крепости, названной кем-то Маяцкой, построенной из меловых блоков, большей частью растащенных жителями местных поселений на хозяйственные нужды. Возникла крепость в эпоху Хазарского каганата, могущественного в свое время государства, а название крепости вошло в название салтово-маяц-

кой культуры, оставившей яркий след в воронежской истории (в местечке Салтово Харьковской области находится могильник этого времени).

В VII в. начинается история Хазарии, местом расположения которой стал Дагестан. Укреплению и развитию государства мешали постоянные войны с арабами. Война заставила значительную часть населения уйти в более спокойные земли — в поволжские степи и на Дон. Основное население Хазарии составляли тюркоязычные болгары и ираноязычные аланы. Кроме того, в состав государства входили и более мелкие орды кочевников.

На Дону быстро шло восстановление экономики. Строились крепости, развивалось скотоводство и ремесло. Появилась яркая самобытная культура. Однако у историков и археологов нет однозначного ответа на вопрос: эта территория подчинялась Хазарии, хазарам-тюрькам, правителям государства, или это была самостоятельная и независимая территория? От славян? Ближайшее их укрепленное поселение находилось совсем неподалеку от Маяцкой крепости — у нынешнего хутора Титчиха на Дону. Но представляли ли донские славяне угрозу аланам и болгарам? Вряд ли, потому что, во-первых, находились они на более низкой ступени развития и не могли соперничать с сильными кочевниками, а, во-вторых, славяне даже далекой Оки (вятичи) платили дань хазарам, как и, по всей вероятности, вятичи и другие славянские племена Дона. Так от кого же крепости? Может, как раз от своих собратьев, сидевших в столицах Хазарии Семендере и Беледжере, а потом в Итиле на Волге?

К середине X века жизнь на Маяцком городище прекратилась из-за угрозы нашествия печенегов. Жители крепости, кочевники, обитавшие вокруг, уходят на север, подальше от опасности. Во второй половине X века киевский князь Святослав разгромил окончательно Хазарию в результате восточного похода на волжских болгар и на Волгу. Остатки хазар, алан, болгар искали спасения у славян, часть ушла на Кавказ, в горы. Исследования А.З. Винникова показывают, что бежавшие представители Хазарии — аланы и болгары — жили на славянских городищах по р. Воронеж мирно со славянами. При этом славяне продолжали лепить вручную свою глиняную посуду, а аланы и болгары изготавливали ее на гончарном круге. В славянских курганах на р. Воронеж не раз наблюдали подобное смешение гончарных традиций.

Среди кочевников XI-XIV веков, оставивших заметный след в истории лесостепного Дона, конечно же, следует назвать представителей Золотой Орды — тюрок, участвовавших в походе хана Бату на Русь и другие народы. Нет, конечно же, и половцы оставили свой след в крае, в особенности своими «каменными бабами», что напоминают нам о том времени во дворике Воронежского краеведческого музея. Но «татары», как принято их называть скопом, надолго и основательно заселили край, начиная с XIII и до XV века. Эти «татары», по большей части зависимые от монголов орды, составляли основную часть войска Батыя. Сами же монголы были военачальниками и численность их была сравнительно незначительной. Татары — одно из племен Монголии, фактически полностью истребленные Чингизханом из-за причастности к убийству его отца. А во время походов татар ставили в передовые отряды смертников. Слух о татарах прошел далеко за пределы Монголии, но к нашествию Батыя татар уже не существовало, но слово крепко зацепилось за разномастными кочевниками Южного Урала, Сибири, Казахстана — татарами.

В лесостепном Подонье после нашествия Батыя обосновались улу-

сы — территориальные владения татар. В Побитюжье татары в XIV веке построили две большие мечети. Развалины одной из них находятся на территории действующего кладбища с. Мечетка, остатки другой были исследованы археологами ВГУ (М.В. Цыбин). Найденные многочисленные изразцы, покрытые глазурью, свидетельствуют не только о величии и великолепии этих архитектурных сооружений, но и могуществе татар, их контроле донской территории.

В Богучарском районе, у с. Дьяченково, в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века археологи ВГПУ под руководством А.А. Бойкова обнаружили уникальные погребения хана и его жены в двух небольших курганах. Подобные погребения золотоордынской знати были впоследствии найдены К.Ю. Ефимовым в курганах у с. Олень-Колодезь. Везде — кочевническая роскошь: котлы медные, золотые и серебряные украшения и посуда, наступательное и защитное вооружение... Кто они и откуда, эти ханы, по-видимому, правившие улусами на донской земле? Ответ на этот вопрос помогли дать антропологи и археологи.

Во время раскопок курганов у с. Дьяченково археологи обратили внимание на странные могильные конструкции: яма разделялась на две части, в одной устанавливали деревянный гроб без крышки с покойником, затем из бревен делали перегородку, первая же камера оставалась пустой. Ничего подобного не было у половцев, хотя одно время предполагалось, что основная часть населения Орды — половцы. Но откуда такая конструкция у хана и ханши?

Поиск привел на далекий Алтай, к местным тюркам, которые еще с VIII века применяли такие конструкции. Причем, вначале в первую часть могилы клали жертвенную лошадь, а во вторую — умершего. Этот обычай со временем отмирает, и камера, предназначавшаяся для коня, пустеет. Вот так далекий алтайский тюркок попал в воронежские края, участвуя в походах наследников Батыя. Но почему тюркок? Одно время некоторые воронежские краеведы пытались увидеть в этих погребениях русских витязей. Доводы археологов они не воспринимали. Совершенно неожиданно быстро в дело включилась антропология. Череп умершего мужчины хорошо сохранился и был подвергнут антропологическим исследованиям. И что же? По реконструкции, это типичный тюркок с близко посаженными глазами, характерными чертами лица. Было установлено, что с детства хан страдал головными болями, поскольку череп его был сильно развит с одной стороны и слабо с другой. Так могло произойти тогда, когда ребенка забывали переворачивать с одного бока на другой. С детства у него кривой нос. А смерть свою нашел хан из-за удара тяжелым тупым предметом сбоку сзади (топором?) из-за чего шлем, положенный в могилу, имел пролом в затылочной части.

В XV веке Золотая Орда окончательно распадается, и на ее осколках создаются новые объединения — Казанское, Астраханское и Крымское ханство. В степях кочуют калмыки, ногаи и другие кочевники. Отныне историю края определяет борьба с кочевым миром Русского государства, медленно, но уверенно начавшего наступление на степь...

Следующий этап заселения Воронежского края так же, как и предыдущий, тесно связан с географией. Край оказался пограничным между Российским государством и кочевым миром. В результате его заселение и определялось этим географическим положением: с севера сюда продвигалось русское население из Московии, принося свою культуру, основы экономики, мировоззрение. С юга в крае господствовали татары. Начи-

ная с XVII века с юго-запада и запада в край массово проникают черкасы (так русские называли украинцев). На востоке по рекам Савала, Ворона движутся русские служилые люди, мордва. Снова край стал местом заселения самых разных культур и народов, что до сих пор определяет характерные черты его жителей, которые вовсе неодинаковы.

В XVI веке край Воронежский еще в значительной степени пуст. Лишь отважные храбрецы приходят в воронежские леса за пчелиным медом, да бобром — ценным тогда пушным зверем. Первые селения, возникшие в последние два десятилетия века, были небольшими и прижимались к лесным рекам — Воронежу, Усманке, где можно было укрыться от рыскавших в поисках добычи кочевников. Кто были эти люди, на свой страх и риск проникавшие в татарское логово? Источники упоминают детей боярских (мелкие служилые люди), казаков, находившихся на службе государевой, пушкарей (добровольцы-военные, обслуживавшие пушки), крестьяне.

Государство, заинтересованное в продвижении русского населения на юг, сдавало новые земли в аренду. Так появились ухажьи (по-русски), или по-тюркски — юрты. Значительная часть ухажьев в XVI веке принадлежала рязанцам.

В XVII веке в документах появляются одна за другой новые деревни и села. С начала XVIII века значительную роль в освоении края начинают играть крестьяне-однودворцы, по большей части, выходцы из северных земель России — Московии, Рязани, Калуги. Это была особая группа крестьян, которая по своему положению находилась между помещиками и крестьянами, но не слилась ни с теми, ни с другими. Однودворцы имели свои традиции, обычаи, говор, которые принесли в Воронежский край вместе с кокошниками, сарафанами. Правительство выдавало однودворцу отдельный участок — двор на одну семью и даже крепостных крестьян для его обработки. Однودворцы появились при Петре I и слились с другими крестьянами после реформы 1861 г. О характере однودворцев красочно писал историк М.А. Германов: *«Живя в стране степной, среди постоянных опасностей..., однودворцы не могли не приобрести равнодушия ко всему, что может иметь место только при жизни мирной и спокойной — т.е. к удобствам жизни, к промышленности... Даже в селениях, близ городов лежащих, однودворцы очень равнодушны к улучшению своего положения, довольствуясь тем, что дает природа, и из данного не извлекая почти никакой выгоды...»*

Окончательно воронежские земли заселяются в XVIII-XIX веках. Связано это было с тем, что после азовских походов Петра Первого 1695-1696 гг. и последующем развитии Воронежа как центра кораблестроения, прекратились татарские набеги. Сюда устремились помещики, перевоза на новые территории своих крестьян. Этот процесс привел к тому, что в крае даже среди крестьян не было единообразия. Здесь жили крестьяне-однودворцы (к примеру, в Верхнехавском крае они составляли большинство населения), что надолго определило характер экономики края, его культурные особенности. Также жили и работали крепостные крестьяне, которых покупали обыкновенно в московских землях и привозили на воронежские черноземы русские помещики. Со времен Петра I тут проживали и дворцовые крестьяне, выполнявшие заказы государства, крестьяне государственные, работавшие на государственные нужды.

Поезжайте в Верхнюю Хаву, послушайте говор местных бабушек и вы найдете старые традиции московских крестьян. Будете в Россоши, Богучаре — вот вам хохлы с причудливым для незнакомца говором украинца. А будете в восточных районах края, так и вовсе запутаетесь, кто перед вами и откуда эти причудливые песни и разговор. Такая она, наша история. Воронежская старина. И как бы не упустить, сохранить то, что еще осталось в культуре наших селян, разными путями попавшими в донские края. Чтобы корни свои знать и величие предков ощутить...

Александр Афанасьев

ПРАЗДНИК, ДОМ И МИФЫ

Отрывки из очерков

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЛАВЯН НА ПРИРОДУ

Как скоро богиня весны победит демонов зимы, она тотчас же одевает поля, сады и рощи свежей зеленью и цветами. Прекрасные, благословенные дни мая и начала июня издревле признавались посвященными этой богине и чествовались общенародными игрищами. В христианскую эпоху такие игрища, совершаемые в честь Весны, были приурочены к Вознесению и Троице, так как праздники эти большею частью приходятся в мае месяце. Четверг, в который празднуется Вознесение, и четверг, предшествующий Троице (так называемый Семик, потому что бывает на седьмой неделе после Пасхи), получили в глазах народа особенно важное значение по известной нам связи четверга с культом громовника. В некоторых местностях к завиванию веников приступают уже в день Вознесения; обыкновенно же обряд этот совершается на Семик или Троицу. Пред наступлением означенных праздников поселяне отправляются толпами в поля и рощи, собирают разные травы, преимущественно благовонные: чобер, мяту, зорю и калуфер и рубят молодые березы и другие листовые деревья; и по городам, и по селам стены внутри домов убираются древесными ветвями, полы устилаются скошенной травой, а окна пахучими зельями и цветами; на дворах и по улицам устанавливаются в землю целые ряды березок, липок и кленов, так что каждый город и каждая деревня превращаются на несколько дней в зеленые сады. Точно так же убираются к Троице и самые храмы; накануне праздника благочестивые прихожане привозят срубленные деревья, расставляют их около перил, столбов, клиросов и по углам церкви, втыкают их за образа, подсвечники и люстры, пол усыпают травой, а местные иконы украшают цветами. Утром следующего дня женщины, девушки и дети приходят к обедне с пучками цветов и пахучих трав в руках и потом в

продолжение года хранят их, как святыню; верят, что сломленная в церкви березовая ветка и принесенные оттуда цветы и травы обладают целебной силой против всяких недугов. В великорусских губерниях крестьяне и городская чернь собираются на Семик в леса и рощи, поют песни, завивают венки, срубают молодое березовое дерево и наряжают его в женское платье или обвешивают разноцветными лентами и лоскутьями. Затем следует общий пир, изготавливаемый в складчину или ссыпчину, т.е. из мирского сбора муки, молока, крашенных яиц и других припасов; на покупку вина и пива назначаются денежные взносы. По окончании пиршества поднимают наряженную березку, с радостными песнями и плясками несут ее в деревню и становятся в избранном с общего согласия доме, где она и остается гостейкою до Троицына дня. В пятницу и субботу приходят навещать «гостейку», а в Троицкое воскресенье выносят ее к реке и бросают в воду. Тогда же пускаются по воде и семицкие венки. В Пинском уезде на Духов день крестьянские девушки избирают из своей среды самую красивую подругу, обвязывают ее березовыми и кленовыми ветвями и под именем куста водят по улицам и дворам, что живо напоминает нам сербскую Додолу, с головы до ног убранную в цветы и зелень. В Полтавской губ. водят на Духов день тополю, которую представляет девушка, в разноцветной плахте, с яркими лентами в косах и монистами на груди. В старые годы, около Воронежа, строили на Троицу посреди дубовой рощи небольшой шалаш, убрали его венками, цветами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышении соломенную или деревянную куклу, одетую в праздничное мужское или женское платье; к этому месту стекались со всех сторон окрестные жители, приносили с собой различные напитки и яства, водили вокруг шалаша хороводы и предавались беззаботному веселью и играм. В семицкой березке, «тополе», «кусте» и в троицкой кукле народ чествовал лесную деву, оживающую в зелени дубрав, или самую богиню Весну, одевающую деревья листьями и цветами. На Троицын день молодежь отправляется в леса и рощи завивать венки, возглашая хором:

Благослови, Троица,
Богородица!
Нам в лес пойти,
Нам венки завивать,
Ай, Дидо, ой, Ладо!
Нам венки завивать
И цветы сорывать.

Приготовив венки, девицы и парни обмениваются ими друг с дружкой; девицы надевают их на головы, парни украшают ими свои шляпы и затем приступают к хороводным играм. Вечером, как только сядет солнце, или на следующий день ходят они на реку и кидают венки в воду; в некоторых же уездах этот последний обряд совершается на Всесвятской неделе. Местом завивания венков преимущественно выбирают ту рощу, которая прилегает к засеянному полю, — для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнее. В литовских и белорусских губерниях даже коровам на Троицын день надевают на рога и шеи венки, сплетенные из зелени и полевых цветов. Венок издревле служил эмблемою любви и супружеской связи. Так как в весеннюю пору Земля вступает в брачный союз с Небом и так как богиня весны (Жива)

была не только представительницей земных урожаев, но и вообще покровительницей брака и любовных наслаждений, то и посвященный ей праздник необходимо должен был считаться лучшим в году временем для заявлений любви и для гаданий о будущем семейном счастье. Бросая венки в воду, юноши и девицы допрашивают эту пророческую стихию о своей грядущей судьбе: если брошенный венок уплывет, не коснувшись берега, — это предвещает исполнение желаний, счастливый брак и долгую жизнь; если венок закружится на одном месте — это знак неудачи (свадьба расстроится, любовь останется без ответа), а если потонет — знак смерти, вдовства или бессемейной жизни (молодцу не быть женатому, девице оставаться незамужней). Замечают еще: уцелел ли свежим или завял венок, сбереженный от Семика до Троицына дня? В первом случае рассчитывают на долготелее и счастливое супружество, а в последнем — ожидают скорой смерти. Не так давно в Калужской губ. существовало обыкновение, по которому парень, задумавший жениться, обязан был вытащить из воды венок полюбившейся ему девицы. Таким образом, зелень и цветы играют главную роль на веселом празднике Весны; ее благотворное влияние именно в том и выражается, что мать сыра земля, словно юная и прекрасная невеста, рядится в роскошные уборы растительного царства; апрель и май месяцы получили поэтому названия травня и цветня; семицкая неделя слывет в народе зеленою, клещальною, а три последние дня этой недели и следующие за ними праздники Троицы и Св. Духа называются Зелеными Святками.

РЕЛИГИОЗНО-ЯЗЫЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИЗБЫ СЛАВЯНИНА

Обожанием очага условливалось совершение особенных, религиозных обрядов при закладке нового жилья и при переходе на новоселье. Место, избранное для жилья, требовало освящения, потому что всякая изба назначалась быть капищем родового пената. Надо было, чтоб охранительная сила этого пената перешла в новоизбранное место. Между нашими крестьянами еще недавно сохранялся следующий обряд, очевидно принадлежащий глубокой старине: перед постройкою дома, ради будущей счастливой и здоровой в нем жизни, хозяин с хозяйкою приходили на место, назначенное для нового жилья, отрубали у петуха голову и зарывали ее в том пункте, где определялось быть переднему углу. Обряд этот совершался тайно (мясо петуха, должно думать, съедалось); в нем нельзя не увидеть жертвоприношения очагу (домовому), совершавшегося перед постройкою новой избы. В жертву закалали петуха, самую почетную и любимую домовым птицу; пролитием ее крови освящалось избранное место и призывалось на него покровительство пената. Изба таким образом строилась на петушьей голове (припомним сказочное выражение: «избушка на курьих ножках»), которая полагалась в переднем углу. Здесь необходимо указать на значение этого угла. Вообще славянин питал особенное уважение ко всем углам избы — и понятно почему: углы обозначают собою те главные пункты, в которых сходятся стены избы; углы определяют ее границы, а в этих границах только и ощущается благотворное влияние от теплоты и света очага. Отсюда объясняется, почему обряды, совершаемые по углам дома и даже двора, народ связал с верованиями в домового, охраняющего пределы се-

мейных или родовых владений. Так, чтоб умиловить домового — по всем углам избы и двора обкуривают медвежьей шерстью, с произнесением заговора. Обряды эти имеют в виду водворить в доме порядок и спокойствие. Но два угла: задний, в котором поставляется печь, и передний, диагонально противоположный первому углу, пользовались самым большим почетом. Названные два угла представляют те главные точки, которыми обозначалось пространство будущей избы: определив точку очага, необходимо было определить еще точку того переднего угла, о котором сейчас сказано — и границы избы, искони строившейся четверугольником (клеткою, клетью), получали известность. Такой передний угол называется большим и красным, то есть главным, светлым, и пользуется особенным уважением. Место на лавке в переднем большом углу называется также большим и княженецким; сюда сажают самых именитых гостей, старших родственников, молодого князя и молодую княгиню после венца; в этом углу стоит всегда стол, за которым совершается трапеза; когда семья садится обедать или ужинать, то большое место занимает старший в семье: дед, отец или старший брат. Встречаем еще в избе название кут (по-кут); название это придается углу у дверей, углу напротив печи и тому месту пред самою печью, где стряпают и которое отделяется иногда занавеской или перегородкой. За этой перегородкой наряжают к венцу жениха и невесту. В одной свадебной песне поется:

Во столовой новой горнице,
Как в кути, за занавеской,
Тут сидела красна девица.

Слово куток означает в народном словаре угол. Как с большим углом, так и с кутом одинаково связываются предания о домовом. Слово кут употребляется еще в значении дома, подобно словам огнище, дым. Так, у сербов существует название кутянин, однозначительное с названием доматин, то есть хозяин, владыка дома. Кутянин происходит от слова кутя (древнеславянское: куца) — дом.

В переднем углу, как сказано выше, совершалось при закладке избы жертвоприношение; в нем зарывали черепки от того горшка, в котором переносились в новый дом горячие уголья с старого очага. От совершения таких обрядов передний угол в глазах язычника получил еще большую важность. Из одного источника с сейчас указанными поверьями образовались и следующие приметы: если трещит передний угол дома — трещит он к покойнику; если трещит задний угол, значит, выживается из дому кто-либо живой. Любопытно, что треск переднего угла бывает к покойнику, а домовый, по народному поверью, воем предвещает в семействе покойника.

После того как дом был выстроен, вся семья переходила на новоселье и переносила с собой священный огонь своего очага. Такое перенесение очага совершалось торжественно. Старший в роде выгребал из печи старого дома весь жар в чистый горшок и покрывал его скатертью, потом растворял дверь и, обратившись к заднему куту, призывал домового: «Милости просим, дедушка, на новое жилье». В новом доме встречали того, кто нес горшок, или, правильнее, самого домового, у растворенных ворот, с хлебом и солью. Принесенные уголья высыпали на очаг; горшок разбивали, а черепки его зарывали в переднем углу. Этот обряд оставался в обычкновении до позднейшего времени. При перенесении

избы с одного места на другое совершался подобный же обряд: ночью, когда на небе высоко стоят стожары (созвездие Плеяд), старший в семье брал непочатый хлеб и с поклоном клал его на месте старого двора и произносил просьбу, чтоб домовою с хлебом, солью и довольством перешел на новое жилище. В некоторых местах до сих пор, при переселении в новый дом, прежде всего вносят в него икону, хлеб-соль или квашню с растворенным тестом, кошку, петуха и курицу; затем входит в избу семья, обращается к красному углу и молится. В этом последнем обычае замечается уже христианское влияние (перенесение иконы); тем не менее он важен, потому что подробности его указывают на прежний характер обрядового перехода на новоселье. Сверх того, участие здесь кошки, петуха и курицы — видимые остатки язычества. Петух — птица очага, и принесение ее служило символическим знаком перехода самого божества (домового) в новое жилище. Обряд этот даже намекает на совершавшееся при перенесениях жертвоприношение этой птицы, подобно тому, как совершалось то же жертвоприношение при закладке дома. Кошку переносят собственно для домового, приговаривая: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор». Поверья народные сохранили многие указания на связь кошки с печью, таковы: приметы о погоде, о гостях и др. Кроме петуха, при переходе на новоселье в жертву очагу (домовому) приносили хлеб-соль. Оттого до сих пор сохранился обычай посылать знакомым на новоселье большой хлеб и солонку, наполненную солью.

Так как изба в языческие времена была первым храмом, а очаг — божеством, то, естественно, первыми служителями божества были те, которые обращались с очагом и его атрибутами, то есть топили печь и приготавливали пищу. Эти хозяйственные и вместе религиозные занятия принадлежали старшим в роде: они пользовались властью распоряжаться в доме и могли свободно приближаться к обожествленному огню. В первоначальном быту славян старшинство в роде определяло и власть и почет; при таком устройстве понятно особенное уважение славян к старцам, которые соединяли в своих руках и власть правителей, и власть жрецов. Народные предания сохранили много свидетельств о богослужебном значении стариков и старух. Старинные песни приписывают заклинание жертвенных животных старцам; до сих пор еще старик обращается к морозу с овсяным киселем, при опахивании старуха везет соху; при встрече весны старшая женщина держит хлеб и проч. Хозяин, как служитель очага, носил имя огнищанина; от хозяйки, по народной поговорке, должно пахнуть дымом.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФА, МЕТОД И СРЕДСТВА ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

До последнего времени существовал несколько странный взгляд на народные сказки. Правда, их охотно собирали, пользовались некоторыми сообщаемыми ими подробностями, как свидетельством о древнейших верованиях, ценили живой и меткий их язык, искренность и простоту эстетического чувства; но в то же время в основе сказочных повествований и в их чудесной обстановке видели праздную игру ума и произвол фантазии, увлекающейся за пределы вероятности и действительности. Сказка — складка, песня — была, говорила старая пословица, стараясь провести резкую границу между эпосом сказочным

и эпосом историческим. Извращая действительный смысл этой поговорки, принимали сказку за чистую ложь, за поэтический обман, имеющий единою целью занять свободный досуг небывальными и невозможными вымыслами. Несостоятельность такого воззрения уже давно бросалась в глаза. Трудно было объяснить, каким образом народ, вымышляя фантастические лица, ставя их в известные положения и наделяя их разными волшебными диковинками, мог постоянно и до такой степени оставаться верен самому себе и на всем протяжении населенной им страны повторять одни и те же представления. Еще удивительнее, что целые массы родственных народов сохранили тождественные сказания, сходство которых, несмотря на устную передачу их в течение многих веков от поколения к поколению, несмотря на позднейшие примеси и на разнообразие местных и исторических условий, обнаруживается не только в главных основах предания, но и во всех подробностях и в самых приемах. Что творится произволом ничем не сдержанной фантазии, то не в состоянии произвести такого полного согласия и не могло бы уцелеть в такой свежести; творчество не остановилось бы на скучном повторении одних и тех же чудес, а стало бы выдумывать новые. Доказательством служат все искусственные подделки под народные рассказы, подделки, в которых чудесное близко граничит с нелепицей и бессмыслием. И к чему народ стал бы беречь, как драгоценное наследие старины, то, в чем сам бы видел только вздорную забаву? Сравнительное изучение сказок, живущих в устах индоевропейских народов, приводит к двум заключениям: во-первых, что сказки создались на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу, и, во-вторых, что, по всему вероятно, уже в эту давнюю арийскую эпоху были выработаны главные типы сказочного эпоса и потом разнесены разделившимися племенами в разные стороны — на места их новых поселений, сохранены же народною памятью — как и все поверья, обряды и мифические представления. Итак, сказка не пустая складка; в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира. Точно так же старинная песня не всегда была; она, как уже замечено выше, большею частью переносит сказочные предания на историческую почву, связывает их с известными событиями народной жизни и прославившимися личностями и чрез то вставляет стародавнее содержание в новую рамку и придает ему значение действительно прожитой былинны. Сказка же чужда всего исторического; предметом ее повествований был не человек, не его общественные тревоги и подвиги, а разнообразные явления всей обоготворенной природы. Оттого она не знает ни определенного места, ни хронологии; действие совершается в некое время — в тридевятом царстве, в тридесятом государстве; герои ее лишены личных, исключительно им принадлежащих характеристических признаков и похожи один на другого, как две капли воды. Чудесное сказки есть чудесное могучих сил природы; в собственном смысле оно несколько не выходит за пределы естественности, и если поражает нас своею невероятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь с древними преданиями и их живое понимание.

Как народная песня, так и сказка не раз обращалась к христианским представлениям и отсюда почерпала материал для новой обстановки своих древних повествований. Заимствование событий и лиц из библейской

истории, самый взгляд, выработавшийся под влиянием священных книг и отчасти отразившийся в народных произведениях, придали этим последним интерес более высокий, духовный; песня обратилась в стих, сказка в легенду. Разумеется, и в стихах, и в легендах заимствованный материал передается далеко не в должной чистоте. Это, во-первых, потому, что источниками, из которых брал народ данные для своих легендарных сказаний, были по преимуществу сочинения апокрифические, составлявшие его любимое чтение; а во-вторых, потому, что новые христианские черты, налагаемые на старое, давно созданное содержание, должны были подчиняться требованиям народной фантазии и согласоваться с преданьями и поверьями, уцелевшими от эпохи доисторической. [...]

Алексей Кольцов

ХОРОША ПЕСНЯ НА ГОЛОС

Из писем А.А. Краевскому

16 июля 1837 г. Воронеж.

Добрый и любезнейший Андрей Александрович! Давно я к вам не писал ни строчки; дурно, сам знаю, и каюсь перед вами. Не то чтоб не хотел, — Боже упаси! Но хлопоты, но дела, но неприятности, — вот мои друзья, которые так прилежно за мной ухаживают и день, и ночь; вот мои друзья, товарищи, сослуживцы! Бог знает, когда они от меня отстанут; с ними я хожу, лежу, и ем, и сплю. Досадно, мочи нет! а помочь горю нечем!..

...Я к вам давно не писал, во-первых, за делами, во-вторых, — стыдно сказать! — ничего не успел написать, ничего. Что делать? — выносишь. Не живи, как хочется, — живи, как Бог велит! Право, нет время, или, сказать лучше, время свободного имею я много, да так всегда мысли расстроены, что не лезет ничего в голову; а что и лезет, то черт знает что такое: ни медведь, ни человек, а так какой-то кавардак. Стоишь, думаешь-думаешь, да и сядешь на пень: ноги свесишь, голову повесишь, как дурак. Теперь, с горя, принялся, как говорили вы мне, собирать русские народные песни. Присказками-то я вас уже употчивал, чай, не захотите в другой раз: больно сольно! Что вы до сих пор не сказали об них ни слова? Да, кажется, никогда не скажете ничего. А об Януарии Михайловиче и слух совсем застыл: слышал мельком, что поехал он в чужие края путешествовать. Дай Бог ему здоровья, в добрый час! После присказок, я теперь собираю народные песни, и уж собрал немножко. Это дело, кажется, лучше. Вот из них одна. Посмотрите, если она хороша, поместите где-нибудь, а нет, — в огонь! Перегорит, да выгорит, так лет через сто будет славная песня.

Впрочем, скажу вам, не ждите: в нашем народе лучше этой-то и нет. Я их переслушал много, да все, знаете ль, такая дрянь, что уши вянут: похабщиной битком набиты. Стыдно сказать, как наш русский простой народ бранчив. Если же они вам приглянутся, — напишите, я их еще к вам пришлю: есть в сумке про запас, и собирать буду. Но уж какая скука

их собирать! С этими людьми, ребятами, сначала надобно сидеть, балясничать, потом поить их водкой, и пить с ними самому зачеред; потом начать самому им пропеть песни две. А я петь большой мастак. Если бы кто послушал, нахохотался бы досыта, по горлушко. Потом они затынут, ты с ними же, пишешь и поешь! Приезжайте, послушайте, любезнейший Андрей Александрович! Ей-Богу, смешно: черевушки порвете! А иначе ничего не сделаешь, — хоть брось. Только и я за них принялся крепко: что хочешь — делай, а песни пой: нам надобны!

7-го июля был у нас, в Воронеже, дорогой гость, великий князь, и с ним Василий Андреевич Жуковский. Я был у него, он меня не забыл. Ах, любезный Андрей Александрович, как он меня принял и обласкал, что я не нахожу слов всего вам пересказать. Много, много, много, — и все хорошо, прекрасно! Едва ли ангел имеет столько доброты в душе, сколько Василий Андреевич. Он меня удивил до безумия. Я до сих пор думаю, что это все было со мной во сне, да иначе и думать невозможно. Жаль, что не могу всего рассказать вам подробно; словом, чудеса! Дай Бог ему доброго здоровья. Я благоговел перед ним. Приезд Василия Андреевича в Воронеж много меня осчастливил. Не только кой-какие купцы, и даже батинька не верил кой-чему; теперь уверились. И ничего, слава Богу! Много бы, много вам об этом надобно поговорить, да не могу; душа чувствует, да высказать не может. Словом, мне теперь жить и с горем стало теплей дюже. Желая вам доброго здоровья. Всем, кого увидите из моих добрых знакомых, засвидетельствуйте почтение; я всех их свято помню.

С истинным моим почтением и преданностью, ваш покорнейший слуга
Алексей Кольцов.

* * *

28 июля 1837 г. Воронеж.

Добрый и любезный мой Андрей Александрович! Не получая ответа на посланную вам песню, теперь посылаю другую. Ответ мне ваш нужен в теперешнее время потому более, что я, как вам уже писал, принялся собирать русские народные песни пристально. Но, может быть, они вам или не понравятся, или нет, какие бы нужно собирать; следственно, труд мой будет в таком случае совершенно напрасен; а их собирать и хлопотно, и трудно; притом мне, без ваших наставлений, самому потрафить трудно. В Воронеже не то, что в Петербурге. Там показал тому-другому, выслушал мнение и, благословясь, валяй вперед! Здесь не то: у нас о словесных предметах доброго слова и на Рождество Христово не услышишь. Эту песню поют в Серпуховском уезде, в волости Хатунской, весною, в хороводе, с следующим порядком.

Хоровод становится в круг; берут друг друга за руки девушки и молодцы; в середине хоровода один парень становится в венке, расхаживает, поет и пляшет:

Сронил я веночек, —

здесь он снимает с себя венок и бросает наземь. Он над ним стоит; хоровод ходит — поет до «Ты стой, моя роцца». Здесь он поднимает венок, надевает на голову, вновь ходит, пляшет и поет; и во второй раз повторение делают так же. В третий раз сначала тоже:

Девушка идет,
Красная идет,
Веночек несет, —

хоровод становится, поет; одна девушка из него выходит, поднимает веночек, надевает на молодца, или, как она говорит, на «хороводника», целует его. И конец игре! Надобно заметить: так, как я ее записал, она имеет слова точные, из слова в слово; но поют в хороводе ее иначе. Все стихи у них повторяются несколько раз и большею частию перемешиваются; и есть при других стихах прибавление из гласных букв, частицы к стихам, например: о, ай, о-ой, а-ой, ай-ой. У меня есть она и этак списана, и очень верно. Буде угодно, я вам пришлю. Эта песня удивительно как хороша на голос; жаль, что я не умею положить голоса. Дела мои теперь торговые опять немножко улучшили: прилив и отлив их беспрестанный. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, если я иногда вам пишу о них грустно. Часто тяготят они душу, грустишь, и об эту пору пишешь, к кому что должно и не должно, — без ума. Вам они кажутся, может быть, новы, а мне ничего: и горе, и радость должны итти в этой жизни рука об руку, — так велел быть здесь наш Хозяин! Теперь надеюсь заниматься кое-чем поприлежней; кажется, впереди свободного много время. Вперед, вперед!

Желаю вам, любезнейший Андрей Александрович, доброго здоровья. Януарию Михайловичу, если он в Петербурге, душевное почтение. С истинным почтением и преданностью честь имею пребыть ваш покорнейший слуга Ал. Кольцов.

У нас погода жаркая, чудесная для уборки хлеба, объеденье! Хлеба очень хороши, а уж погода — чистая, ясная, теплая, горячая... Чудеса!

Павел Попов,

*кандидат исторических наук,
член Союза писателей России,
доцент Воронежского государственного
архитектурно-строительного
университета*

ЧЕРВЛЕННЫЙ ЯР НАШЕЛСЯ В ВОРОНЕЖЕ

Никогда не предполагал, что в XXI веке мне придется отправиться на поиски легендарного урочища, а, возможно, и древнерусского городища. По мнению краеведов теперь уже далекого XIX столетия, этот объект имел важное пограничное значение при впадении реки Воронеж в Дон. Но с тех пор урочище (а, может, и городище) оказалось всеми забыто.

Топоним Червлёный Яр считается особенно заманчивым потому, что о нем ведутся долгие споры — уже более ста лет. Сколько было Червлёных Яров: один или много? Какая именно территория или какие территории так назывались? Скрывалась ли под названием «Червлёный Яр» административная область?

К счастью, у топонимистов нет разночтений по поводу происхождения названия. В отличие от многих забытых слов, таких, как «Воронеж» или «Усмань», древнее славянско-русское обозначение «Червлёный Яр», или «Черлёный Яр», не вызывает сомнений: это «красный яр».

ПРОБЛЕМА ДЛЯ ИСТОРИКОВ

Первое упоминание о Червлёном Яре содержится в Никоновской летописи под 1148 годом. Рассказывая о русских междоусобицах, летопись сообщает о похождениях князя Глеба Юрьевича, сына Юрия Долгорукого. Он «пойде к Рязани, и сняся с великим князем Святославом Олговичем, и шедше взяша град Куреск», а позже «иде к Резани, и быв во градех Черленаго Яру и на Велицей Вороне, и паки возвратися к Черниговским князем на помощь»¹.

Где же были и не были «грады Червлёного Яра»? Не следует спешить с однозначным ответом, ибо вопрос остается многолетним камнем преткновения.

Известный исторический топоним вновь всплывает в рукописных документах XIV века, когда в Золотой Орде существовала православная

Сарайская епархия со столицей в Сарае. Постоянно возникала необходимость разграничения территорий между этой епархией, учрежденной в XIII веке, и прилегавшей к ней с северо-запада Рязанской епархией. Сохранилась грамота периода 1334-1353 годов, в которой митрополит всея Руси Феогност обращается «к баскаком и к сотником, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном (то есть христианам — П.П.) Червленого Яру, и ко всем городом, по Великую Ворону» и включает указанную спорную территорию в Рязанскую епархию². Воронежский краевед С.Н. Введенский приближенно датировал грамоту 1340-ми(?) годами.

Тот же вопрос решал в своей грамоте следующий митрополит Алексей, занявший пост в 1353 году. Он обратился «к всем крестьяном, обретающимся в пределе Червленого Яру, и по караулом возле Хопор, по Дону» и далее сообщал «о том же переделе, по Великую Ворону возле Хопор, по Дону, по караулом»³.

В другом списке в обеих грамотах вместо «Червленого» написано «Черленого».

Объект под названием «Червленный Яр» («Черленый Яр») упоминается также в широко известном историческом источнике — в «Хождении Пименовом в Царьград». Там перечисляются места, виденные митрополитом Пименом и его спутниками в 1389 году. Расширенная редакция «Хождения» включена в Никоновскую летопись. После описаний событий, происходивших при устье реки Воронежа, упоминаются Тихая Сосна и «столпы камены белы». Далее записано, что «таже минухом» (тогда же минули) «и Черленый Яр реку, и Бетюк реку, и Похорь реку»⁴. «Столпы» — это явно нынешнее Дивногорье, Бетюк — Битюг, Похорь — Хопер. Но сразу замечу, что «река» и «яр» (то есть обрыв) — различные географические термины. В древности гидроним «река Черленый Яр» не мог существовать в принципе. Поэтому я соглашусь с теми историками, которые видят в такой редакции «Хождения Пименова» явные поздние приписки. Тем не менее, большинство исследователей вычисляют по этому тексту место Червленого Яра, следуя порядку перечислению рек. Одни отождествляют Яр с рекой Икорец, что заведомо неверно, другие локализируют Яр в районе нынешней реки Икорец...

В целом историки сломали немало копий, выясняя, где находился Червленый Яр. Постепенно пришло понимание того, что топоним употреблялся явно по отношению к различным географическим точкам. Но затем дискуссия перешла в другое русло. Решив, что в свете митрополичьих грамот XIV века Червленным Яром называлась целая пограничная область на краю Русского государства, историки стали выяснять: как можно охарактеризовать население и административное устройство этой загадочной области?

Сейчас в научной литературе наиболее устоялась версия (она отражена и в «Воронежской энциклопедии» 2008 года), что Червленный Яр — не отдельное урочище или отдельные урочища, а территория в междуречье Дона и Хопра. Еще в XIX веке такое мнение высказал историк Д.И. Иловайский⁵. В 1987 году с ним фактически согласился исследователь А.А. Шенников, указав на «обширный район», с востока ограниченный Вороной и далее нижним течением Хопра, до его впадения в Дон⁶. Были, однако, различные противники такой локализации Яра.

Достаточно удачный краткий обзор различных версий сделан в современной статье воронежского краеведа С.Н. Подлесных⁷. А археолог М.В. Цыбин создал обстоятельный археологический комментарий к гра-

мотам Феогноста и Алексея: где расположены поселения и могильники с русской и золотоордынской керамикой. Однако комментарий ограничивается только районом Прихоперья⁸. Историки вправе продолжать ломать головы по поводу «населения Червленого Яра»...

Доныне пользуется большой популярностью работа А.А. Шенникова. Действительно, она обладает хорошей и подробной исторической аналитичностью. В ней же отчетливо названы различные географические точки под названием «Червленый Яр», в том числе и при устье реки Воронеж. Однако, на мой взгляд, напрасно остается не доказанным или не отвергнутым один из генеральных постулатов: почему из существования отдельных Червленых Яров делается вывод о том, что была общая географическая или административная область Червленый Яр?

И почему так же односторонне расцениваются грамоты митрополитов? Я призываю вчитаться в них читателей. Как ни стараешься увидеть упоминание о некоей области, объединенной единым топонимом, — его нет. Скорее, союз «и» после слов «Червленого Яру» должен означать, что одни христиане жили в Червленом Яру, другие — в городах вплоть до реки Великой Вороны (нынешней Вороны) или в иной интерпретации — в пределе территории до караульных пунктов в районе Хопра и Дона. (Запятые вольны расставлять публикаторы документов). Тогда получается, что в митрополичьих грамотах побережье Вороны или Хопра не названо Червленным Яром — топоним относится только к противоположной, западной точке территории.

Выскажу здесь собственное мнение: данный вопрос слишком усложняется! Прежде всего Червленый Яр — природно-географический топоним, означающий яр (крутой высокий берег, обрыв, склон прибрежного холма) с выходом на поверхность красной глины или суглинка⁹. Точнее было бы сказать: глины красно-коричневой или бурой, но, как видно, в раннем средневековье такие цветовые оттенки еще не отражались в топонимии. Древнеславянское, с точки зрения лингвистики, происхождение слова «червленый»¹⁰ подтверждает, что перед нами — топоним, повторенный в средневековье славянскими переселенцами наряду со словами «Воронеж», «Усмань» и другими подобными. Только повторения топонима на обширной территории, скорее всего, произошли не одновременно с возникновением термина «Воронеж». Но они свидетельствуют о типичности названия — о том, что Червлеными Ярами повсеместно именовали характерные «красные» обрывы, образовавшиеся, как правило, из-за осыпания крутых речных берегов.

А скажите, как могло случиться, что название «Червленый Яр» якобы было дано не одному обрывистому урочищу или локальному району урочища, а обширной ландшафтной полосе в Прихоперье — с речными руслами, неоголенными возвышенностями и оврагами? Ответа нет, а без него все надуманные версии рушатся.

При этом у меня не возникает никаких возражений против объединения населения, жившего на нескольких реках, даже разных этнических групп, в одну историческую территориальную популяцию.

Это тот случай, когда топонимика обязана стоять на службе истории. Увы, вынужден констатировать, что здесь она — не стоит.

А.А. Шенников поддерживает мнение о том, что в Никоновской летописи допущена «фальсификация». Будто бы под 1148 годом в позднее время вписано «недостоверное» сообщение, призванное подчеркнуть значение Рязанского княжества: приписать ему земли, в действительности

не являвшиеся исконными территориями¹¹. Но не слишком ли категоричны термины: «фальсификация», «недостоверное»? Считаю, что оснований для них нет. Неизвестное — еще не значит, что неверное.

Да, в других летописях нет упоминаний о Червленом Яре. Но Никоновская летопись во всем — более подробная.

Да, в летописи повторена топонимическая терминология из митрополичьих грамот. И, возможно, эта поздняя терминология была намеренно приписана в летопись для того, чтобы текст стал более понятен современникам. Но и это еще не означает фальсификацию.

А.А. Шенников вслед за своими единомышленниками недоумевает: зачем князю Глебу Юрьевичу посещать местность в Прихоперье, которая находилась за пределами Рязанского княжества и очень далеко от района междоусобиц? И действительно, зачем? Но, во-первых, в тексте летописи касательно 1148 года нет слов о Хопре («Хапортъ» упоминается там в 1155 году без Червленого Яра), а это очень существенно. Во-вторых, мы не знаем текста первоисточника, откуда были позаимствованы сведения о 1148 годе. Летописец мог как-то изменить первоисточник, повторю, не с целью фальсификации...

НАХОДКА КОНЦА 19-го И... НАЧАЛА 21-го

В начале 1890-х годов воронежские краеведы Е.Л. Марков и Л.Б. Вейнберг с помощью рыбаков нашли Червленый Яр там, где, на мой взгляд, его и предстояло найти в первую очередь: при устье реки Воронеж — в бывшей пограничной местности, примыкавшей к Рязанскому княжеству.

Оказалось, что в конце XIX века легендарное название еще употреблялось местным населением по отношению к труднодоступному урочищу, защищенному с двух сторон речными поймами, с их озерами и лесными зарослями. Урочище простиралось примерно на полторы версты «по левому берегу Воронежа до самого Жировского леса, против которого он впадает в Дон». Далее Евгений Марков писал: «Червленый Яр есть единственная возвышенная и трудно доступная точка на левом берегу реки Воронежа; будучи при самом устье его, почти на берегу Дона, он является своего рода природным оплотом для охраны этого места слияния двух больших рек <...> В Червленом Яру удобная пристань счастливо соединялась с необыкновенным удобством для крепости. Он служил с одной стороны воротами в реку Воронеж и серьезно преградой для судов, плывущих по Дону, который в этом месте делает крутой поворот».

Обратившись к письменным упоминаниям о Червленом Яре, Марков однозначно отождествил найденный Яр с теми самыми урочищами, которые упоминаются в Никоновской летописи и в грамотах митрополитов Феогноста и Алексея. И сделал вывод: «Вследствие этого пограничного значения своего «Червленый Яр» был хорошо известен в древней Руси»¹².

Так называемая «Дозорная книга» 1615 года, в которой присутствует описание окрестностей города Воронежа, несколько раз называет Червленый Яр в точности на том же месте. Так, к городской церкви Царевича Дмитрия был приписан «за рекою за Доном, на Крымской стороне порожней Устенский луг на пашню против Черленого яру лучко и лес с полянки вниз по Дону». Пушкарям и затинщикам отвели для сенных покосов «за рекою за Воронежом у реки у Дону на Ногайской стороне от Черленово яру, вниз по Дону в лесу полянки по Погоново озеро»¹³. Подчерк-

ну, что подробные характерные ориентиры: Устенский (то есть находящийся при устье) луг, Погоново озеро и другие — делают привязку к местности абсолютно точной и однозначной, не абстрактной, как в летописи или грамотах. Поэтому в географической правильности находки Маркова и Вейнберга сомневаться не приходится.

Рисунок изысканно живописной обрывистой горы, выполненный с натуры Е.Л. Марковым и перечерченный пером художника Л.Г. Соловьева, воспроизведен в уникальном альбомном очерке Л.Б. Вейнберга «Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии»¹⁴. Там же Вейнберг сделал исторические и географические выкладки, подобные выкладкам Маркова (лишь с небольшими отличиями). Он тоже считал, что удалось найти именно тот Яр, который уже имел российскую известность по старорусским документам. По поводу высоты обрыва Вейнберг уточнял, что Червлёный Яр «представляет собою исключение как случайность, почти нигде более на левом берегу не повторяющаяся, ибо все реки бассейна Дона имеют правый берег возвышенный, а левый низменный <...> Эта довольно отвесная возвышенность состоит из двух пластов, нижнего — глины и верхнего песка, с прослойками разноцветной глины, преимущественно темно-красного цвета <...> С некоторой высоты <...> сочатся струями родники, сбегаяющие в реку...»¹⁵. Добавлю, что такая ландшафтная редкость — «случайная» гора на низком берегу — случилась, конечно же, из-за слияния двух рек и их изгибов.

В конце XIX века оба краеведа еще различали на горе Червёного Яра оборонительный вал, присущий городищам. В описании Маркова: «...К самому обрыву над пристанью, однако, еще заметны искусственные насыпи, образующие собою полукруглый земляной вал. Это, без сомнения, место древних укреплений Червёного Яра»¹⁶. По словам Вейнберга, «там и сям песок скреплен правильными четырехугольными валами и террасами, очевидно, военного происхождения»¹⁷. Других остатков древних культур они не смогли найти из-за сильных песчаных наносов со стороны степи. У первых энтузиастов совершенно не было возможностей для организации полноценных раскопок.

Характерно, что в позднем средневековье и далее в XIX веке воронежцы называли Червлёный Яр также Черным Яром, или Черным Яром, видоизменяя древнее забытое слово. Но они не совершали географической ошибки: «чермный» — синоним слова «червлёный», а топоним «Черный яр» стал привычно для своего времени указывать на чернолесье, начинавшееся от устья реки Воронеж. Л.Б. Вейнберг заметил также, что прибрежные жители употребляли название «Червонный яр», явно производное от «Червлёный»...

Отправляясь на поиски этого легендарного места, я взял в спутники своих друзей-краеведов. И мы на удивление быстро нашли Червлёный Яр! Сначала посмотрели, как выглядит район впадения Воронежа в Дон на спутниковой карте. Сопоставили изображение с описаниями Маркова и Вейнберга и с рисунком Маркова и Соловьева, нашли характерный изгиб реки Воронеж и рядом с ним — единственную продолговатую левобережную возвышенность. Только она может быть прежним Червлёным Яром. Боялись, что сюда нет подъезда из-за устьевых болот, зарослей или каких-либо других природных преград: ведь в описаниях XIX века Яр представлял совершенно недоступным урочищем, куда знали дорогу только рыбаки в лодках. Но на современной карте были приличные грунтовые дороги. Таковыми они оказались и в действительности.

Правда, на нужную дорогу попали не сразу. Только потом выяснили, что, переехав по плотине Воронежского водохранилища с правого берега на левый, надо было сразу повернуть направо — и двигаться у самого края реки Воронеж, которая ниже плотины вновь становится рекой. Но мы решили, что лучшие дороги ведут через бывшее село Семилукские Выселки, и завернули туда, а миновав село, увидели ужасную картину: выгоревшие леса, пустынные песчаные просеки и щиты с устрашающими надписями: «Проезда нет. Опасно для жизни!», «Стоять! Стреляют». Впоследствии узнали, что здесь несколько лет назад гремели военные учения. Потом их разумно прекратили, даровав нормальную жизнь окраинным жителям города. Но многие автомобилисты, читая сохранившиеся угрозы, поворачивают назад. И мои друзья уговорили меня скорректировать путь. Что ж, прижавшись к краю пожарища, мы гораздо быстрее подъехали к нужному месту, хотя и не со стороны реки, а сзади горы.

Оказалось, что урочище Червлёный Яр (вновь даруем ему историческое имя) ныне входит в черту города: оно расположено на территории Левобережного района, примерно в 500 метрах от впадения реки Воронеж в Дон. Пологая возвышенность вытянута около берега Воронежа и делает северный изгиб, следуя за береговой линией. Возвышенность занята дачами садового товарищества «Гигиенист». Она выглядит более низкой, менее презентабельной в сравнении с горой, изображенной Марковым и Соловьевым.

Возможно, по прошествии 125 лет возвышенность несколько осела, а частично оказалась подмытой рекой или разрушенной другими силами природы. Но, может быть, Е.Л. Марков еще в начале 1890-х годов нарочито преувеличил мощь горы, дабы подчеркнуть значение Яра для читателей? Тем не менее, Яр вполне узнаваем на местности. И река делает возле него все те же два плавных поворота, завершаясь изысканной излучиной перед самым устьем. Излучина, прижавшаяся к левому берегу, осталась участком коренного русла. К северу от излучины широко раскинулась пойма реки, и в этой стороне в полутора километрах от Червлёного Яра видна оконечность высокого правого берега — с многоэтажными домами микрорайона Шилово.

К нашей радости, полкилометра от Червлёного Яра до самого Дона тоже оказались проезжими вдоль реки Воронеж. Здесь давно нет «черных лесов» (лиственных, с черными стволами), росших в глубокой древности. Теперь местность заросла пришлым, «сорным» американским кленом. Дорога — далеко не из лучших: большие ямы, коварные пеньки срубленного кустарника. Все же в сухую погоду «Нива» мигом пробралась к Дону.

Ради этого впечатляющего зрелища — слияния рек — сюда тоже стоило проникнуть! В момент объединения две большие воды образуют не речную обыденность и не морское безумство, а нечто такое, чему еще нет особенного слова в русском языке. Оно и огромно, и медленно, но не спойно и не монотонно. Мы счастливы, что увидели этот выдающийся уголок русской природы хотя бы в том возрасте, когда нам уже за 50...

Зрелище и великое, и занимательное, и печальное: если до устья реки Воронеж Дон течет грязно-серой массой, то после слияния с Воронежем он раскрашен в две полосы: западная — такая же серая, а восточная, то есть подарок Воронежа, грязно-зеленая!

Да, после водохранилища река Воронеж являет собой полную противоположность чистой лесной реке, текущей до водохранилища. Ядовитую зелень сопровождает гнилостный запах. Только я один решился искупать-

ся на небольшом пляжике точь-в-точь около Червленого Яра, возле невысокого двухметрового обрыва. В теплый сентябрьский день вода приняла меня вполне ласково, но ходить по дну, покрытому 20-сантиметровым слоем ила, было не вполне приятно. Это не природный целебный ил, это та буйная нечистота, которая не успела отложиться в водохранилище возле города и постепенно дотекла до Дона... Но все же встреча с необыкновенным природным и историческим уголком скрашивала все другие впечатления.

Поговорили с дачниками; поинтересовались, каковы их садоводческие успехи. Здешняя садовая растительность непрезентабельна даже на вид. Разумеется, слышали жалобы на песок, который по-прежнему мучает людей не только в XIX, но и в XXI веке, хотя пыльных бурь давно нет. Более того, живущие в городе каждый раз берут с собой в дачную поездку... чернозем. Кто сколько может и на чем может привезти. Там, где поверх песка сыпят черную землю, получают неплохой урожай. Конечно, ничего не знают о том, остались ли под песком следы некоего городища (а ведь остатки, наверное, могли уцелеть именно по той причине, что песок «заботливо» укрыл все древние слои грунта несколько веков назад).

В целом историю чтят. Откопав на территории своего «Гигиениста» останки советского солдата, павшего в 1942 или 1943 году, поставили ему самодельный памятник на взгорье.

Но останки средневековой крепости здесь никто не пытался увидеть со времен Вейнберга и Маркова. Ни дачники, ни ученые. Как ни поразительно, настоящие археологические исследования в этой забытой всеми раритетной местности не проводились ни разу.

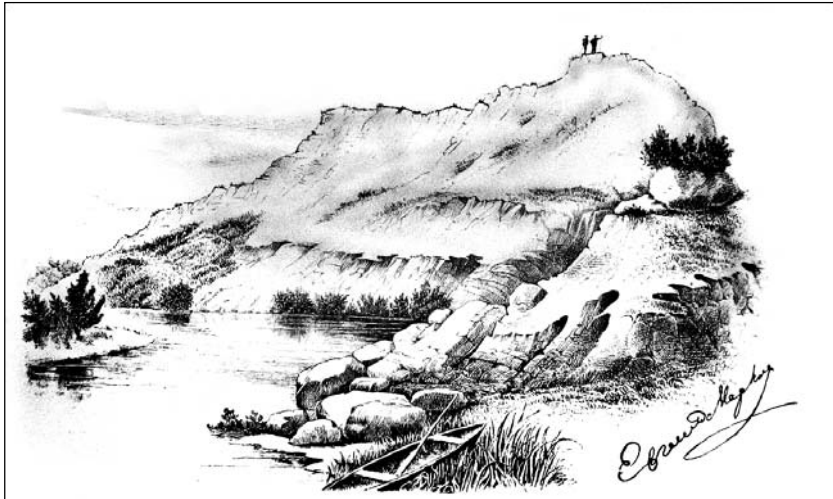
Судя по географической структуре возвышенности, здесь не могло быть крепости в период первой славянской колонизации реки Воронеж (в VIII-X веках). Холм совершенно отличается от характерных мысов, которые выбирали исходя из их округлых или продолговатых выступов и из защищенности глубокими боковыми оврагами. Для полноценной жизни в период феодальной раздробленности Руси такой холм тоже не подходит. Скорее всего, речь может идти только о сугубо военном древнерусском пограничном пункте. А может быть, впоследствии, в Петровскую эпоху, во время активного судостроения, здесь появились какие-либо новые искусственные сооружения для пристани? Об этом ничего не известно.

Могло случиться и так: из-за песчаных бурь гора сильно изменилась еще до того, как ее посетили Е.Л. Марков и Л.Б. Вейнберг...

Пример Червленого Яра ярко показывает, что существуют реальные и существенные провалы в археологических данных: не найден не какой-либо один культурный слой на городище — целиком исчезло все городище! И отсутствие таких данных ощутимо влияет на воссоздание правильной или ложной картины исторических событий.

Без раскопок Яра невозможно сделать правильные выводы о городище. Тем не менее, примерная историческая картина в районе воронежского устья вырисовывается благодаря другим археологическим находкам и открытиям. И в первую очередь это — открытие культурных слоев XII-XIV веков на пограничном Семилукском городище, которое примерно в 18 километрах выше устья. Открытие, сделанное нашими известными учеными А.Д. Пряхиным и М.В. Цыбиным.

Во-первых, археологи особо отметили существование в этом районе

Червлёный Яр у устья р. Воронеж.
(Рис. с натуры Е.Л. Маркова, рисунок пером Л.Г. Соловьёва)

Червлёный Яр. Современное фото

русского пограничья. Во-вторых, они заключили: в XII-XIII веках Семи-лукское городище могло быть центром местных поселений. По их словам, в «близлежащем районе» есть древнерусские селища, «видимо, составлявшие формировавшуюся вокруг основного поселения сельскую округу» (селища возле сел Шилово, Терновое, Губарево и около южной окраины города Семилуки)¹⁸. Наперекор устоявшейся точке зрения, А.Д. Пряхин с М.В. Цыбиным заявили о здешней южной границе Рязанской земли. Может быть, это некоторое преувеличение, и лучше сказать, что низовья реки Воронеж не относились к Рязанской земле, но входили в зону влияния Рязанского княжества. Как бы то ни было, все это означает, что надо пересмотреть суждение о том, что сюда незачем было направляться князю Глебу Юрьевичу, шедшему «к Резани»!

В общую зону пограничья Семилукского городища могло входить и городище Червленого Яра: то ли как самостоятельная небольшая сторожевая крепость, то ли как подчиненная главной крепости (нет археологических данных — не может быть и каких-либо определенных суждений). Но после монголо-татарского вмешательства крепость Семилукского городища утратила свои функции: находки предметов XIV века весьма немногочисленны. И тогда основным русским объектом в районе слияния Дона с Воронежем должен был остаться Червлёный Яр. Все полностью соответствует и тексту митрополичьих грамот, и имеющимся на сегодня археологическим достижениям.

Таким образом, следует реабилитировать Никоновскую летопись. Даже если в ней действительно есть некоторые натяжки, призванные подчеркнуть значение Рязанского княжества, все равно нет оснований считать слова «к Резани» фальсификацией. Быть уверенным в точности текста невозможно. Однако никак нельзя исключить того, что и эта летопись, и митрополичьи грамоты означают более простые постулаты: христиане жили на окраинной пограничной территории от Червленого Яра — то есть от урочища при устье реки Воронеж — до караульных селений на Великой Вороне и Хопре. Летописец-переписчик, употребив слово «грады», мог иметь в виду все поселения в низовьях реки Воронеж, не обязательно городского типа. Что же касается XIV века, когда ряд прежних значимых русских поселений уже исчез, то и в грамотах нет слова «грады».

Марков с Вейнбергом, наверное, сделали в основном правильные выводы, предвосхитив возможные и невозможные археологические открытия. Тогда парадоксальным образом получится, что правы не современные историки, наделенные солидным научным багажом, а первопроходцы, почти дилетанты, жившие еще до всеобщих археологических раскопок...

При этом из других документов известно, что более чем за сто верст от устья реки Воронеж — на Хопре возле устья реки Савалы — был еще один Червлёный Яр. Но не очередное загадочное государство, а типичный локальный обрыв или несколько близлежащих обрывов. Для Савалы вообще характерна обрывистая местность, и сегодня в Интернете выставлена прекрасная иллюстрация: яр красноватого цвета¹⁹.

А как же Яр в «Хождении Пименовом» 1389 года? Надо просто узнать местность, чтобы убедиться, что и тут нет никаких исторических и географических противоречий. На Дону, вблизи устья реки Икорец, тоже существует приметный, высокий и «червлёный», обрыв, над которым к тому же растет сосновый лес — также «красный». Таким образом, здесь

третий Червлёный Яр, отличный от других. Поэтому можно вполне согласиться с теми историками, которые локализуют «Черлёный яр», упоминаемый под 1389 годом, в районе Икорца!

А в целом мне впору согласиться с воронежским историком XIX века М.А. Веневитиновым, который имел хороший опыт чтения русских документов. Он считал, что в вопросе о локализации Червлёного Яра следует говорить лишь о нескольких отдельных урочищах под названием Червлёный Яр...

Необходимо еще учитывать, что такие топонимы не имели официальной фиксации. Они могли употребляться в разное время, могли быть более или менее употребительными в различных местностях и в разное время. Такого понимания топонимических особенностей иногда не хватает историкам, оттого и не становится топонимика на службу истории. Легче пойти по другому пути — обвинить недостоверным документ, который не вписывается в общую канву...

Очень надеюсь, что этими записками я приковал внимание многих воронежцев к незаслуженно забытой природной и исторической реликвии.

Сноски и примечания:

¹ Полное собрание русских летописей / Изд-е Археогр. комис. (далее ПСРЛ). СПб., 1862. Т. 9. С. 177.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 341–342.

³ Там же. С. 343–344.

⁴ Цитируется по редакции, включенной в Никоновскую летопись: ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 96.

⁵ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 141–144.

⁶ Шенников А.А. Червлёный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 12.

⁷ Подлесных С.Н. Загадка Червлёного Яра // Битюг: краевед. журн. Воронеж, 2014. № 2. С. 23–27.

⁸ Цыбин М.В. Археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червлёном Яре // Дивногорский сборник: тр. музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж, 2009. Вып. 1: Археология. С. 194–200.

⁹ См., например: Мильков Ф.Н. Типология урочищ и местные географические термины Черноземного центра // Науч. зап. Воронежского отд. Геогр. о-ва СССР. Воронеж, 1970. С. 20.

¹⁰ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: в 4 тт. — Изд. 2-е. М., 1987. Т. 4. С. 334.

¹¹ Шенников А.А. Указ. соч. С. 7–8.

¹² Марков Е. Червлёный Яр // Русский вестник. 1891. Т. 215, август. С. 110–114.

¹³ Список с Воронежских книг письма и дозору Григория Киреевского с товарищи лега 7123 году // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги / Сост. Л.Б. Вейнберг, А.А. Полторацкая. Воронеж, 1891. Т. 2. С. 23, 25. Правописание дано в соответствии с текстом публикаторов документа.

¹⁴ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891. С. 32, вкл. л.

¹⁵ Там же. С. 32–33.

¹⁶ Марков Е. Червлёный Яр. С. 111.

¹⁷ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей... С. 34.

¹⁸ Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Раскопки многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1986. С. 69.

¹⁹ См.: Река Савала // Мужская компания: сайт. URL: http://mancompany.ru/fishing/reservoirs/river/detail.php?ELEMENT_ID=24144.

Юрий Кургузов,
член Союза писателей России

«ГЛАВНАЯ ТЕМА ЖИЗНИ — СЛАВЯНЕ...»

По образованию я — историк. И честное слово, безо всякого пафоса — не только по образованию, но и по духу. Древняя история, медиэвистика, археология, этнография и прочие исторические (рука не поднимается вывести «вспомогательные») дисциплины — любовь на всю жизнь, хоть ни минуты из этой самой жизни я не занимался ими профессионально. А уж к настоящим профессионалам — историкам и археологам — отношение почти как к небожителям.

И сегодняшний мой рассказ об одном из мэтров воронежской и российской археологии — докторе исторических наук, профессоре Воронежского государственного университета Анатолии Захаровиче Винникове.

Он родился 7 ноября (весьма, кстати, знаменательный в былые времена день) 1940 года. Где? А тут тоже интересно. По документам — в городе Бежица Брянской области, но...

— Но ты понимаешь, — говорит Анатолий Захарович, — уже много лет спустя я вдруг узнал, что, во-первых, в 1940 году населенный пункт Бежица еще не имел статуса города (в 1956-м он вошел в состав Брянска), а во-вторых, и сама Брянская область была образована только в 1944-м. Откуда такая путаница в документах — понятия не имею.

И этой «загадкой» моей биографии заинтересовался Миша Карпачев (Михаил Дмитриевич Карпачев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области». — Ю.К.). Он по собственной инициативе произвел «расследование», и оказалось, что родился я в городе Орджоникидзеграде Орловской области, — вот так вот...

Отец Анатолия Захаровича, Захар Иосифович, работал инженером-сварщиком. В свое время он окончил знаменитое МВТУ им. Баумана, был учеником самого академика Патона и очень высокопрофессиональным специалистом. Мать, Мария Михайловна, была домохозяйкой — в семье росли целых четыре сына.

В 1941-м началась война, и Винниковы уехали в эвакуацию, в город Юрга Кемеровской области...

— Там мы прожили всю войну, там я пошел в школу, — вспоминает Анатолий Захарович. — А в 1952-м отца перевели в город Азов Ростовской области. В Азове в 1957 году я окончил школу имени Ленина. А в 1956-м у отца — следующий «перевод», на должность главного инженера-сварщика Воронежского завода тяжелых механических прессов. Ну и, естественно, мы с мамой и братьями к нему переехали. В Воронеже жили сначала на Солнечной, потом получили квартиру от ТМП на улице Машиностроителей...

А теперь, уважаемые читатели, на секундочку, внимание. Ну кто бы мог подумать, что один из столпов воронежской археологии, создатель обширной научной школы...

— В университет, Юра, я поступил только с третьей попытки. В 57-м — не прошел по конкурсу; 58-й — снова неудача. Работал на ТМП. И только в 59-м стал наконец студентом историко-филологического факультета ВГУ. А в 1960 году в университете был образован исторический факультет...

Окончил его Анатолий Захарович в 1964 году и получил распределение — директором школы на станцию Сорокино, Алтайский край. (Кстати, дипломов выпускникам вузов тогда не давали, лишь справки об окончании. А диплом вручали только после отработки по распределению.) Но на станцию Сорокино «молодой специалист» даже попасть не успел — призвали в армию. И уже 12 августа он был на Чукотке: поселок Урелики, у бухты Провидения; большая воинская часть — полк ПВО...

— Службу я начал, — говорит Анатолий Захарович, — между прочим, сразу с должности секретаря комсомольской организации полка. (А что тут удивительного? Выпускник истфака университета в те годы — это... — Ю.К.) Хотя — вот сейчас улыбнешься — пришлось даже некоторое время заведовать продскладом. И зашел как-то на склад подполковник Носиков, начальник политотдела, увидел меня и аж побагровел: «Ты что тут делаешь?! Мы тебя за 16 тыщ километров не для того везли, чтобы седлку вешал! А ну марш в политотдел!..»

И я стал инструктором политотдела полка по комсомолу — офицерская должность, хотя и был рядовым. Ближе к увольнению предлагали остаться служить дальше: «Станешь офицером!» Отказался. Демобилизовался и в 20-х числах августа 1965-го (выпускники вузов служили год) вернулся в Воронеж.

Долго не мог найти работу: с трудоустройством тогда было сложно. Но помогли знакомые, и в декабре 65-го я начал работать в 4-м ПТУ от заводов СК и шинного. Был секретарем комсомольской организации и преподавал этику, эстетику, историю. В училище проработал до 1 сентября 1966 года, а в первых числах этого самого сентября пришел лаборантом в кабинет археологии ВГУ. И в том же году поступил в аспирантуру к Анне Николаевне Москаленко. (А.Н. Москаленко (1918—1981) — историк, педагог, доцент кафедры истории СССР ВГУ. Организатор и руководитель археологических исследований по древней истории Воронежского края, в первую очередь — ранней истории донских славян. Автор более 70 научных работ, в том числе книг «Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона» (1955), «Городище Титчиха: из истории древнерусских поселений на Дону» (1965). — Ю.К.) Еще будучи лаборан-

том, вел уже занятия со студентами, а в 1973 году стал преподавателем кафедры истории СССР досоветского периода.

В 1974-м защитил в Институте археологии Академии наук СССР кандидатскую диссертацию по теме «Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (По керамическому материалу)».

В 1994 году там же защитил докторскую — «Древнерусское население лесостепного Дона в VIII — начале X вв.».

В 1995—2005 годах — был деканом исторического факультета ВГУ. С 1994-го по 2010-й заведовал кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов. Сейчас профессор этой кафедры. Написал, в том числе и в соавторстве, 13 книг, а всего у меня более двухсот научных работ. Вот такая, ежели вкратце, биография.

— Да это слишком уж «вкратце», Анатолий Захарович. А главное-то? Как пришли в археологию, ну и далее?

— Юра, хочешь — верь, хочешь — не верь, но когда поступал в университет, и мысли такой не возникало. Мечтал стать археологом с молодых ногтей — не мой случай. В Азове, где рос, тогда не «копали», даже музея не было (это сейчас там прекрасный музей, один из лучших в Российской Федерации). Но я очень любил историю — историю вообще. Древнюю, средневековую, нового и новейшего времени. Об археологии же, повторяюсь, и не задумывался. Когда поступил, даже не ходил в археологический кружок. И так продолжалось два года. После второго курса меня попросили поработать на раскопках у руководителя Костёнковской археологической экспедиции, инициатора создания ныне всемирно известного музея-заповедника в селе Костёнки Александра Николаевича Рогачева. Поработал. И совершенно «не проникся». Но вот...

Но вот — археологическая практика под руководством Анны Николаевны Москаленко. Раскопки летом 1961 года городища Титчиха (Лискинский район Воронежской области). И там я точно прозрел. Довольно абстрактная прежде история стала вдруг осязаемой, зримой. И, наверное, Анна Николаевна что-то такое во мне увидела — послала вместе с Толей Пряхиным (Анатолий Дмитриевич Пряхин — доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат национальной премии «Достояние поколений». — Ю.К.) в Ленинград, на всеоюзную археологическую конференцию. Послала даже без доклада, видимо, дабы подкрепить мои наметившиеся «подвижки». И действительно «подкрепила». А тут еще мы познакомились с Арсеном (Арсен Тигранович Синюк (1939—2012) — историк, археолог, педагог, профессор кафедры отечественной истории ВГПИ-ВГПУ. Автор более 130 научных работ, в том числе книг «Курганы эпохи бронзы Северного Дона», «Население бассейна Дона в эпоху неолита», «Бронзовый век бассейна Дона», «Дорогами тысячелетий» (совместно с А.З. Винниковым) и др., а также трех поэтических сборников. — Ю.К.). Он был страстно увлечен археологией и стал самым близким моим другом. В общем...

В общем, в 1962 году, во второй экспедиции на Титчихе (у Арсена, поступившего в ВГУ в 61-м, это была первая полевая практика), я работал уже абсолютно осознанно. Кстати, в том же году мы с Толей Пряхиным и Арсеном были в разведке по Быстрой Сосне, и у одной деревни случился забавный (сегодня, но не тогда) эпизод: встреча с весьма воинственно настроенными представителями местного крупного рогатого скота. Арсен позднее даже написал по этому поводу шуточное стихотворение с псевдопафосным названием «В начале пути»...

Ну не могу, уважаемые читатели, удержаться! Прочитую хотя бы фрагменты. Зачин — пара высокоштильных «испанских» строф: Мадрид — коррида — бык — тореро — рев публики... А далее...

Но прочь фантазии! Реально
Имеет место быть сюжет,
Как от бычка, упав морально,
Бежит зигзагами атлет.
Других два дюжих компаньона
Ему кричат с испугом вслед:
«Сними-ка шапочку с помпоном,
Быки не любят красный цвет!»
С ухмылкой местные девчата
Увещевают беглеца:
«Бычок-то вовсе не бодатый,
Поди, смирнее, чем овца».
Вот так в разведке нас встречало
Простое русское село.
За страх в награду были сало
И смех — аж челюсти светло!

.....

А имена тореадоров
Передаю из первых рук:
На поиск тайн донских просторов
Шли... Пряхин, Винников, Синюк.

— А если не секрет, Анатолий Захарович, — спрашиваю, — на ком же из троих была коварная шапочка?

Мой собеседник улыбнулся:

— На Толе Пряхине. Остальным, в принципе, досталась роль зрителей. Так-то вот. Ну а мы с Арсеном в том же году начали работать лаборантами кабинета археологии по полставки на брата. А в 66-м, повторюсь, я вновь принял этот пост, но уже единолично: Пряхин к тому времени ушел, а Арсен от лаборантства (сильно подозреваю, что специально, в мою пользу) отказался.

— Ну а теперь, Анатолий Захарович, о главном. Каковы основные направления вашей научной деятельности?

— Если в двух словах, то главная моя тема, тема всей жизни — славяне. Точнее — донские славяне. «Мое» время — VIII—XI века. Но, разумеется, и рамки хронологические могут колебаться в ту или иную сторону, и только славянами ограничиться невозможно: рядом с ними же существовал другой мир — кочевники: аланы, болгары, хазары, печенеги, половцы...

Дипломную работу я писал по проблеме оборонительных укреплений славянских городищ. А в аспирантуре Москаленко совершенно неожиданно дала тему — ну абсолютная для меня «terra incognita»: «Лепная керамика донских славян VIII—X веков». Но что поделаешь — взялся за гуж... Дважды работу мою обсуждали в Институте археологии. Рецензентами были мэтры: Ирина Петровна Русанова и Андрей Васильевич Куза. Защитился успешно. (К слову, и защита докторской диссертации, в 94-м, тоже в Институте археологии, прошла очень легко.)

В 1973 году Анна Николаевна Москаленко переехала жить в Москву, а меня назначили на ее место. И я начал заниматься славянами в бо-

лее широком плане. Ну а поскольку на Дону к тому времени было уже многое исследовано, в отличие от реки Воронеж, то я поставил во главу угла именно это направление. И почти все мои полевые экспедиции 1960-х — 1980-х годов были сосредоточены на берегах Воронежа.

И знаешь, что еще тогда удалось сделать. В свое время Москаленко написала докторскую диссертацию по донским славянам. Но она ее даже нигде не обсуждала и не пыталась защитить. А в один из моих приездов в Москву Анна Николаевна отдала экземпляр диссертации мне.

И вот в 1975 году, во время работы на Маяцком городище совместной советско-болгаро-венгерской экспедиции, я рассказал об этом ее руководителю Светлане Алексеевне Плетневой (С.А. Плетнева (1926—2008) — советский, российский историк и археолог, доктор исторических наук, профессор, крупнейший специалист по археологии, истории и культуре кочевых народов средневековья. — Ю.К.) Показал ей диссертацию Москаленко, и Светлана Алексеевна предложила сделать из нее монографию. В 1977-78 годах мы с Плетневой работали над преобразованием текста диссертации в монографию, и буквально за месяц до кончины Анны Николаевны вышла книга «Славяне на Дону» — с одной стороны, как итоговое исследование по славянской археологии по состоянию на конец 1960-х годов, а с другой — как дань моего величайшего уважения и благодарности Учителю...

И, конечно, работа с Плетневой имела огромное значение для дальнейшего становления меня как археолога. Об этом позже я написал статью «Археологические уроки С.А. Плетневой» (первый «Дивногорский сборник». 2009 г.). А в 1998 году вышла наша совместная со Светланой Алексеевной монография «На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение». Позднее я еще написал книгу «Хазарская крепость на Тихой Сосне». Она увидела свет в 2006 году...

Кстати, по воспоминаниям бывших учеников Винникова, именно на раскопках Маяцкого селища 1975 года под руководством Анатолия Захаровича студенты начали уважительно величать его... Хазарычем. Доцент кафедры истории России ВГПУ Валерий Березуцкий: «С того времени меня постоянно тянуло в экспедиции к Хазарычу — так стали называть А.З. Винникова после того, как он от славян «перекинулся» к хазарам. Конечно, научно правильно — «салтово-маяцкой культуре», а не хазарам уж. Но тогда это было не важно. Для нас важно было руководителя своего называть Хазарычем. Потому что уважительно и по делу! Да и звучит — Х а з а р ы ч!..»

— А первая моя книга, — продолжает Анатолий Захарович, — «Славянские курганы лесостепного Дона», увидела свет в 1984 году. И, скажу без ложной скромности, тридцать с лишним лет прошло уже, но ничего подобного по данной проблематике так больше и не появилось.

В 1982—86 годах мы копали ну просто «забойный» памятник славянской архитектуры — Животинное городище на реке Воронеж. И по конструкции оборонительных сооружений и по социально-политическому статусу это поселение (как и раскопанная ранее знаменитая Титчиха) в мирное время служило местом, где останавливались торговые люди из древнерусских городов, держащие путь в Саркел или Итиль — ремесленные и торговые центры Хазарского каганата, а также купцы со своими товарами из Волжской Болгарии, Хазарии, Средней Азии, других краев тогдашнего «дальнего и ближнего зарубежья». Кстати, на Титчихинском и Боршевском городищах были обнаружены кости... верблюдов. Как по-

пали туда верблюды? Конечно, в результате караванной торговли. А находки целых кладов и отдельных экземпляров арабских монет — дирхемов? Нет, край наш вовсе не был в VIII—XI веках каким-то глухим медвежьим углом. И торговый путь из Волжской Болгарии в Киев тоже проходил через земли донских славян.

Но обо всем этом можно говорить бесконечно. О результатах работы на Животинном городище я написал книгу «Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII вв. (Животинное городище на реке Воронеж)». Она вышла в 2014 году, и я посвятил ее памяти Алика — Арсена Синюка...

— Я читал, Анатолий Захарович, воспоминания Валерия Березуцкого о раскопках Животинного городища под вашим руководством.

— Валера — мой ученик; как археолог он во многом «вырос» в тех экспедициях. В середине 80-х я порекомендовал его Арсену, и с тех пор Валера успешно работает в педуниверситете. И помимо всего прочего он еще в 1996 году стал организатором и научным руководителем очень хорошего проекта — областного детского археологического движения «Возвращение к истокам», которое ежегодно собирает на полевые слеты более тысячи школьников из разных районов нашей области...

Ну, тогда уж и еще раз слово ему, Валерию Березуцкому:

«...Учителя бывают разные, и являются они в разные периоды жизни и, кажется, тогда, когда нужно... Для меня учителем студенческой поры стал Анатолий Захарович Винников.

Он никогда не пытался «насильно» быть наставником для кого бы то ни было. Наверное, настоящий Учитель учит именно так: не лезет в душу с нравочениями «как надо» и «как не надо», а учит собственными поступками, образом жизни, отношением к делу и людям.

Анатолий Захарович напрямую повлиял на мой выбор профессии — стать археологом. Причем в силу своего характера специально этого и не делал. Но когда понял, что отступать не собираюсь, помог мне, чем мог, за что я искренне ему благодарен...»

— А расскажите, Анатолий Захарович, хотя бы вкратце, о том, кто, какие народы проживали на Воронежской земле в изучаемую вами эпоху?

— Во-первых, надо отметить, что в более раннее время, в начале I тысячелетия до нашей эры, на Верхнем и Среднем Дону жили финноязычные этносы; к середине этого самого тысячелетия в лесостепное Подонье приходят скифы; во втором веке до нашей эры — сарматы (и те и другие — ираноязычные кочевники, пришельцы из азиатских степей). Их потомки относительно благополучно перевалили через рубеж тысячелетий, а спустя еще несколько веков на Среднем Дону появляются славяне...

Вообще, конечно, донские славяне — просто необъятная тема... Но вот, кстати, Нестор в своей знаменитой «Повести временных лет», приводя детальнейшую географию расселения восточных славян, племена, живущие на берегах Дона и его притоков, не называет. Хотя часто упоминает Дон в связи с набегами кочевников — печенегов и половцев. Однако историками и археологами уже абсолютно аргументированно доказано: славяне появились в бассейне Дона во второй половине VIII века и жили там (в основной массе) до первой половины века XI. Археологических подтверждений тому множество. Хотя, естественно, каждый памятник имеет свои особенности.

И в нашем крае можно выделить два основных, так сказать, микро-региона расселения древних славян. Один — вниз по течению Дона от ме-

ста впадения в него реки Воронеж. Там, на высоком правом донском берегу, изрезанном балками и оврагами, славяне создали множество укрепленных поселений — это их южный форпост, где они тогда в своем продвижении на юго-восток и остановились. Самые известные из поселений этой группы славян — Титчихинское, а также Большое и Малое Боршевские городища.

— И какие же именно славянские племена там жили?

— По целому ряду признаков — от мест расположения и конструкции оборонительных сооружений, жилищ и до характера находок ученые связывают обитателей тех мест с вятичами — переселенцами с берегов Оки. Пришли туда вятичи в начале IX века, осваивали побережья рек Потудань, Ловать... А второй славянский микрорегион — это...

Ну, не могу, уважаемые читатели, удержаться от, конечно же, риторического вопроса. Кому из воронежцев не известны чудесные, живописнейшие места вверх по течению реки (хотя теперь частично — водохранилища) Воронеж от санатория имени Горького и — «всё выше, и выше, и выше»? Поселок Рыбачье (в народе Рыбачий), Лысая гора, Белая гора, села Чертовикское, Староживотинное? Всем же прекрасно известны, верно? А оказывается...

— Высокий правый берег Воронежа хранит следы немало числа древних славянских, и не только славянских, поселений, — говорит Анатолий Захарович. — Над дачным поселком Рыбачье было когда-то большое городище с несколькими сотнями жилищ. На Белой горе — еще одно городище. У села Чертовикское также было укрепленное поселение. Еще выше по течению — славянское городище у села Староживотинное, и так до самого Липецка, в центре которого в X веке тоже существовало древнеславянское городище. И надо отметить, что берега реки Воронеж осваивались не только вятичами, но и пришедшими сюда раньше них (во второй половине VIII века) с Поднепровья северянами и полянами. И что интересно, от ближайших обнаруженных пока поселений их земляков, на притоках Днепра Сейме и Пселе, «наших», «воронежских», славян отделяет расстояние в 150—200 километров. А в этом «промежутке» на данный момент «славян нет». Есть неолит, бронза, раннее железо, а вот славянских памятников еще не найдено.

— И как долго жили в наших краях древние славяне?

— В Титчихе, Боршевских поселениях жизнь замирает в конце X века. Связано это с давлением кочевников-тюрок — печенегов. Славяне покидают обжитые места — вятичи возвращаются обратно на север. Но печенегов теснят другие тюркские племена — огузы-торки и половцы. В конечном итоге часть печенегов ушла в Венгрию и Болгарию, часть подчинилась сменившим их в Причерноморье половцам. А славяне, жившие на

Анатолий Захарович Винников

берегах реки Воронеж, продержались дольше «титчихинских» и «боршевских» почти на 100 лет. Их в конце уже XI века смыла как раз половецкая волна.

— И что, с конца XI века славяне с лица, так сказать, Воронежской земли исчезли целиком и полностью?

— Да нет, разумеется, нет. Небольшие группы забирались в более труднодоступные для врагов места, хотя в целом область наша тогда — это, конечно, территория кочевников. Правда, были еще и районы, входившие в зону влияния Хазарского каганата (то же Маяцкое городище с алано-болгарским населением), и «вкрапления» бродников — этнически пестрого народа, «смеси» славян, алан, печенегов, половцев. (Бродники, кстати, если помнишь, в неудачной для русских битве в 1185 году новгород-северского князя Игоря Святославича с половцами сражались на стороне последних).

Но с годами половцы более-менее цивилизовываются, «окультуриваются», и славянских поселений у нас становится больше: скотоводам-половцам же необходимы продукты земледелия. А во времена Золотой Орды, как ни покажется на первый взгляд странным, славян здесь стало еще больше — татарам нужна была во всех смыслах этого слова стабильность на подвластных им территориях. И, кстати, в связи с татарами хочу упомянуть об исключительно интересном памятнике — Новохарьковском могильнике. Его открытие и изучение ознаменовало собой совершенно новый этап в исследовании истории населения Воронежского края в золотоордынскую эпоху.

Новохарьковский могильник (Ольховатский район нашей области) был открыт в 1990 году отрядом экспедиции педуниверситета под руководством Татьяны Березуцкой. Сначала нашли два погребения; в 1994-м — уже 60. И Таня «подарила» этот археологический памятник мне. В 1995—1997 годах там работал под моим руководством славянский отряд экспедиции ВГУ. Всего за те годы было выявлено 147 погребений, а поскольку вскрыта лишь пятая часть могильника, то он может содержать около 800 погребений XIII—XVI веков.

Но самое интересное, кто там был захоронен. Так вот, большая группа московских специалистов, в том числе антропологов, установила, что погребенные в Новохарьковском могильнике имели европеоидный облик с несколько монголоидными чертами. В общем, эти люди — потомки населения Маяцкого селища, а точнее — алан Хазарского каганата. И жили они уже под властью монголов.

— А что, Анатолий Захарович, вы можете сказать о Вантите? По поводу местонахождения, да и порой самого факта существования этого славянского города уже несколько десятилетий «ломают копья» и историки, и краеведы.

— Арабский географ второй половины IX — начала X века Ибн-да-Русте писал: «В самом начале пределов славянских находится город, называемый ВаТ (Ва.иТ). Путь в эту страну идет по пустыням и бездорожным землям, через ручьи и дремучие леса...» Другой источник сообщает: «И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит...» По мнению нашего крупнейшего историка и археолога Бориса Александровича Рыбакова, путь из Булгара в Киев мог проходить через «Михайловский кордон» — крупное славянское городище, расположенное над упоминавшимся уже поселком Рыбачье, в названии которого отражено имя племени вятичей. (Правда, в другой работе Рыбаков допускал, что

Вантитом могло быть и Большое Боршевское городище на Дону.) Точку зрения Рыбакова о Вантите — Михайловском кордоне поддержал в своих статьях Анатолий Пряхин, предложив рассматривать понятие «Вантит» как целый комплекс памятников, включающий в себя и ряд городищ на северной окраине города Воронежа. С этим согласиться трудно — в источниках-то речь идет о каком-то конкретном населенном пункте.

— А ваше мнение по этому поводу, Анатолий Захарович?

— При условии, что «тот» «Вантит» действительно был (имею в виду правильность перевода, осмысления и интерпретации источников), я считаю, что, скорее всего, Вантит — это Титчихинское городище, в самом деле «первый город в славянской земле». Эту точку зрения в свое время весьма аргументированно обосновала Анна Николаевна Москаленко.

— Некоторые воронежские краеведы, Анатолий Захарович, считают, что наш город гораздо древнее, нежели его официальный возраст, — 429 лет. Ссылаются они при этом, в том числе и на так называемую «Влесову книгу»...

Мой собеседник почти сердится.

— Иные из наших краеведов — публика, конечно, весьма оригинальная! Выступал перед ними, объяснял, почему «Влесову книгу» нельзя считать заслуживающим доверия историческим источником, но не унимаются! Я в таких случаях говорю: «Ребята, думайте, как хотите, делайте, что хотите, а меня оставьте в покое!»

И я абсолютно искренне не понимаю, почему некоторые краеведы так ратуют за «удревление» Воронежа. Ну, будет ему не 429, а 600, 800, 1000 лет, и что? Что изменится? Жить станем лучше?

Я пожимаю плечами:

— Ну-у... может, чисто психологически...

Анатолий Захарович тоже пожимает:

— Разве что так... Кстати, вот тебе еще маленький штришок к вопросу о «психологии». На одной из встреч с краеведами некий товарищ, по-моему, отставной полковник и еще член Союза военных писателей, поведал собравшимся просто сногшибательную историю. Якобы во время службы в Архангельской области он стал свидетелем обрушения части берега какой-то реки, и там «обнажился»... мамонт. Абсолютно целый и... в кожаной упряжи, да еще и с золотыми бляхами. Полковник постоянно повторял: «Я видел это собственными глазами!..» — «И где же те бляхи?» — спрашиваю. «Ребята-офицеры норвежцам (!) продали». — «А мамонт куда делся?» — «Река смыла и унесла». В общем, без комментариев. А возвращаясь к возрасту Воронежа, скажу, что существует несколько вариантов датировки длительности жизни городов — и научных, и не вполне. Очень важный критерий — непрерывное существование города как укрепленного населенного пункта. От зарождения до условного «юбилея» без перерыва. И на данный момент считать какие-либо конкретные местные памятники, поселения связанными с летописным Воронежем (1177 год) нет оснований. И даже если что-то и обнаружится, это не будет иметь отношения к современному городу Воронежу.

— А каковы, Анатолий Захарович, перспективы воронежской археологии в целом?

Собеседник качает головой:

— Оптимизма, признаюсь, мало. Сегодня на дворе другая эпоха. Эпоха зарабатывания денег. Коммерция губит науку. В так называемые охранные, а по сути — коммерческие раскопки идут огромные деньги, не-

измеримо большие, нежели те, что выделяются на научные полевые исследования. И хотя археологов много, большинство уходит в коммерческую археологию, а коммерция с наукой несовместимы. Да и не только с наукой...

Была в воронежской археологии, можно сказать, эпоха Москаленко. Потом — нас трое: Пряхин, Винников, Синюк. Сейчас — ну, Медведев, Цыбин, Березуцкий, а вот дальше по большому счету пока никого, хотя я очень надеюсь, что появятся новые ребята и лет через 10—15 в нашей археологии наступит наконец «эпоха Ренессанса».

— Ну и последнее, Анатолий Захарович. Этот год у вас юбилейный, поздравляю от всей души! Наверняка же он отмечен какими-то новыми публикациями, работами?

— Летом институт усовершенствования учителей издал учебное пособие для преподавателей школ, лицеев и колледжей, в которое вошел написанный мною большой раздел о древней истории Воронежского края. Очень нужное, я считаю, полезное и высокопрофессиональное издание.

А так... Да почти всё уже, Юр, написано и опубликовано. Хотя... Я говорил, что в 2006-м выходила моя книга «Хазарская крепость на Тихой Сосне». Пару лет назад подготовил второе издание; выпустить книгу планировал музей-заповедник «Дивногорье», однако в связи с финансовыми проблемами ее выход перенесен на следующий год. А издание, по сравнению с первым, значительно дополненное, более масштабное, с расширенным кругом проблем и тем. Например, об исторических судьбах хазар, алан. Это действительно — очень, очень интересно...

Иван Бунин

**АНТОНОВСКИЕ
ЯБЛОКИ***Рассказы*

I

...Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А «осень и зима хорошо живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: «Много тенетника на бабье лето — осень ядреная»... Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город, — непременно в ночь, когда так славно лежать на возу, смотреть в звездное небо, чувствовать запах дегтя в свежем воздухе и слушать, как осторожно поскрипывает в темноте длинный обоз по большой дороге. Мужик, насыпавший яблоки, ест их с сочным треском одно за одним, но уж таково заведение — никогда мещанин не оборвет его, а еще скажет:

— Вали, ешь досыта, — делать нечего! На сливанье все мед пьют.

И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук ссыпаемых в меры и кадушки яблок. В поредевшем саду далеко видна дорога к большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалаш, около которого мещане обзавелись за лето целым хозяйством. Всюду сильно пахнет яблоками, тут — особенно. В шалаше устроены постели, стоит одноствольное ружье, позеленевший самовар, в уголке — посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякие истрепанные пожитки, вырыта земляная печка. В полдень на ней варится великолепный кулеш с салом, вечером греется самовар, и по саду, между деревьями, расстилается длинной по-

лосой голубоватый дым. В праздничные же дни около шалаша — целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают красные уборы. Толпятся бойкие девки-одноворки в сарафанах, сильно пахнущих краской, приходят «барские» в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова. На голове ее «рога», — косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка — плисовая, занавеска длинная, а понева — черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым «прозументом»...

— Хозяйственная бабочка! — говорит о ней мещанин, покачивая головой. — Переводятся теперь и такие...

А мальчишки в белых замашных рубашках и коротеньких порточках, с белыми раскрытыми головами, все подходят. Идут по двое, по трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную к яблоне. Покупает, конечно, один, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах — весел. Вместе с братом, картавым, шустрым полуидиотом, который живет у него «из милости», он торгует с шуточками, прибаутками и даже иногда «тронет» на тульской гармонике. И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски...

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломой и мякины, бодро идешь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот еще запах: в саду — костер, и крепко тянет душистым дымом вишневых сучьев. В темноте, в глубине сада — сказочная картина: точно в уголке ада, пылают около шалаша багровые пламя, окруженное мраком, и чьи-то черные, точно вырезанные из черного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги — два черных столба. И вдруг все это скользнет с яблони — и тень упадет по всей аллее, до шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко блещет бриллиантовое созвездие Стожар, еще раз пробежишь в сад.

Шурша по сухой листве, как слепой, доберешься до шалаша. Там на полянке немного светлее, а над головой белеет Млечный Путь.

— Это вы, барчук? — тихо окликает кто-то из темноты.

— Я. А вы не спите еще, Николай?

— Нам нельзя-с спать. А, должно, уж поздно? Вон, кажись, пассажирский поезд идет...

Долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле, дрожь переходит в шум, растет, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт колеса: громыхая и стуча, несется поезд... ближе, ближе, все громче и сердитее... И вдруг начинает стихать, глохнуть, точно уходя в землю...

— А где у вас ружье, Николай?

— А вот возле ящика-с.

Вскинешь кверху тяжелую, как лом, одностволку и с маху выстре-

лишь. Багровое пламя с оглушительным треском блеснет к небу, ослепит на миг и погасит звезды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в чистом и чутком воздухе.

— Ух, здорово! — скажет мещанин. — Потращайте, потращайте, барчук, а то просто беда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами. Тогда встрепенешься и, пряча руки в рукава, быстро побежишь по аллее к дому... Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!

II

«Ядреная антоновка — к веселому году». Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился... Вспоминается мне урожайный год.

На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь — велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень, и, умывшись и позавтракав в людской с работниками горячими картошками и черным хлебом с крупной сырой солью, с наслаждением чувствуешь под собой скользкую кожу седла, проезжая по Выселкам на охоту. Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору. Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо. К тому же наши Выселки покоя веку, еще со времен дедушки, славились «богатством». Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, — первый признак богатой деревни, — и были все высокие, большие и белые, как лунь. Только и слышишь, бывало: «Да, — вот Агафья восемьдесят три годочка отмахала!» — или разговоры в таком роде:

— И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось тебе лет сто будет?

— Как изволите говорить, батюшка?

— Сколько тебе годов, спрашиваю!

— А не знаю-с, батюшка.

— Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

— Как же-с, батюшка, — явственно помню.

— Ну, вот видишь. Тебе, значит, никак не меньше ста.

Старик, который стоит перед барином вытянувшись, кротко и виновато улыбается. Что ж, мол, делать, — виноват, зажился. И он, вероятно, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, трясая головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, — все о чем-то думает. «О добре своем небось», — говорили бабы, потому что «добра» у нее в сундуках было, правда, много. А она будто и не слышит; подслеповато смотрит куда-то вдаль из-под грустно приподнятых бровей, трясет головой и точно силится вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева — чуть не прошлого столетия,

чуньки — покойницкие, шея — желтая и высохшая, рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая, — «совсем хоть в гроб клади». А около крыльца большой камень лежал: сама купила себе на могилку, так же как и саван, — отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям.

Под стать старикам были и дворы в Выселках: кирпичные, строенные еще дедами. А у богатых мужиков — у Савелия, у Игната, у Дрона — избы были в две-три связи, потому что делиться в Выселках еще не было моды. В таких семьях водили пчел, гордились жеребцом-битюгом сиво-железного цвета и держали усадьбы в порядке. На гумнах темнели густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприческу; в пуньках и амбарчиках были железные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, меры, окованные медными обручами. На воротах и на санках были выжжены кресты. И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками. Если же, думалось, к этому прибавить здоровую и красивую жену в праздничном уборе, да поездку к обедне, а потом обед у бородатого тестя, обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой, — так больше и желать невозможно!

Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, — очень недавно, — имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию. Такова, например, была усадьба тетки Анны Герасимовны, жившей от Выселок верстах в двенадцати. Пока, бывало, доедешь до этой усадьбы, уже совсем обедняется. С собаками на сворах ехать приходится шагом, да и спешить не хочется, — так весело в открытом поле в солнечный и прохладный день! Местность ровная, видно далеко. Небо легкое и такое просторное и глубокое. Солнце сверкает сбоку, и дорога, укатанная после дождей телегами, замаслилась и блестит, как рельсы. Вокруг раскидываются широкиими косяками свежие, пышно-зеленые озими. Взовьется откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрет на одном месте, трепеща острыми крылышками. А в ясную даль убегают четко видные телеграфные столбы, и проволоки их, как серебряные струны, скользят по склону ясного неба. На них сидят кобчики, — совсем черные значки на нотной бумаге.

Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно еще вполне живо. Усадьба — небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. Надворных построек — невысоких, но домовитых — множество, и все они точно слиты из темных дубовых бревен под соломенными крышами. Выделяется величиной или, лучше сказать, длиной только почерневшая людская, из которой выглядывают последние могикане дворового сословия — какие-то ветхие старики и старухи, дряхлый повар в отставке, похожий на Дон Кихота. Все они, когда въезжаешь во двор, подтягиваются и низко-низко кланяются. Седой кучер, направляющийся от каретного сарая взять лошадь, еще у сарая снимает шапку и по всему двору идет с обнаженной головой. Он у тетки ездил форейтором, а теперь возит ее к обедне, — зимой в возке, а

летом в крепкой, окованной железом тележке, вроде тех, на которых ездят попы. Сад у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горлинками и яблоками, а дом — крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, — ветви лип обнимали его, — был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, — так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, — окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами. А по бокам этих глаз были крыльца, — два старых больших крыльца с колоннами. На фронтоне их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи воробьев дождем пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблочек, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах — в лакейской, в зале, в гостиной — прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливанье: выходит тетка. Она небольшая, но тоже, как и все кругом, прочная. На плечах у нее накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследство, начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки, — антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», — а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас, — крепкий и сладкий-пресладкий... Окна в сад подняты, и оттуда веет бодрой осенней прохладой.

III

За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков — охота.

Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость. Были и разрушающиеся, но все еще жившие на широкую ногу усадьбы с огромным помещьем, с садом в двадцать десятин. Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет жизни... Нет троек, нет верховых «киргизов», нет гончих и борзых собак, нет двора и нет самого обладателя всего этого — помещика-охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча.

С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи. Иногда к вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западе трепещущий золотистый свет низкого солнца; воздух делался чист и ясен, а солнечный свет ослепительно сверкал между листвою, между ветвями, которые живою сеткою двигались и волновались от ветра. Холодно и ярко сияло на севере над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а из-за этих туч медленно выплывали хребты снеговых гор-облаков. Стоишь у окна и думаешь: «Авось, Бог даст, распогодится». Но ветер не унимался. Он волновал сад, рвал непрерывно бегущую из трубы людской струю дыма и снова нагонял зловещие

космы пепельных облаков. Они бежали низко и быстро — и скоро, точно дым, затуманивали солнце. Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь... сперва тихо, осторожно, потом все гуще и, наконец, превращался в ливень с бурей и темнотою. Наступала долгая, тревожная ночь...

Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смирившимся. Но зато как красив он был, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! Сохранившаяся листва теперь будет висеть на деревьях уже до первых зазимков. Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе и покорно ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске. А поля уже резко чернеют папнями и ярко зеленеют закустившимися озимями... Пора на охоту!

И вот я вижу себя в усадьбе Арсения Семеныча, в большом доме, в зале, полной солнца и дыма от трубок и папирос. Народу много — все люди загорелые, с обветренными лицами, в поддевках и длинных сапогах. Только что очень сытно пообедали, покраснелись и возбуждены шумными разговорами о предстоящей охоте, но не забывают допивать водку и после обеда. А на дворе трубит рог и завывают на разные голоса собаки. Черный борзой, любимец Арсения Семеныча, взлезает на стол и начинает пожирать с блюда остатки зайца под соусом. Но вдруг он испускает страшный визг и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсений Семеныч, вышедший из кабинета с арапником и револьвером, внезапно оглушает залу выстрелом. Зала еще более наполняется дымом, а Арсений Семеныч стоит и смеется.

— Жалко, что промахнулся! — говорит он, играя глазами.

Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом — красавец цыган. Глаза у него блестят дико, он очень ловок, в шелковой малиновой рубашке, бархатных шароварах и длинных сапогах. Напугав и собаку и гостей выстрелом, он шутливо-важно декламирует баритоном:

Пора, пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть! —

и громко говорит:

— Ну, однако, нечего терять золотое время!

Я сейчас еще чувствую, как жадно и емко дышала молодая грудь холодом ясного и сырого дня под вечер, когда, бывало, едешь с шумной ватагой Арсения Семеныча, возбужденный музыкальным гамом собак, брошенных в чернолесье, в какой-нибудь Красный Бугор или Гремячий Остров, уже одним своим названием волнующий охотника. Едешь на злом, сильном и приземистом «киргизе», крепко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитым с ним почти воедино. Он фыркает, просит-ся на рысь, шумно шуршит копытами по глубоким и легким коврам черной осыпавшейся листвы, и каждый звук гулко раздается в пустом, сыром и свежем лесу. Тявкнула где-то вдалеке собака, ей страстно и жалобно ответила другая, третья — и вдруг весь лес загремел, точно он весь стеклянный, от бурного лая и крика. Крепко грянул среди этого гама выстрел — и все «заварилось» и покатилося куда-то вдаль.

— Береги-и! — завопил кто-то отчаянным голосом на весь лес.

«А, береги!» — мелькнет в голове опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, как сорвавшийся с цепи, помчишься по лесу, уже ничего не

разбирая по пути. Только деревья мелькают перед глазами да лепит в лицо грязью из-под копыт лошади. Выскочишь из леса, увидишь на зеленях пеструю, растянувшуюся по земле стаю собак и еще сильнее наддашь «киргиза» наперерез зверю, — по зеленым, взметам и жнивьям, пока, наконец, не перевалишься в другой остров и не скроется из глаз стая вместе со своим бешеным лаем и стоном. Тогда, весь мокрый и дрожащий от напряжения, осадить вспененную, хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лесной долины. Вдали замирают крики охотников и лай собак, а вокруг тебя — мертвая тишина. Полуоткрытый строевой лес стоит неподвижно, и кажется, что ты попал в какие-то заповедные чертоги. Крепко пахнет от оврагов грибной сыростью, перегнившими листьями и мокрой древесной корою. И сырость из оврагов становится все ощутительнее, в лесу холоднеет и темнеет... Пора на ночевку. Но собрать собак после охоты трудно. Долго и безнадежно-тоскливо звенят рога в лесу, долго слышатся крик, брань и визг собак... Наконец, уже совсем в темноте, вваливается ватага охотников в усадьбу какого-нибудь почти незнакомого холостяка-помещика и наполняет шумом весь двор усадьбы, которая озаряется фонарями, свечами и лампами, вынесенными навстречу гостям из дому...

Случалось, что у такого гостеприимного соседа охота жила по нескольку дней. На ранней утренней заре, по ледяному ветру и первому мокрому заимку, уезжали в леса и в поле, а к сумеркам опять возвращались, все в грязи, с раскрасневшимися лицами, пропахнув лошадиным потом, шерстью затравленного зверя, — и начиналась попойка. В светлом и людном доме очень тепло после целого дня на холоде в поле. Все ходят из комнаты в комнату в расстегнутых поддевках, беспорядочно пьют и едят, шумно передавая друг другу свои впечатления над убитым матерым волком, который, оскалив зубы, закатив глаза, лежит с откинутым на сторону пушистым хвостом среди залы и окрашивает своей бледной и уже холодной кровью пол. После водки и еды чувствуешь такую сладкую усталость, такую негу молодого сна, что как через воду слышишь говор. Обветренное лицо горит, а закроешь глаза — вся земля так и поплывет под ногами. А когда ляжешь в постель, в мягкую перину, где-нибудь в угловой старинной комнате с образничкой и лампадой, замелькают перед глазами призраки огнисто-пестрых собак, во всем теле заноет ощущение скачки, и не заметишь, как потонешь вместе со всеми этими образами и ощущениями в сладком и здоровом сне, забыв даже, что эта комната была когда-то молельной старика, имя которого окружено мрачными крепостными легендами, и что он умер в этой молельной, вероятно, на этой же кровати.

Когда случалось проспаться охоту, отдых был особенно приятен. Проснешься и долго лежишь в постели. Во всем доме — тишина. Слышно, как осторожно ходит по комнатам садовник, растапливая печи, и как дрова трещат и стреляют. Впереди — целый день покоя в безмолвной уже позимнему усадьбе. Не спеша оденешься, побродишь по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не таким, как другие. Потом примешься за книги, — дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках. Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то приятной кисловатой плесенью, старинными духами... Хороши и заметки на их полях, крупно и с круглы-

ми мягкими росчерками сделанные гусиным пером. Развернешь книгу и читаешь: «Мысль, достойная древних и новых философов, цвет разума и чувства сердечного»... И невольно увлечешься и самой книгой. Это — «Дворянин-философ», аллегория, изданная лет сто тому назад иждивением какого-то «кавалера многих орденов» и напечатанная в типографии приказа общественного призрения, — рассказ о том, как «дворянин-философ, имея время и способность рассуждать, к чему разум человека возноситься может, получил некогда желание сочинить план света на просторном месте своего селения»... Потом наткнешься на «сатирические и философские сочинения господина Вольтера» и долго упиваешься милым и манерным слогом перевода: «Государь мой! Эразм сочинил в шестом-надесяти столетии похвалу дурачеству (манерная пауза, — точка с запятой); вы же приказываете мне превознести пред вами разум...» Потом от екатерининской старины перейдешь к романтическим временам, к альманахам, к сантиментально-напыщенным и длинным романам... Кукушка выскакивает из часов и насмешливо-грустно кукует над тобою в пустом доме. И понемногу в сердце начинает закрадываться сладкая и странная тоска...

Вот «Тайны Алексиса», вот «Виктор, или Дитя в лесу»: «Бьет полночь! Священная тишина заступает место дневного шума и веселых песен поселян. Сон простирает мрачные крылья свои над поверхностью нашего полушария; он стрясает с них мрак и мечты... Мечты... Как часто продолжают оне токмо страдания злощастнаго!..» И замелькают перед глазами любимые старинные слова: скалы и дубравы, бледная луна и одиночество, привидения и призраки, «ероты», розы и лилии, «проказы и резвости молодых шалунов», лилейная рука, Людмилы и Алины... А вот журналы с именами: Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из «Евгения Онегина». И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...

IV

Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие. Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семеныч... Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства!.. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!

Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью. Дни стоят синеватые, пасмурные. Утром я сажусь в седло и с одной собакой, с ружьем и с рогом уезжаю в поле. Ветер звонит и гудит в дуло ружья, ветер крепко дует навстречу, иногда с сухим снегом. Целый день я скитаюсь по пустым равнинам... Голодный и прозябший, возвращаюсь я к сумеркам в усадьбу, и на душе становится так тепло и отрадно, когда замелькают огоньки Выселок и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья. Помню, у нас в доме любили в эту пору «сумерничать», не зажигать огня и вести в полутемноте беседы. Войдя в дом, я нахожу зимние рамы уже вставленными, и это еще более настраивает меня на мирный зимний лад. В лакей-

ской работник топит печку, и я, как в детстве, сажусь на корточки около вороха соломы, резко пахнувшей уже зимней свежестью, и гляжу то в пылающую печку, то на окна, за которыми, синевя, грустно умирают сумерки. Потом иду в людскую. Там светло илюдно: девки рубят капусту, мелькают сечки, я слушаю их дробный, дружный стук и дружные, печально-веселые деревенские песни... Иногда заедет какой-нибудь мелкопоместный сосед и надолго увезет меня к себе... Хороша и мелкопоместная жизнь!

Мелкопоместный встает рано. Крепко потянувшись, поднимается он с постели и крутит толстую папиросу из дешевого, черного табаку или просто из махорки. Бледный свет раннего ноябрьского утра озаряет простой, с голыми стенами кабинет, желтые и заскорузлые шкурки лисиц над кроватью и коренастую фигуру в шароварах и распоясанной косоворотке, а в зеркале отражается заспанное лицо татарского склада. В полутемном, теплом доме мертвая тишина. За дверью в коридоре похрапывает старая кухарка, жившая в господском доме еще девчонкою. Это, однако, не мешает барину хрипло крикнуть на весь дом:

— Лукерья! Самовар!

Потом, надев сапоги, накинув на плечи поддевку и не застегивая ворота рубахи, он выходит на крыльцо. В запертых сенях пахнет псиной; лениво дотягиваясь, с визгом зевая и улыбаясь, окружают его гончие.

— Отрыж! — медленно, снисходительным басом говорит он и через сад идет на гумно. Грудь его широко дышит резким воздухом зари и запахам озябшего за ночь, обнаженного сада. Свернувшись и почерневшие от мороза листья шуршат под сапогами в березовой аллее, вырубленной уже наполовину. Вырисовываясь на низком сумрачном небе, спят нахохленные галки на гребне риги... Славный будет день для охоты! И, остановившись среди аллеи, барин долго глядит в осеннее поле, на пустынные зеленые озими, по которым бродят телята. Две гончие суки повизгивают около его ног, а Заливай уже за садом: перепрыгивая по колким жнивьям, он как будто зовет и просится в поле. Но что сделаешь теперь с гончими? Зверь теперь в поле, на взметах, на чернотропе, а в лесу он боится, потому что в лесу ветер шуршит листвою... Эх, кабы борзые!

В риге начинается молотьба. Медленно расходясь, гудит барабан молотилки. Лениво натягивая постромки, упираясь ногами по навозному кругу и качаясь, идут лошади в приводе. Посреди привода, вращаясь на скамеечке, сидит погонщик и однотонно покрикивает на них, всегда хлестая кнутом только одного бурого мерина, который ленивее всех и совсем спит на ходу, благо глаза у него завязаны.

— Ну, ну, девки, девки! — строго кричит степенный подавальщик, облачаясь в широкую холщовую рубаху.

Девки торопливо разматают ток, бегают с носилками, метлами.

— С богом! — говорит подавальщик, и первый пук старновки, пущенный на пробу, с жужжаньем и визгом пролетает в барабан и растрепанным веером возносится из-под него кверху. А барабан гудит все настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотьбы. Барин стоит у ворот риги и смотрит, как в ее темноте мелькают красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мерно двигается и суетится под гул барабана и однообразный крик и свист погонщика. Хоботье облаками летит к воротам. Барин стоит, весь посеревший от него. Часто он поглядывает в поле... Скоро-скоро забелеют поля, скоро покроет их зазимок...

Зазимок, первый снег! Борзых нет, охотиться в ноябре не с чем; но наступает зима, начинается «работа» с гончими. И вот опять, как в прежние времена, съезжаются мелкопоместные друг к другу, пьют на последние деньги, по целым дням пропадают в снежных полях. А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...

На сумерки буен ветер загулял,
Широки мои ворота растворял, —

начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу заметал...

1900

КОСЦЫ

Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее — и пели.

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки.

Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им.

Кругом нас были поля, глушь серединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня... Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой — или благословенной — Богом стране. И они шли и пели среди ее вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью. И березовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели.

Они были «дальние», рязанские. Они небольшой артелью проходили по нашим, орловским, местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях, еще более плодородных, чем наши. И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были «охочи к работе», неосознанно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, — в обычае, в повадке, в языке, — опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубахами с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами.

Неделю тому назад они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая верхом, как они заходили на работу, пополудновавши: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют

только звери да хорошие, здоровые русские батраки, — потом крестились и бодро сбегались к месту с белыми, блестящими, наведенными, как бритва, косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли вольной, ровной чередой. А на обратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, ложками таскали из чугуна куски чего-то розового.

Я сказал:

— Хлеб-соль, здравствуйте.

Они приветливо ответили:

— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: «Ты прости-прощай, любезный друг!» — подвигались по березовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали и мы и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами — и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем западе, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по пояс, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это было как будто и не пение, а именно только вздохи, подъемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись песни только в России и с той непосредственностью, с той несравненной легкостью, естественностью, которая была свойственна в песне только русскому. Чувствовалось — человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздохнуть, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполнили его эти вздохи. Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окашивая, подбивая округ пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекрасное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса.

Конечно, они «прощались, расставались» и с «родимой сторонущкой», и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединялось:

Ты прости-прощай, любезный друг,
И, родимая, ах да прощай, сторонущка! —

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной.

Ты прости-прощай, любезная, неверная моя,
По тебе ли сердце черней грязи сделалось! —

говорили они, по-разному жалуясь и тоскуя, по-разному ударяя на слова, и вдруг все разом сливались уже в совершенно согласном чувстве почти восторга перед своей гибелью, молодой дерзости перед судьбою и какого-то необыкновенного, всепрощающего великодушия, — точно встряхивали головами и кидали на весь лес:

Коль не любишь, не мил — бог с тобою,
Коли лучше найдешь — позабудешь!

и по всему лесу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность их голосов, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ах, коли лучше найдешь — позабудешь,
Коли хуже найдешь — пожалеешь!

В чем еще было очарование этой песни, ее неизбывная радость при всей ее будто бы безнадежности? В том, что человек все-таки не верил, да и не мог верить, по своей силе и непочатости, в эту безнадежность. «Ах, да все пути мне, молодцу, заказаны!» — говорил он, сладко оплакивая себя. Но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги. «Ты прости-прощай, родимая сторонущка!» — говорил человек — и знал, что все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг — беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством. «Закатилось солнце красное за темные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!» Закатилось мое счастье, вздыхал он, темная ночь, с ее глушью, обступает меня, — и все-таки чувствовал: так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитятко!» — И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба Яга, жалевшая его «по его младости». Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таилиськлады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные тони болотные, носки летучие — и прощал милосердный бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...

Еще одно, говорю я, было в этой песне — это то, что хорошо знали и мы и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие — и невозвратимые. Ибо всему свой срок, — миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклатья, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел божьему прощению.

Париж, 1921

Иван Щёлоков,
член Союза писателей России

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА РЕЧКА КРАСНАЯ

(Гидротопонимические,
историко-географические и религиозные
предпосылки в названии села Красный Лог
Каширского района Воронежской области)

История образования, становления, названия села Красный Лог не так проста, как может показаться на первый взгляд. Здесь по высочайшему указанию императрицы Екатерины II одновременно селились староверы поморского толка, монастырские крестьяне — выходцы из подмосковных и калужских земель. И те, и другие жили по соседству, под одним небом, под одним солнцем, среди единого неоглядного степного простора, изредка прерываемого сухими балками, или, как прозывают их местные жители, логами. Отсюда и названия у них соответствующие: Кондрашкин лог, Дурной лог, Смычков лог... Естественно-природной разделительной чертой этого соседства и поселенческого двуначалия была речка Красная, которая и поныне, протекая через села Красный Лог, Запрудское, Можайское, Данково, впадает под Давыдовкой в Хворостань, а та, в свою очередь, несет соединенные воды уже в Дон. На левом берегу речки Красной, по ходу ее течения с северо-востока на юго-запад, исконно проживали староверы, а на правом — мирские.

На протяжении двух с половиной веков здесь формировались как бы две параллельные истории села, две духовные сферы и два семейно-бытовых и церковно-обрядовых уклада со своими традициями. Даже семейные браки между старообрядцами и мирскими были строжайше запрещены, а нарушавшие этот запрет лишались родительского благословения.

При советской власти, особенно в коллективизацию, в послевоенный период, эти запреты стали ослабевать, молодые краснологцы все чаще нарушали охранительные заветы предков, любовь и взаимное влечение оказывались сильнее условно-религиозных родительских рамок. Однако впитавшиеся за два с лишним столетия в кровь и плоть предрассудки порой напоминали о себе. Было такое и в нашей семье. Моя мама пережила не одну минуту душевных мук и нравоучительных порицаний по поводу своего увлечения моим будущим отцом. Дело в том, что она

из старообрядческой семьи, росла на левом берегу речки. Отец — из мирских, жил на противоположной стороне. Пригласились, полюбили друг друга. Когда решили пожениться, мамы родители упорствовали, упрёкали ее за выбор в спутники жизни «иритика», «сторонского». Странно, но больше всего упрямовала ее мать, моя бабушка Елена Васильевна, или как ее звали — Кулинка, — кроткая, чуткая, удивительно милая женщина.

Мама проявила ответное упорство, вышла-таки замуж за «сторонского», родила троих сыновей. Однако в глубине души она не избавилась от страха за девичье послушание, следовала всем канонам старообрядческой веры, чтобы избежать вышнего, господнего неудовольствия. Я был старшим из детей. Отец, разумеется, слышать не хотел о моем крещении у староверов. Только в своей вере и непременно в православной церкви! Красносельская церковь с тридцатых годов была не действующей. Поэтому крестить отец возил меня на подводе через Ближнее болото и Кондрашкин лог в соседнее село Коломенское, примерно километров за двенадцать на северо-запад от Красного Лога. На этом история моего официального крещения не закончилась. Беспокойство матери перед родителями и своей верой было настолько глубинным, генетически цепким, что она не удержалась и тайком еще раз крестила меня у местного староверского попа Артюшки.

Соотнесенность бытия, речки, лога, околицы, степного простора через раздвоенность сознания, через переживания человеческого сердца, через память об умерших родственниках, упокоенных не на одном сельском кладбище, а на двух — на православном и старообрядческом, лишней раз подтверждает своеобразие исторической ретроспективы села, его отличие от десятков, сотен населенных пунктов Воронежской области.

Название села Красный Лог неотделимо от реки, разделяющей село на две части. Старинная зарубежная картография в виде отдельных карт или атласов, изображая реку Хворостань, впадающую в Дон, непременно упоминает и ее левый приток — речку Красную. Она расположена в длинном овраге, протяженность которого составляет 40 километров. В засушливые годы русло сокращается до 3 километров. Наши предки знали об этом и потому возводили здесь плотины. Собственно говоря, речка Красная — это целый каскад плотин. Только в Красном Логу их две. И далее, по течению, плотины с момента заселения существовали в Запрудском, Можайском, Данкове...

Следует отметить, что в предпоселенческие годы берега местных водоемов длительно оставались не заселенными из-за постоянных набегов кочевников. Например, устье реки Хворостань заселялось в начале XVII века крестьянами воронежского женского Покровского монастыря. Первое же упоминание о речке Красной в связи с тем, что она граничила с землями этого монастыря, относится к 1700 году. Некоторые краеведы пытаются доказать, что эта территория в прошлом принадлежала графу Орлову-Давыдову, владевшему землями около села Красный Лог, освоенными в 1881 году выходцами из села Дербякино, расположенного на территории современного Аннинского района.

На отечественных картах речка Красная стала изображаться с петровского времени. Самой ранней из них является карта Южной России Менгдена и Брюса (1699 г.). Имеется она на картах Филиппа Иоганна Страленберга (1730 г.), Делиля (1745 г.), других картографов того времени.

Село Красный Лог впервые фигурирует в атласе наместничеств с 1792 года.

Несколько десятилетий назад воронежский краевед профессор В.П. Загоровский опубликовал статью о речке Красная. Вот что пишет ученый: «На юго-востоке Новоусманского района протекает речка Красная. Впадает она в речку Хворостань. Имя «Красная» было дано речке не сразу. В XVII веке и в первой половине XVIII века она называлась «Правая Россось». Для людей, поднимавшихся на лодках от Дона до Хворостани и доплывавших до первой развилки до слияния двух речек, она оказалась справа. Чуть выше Правой Россоси в Хворостань впадала с другой стороны Левая Россось. Россосями именовались тогда небольшие речки и ручьи, сливавшиеся с более крупной, но тоже не очень большой рекой.

Название «Правая Россось» относится, в основном, к низовьям речки.

Но в исторических условиях XVII-XVIII веков большое значение приобретали ее верховья. Речка вытекала из «Красного буерака, или Красного лога», названного так по цвету земли в нем. Здесь находился край земельных владений воронежского монастыря. В ходе частных земельных споров сюда выезжали межевщики-землемеры, и термин «Красный лог», «Красный верх» (то есть вершина Красного лога) закрепился в документах и в сознании воронежцев. С верховьев название перешло на всю речку, которая стала называться Красной. Во второй половине XVIII века у Красного лога возникло село, которое так и называется — Красный Лог. Любопытно, что название «Левая Россось» сохранилось, так называется речка, почти пересохшая, и село в Новоусманском районе. Название же «Правая Россось» вышло из употребления и забылось».

В.А. Прохоров считает, что речка Левая Россось является правым притоком реки Хворостань.

Таким образом, краеведы запутались в происхождении названия речки Левая Россось.

В своей статье В.П. Загоровский не дает ни одной датировки, чтобы установить первое упоминание о реке Красная, появление на ней поселений.

По мнению краеведа А.В. Кожемякина, название реки Красная связано с тем, что она находится в геологической зоне распространения суглинков, лесса, имевшего буроватый цвет, близкий к красному. Слово «красная» в названии появилось после XIV века, сменив слово «червленая».

Если сравнить современную карту реки Хворостань с более ранними картами, то видно, что последние были точнее. На современных картах нет развилки двух рек — Правой Россоси (Красной) илевой Россоси. Они есть, в частности, на картах Менгдена и Брюса (1699 г.).

Следует отметить, что название реки Правая Россось почти не встречается: А.В. Кожемякину удалось его обнаружить в «Воронежских актах», представляющих собой свод материалов по истории Воронежской и соседних губерний.

В своей работе В.П. Загоровский говорит, что в верховья реки Красной приезжали межевщики, от которых произошло название «Красный лог». Некоторые краеведы связывают название реки с оврагом, не принимая во внимание, что в ранних документах употреблялся верх Красного буерака, который переводится с тюркского языка как «бугор», «склон», «холм». Если посмотреть на карты атласа Дона 1705 года, на

атлас 1745 года и современные материалы, то на них изображены возвышенности. О том, что село Красный Лог находится на возвышенности, сообщают и источники середины XIX века. В современной геологической литературе бассейн реки Красной именуется Икорецкой возвышенностью.

Возможно, название «Красный лог» произошло следующим образом. В эпоху раннего средневековья на территории бассейна кочевали тюрки, они называли местность в бассейне речки Красной «буераком», которую затем перевели на русский язык как «верх», с тем же значением. То же самое получилось и со словом «красный». Первоначально тюрки называли ее «кызылсу» («красная река»). Затем она была переведена на русский язык и таким образом стала речкой Красной, из-за наличия в ее земле красноватого, багрового цвета. Название «Россошь» появилось в середине XVII века, когда на ее берегах появились выходцы из Украины, которые переделали русское северо-восточное слово «разсоха» в украинское слово «розсош».

Наряду с научными гипотезами о происхождении названия реки Красной и впоследствии села Красный Лог, расположенного по ее берегам, существуют и местные легенды о названии. Самой распространенной считается та, что связана с земляникой. Якобы уже первые поселенцы обратили внимание на то, что в окрестных логах, в частности и в том, по дну которого протекает небольшая речка Красная, пересыхающая в засушливые годы, были удивительные по своей насыщенности ягодные места. И когда местные жители в пору созревания ягод проезжали на телеге по луговине, то с колес буквально стекали красноватые струи духовитого земляничного сока.

Одним из самых сложных вопросов в истории села Красный Лог является установление подлинного времени его основания.

По мнению ряда исследователей, село возникло после секуляризации монастырских земель в Калужской губернии в 1764 году и переселения оттуда крестьян, которые построили церковь в 1765 году в одном из трех поселков в окрестностях села. С этого времени якобы и ведется начало Красного Лога. Вместе с тем имеются сведения, что оно было основано в 1779 году. Из этих дат ясно, что село возникло в период между третьей и четвертой ревизиями: 1761—1764 годы и 1781—1783 годы. 1779 год зафиксирован также в возникновении села Трясоруково (ныне Лискинский район). Таким образом, требуется найти документальные данные о возникновении села, а также уяснить процесс его заселения. Сейчас мы имеем точные данные о нем лишь за 1781 год.

Позднее воронежские краеведы В.А. Прохоров, В.П. Загоровский и другие высказали мнение, что село Красный Лог возникло около 1765 года. Предположение основывается на распоряжении Тихона Задонского построить Успенскую церковь, но пока нет документального указания Синода и его разрешения на строительство в селе храма, который на первых порах был деревянным. В литературе нет также сведений о переселенце Курандине, с его нижегородской фамилией, хотя Екатерина II разрешила селиться старообрядцам на воронежской земле в 1762 году. Возможно, что к этому времени следует отнести и возникновение села. Все это пока предположения, но раз был официальный указ о заселении края, то должен также существовать и документ об этом.

Первая попытка написать историю села была предпринята в 1873 го-

ду. В нескольких майских номерах газеты «Дон» появилась статья под названием «Село Красный Лог Воронежского уезда». Там же была упомянута и дата возникновения села — 1779 год.

В декабре 1779 года отмечалось, что «в деревне Масальской на Красном Логу имелась 531 ревизская душа, которую экономические крестьяне платили государству 70 копеек и оброчных денег по 2 руб.». В документе интерес представляет сообщение, что населенный пункт называется «деревней». Это свидетельствует о том, что Красный Лог не имел церкви и, значит, ранга села. До возникновения церкви краснологцы ходили в Архангельский храм села Верхний Икорец.

Краевед Кожемякин убежден, что эта дата является наиболее точной и правильной. Такое мнение основывается на высказываниях исследователей, которые отмечают, что миграции населения из Нечерноземья на черноземные южнорусские земли не было до 1771 года, т.е. до появления «Наставления экономическим правлениям». Первый поток переселенцев начался в 1776 году. В 1781 году было разрешено селиться в Азовскую и Новороссийскую губернии. Следует отметить, что в 1781 году население воронежской губернии стабилизировалось, и поэтому можно было проводить перепись мужского населения (ревизию) в нормальных условиях: все жители Красного Лога находились на своих местах. На новые земли могли переселяться только желающие. Таким образом, возможно, село возникло в 1779 году.

Некоторые краеведы отмечают, что село первоначально носило название: Верхний поселок, Курандино, а затем уже стало Красным Логом, Мосальским на Красном Логу, Успенским, и не отмечают, когда и почему происходили перемены названий. В ряде работ указывается, что село появилось в 1765 году после секуляризации монастырских земель и переселения сюда крестьян из Мосальского уезда Калужской губернии. По старым рассказам, в 1765 году здесь была построена Успенская церковь по распоряжению Тихона Задонского, тогдашнего воронежского епископа, хотя указы о переселении датированы более поздним временем, и краснологцы в 1770 году считали себя «новопоселенцами». Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

На своем историческом пути село Красный Лог дважды входило в состав Воронежского уезда, Бобровского округа, дважды в состав Каширского района, в Левороссошанский, Нововоронежский, Новоусманский районы, где выступало под названиями Курандино, Мосальское на Красном Логу, Успенское, Красный Лог.

Красный Лог довольно длительное время назывался Мосальским на Красном Логу, а по соседству с ним находилось село Мосальское при Белевце хуторе. А был еще уездный городок Мосальск Калужской губернии. В далеком прошлом он являлся центром небольшого удельного княжества с довольно незначительным населением. Крестьяне получали скудные урожаи от своей земли (ил с песком). Даже в XIX веке в этом городке было 3 тысячи жителей. Рядом с ним в те годы существовал Боровенский Успенский монастырь, в котором бывал видный старообрядец протопоп Аввакум. Поэтому не исключено, что впоследствии Красный Лог был переименован в село Успенское в честь одноименного монастыря из Калужской губернии. Об историко-географической близости говорят и характерные названия фамилий краснологцев с окончанием на «ов, ев, ин», что было типичным лишь для Мосальского уезда.

Кстати сказать, при незначительном населении в Красном Логу уже

тогда насчитывалось 60 фамилий, характерных для разных мест России, в то время как в большинстве воронежских сел их количество существенно меньше. Некоторые из фамилий связаны с Великим Новгородом, Нижним Новгородом, Поволжьем, Рязанью. Например, фамилии Замарин, Засорин происходят из города Гороховец, Курандин, Мурашов — из Новгорода, Замараев — из Ярославля, Щёлоков — из Рязани... К сказанному добавим, что примерно 40 фамилий принадлежали старообрядческим поселенцам, 20 — выходцам из монастырских крестьян.

Возможно, наличие такого большого количества фамилий связано с тем, что Мосальское на Красном Логу состояло из трех поселков: Верхний, Средний и Нижний, каждый из которых заселялся выходцами из разных мест.

Сложность, противоречивость вопроса о территориях, с которых прибывали в село переселенцы, подтверждается даже результатами диалектологического анализа говора населения Красного Лога, проведенного на материалах экспедиции филологов Воронежского государственного университета. По мнению лингвистов, в селе присутствует так называемое диссимилятивное аканье. В «Лингвистическом атласе русских народных говоров» утверждается, что данная особенность не характерна для жителей Московской и Калужской областей, откуда, по мнению большинства историков, были родом переселенцы. Вместе с тем, по оценке специалистов, в говоре краснологцев наличествуют языковые черты, характерные и для Калужской области: протетический «в» в начале слова перед «у» и «о», протетический «и» в начале слога перед согласным. Доминирующее в речи краснологцев аканье указывает на южнорусскую языковую принадлежность. Возможно, это означает, что население Красного Лога принадлежит к группе межзонального мосальско-южнорусского говора. О южнорусской основе свидетельствует и такое фонетическое явление, как «шоканье».

Как уроженец села Красный Лог и как филолог, участвовавший в студенческие годы в фольклорных и диалектологических практиках от филологического факультета Воронежского государственного университета в различных населенных пунктах области, от себя могу добавить: в говоре краснологцев отсутствует согласный звук «ч». В словах, начинающихся с «ч», коренные селяне обязательно употребят вместо него согласный «щ». Например, не «чугун», а «щугун», не «чулок», а «щулок», не «чудо», а «щудо» и т.д.

Совместное проживание в одном населенном пункте старообрядцев и мирских, крайне неохотное в далеком прошлом общение и стремление раскольников максимально изолироваться от нововеров в быту, нравах и служении Богу вплоть до нынешних дней хранит определенные морфологические различия в построении имен собственных. Например, мирские, исконно жившие на правом берегу речки, никогда не обращались друг к другу с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов. Их обращения звучали так: Манька, Фросья, Дунья, Оля и т.д. Зато на левом берегу речки вы никогда не услышали бы подобного. Старовер обязательно добавит к звучащему имени уменьшительно-ласкательный суффикс: Маничка, Верочка, Фросичка, Дуничка, Симочка, Олечка... Приезжему это, может, вряд ли бросится в глаза сразу. А для тех, кто родился и вырос в одном селе, эти различия с детства были незримой опознавательной меткой в принадлежности земляков и сверстников к религиозно-родовой группе.

Из множества противоречивых фактов по истории Красного Лога наибольшее количество вопросов вызывает появление здесь старообрядчества. Различные источники трактуют тему по-разному. Одни документы свидетельствуют, что староверы были в числе первых переселенцев, другие говорят о расколе, который произошел среди верующих. Однако при этом не отрицается, что село было известно как центр старообрядчества в бассейне реки Хворостань, исповедовавшего беспоповщину поморского толка.

В описании Воронежского уезда 1785 года говорилось, что «во общезнании поселян странных обычаев и особливо в нравах, обрядах и в прочем не видно». Нет старообрядцев даже в специальной таблице о составе населения. Не упоминаются они и первым воронежским краеведом Е.А. Болховитиновым (1767—1837 гг.). Зато его преемник М.И. Славинский считал, что в 1770 году крестьяне «начали селиться на пустоорожных землях в Коротоякском и Воронежском уездах и положили тут начало раскольничьим сектам».

В наше время наиболее подробно об этой малоизученной стороне краснологовской истории сообщает воронежский историк О.В. Василенко в работе «Проблемы истории заселения села Красный Лог Каширского района в XVIII—XIX вв.». Вот что пишет автор статьи:

«Появление раскольников на р. Хворостани относится ко времени заселения этой местности, когда вместе с православными выходцами из центральных губерний России шли на новые земли и представители различных раскольнических толков. В свое время хворостанские старообрядцы поддерживали связь с раскольническими общинами и других губерний. Например, беспоповцы Хворостани сносились с жителями города Козлова, где проживал их главный «попечитель» — поставщик беглых попов — Михаил Моисеевич Мортанов. Беглопоповцы имели также отношения с Москвой: так, в 1887 году в селе Мосальском (ныне село Красный Лог) православная девица Дарья Потапова вышла замуж за беглопоповца Агапа Жукова «по раскольническому обряду», который был совершен в поселке Бирюченском в простой мужицкой избе приезжавшим из Москвы каким-то «раскольничьим попом». Село Красный Лог также является центром поморского раскола для всей Хворостани. Здесь поморцы живут до настоящего времени. Наряду с этим в селе существуют два кладбища — мирское и старообрядческое. Как отмечают местные старожилы, раньше сосуществование мирских и староверов было очень проблематичным: живя рядом, они не имели никаких отношений между собой. У каждого из представителей раскола была своя церковь, свое кладбище. В «Памятной книжке для жителей Воронежской губернии» за 1893 год отмечается, что в селе Красный Лог существует церковь Успения, построенная в 1773 году, в приходе которой было 2131 лиц мужского пола и 2278 лиц женского пола (всего 4409 человек). Старообрядцев было 1519 душ обоих полов. Такое большое количество старообрядцев объясняется естественным приростом, а также тем фактом, что происходило падение авторитета духовенства, что, естественно, благоприятствовало распространению раскольнической пропаганды и, как следствие, увеличению числа раскольников.

Таким образом, история села Красный Лог интересна и противоречива. Можно утверждать, что колонизация района происходила в XVIII веке крестьянами из центральных областей России, но нельзя исключать прибытия переселенцев с южных рубежей России, основываясь на результа-

тах филологического анализа. Заселение рассматриваемого района было неравномерным. Кроме того, существовал отдельный слой населения, который составляли староверы-поморцы».

С общим взглядом О.В. Василенко на проблему трудно не согласиться. Однако главного ответа в статье автора, как и у других исследователей, нет: каким образом появились в Красном Логу староверы: они пришли самостоятельно, как переселенцы или пополнили ряды раскольников уже из числа осевших здесь на постоянное место жительства монастырских крестьян?

Признаюсь, у нас с А.В. Кожемякиным, по мере знакомства с источниками, сложилось представление, что краснологский старообрядческий феномен был привнесен извне, стал результатом переселенческой политики Российского государства в середине XVIII века. Скорее всего, после известного указа Екатерины Великой от 1762 года некие первопроходцы из староверов заранее обследовали свободные степные земли вдоль небольшой речки Красной. Местность им приглянулась, и потянулись сюда из разных уголков, главным образом из южнорусских провинций, бородастые раскольники с семьями осваивать черноземную целину Подворонезья. Почему из южнорусских, думаю, ясно: на это указывает привычка акать и шокать, о чем свидетельствуют результаты лингвистического исследования и фамилии некоторых земляков — Демченко, Устименко, Федотенко... Склоняюсь к этой же версии и по семейным преданиям. Мне рассказывала мать, что она точно не помнит, из какой конкретной местности староверы пришли в Красный Лог, но в детстве от своих дедов с бабками слышала: с юга.

Одновременно с ними вдоль речки Красной стали селиться монастырские крестьяне из калужских и московских земель. Екатерина Великая была умным правителем, и с церковно-политической точки зрения расчет царицы на смешанное проживание мирских и староверов на неосвоенных русских землях — часть ее далеко идущих целей: путем совместного проживания ослабить раскольников изнутри, размыть его фундаментальные основы и растворить в общей стратегии государства по укреплению православия. Возможно, так оно и было. Другое дело, везде ли задуманное успешно воплощалось на практике. Если посмотреть на реализацию этой государственной и церковной задачи на примере Красного Лога, результат явно не достиг цели. Позиции староверов там не только не ослабли, наоборот, в XIX веке они окрепли и численно умножились, о чем свидетельствуют статистические данные того времени.

Некоторый свет на сложнейшие внутренние противоречия проливает статья «Село Красный Лог Воронежского уезда», которая была опубликована в трех номерах воронежской газеты «Дон» от 3, 6 и 10 мая 1873 года. Копию этой статьи нам удалось заполучить из Государственной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург). Дух статьи и ретроспективный взгляд корреспондента на отдельные исторические события, происходившие в селе Красный Лог с момента его образования, не просто обескуражили нас, но и утвердили в мысли, что «екатерининский замысел» в этом селе не сработывал. Причиной неудачи, по мнению корреспондента, явились безалаберность, пьянство и продажность присланных в 1779 году в краснологскую церковь священников Прокофия Лазарева и Сафрона Яковлева.

Можно допустить, что факт опубликования статьи мог быть заказом губернских и церковных властей: в XIX веке село Красный Лог на про-

тяжении десятилетий донимало их скандалами на религиозной почве и стало настоящей головной болью для всей Воронежской губернии, подавая дурной пример другим проблемным населенным пунктам империи. И самое главное: староверов от совместного проживания с мирскими не становилось меньше, число «перебежчиков» от нововеров к раскольникам росло. Этим процессом управляли конкретные фигуры при прямом попустительстве священников, дискредитировавших официальную церковь.

Таким образом, напрашивается вывод, что предпосылками на долгом и противоречивом пути в обретении своего нынешнего названия для села Красный Лог стал ряд одинаково важных обстоятельств, связанных как с гидротопонимическими, так и историко-географическими и религиозными обстоятельствами.

Иван Харичев,
краевед

КАЛИТВА — У ПОРОГА И ОКРЕСТ

(Страницы летописи
старейшего придонского села)

Удивительна история старейшего в округе донского села Старая Калитва. В государственных документах оно числилось слободой, городом, уездным и заштатным, а нынче — селом. Любовь к родному краю подвигла учителя-краеведа Ивана Дмитриевича Харичева сложить в книгу «Калитва» страницы летописи о селе и его жителях, чтобы их дела оставались в памяти потомков. Ведь в судьбе села — судьба Отечества, которую надо знать каждому из нас. Чтобы быть помнящими свое древнее славянское родство.

По расположению Старая Калитва похожа на осеннюю паутинную сеть. Так мне рисуется образ села с причудливо вилюжистыми овражными подгорными и нагорными улицами по ярам и крутогорам. На центральной Базарной площади — памятник и братская могила воинов и мирных жителей села, погибших в годы гражданской войны и Великой Отечественной 1941 — 1945 годов. Здание сельской администрации, Дом культуры с библиотекой, почта и магазины. Есть молитвенный дом. Планируют предприниматели Кухтенковы на месте Поклонного Креста возвести деревянную церковку, благоустроить территорию.

По названию площади прилегающую часть села поименовали Базар.

В балке Тупка от Липова яра до Крейдянки занял место Барлог. В украинском языке это слово означает большую грязную лужу, в которой, возможно, в стародавние времена нежились дикие кабаны. Сейчас подобную картину трудно представить. Ведь в укрытом от степных ветров укромном месте веками живут люди, рядом широкий яр, где пасут лошадей, коров и овец. По рассказам старожил, в 1917 году донской разлив дошел до самой Крейдянки, и там было самое богатое рыбное место для ловли сетями.

Жителей отвершков и склонов Липова яра калитвяне называют липовцами, а часть села — Липовкой. Струился здесь родниковый ручей и росли могучие липы. Но давно уже нет ручья и лип, а название сохранилось.

Улицей до самого Дона раскинулась часть села, известная под именем Подгоряна. Огороды и сады на плодородных почвах. Густо стояли хаты, наполненные детворой.

Многолюдное население Барлога и Подгоряны было объединено в колхоз имени Степана Разина. В настоящее время здесь более двадцати домов, в которых живут одинокие старики и дачники. Остальные бесхозны или порушены. На душе камень: больно смотреть на родную улицу, на бугры, зарастающие бурьяном, и Тупку в зарослях диких кленов-самосевок.

Когда-то на пожизненную и наследственную службу из «вольных людей» набиралось стрелецкое войско. Служили в Москве и гарнизонах окраинных городов. А Калитва в начале восемнадцатого века была пограничьем. По рассказам, у озера Подгорного на взгорье подразделение Ивана Чушахи охраняло здешнюю территорию. Потомственный стрелец двухметрового роста и непомерной силы погиб в сражении с кочевниками.

Крутогорье и склоны в ту пору были заселены и названы — Чушаховка. Мало кто помнит сейчас старое название, большинство эту часть села называют «Победа» по имени колхоза.

Две женщины попросили остановить автобус. Не без удивления водитель спросил: «А где вы живете?».

— В ярке. По дороге вниз — и дома.

На дне широкого оврага облюбовали себе местечко слобожане. Церковь и магазины недалеко, на левады и к озеру Подгорному рукой подать. Нарезали участки земли, построили жилье и назвали улицу — Яровая, а часть села — Яр...

ОЗЕРА СТАРОРЕЧЬЯ

В донской пойме, у изножья села, много озер. Ближняя к Старой Калитве — цепь озер, оставшихся от старого русла Дона: Приступино, Подгорное, Поганчик. Они соединялись ериками и протоками между собой и Доном.

Дамба и водозабор химического завода перекрыли природное движение воды во время разливов. Исчезли озера староречья Тимошина Яма, Холодное, в бедственном положении Приступино. Первое название получило по фамилии владельца, разводившего на озере гусей и уток.

В детстве пугали нас, непослушных мальчишек, огромным сомом на озерной яме, который уток и гусей проглотить мог... Поймали «разбойника», везла его лошадь на бричке, хвост по земле тянулся.

Озеро Подгорное в полном смысле слова раскинулось под горой, за ним пойменный луг.

Поганчик — плохая вода, плохая рыба. По-калитвянски: «пагана рыбка, та пагана и юшка».

ЛЕСНЫЕ И ПОЙМЕННЫЕ ОЗЕРА

Живописны лесные озера левобережной поймы Дона: Короб, Подпольное, Песчаное, Стародонье, Желтое, Красное... Они заполняются внешними водами реки во время весенних половодий. Колебания глубин от одного до трех метров, а яма на Коробе — до двенадцати метров. Здесь илистое дно, береговые заросли камыша, рогоза, куга остролиста, осоки, кувшинок и лилий. Озера питаются родниковой, дождевой и талой сне-

говой водой. Цвет воды зависит от цвета корней и размокших осенних листьев. Эти озера имеют продолговатую и округлую форму.

По рассказам стариков: «Короб в лесном окружении, как в коробке». Подпольное — название характеризует географическое расположение озера, — около поля, ниже его.

У Старой Калитвы на заливных лугах наиболее известные озера: Волчье, Жабино, Куговатое, Кривое, Каменное, Плоское, Хрещатое, Чернобыльное. Хрещатое — озеро «с разветвлениями, имеющее развилки, отвершки». Озера в окружении зарослей лозы, ивы, вербы, куги, осоки. Многие из них летом пересыхают.

ЖДАНОВСКИЕ ПРУДЫ

Призывный лозунг: «Колхозники, стройте пруды и водоемы!» был одобрен широкой общественностью Калитвы. Балку Правой Тупки, в хвостике Малого Мышенского решили запрудить. Возвели земляную плотину. Многоснежная зима и дружная теплая весна позволили быстро наполнить водоем. Плотина не выдержала, и бурный поток двинулся на Калитву. Так и получилось, что пруд построили на свою беду. Сохранилась полуразрушенная плотина, а урочище так теперь и называют «У пруда».

Старый пруд у бывшего хутора Топило больше похож на лесное озеро в живописной балке у самой опушки Большого Мышенского леса. Вековые дубы смотрятся в зеркало воды, а бережки обросли осокой и рогозом.

Малый прудик за бугром в естественной родниковой ложбине зарос камышом и вербами. Из земли бьют ключи. Здесь же был срубовый колодец, к которому тянулись тропинки от хуторских дворов.

В прудах рыба немудреная, мирная — карась. Прудовое мелководье и малокормица замедлили у карасей рост. На поплавочную удочку можно наловить карасей-лилипотов, которых рыбаки зовут «пятакими». Иногда клюет сазанчик.

Много здесь зеленых жаб и лягушек, с глазу на глаз встречался я с простоватым и открытым взглядом ужа и кроваво-красными глазами черной гадюки.

В безлюдный день на степных прудах, на полевых болотцах можно встретить цаплю-кочевника, степную утку огарь, чирков, быстроскрылых ласточек. В недавние годы наши места облюбовали аисты... Есть вода — есть жизнь.

Прудовое хозяйство колхоза «Победа» при председателе Александре Павловиче Жданове увеличилось. Были построены два пруда в вершине Липова яра, в Грушках, в Топило, подновлена плотина в Молошниках.

Чиста вода донских родников, как девичья слеза, вкусная и холодная, что зуб ломит, а чай пить — не напьешься. Присядешь на корточках к роднику, почерпнешь ковшиком, и утолишь жажду в жаркий полдень. А ключ выбивает водицу, и искрится она в солнечных лучах своей чистотой, а на дне родника можно разглядеть каждый камушек. Добрый человек оставил частицу сердца, обустроивая родник.

БУГРЫ, ОБОЖЖЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Живописна донская пойма у Калитвы. Остроумны и точны названия мест. Например, Танковый ров, урочища Гусевница, Куточек, Кушталовы вербы, Паром, Почтарское, Соловей... В донском левобережье — Мед-

вежья и Чалая поляны. Неспроста их называли так, живут в этих именах легенды, бывальщина, выдумки, побрехушки. В беседах со стариками можно услышать загадки и шутки, затаившиеся в названиях.

Поэт Станислав Сериков писал:

Большим и малым поселениям
Давал названья человек.
То брал приметы у природы,
То бытовые брал слова,
И возникали — Сошки, Броды,
Двуречки, Сселки, Калитва.

В старокалитвенской округе в результате выселки жителей сел и слобод возникли хутора. Некоторые переросли в села, другие исчезли.

Кулаковка стала селом. Расположено оно на берегу Дона. Возникло в 1780 году как хутор. Назван по фамилии первопоселенца Кулакина. Часть села местные жители называют — Керсон. Слово довольно близкое к Херсону. Неудивительно, что оно перекочевало в наше Придонье вместе с украинскими черкасами. Украинско-белорусские фамилии распространены в наших селах и среди росошанцев — Живолуп, Толстун, Руденко, Дорошенко, Павленко, Вернигоровы, Кульбацкие, Долголевы, Кривонос... Удивительны названия кулаковских урочищ: Вылындык, Пристены, Коловерть, Джугивка, Пыризнэ, Хиврина... Имена древние, но память поколений сохранила их. Урочища эти в донском набережье: Вылындык — пляж в конце села, Пристены — гора возле Вылындыка; Коловерть и Джугивка — скопление оврагов у Пристен и Лысой Горы; Пыризнэ — холм, разделяющий поля; Хиврина — донская пойма в начале села, названа по имени наемщицы земли, помещицы Хевроньи.

Во второй половине XIX века число жителей в Кулаковке значительно выросло, но для церковного прихода было мало. Упросили калитвян пожить во время переписи населения в хуторе. Хитрость удалась, и в 1856 году тут была построена деревянная Никольская церковь.

В 1930 году образовался здесь колхоз «Оборона». В хозяйстве было развито полеводство, животноводство, овощеводство, пчеловодство и огородничество.

В селе была начальная школа, почтовое отделение, медпункт, клуб, магазин.

В 1959 году Кулаковка вошла в состав колхоза «Победа».

В 2011 году в селе — 65 дворов с населением 160 человек. Территория входит в состав Старокалитвенской администрации.

Кулаковка — родина доктора биологических наук Татьяны Михайловны Решетниковой, кандидата технических наук Павла Алексеевича Мозгового, кандидата химических наук Валентины Васильевны Худиной.

Лощина — село на левом берегу реки Черная Калитва. Названо по природным особенностям местности. Лощина — низменная впадина, долина. Основано выходцами из Старой Калитвы в 1924 году.

По данным 2011 года, в селе жителей 412 человек и 131 двор.

В настоящее время село Лощина входит в Старокалитвенскую администрацию, здесь производственный участок сельхозпредприятия «Берег».

Хутор Мирошников находился в вершине балки Левая Тупка. Образован выходцами из Кулаковки и украинскими переселенцами в начале

XX века. Назван по фамилии первопоселенца. Входил в состав колхоза имени Чапаева. Распался в пятидесятые годы прошлого века.

Хутор Рогожин старожилы Калитвы называли Рогожиной деревней. Размещался на отвершке балки Правая Тупка, в рассохе степного оврага. Полею проходила дорога из Старой Калитвы на Карабут. В 1910 году родным братьям Михаилу, Николаю и Федору Сакардиным выделили эту землю для поселения.

В толковом словаре С.И. Ожегова рогожка — белая толстая и редкая ткань с негладкой поверхностью. Возможно, по одежде поселенцев из рогожиной ткани хутор назвали Рогожиным. Проживало в нем более десятка человек. В коллективизацию вошел в колхоз имени Чапаева. Жители хутора переехали в Старую Калитву. Колодец, выкопанный ими, называют Рогожкиным, а поля — Россохвата и Рогожино.

Солонцы и Ясный — послереформенные столыпинские хутора, основанные в 1906-1910 годах. Хутора-соседи — недалеко от Лощины, у леса Сруб на солончаковых почвах. Происхождения названий понятно. В Солонцах и Ясном было до сотни жителей. Во время коллективизации организован колхоз, трижды менявший название — «Красная Звезда», «Семнадцатый Партсъезд», «Заря коммунизма». Начиная с 1959 года, хутора распались. Большинство жителей разъехались в соседние села.

ЛЕСНОЙ ОКРЕСТ

Старокалитвенские небольшие леса и лесочки по пальцам можно пересчитать: Буерачные — от первого по шестое — в Кулаковке, Большой, Малый и Средний Мышинские, Круглик, Озероватое, Панское, Провалье, Панский Лужок, Пойменный лес Задонья, Тополевая роща (Сокорки). Рукотворный сосновый бор на песчаных дюнах в излучине Дона сгорел в засушливое лето 2010 года. Названия лесов носят частично описательный и частично переносный характер происхождения.

Мышинское — лес под крутогором и на крутогоре бугра, холма. Панское и Панский Лужок — по украинскому обращению «пан». Панское принадлежало помещице Ксении Величко. Панский лужок утерял во времени слово Панский, но сохранил название Лужок.

Бугры, обожженные войной, врачуют время и люди. Степное лесоводство преобразовало донскую степь в обширные поля, в плодородный край. Государственные полевозащитные полосы прошли донским побережьем до его впадения в Азовское море. Желтеют нивы вблизи дубрав, в клетках лесных полос. Зреет богатый урожай. И всюду — жизнь.

КАК ЗОВУТ ТЕБЯ, ПОЛЮШКО?

Более двадцати названий полей хранит людская память. Не удержался и записал полевой алфавит: Грушки, Глыбоке, Дьяконово, Дорошева, Западня, Зрубы, Крейдянка, Майданы, Молошники, Петриково, Прогин, Расщепы, Разрожене, Рогожино, Россохвата, Свинуха, Сорочье, Смолына, Хиврина, Чайчье, Шпыль, Ясыновы...

Названия полей носят описательный характер с учетом местности и растительности.

Владельческие земли — в одном названии — овраг, берег Дона, поле. Дьяконова, Дорошева, Петриково, Рогожино, Хиврина — названы по фамилиям.

Свинуха — Гадюче. Об этом отдельной строкой. В то время излучина старого Дона, соединенная неглубокой протокой образовала остров. На нем водились дикие свиньи, а по оврагам и в поле гадюки. Так и дали урочищу два названия.

Советская и коммунистическая атрибутика просматривалась в названиях колхозов: имени Чапаева, имени Степана Разина, Красная Звезда, Зажиточный, Заря Коммунизма, Оборона, Семнадцатый партсъезд, Победа.

* * *

На необъятных просторах России села — это целый мир со своей историей и культурой, людьми. Селянам есть, чем гордиться. Главное, чтобы не зарастали тропинки памяти, чтобы длилась эта жизнь. Проникновенные строки о селе написал поэт Николай Дмитриев:

Не исчезай, мое село, —
Твой берег выбрали поляне.
И ты в него, судьбе назло,
Вцепись своими тополями.
Прижмись стогами на лугу
И не забудь в осенней хмари:
Ты будто «Слово о полку...» —
В одном бесценном экземпляре.
Вглядись вперед и оглянись,
И в синем сумраке былинном
За журавлями не тянись
Тревожным и протяжным клином.
Твоя не минула пора,
Не отцвели твои ромашки.
Как ими, влажными, с утра
Сентябрь осветят первоклашки!
Послушай звонкий голос их,
Летающий празднично и чисто,
И для праправнуков своих
Помолодей годков на триста...

Алексей Суворин

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

Картинка

Великий пост канул в вечность. Великий пост! Соединяем ли мы, так называемые образованные петербуржцы, какое-нибудь особенное понятие с этим словом? Как же, соединяем. Оперы нет, нет театра, маскарадов, всех тех удовольствий, которые мы так любим; но зато — концерты, театр Буфф, театр Берга. Шансонетки, процессы и проч., и проч.

Когда я пишу эти строки, передо мною проносятся другие, вовсе не петербургские сцены.

Мрачно выглядывает деревенская церковь, полная народа. У образов горит несколько тощеньких свечек, полуосвещающая темные лики икон. Одинокий дьячок, с косичкой назад, которую он заплел еще на Масленице и с тех пор не расплетал за недосугом, невероятно быстро работает языком, так что до слуха прихожан доходит только какой-то гул, да разве «аминь» с «Господи, помилуй».

Выйдет священник в черном подряснике, станет перед царскими дверьми и заговорит: «Господи, владыко живота моего». Церковь захватит от поклонов земных прихожан, от восклицаний: «Господи, милостив буде мне грешному». Ушел священник, но народ все еще молится, поклоны кладутся с каким-то ожесточением и горячий лоб стучит о холодные церковные плиты. Древняя старуха упала ничком и плачет не вставая, и старческие уста бессвязно произносят слова молитвы. Рядом с нею, на коленях, обратив бледное, но молодое и красивое лицо к иконе Божией Матери, стоит жещина; на глазах дрожат слезы, губы двигаются судорожно... Вдруг грудь поднимается и раздается удушливый кашель. Слово из подражания, слышится кашель в другом, третьем месте. Старуха поднимается, глядит на закашлявшуюся молодуху и качает головой. «Плоха ты, думает она, касатка». Долго не умолкает кашель, как не умолкает молитва и не перестают с страстной верой останавливаться глаза на бесстрастных, холодных ликах икон...

И о чем молится этот народ так горячо? Какие великие преступления совершил он, чтоб молиться до истощения сил, чтоб томить свою плоть голодом? Он не фарисействует, он искренен везде и всегда, ему некогда фарисействовать. Он, бедный мытарь, горячо просит Бога отпустить ему прегрешения, смиловаться над его нищенством. Он верит, что голод — божеское пощущение за содеянные грехи... Он молит. Бога-карателя, чтобы Он обратился в Бога милосердного и щедрого... В то время, когда мы с вами рыскали по магазинам, он слушал «страсти Христовы», чтоб научиться терпению у великого Страдальца.

Боже мой, как дорог, как радостен был когда-то для меня праздник Светлого Воскресения!..

— Завтра непременно встанем до света и пойдем смотреть, как солнце играет...

— Уж я не проспю. Я, ребята, всех вас разбуджу. А кто не встанет — водой...

— Ну вот! Как не встать?.. Дядя говорил, что уж очень расчудесно это солнце играет. Так, знаешь, взойдет и по всему по небу заиграет...

— То ишь, как же это, братцы, взиграет солнце-то?

— А так — взиграет и баста. Потому солнцу оно тоже, братцы, радостно, что Христос воскрес. Дядя говорил по всему по небу...

— Беспременно встанем. Сберемся, ребятки, все на Гришкино гумно. Там эта куча навозу высокая. С вышины-то оно виднее.

— Вестимо, виднее...

И с замиранием сердца засыпаешь, и во сне видишь, как разрастается солнце, разрастается в громадные размеры, целые снопы лучей бросая по небу и ослепляя глаза. Глазам становится больно и ты просыпаешься... Заря, заря! Скорей, не умывшись, летишь на Гришкино гумно. Ванька, Алешка, Петька, Гришутка — все там, все уж стоят на куче навоза и пялят глаза на восток, на побагровевшее небо... Ждем в благоговейном молчании; сердечки замирают и бьются, в ожидании чуда.

— А ну, братцы, как оно нынче играть не станет.

— Беспременно станет. Гляди, небо-то какое. Чисто, облачка ни одного нету... Опять, дядя не соврет...

— Известно. Что ему врать!

— Тише, ребята, вон, вон... Плывет, плывет, ребята... Ну, ребята, крестись!.. Христос воскрес!.. Гришка, что не крестишься?.. Ах ты ротозей, ротозей!..

— Не пихайся, малый. Чего дуришь? Будто без тебя не знаю...

— Плывет, плывет, ребята... Господи... Гляди, гляди какое большущее...

— Страсть!..

— Цыц! Ребята, молчи!.. Плывет!.. Тссс...

Огненный шар выкатился и стал над лесом, не посылая еще своих лучей... Но вот, кажется нам, что кружится что-то, вертится по солнцу, словно огневая волна, мы палим, палим глазенки; волна кружится все быстрее и быстрее, словно в середине солнца кто приводит в движение световые волны... Вдруг светом так и обдало нас, и река заблестела, заблестел и луг, и глазам стало больно от света... А тут трезвон сзади нас, такой веселый, радостный, возбуждающий, и солнце забыто!..

— В церковь, ребята, в церковь!..

— Это беспременно Николашка, чертов сын, так трезвонит... Ишь, выделяет, подлец, ишь, выделяет!..

— А мне отец дьякон образок обещался дать носить, — кричит Гришка, улепетывая во все лопатки...

— А хорошо этот Николашка выделывает... Слушай — так, братец ты мой, и выходит: «Трем-блин, трем-блин — четвертому пышка... трем блин... день, день, день — трем...»

Церковь совершенно преобразилась. Куда девался мрак ее, угрюмость икон, нечистота? Где эти рваные зипунишки, это уныние на лицах? Все так весело, так довольно, так радостно раздается «Христос воскрес» и так твердо и с такою верою отвечается: «Воистину воскрес!» Солнечный луч пробрался сквозь окна и играет на стене... Над этой толпой верующей и надеющейся с наивностью непорочного дитяти, словно носится великий призыв: «Придите ко мне все трудящиеся и обремененные и я упокою вас» — и они пришли, они уверовали в чудо и считают его совершившимся. «Христос воскрес!» — словно с этим воззванием, повторяющимся века целые, мир снова возрождается, снова мертвые встают из гробов и старые кости облекаются плотью!

Погодите немного. Сейчас раздадутся громкие голоса: «Христос воскрес из мертвых», и потянутся по деревне протяжно заключительные слова: «живот даровой», как произносят крестonosцы, гордо неся кресты и хоругви. Толпа мальчишек и девчонок окружает их, забегает вперед... Рубахи белые, как снег, с красной вышивкой на плечах, шляпы с золотом и перьями, ленты развеваются из кос девушек и румяные лица блещут... Николашка не жалеет колоколов — и воздух гудит... В воротах хозяева встречают крестonosцев и батюшку...

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

— С праздником... С великим праздником...

— Слава те Господи, дожили-таки!.. И радость, и поцелуи братские.

— Ох, Матвевна, как это тебе не стыдно в такой великий праздник битые яйца давать... Ну, гляди, что это за яйцо? — говорит дьяконица, шествующая вместе с мужем и собирающая всякие даяния...

— А ты что, чертенок, не идешь христосоваться? — кричит дьячок, увидев прижавшегося у печки пятилетнего Ваньку...

— Ванька, иди, иди! — толкают его.

Ванька идет несмело...

— Вот так. Ну: Христос воскрес!.. Ну, отвечай: воистину воскрес. Давай яйцо... Что, нет?.. Ну, вот на ж тебе от меня. Видишь, какое красное. Это, брат, сандалом так делают — дьячиха сама в город ездила... Ах ты, малыш, малыш, ничего ты не смыслишь... А знаешь, кто такой Христос был?..

Но Ваньки уже и след простыл: до того ли ему теперь, когда дьячок дал ему красное яйцо, и он уж показывает его на улице, возбуждая зависть ребятишек и девчонок...

— Машка, давай христосоваться, — говорит парень девке.

— Давай, — говорит Машка, краснея во всю щеку и утирая губы рукавом.

Парень наслаждается, впиваясь губами в губы девушки и медленно отрывая их, чтоб впиться снова, до трех раз!..

Александр Эртель

ДВЕ ПАРЫ

Рассказ

Слух о том, что Лизутку просватали, дошел до Федора. Он угрюмо и молча пошел в тот день на работу и с преувеличенным усердием строгал, тесал, пилил, не отдыхая. За обедом еда не шла ему в горло. Кухарка Матрена долго и с жалостью смотрела на него, подперев рукою щеку, и наконец не выдержала.

— Чтой-то, парень, посмотрю я, убиваешься? — сказала она. — Аль только и свету в окошке? Девка на девку, что галка на галку — все похоже: не та, так другая. Такую-то господь пошлет!.. Чтой-то на самом деле?

— Знамо, ежели не судьба, вешать головы нечего, — сдержанно заметил Ермил, постучав ложкой по краям чашки в знак того, чтоб вылавливали мясо из щей.

— Да ведь обидно, дядя Ермил! — сказал все время молчавший Леонтий, молодой, не женатый еще человек.

— Обидно! — окрысился на него Ермил. — А чего ты, спросить у тебя, смыслить-то супротив божьей воли? Ему-то, батюшке, не обидно, ты по девке по какой-нибудь крушиться будешь? В писанье как сказано? Какой такой закон дан нашему брату? Сказано: не пригоже быть человеку единому. Как это, по-твоему, понимать: дай я буду по чужой невесте убиваться, али как? Нет, не по чужой невесте, а ищи свою суженую. Женись, да тогда и убивайся сколько хочешь, а по чужим убиваться нечего. Ишь, что обдумал: обидно!

Федор молчал, как убитый, и только хмурился. В первое воскресенье, провалявшись до полудня на сеновале, он встал, разыскал Леонтия и сказал ему:

— Пойдем-ка, паря, в кабак: что-то гулять хочется.

По деревне они встретили других парней и пригласили с собою. Деревенские парни вообще жили в ладу с плотниками: Федор часто угощал их и с самого своего появления в Лутошках относился с великою осторожностью к тем девкам, которые «водились» со своими деревенскими парнями. Леонтий вовсе не ходил в Лутошки, — его привлекали девки из

другой деревни. Выпивши в кабаке водки, парни добыли гармонию, стали петь и плясать. Федор разошелся; с мрачным и сосредоточенным видом он откалывал трепака, орал плясовые песни и, засучив рукава рубахи, высоко поднимал четвертную бутылку, разливая водку по стаканчикам. Попойка продолжалась до сумерек. Когда на улице послышались девичьи песни, парни поднялись, чтоб идти туда. Федор не хотел идти.

— Пойдем! Ну, право, пойдем, — убеждали его, — теперь и «улицато» не успеешь глазом моргнуть — разойдется. У Ивана Петровича стовор ноне; девки-то собрались вот, сыграют маленько, да и туда. Право, пойдем. И-их наделаем делов!

Федор наконец согласился. Шумною гурьбой подошли они к толпе девок. Пьяненький парень кинулся обнимать ближайших. «Ну, черт, куда лезешь?.. Налил морду-то!» — с хохотом закричали девки, встречая его здоровыми шлепками.

— А-а... Лизавета Иванна! — коснеющим языком сказал парень, всматриваясь в лица девок, которые стояли позади толпы, обнявшись под одним шуппаном. Это были Дашка и Лизутка.

— И-и, гуляй, гуляй, Маша, поколь воля наша; когда замуж отдадут, такой воли не дадут! — И он, приседая, пошел плясать вокруг них, еле еле удерживаясь на ногах.

— Делай, Васька!.. — закричал Федор, внезапно оживляясь. — Аль про нас девок не хватит?.. Девка на девку, что галка на галку — все похожи... Раздельвай! — И, раздвинув толпу, он сбросил с себя полушубок, схватил гармонию у Леонтия и в одной рубахе пустился плясать. Вмиг из толпы вынырнула Фрося, подперлась в бока и, пошевеливая высокою грудью, подмигивая своими веселыми глазами, поплыла вокруг Федора, приговаривая в лад трепака:

Любила я тульских,
Любила калуцких;
Из Нижнего полюбила,
Сама себя погубила.

— Раздельвай, Фроська! — кричал раскрасневшийся Федор, отбивая частую «дробь» на притоптанном лугу. — Коли на то пошло, всю ночь прогуляем!

Фрося, кокетливо усмехаясь и помахивая платочком, отвечала ему новой приговоркой:

Уж вы, серые глаза,
Режут сердце без ножа...
Ах, завистливый глаз,
Не подглядывай ты нас...
Ох вы, плотнички,
Бестопорнички!
Припасайте топоры
До весенней до поры.
Вам — избы рубить,
Нам — плотничков любить.

Наплясавшись, Федор обнял Фросю и, как будто невзначай, сильно пошатнулся с ней в сторону Дашки с Лизуткой.

— О, чтоб тебя, родимец! — вскричала Дашка, отталкивая Федора.

— Пойдем, Дашенька, пойдем, милая, — дрожащим голосом сказала Лизутка, — здесь, видно, и без нас весело!

И они пошли от толпы.

— Фу, ты, фря какая! — со злостью закричал им Федор вдогонку. — Сзади, подумаешь, барыня!

Вместо ответа Лизутка затянула песню, и Дашка подхватила ее:

Не дуйте-ка, ветерочки.
Не шатайте в бору сосну.
И так сосне стоять тошно,
Разделеной невозможно:
Со вершины сучки гнутся,
По сучочкам пташки вьются,
Они вьются, не привьются.
У девчонки слезы льются,
Они бьются, не уймутся...
Бегут речушки быстрые:
Не бегите, речки быстры,
Не волнуйте синя моря,
Сине море сколыхливо,
Красна девица слезлива.

В толпе стояли шум, гам и смех и заводились разноголосые песни. Подвыпившие парни плясали с девками, подтягивали песни, лезли обниматься... Вдруг в конце улицы зазвенели колокольчики, и скоро мимо шумящей молодежи на рысях проехало несколько телег с разряженными мужиками и бабами. «На сговор, на сговор... Арефьевы на сговор едут!» — заговорили в толпе, и многие бегом устремились вслед за телегами.

Федор, Леонтий и сильно захмелевший Васька пошли в гости к Фросе. Там они опять пили водку и пиво, играли песни, плясали; Федор обнимался с Фросей, крепко целовал ее, поддаваясь шальному взгляду ее странно блестящих глаз и льстивым ласковым речам. Вышли они от нее уже поздно: вторые петухи успели прокричать. Васька как вышел из избы, так и свалился на солому в сених; Фрося, провозжая гостей, пошатывалась и все оставляла Федора. Но плотники все-таки вышли на улицу, держась друг за друга и неуверенно ступая ногами.

— Эге! — сказал Леонтий, останавливаясь среди улицы. — Сговор-то не разъехался... Ишь, черти, песни орут.

— Друг, — плачущим голосом заговорил Федор, — можешь ты понимать, какой я есть несчастный человек на свете?.. Можешь?

— Могу. Я все могу понимать.

— Ты теперь заслужи: двадцать десятин... а?.. даровой земли... Как ты об этом понимаешь? Вот, говорит, тебе, Федор: владей... И вместо того — Мишанька Арефьев...

— Сволочь, одно слово.

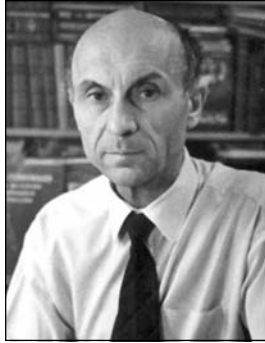
— Нет, двадцать десятин земли и к чему дело довелось — Мишанька... Друг! Леваша! Как меня теперь родитель убил... Ах, убил он меня, братец мой!.. Сестра плачет... сиротки... аль уж доля-то наша быльем поросла?.. Теперь — девка... ты знаешь, девка какая: отдай все — мало! Вот какая девка... Вон песни играют... разла-а-апушку мою выдают... Можешь ты это понимать, братец мой? — И, склонившись на плечо Леонтия, Федор заплакал навзрыд.

Сквозь серый сумрак рассвета в избе Ивана Петрова виднелись огни. На лошадях, стоявших около избы, звякали бляхи, бубенцы, колокольчики: гости собирались уезжать. Песня, невнятно доносившаяся из избы,

вдруг вырвалась на улицу, послышался шумный говор, в дверях избы и на улице столпился народ, огонек вынесенной свечи слабо мигал, задуваемый ветром, охмелевшие люди кричали на лошадей, дергали вожжами, колокольчики и бубенцы ясно звенели, девки в сарафанах стояли в кругу и пели:

Веянули ветры по полю,
Грянули веслы по морю,
Топнули кони Михайлины,
Топнули кони Степаныча...
— С кем-то мне думушку думати,
С кем-то мне крепку гадати?
«Думать думушку с родным батюшкой,
Гадать крепкую с родной матушкой...»
— Эта мне думушка не крепка:
Думать мне думушку с Михайлою,
Гадать крепкую с Степанычем,
— Эта мне думушка крепче всех.

Виктор Будаков,
член Союза писателей России

ДОН И СЛОВО

(Великая река в произведениях
воронежских писателей)

По-настоящему сильно тема Дона звучит у Евфимия (в монастыре Евгения) Болховитинова — историка, поэта, религиозного подвижника, «краеугольного камня православной науки». Стихи его, правда, никогда не издавались да и не сохранились во всей полноте написанного, но в знаменитом «Описании...» родной губернии слово «Дон» встречаем неоднократно.

Позже, через десятилетие, донской мотив зазвучит в строке Михаила Милонова, родившегося близ Задонска Воронежской губернии в имении с говорящим названием «Придонский ключ», — поэт посвятит одноименное стихотворение, в котором Придонский ключ художественно-лаконично прорисован как «в Дон лиющий свой пеннистый кристалл».

В стихотворении «К сестре моей» поэт высказывает корневое, убежденный, что Дон — начало начал его детства, главный родник, вспоивший его детство и дальнейшую жизнь.

Иду, в задумчивом молчаньи,
На брег высокий и крутой,
Где Дон, вспоивший нас, светлеет,
Расстлав далеко зыби вод,
Где жатвой нива богатеет,
Родных полей обильный плод!..

У поэта Дмитрия Веневитинова донская тема несколько раз поэтически являет себя в его прозе — письмах к сестре Софье. Приехав в донское родовое имение Новоживотинное, он воспринимает Дон как возможный источник своего поэтического вдохновения, о чем пишет: «...с восхищением я вновь увидел Дон, и не буду удивлен, если его волны станут для меня волнами Иппокрены». А через две недели — опять о великой реке: «Всякий раз, когда я переправляюсь через Дон, я останавливаюсь на середине моста, чтобы полюбоваться на эту чудную реку, которую глаз хотел бы сопровождать до самого устья и которая протекает безо всякого шума, так же мирно, как само счастье...»

Кольцов и Дон. На первый взгляд — несколько отвлеченная тема. Изо всех знаменитых писателей-земляков — Никитина, Бунина, Платонова, не говоря уже о современных, — Дон не более других присутствует в строке Кольцова. Нет у него веневитиновского Дона, который протекает, «как само счастье»; нет у него исторического мотива, как у Бунина, где Дон связывается с событиями многовековой давности — походом новгород-северского князя Игоря в половецкие степи; нет у него Дона бурлацкого, тяжко-страдного, как у Никитина; нет у него Дона, публицистически и художественно развернутого в размышлении и картине, как у Платонова.

И все же насколько бы обеднел наш художественный мир, ежели бы Кольцов не дал свои строки о Доне:

По-над Доном сад цветет,
Во саду дорожка:
На нее б я все глядел,
Сидя, из окошка...
Сладкий, миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

А в раздольном, богатырском «Косаре» (1836) — все глубже, панорамней:

<...>
Ты прости, село,
Прости, староста,
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по Дону
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..

Дон и степь — неразрывное. С какой-то неизъяснимой пророческой грустью поэт сказал:

В широких степях
Дона тихова
Зелена трава
Давно скошена;

В чем грустная сокровенность этих строк? В широте степи, в дальнем токе Дона? Или в приближении осени человека?

У Ивана Никитина, одного из самых сострадательных русских поэтов, печальника судьбы народной, Дон не раз звучит в поэме «Тарас», и сумрачно-непогодная река как бы предвещает гибель горемыки, ушедшего в низовья Дона бурлачить — влачить груженные баржи.

А небо все темнело, померкало,
Шла туча синяя с дождем,
И молния гладь Дона освещала
И перекатывался гром.

Есть у Никитина и исторические — «донские» — стихи, например, посвященные казакам-донцам (1854 год), их уместно процитировать, пусть и в сокращении:

Привет донцам! Увековечен
Ваш сильный, доблестный народ,
И знает мир, как вами встречен
Войны отечественной год:
Весь Дон восстал, на голос чести,
И день и ночь казак летел
И крови в битвах грозной мести
Последней капли не жалел.
Минула грозная година:
Повесив шашку на стене,
Казак за делом селянина
Забыл о славе и войне...
Войны испытанные дети,
Русь помнит ваши имена!
Недаром славою столетий
Покрыты Дона знамена:
Вы вашей кровию вписали
Любовь к Руси в ее скрижали...

В творчестве Ивана Бунина, вечного странника, жаждавшего художнически познать «тоску всех стран и всех времен», Дон (стихотворение «Ковыль», (1894) видим как бы в его историческом течении — во времени Киевской Руси и трагического Игорева похода в земли половецкие.

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уводит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синееет.
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях,
Да тень от туч кочующих темнеет.
А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клетком псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер, буйный и тоскливый!
... Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

У Андрея Платонова Дон многократно упоминается в историко-художественной повести «Елифанские шлюзы», где рассказывается о скороспешном Петровском проекте — шлюзами соединить воды Оки и Дона. «А что воды мало будет и плавать нельзя, про то все бабы в Елифани еще год назад знали. Поэтому и на работу все жители глядели как на царскую игру и иноземную затею, а сказать, к чему народ мучают, не осмеливались — здесь по-платоновски органично соединяется ироническое,

даже сатирическое с народно-трагедийным. Между тем самому писателю Дон виделся в геополитическом размахе: «Воронеж — Константинополь — Неаполь — Задонск. Идея очень правильная... Великое будущее системы Дона и его преимущество перед Волгой, впадающей в закрытую банку».

В целом же писатели — уроженцы Воронежского придонского края или же породненные с ним исторически, житейски, событийно, творчески — создают многомерный образ Дона, следуя за течением не только реки, но и народной жизни, судьбы народа, у которого, как в эссе о Доне писал автор этих строк, река течет через всю жизнь; она не только страда, кормилица, но и песня сердца, радость и печаль души, духовная глубина «живой воды».

Владимир Новохатский,
член Союза журналистов России

ДЛЯ ТАКОЙ БАБЫ И ТЫСЯЧА ЛЕТ НЕ СРОК

Необычные изваянья стоят во дворе Воронежского областного краеведческого музея — «каменные бабы». Но прежде чем стать уникальным экспонатом, одной из них пришлось немало поколесить по прихоти людей.

ТАЛИСМАН В СТЕПИ

*Изваяньем таинственным в годах былых
Был опущен покров на красавиц степных,
И теперь в тех степях, за их сизым туманом,
С неверженным встретишься ты талисманом...*

Эти вирши восточный поэт Низами сложил более восьмисот лет назад. А в какие давние века уходит образ, навеявший вдохновение стихотворцу, неведомо никому. Самое удивительное то, что загадочный талисман действительно остался неверженным ни временем, ни людьми, сохранившись до наших дней. При этом встретиться с ним можно сейчас не где-нибудь в археологических центрах, где ученые сдувают пылинки с каждого черепка, а на вольном ветру да в ковыльной степи.

А ведь, кажется, нынче в черноземном краю нет ни одного потаенного уголка, где могла бы надолго притаиться древняя загадка. Да и какую тайну способно приготовить бывшее Дикое поле с его извечной безграничной пустотой, если по-настоящему оно узнало руку человека после монголо-татарского ига? Теперь же все тут пахано-перепахано, изъезжено вдоль да поперек, а деревни теснятся так, что петухи перекликаются с околиц. Столь обыденно примитивный взгляд на прошлое родной земли Евгению Краснолуцкому был не в диковинку. Как региональный инспектор по охране историко-культурного наследия, он заботился о всяких древностях в трех южных районах Воронежской области. По разме-

ру это равно какому-нибудь государству на территории Древней Эллады. Конечно, черноземные веши не могут блеснуть акрополем. Но свидетельств того, что и здесь, как утверждают летописи, «бываша древле грады красны», можно привести достаточно.

У хутора Ильинка как-то бросили рыбаки невод в речушку Подгорную и вытащили... кольчугу. Ухи из нее, естественно, не сварить, поэтому находку отнесли Краснолуцкому. Историки-краеведы из Воронежского педагогического университета посмотрели-подивились: подобной старинной одежды еще не видывали — особая арабская вязка, клеймо с иероглифами. Проверили — и подтвердилось, что это самый настоящий воинский раритет, которому без малого 1300 лет. Надпись на клейме гласила: «Посланец Божий». Очевидно, кольчуга защищала грудь явно не рядового воителя-предка. Так в Калачеевском районном музее появился экспонат, которым не могут похвалиться даже областные хранилища древностей. Тут же рядом — скифский меч-акинак. Его нашли на огороде, когда копали картошку. Пробовали в деле — хоть и зацербился маленько акинак в земле за пару тысяч лет, но арбуз расколот не хуже нынешнего столового ножа. Неплохо ковали железо скифы.

Впрочем, не забывали они и о прекрасных дамах. Как-то в степном кургане столичные археологи обнаружили захоронение скифской красавицы. Всяких украшений — бусы, серьги, колье с медальонами, перстни и пояс с узорами — было на ней явно не меньше, чем у современных модниц. Что же касается прочего житья-бытья, то ученые узнали, что жила она припеваючи раза в полтора дольше, чем обычные скифянки — примерно до 60 лет. Страдала от недугов, которые и сегодня многим людям весьма докучают — от остеохондроза и зубной боли. Так что таинственный покров на красавицах степных, о чем писал Низами, суждено приоткрыть именно этой земле. Просто нужно внимательнее всмотреться в знакомые просторы, чтобы увидеть былое. Время хранит его не только в развалинах Трои или в египетских пирамидах. Здесь история шествовала от кургана к кургану, кое-где оставляя необычные изваяния — неопровержимые талисманы прошлого. В народе, да и в научной среде, их называют каменными бабами. С одной из таких особ инспектор Краснолуцкий натерпелся немало хлопот.

СУРОВЫЙ ВИД И СТРОГИЙ ПРАВ

*...Вкруг него твой увидит дивящийся взор
Древки стрел, словно травы у сонных озер.
Но хоть стрелам, разящим орлов, нет и счета —
Здесь увидишь орлов, шум услышишь их взлета.
И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина...*

Кыпчаки, собственно, не кто иные, как чуточку знакомые нам по школьным учебникам половцы. На будущих охранных владениях Краснолуцкого они и оставили после себя каменную бабу. Древний зодчий изваял ее трехметрового роста и в несколько тонн весом. По заведенной традиции кочевники водрузили памятник на вершину кургана. Каким-то чудным образом простояла баба в урочище неподалеку от села Старая

Криуша Петропавловского района до нынешних дней. Веками она мирно соседствовала с криушанами. Исправно служила на покосах точкой отсчета для нарезки наделов. Романтическая молодежь даже назначала здесь свидания. Под присмотром каменной бабы, говорят, и любовь была крепче, и жизнь надежнее. Ведь когда нужно, половецкий талисман, как утверждают сельчане, мог и норов проявить.

По Старой Криуше до сих пор ходит легенда, как зажиточная и многолюдная семья Луценковых в единоличные еще времена повздорила с каменной бабой. Тогда по соседству с ней стояла фигурка поменьше — вроде бы как ребенок при матери. Вот эту статульку старик-Луценко и замуровал в фундамент дома, чтобы крепче был. Но вскоре семья стала таять на глазах: хвори да несчастья забирали за год по несколько человек. Так и съехали Луценки из села. Избу их раскатали. Изваяние из фундамента куда-то исчезло.

Однако это преданья дней минувших. А тут получилось, что «черные археологи» разворошили курган. Но баба им не далась — не сумели злодеи выдернуть ее с насиженного места. Поэтому половецкая достопримечательность была возведена в почетный ранг памятника археологии и истории федерального значения. И решили перевезти каменную бабу поближе к цивилизации в соседний город Калач. Место ей приготовили в самом центре, в краеведческом уголке возле ветряной мельницы. Однако новоселье чем-то не понравилось каменному изваянию. То ли калачеевцы оказались чересчур мнительными, то ли все было обусловлено какими-то объективными совпадениями, но именно с появлением каменной ступнянки обыватели связали участвовавшие напасти — то пожары, то болезни, то разные неприятные происшествия. Словом, не сошлись характерами.

А вот криушане были убеждены в обратном: дескать, насильная отлучка знаменитой соседки вышла селу боком. Над Старой Криушей то вихрь пронесется, то град обрушится, какого не было отродясь. Как-то весной полсела вообще накрыло невиданное в петропавловских краях паводковое наводнение. Тут уж невольно поверишь во всякие приметы. Нынче в этом ничего удивительного нет. Что говорить, если ученые люди от недоброго сглазу осветили Нововоронежскую атомную электростанцию. А с крестьян какой спрос? Построили они дамбу на случай грядущей водной стихии, а вдобавок написали челобитную в Калач: мол, верните селу талисман ради успокоения природных катаклизмов. Калачеевцы такому повороту событий, кажется, и рады были: их одолела засуха, хотя по соседним районам дожди кружат исправно.

— Отдай криушанам эту капризную бабу, — то ли в шутку, то ли всерьез попросил инспектора-хранителя глава района. — А то ненароком без урожая останемся.

Идею согласовали в высоких областных культурных сферах, и отправилась половецкая путешественница обратно домой. Правда, сил, а может, желания водрузить ее на прежнее курганное место в отличие от кропотливых кыпчаков у современных транспортников не достало. Сгрузили древнюю даму возле поля. Разящих стрел, о которых писал Низами, конечно, там не было. Только степные орлики кружили в зените. И у ног каменной бабы цвели необыкновенные, встречающиеся лишь в этих степных краях розовые бессмертники.

ДАМА ВЫШЛА В СВЕТ

*...Пеший путник придет или явится конный, —
Покоряет любого кумир их исконный.
Всадник медлит пред ним и, коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,
Что оставит овцу перед идолом надо.*

Так и вышло. Отдать свою дань почета кумиру федерального значения решили областные культурные власти. И не только поклонения ради, но и для его безопасности. Ведь даже просвещенные третьим тысячелетием наши современники не в пример дремучим половцам к историческим раритетам относятся, как истинные варвары. Один энергичный фермер взял да и срыл до основания скифский курган на удобрение своей латифундии. А строительная фирма в Воронеже так вообще смахнула с лица земли известные во всем мире Частые курганы, где в конце XIX века нашли знаменитый скифский сосуд, фото которого помещается во все мало-мальски авторитетные энциклопедии в России и за рубежом. Никакого спасу нет от археологов-пиратов, безжалостно уничтожающих бесценные памятники былого. Древности, отнятые ими у земли, уже никогда ничего никому не расскажут о нашей истории. Так что половецкой бабе из Старой Кривуши настало время собираться в дорогу.

В неблизкий путь к областному краеведческому музею каменная кравица ехала на грузовике, как с комфортом — на подушках из родного чернозема. В музейном дворе ее с нетерпением поджидали три родственницы. В хранилище древностей они были доставлены из разных уголков Черноземья известным краеведом Дмитрием Леоновым. Ученые выяснили, что старокривушанская дама пребывает в самом почтенном возрасте и относится к X — XI векам нашей эры. Честно говоря, несмотря на свое тысячелетие, выглядит она прекрасно: время только закаляет серый песчаник, из которого древний зодчий изваял скульптуру.

Кое-какие тайны загадочных степных талисманов приоткрыли ученые исторического факультета Воронежского госуниверситета. По их версии, статуи кочевников вовсе не примитивные абстракции. Изображали они вполне конкретных людей, которым после смерти воздвигались памятники, обретавшие символы почитания и поклонения. Эти каменные статуи свидетельствуют о высоком культе предков в жизни кочевников. Ведь и русское название древних скульптур «баба» происходит от тюркского слова «вава» — предок. Ну, а что касается их чудодейственной мистической силы, то это — ироническая шутка истории. По крайней мере, урожаи в Калаче и в Старой Кривуше удаются на славу и без магии каменной бабы. А в Воронеже тоже как-то обошлось без тайфунов. Стало быть, путешественнице здесь понравилось.

Иван Никитин**ДНЕВНИК
СЕМИНАРИСТА***Отрывок из повести*

1844... июля...

22

Целую неделю я не брался за перо: не до того было. Наступила рабочая пора — уборка хлеба. Жары стоят нестерпимые. На небе нет ни облачка. Ветер горячий. Жницы работают с рассвета до поздней ночи. На подошвах их необутой ног, которыми они смело ступают по срезанным стеблям ржаного колоса, трескается кожа; на ладонях появляются мозоли, некоторые величиною в орех; лица у всех покрыты загаром и потом; на свежие следы горячего пота ложится сухая пыль, образует черные полосы, которые в свою очередь покрываются новою пылью, и так далее и так далее... Всех мучит невыносимая жажда, а в поле нет ни одной капли холодной воды, потому что она на рассвете привозится из села в жбанах или в бочонках и, по прошествии трех-четырёх часов, делается теплою, совершенно негодною для питья. Нет и отрадной тени, куда бы можно было приклонить усталую голову и вдохнуть в себя струю прохладного воздуха. Грудные малютки, которых матери берут с собою в поле, лежат под снопами на разостланных белых зипунах, время от времени плачут, замолкают и опять плачут. Матери торопливо кормят их грудью и снова берутся за серп. При дороге сидят грачи с распущенными крыльями и раскрытым клювом; даже им тяжело от нестерпимого жара. Батюшка, несмотря на свой сан, собственноручно накладывает на воз полновесные снопы, подмазывает дегтем колеса, впрягает лошадь и сохраняет при всем этом невозмутимое спокойствие: так он рад хорошему урожаю! Пример его и на меня действует благотворительно. Только от непривычки к работе к вечеру у меня страшно ломят плечи и руки. Ночью сплю как убитый, даже и во сне ничего не грезится. Сегодня, часов этак в пять, когда жар несколько убавился и работа закипела дружнее, из села прискакал верхом мальчишка, без шапки, босоно-

гий, в оборванной рубашонке, и своим детским языком насилу мог растолковать батюшке, что умирает его больная мать, что нужно ее исповедать и приобщить святых тайн. Батюшка поморщился. Сердце мое сжалось, и, грешный человек, я осудил его в душе. Очевидно, ему жаль было терять золотое, рабочее время. Впрочем, нерешимость его была минутная; с моею помощью он посбросал с телеги снопы и крупною рысью отправился в село...

30

Полевые работы идут горячо по-прежнему, и я почти к ним привык: руки и плечи болят у меня уже меньше. В прошлое воскресенье мы все порядочно поотдохнули. Время, проведенное мною в церкви, при слушании божественной литургии, показалось мне особенно приятным. Мужички стояли так тихо, так благоговейно! Ни один человек не улыбнулся, несмотря на то, что дьячок наш пел преотвратительно. При взгляде на толпу народа в голове моей мелькнула нелепая мысль: что, если бы я был учеником богословия? Я мог бы надеть стихарь, в виду всех стать перед налоем и сказать красноречивое, поучительное слово... По выходе из церкви, на паперти, меня встретили две чернички, одна старая, другая молодая и прехорошенькая. Они занимаются печением просфор, посещают богатых купцов в городе, которые наделяют их разными съестными припасами, иногда отправляются странствовать по святым местам; на счет каких доходов? — положительно сказать не могу. Старую черничку некоторые мужички, в особенности пожилые бабы, почитают за святую. Она носит на груди засаленную тетрадку «Сон Пресвятыя Богородицы» и читает ее по складам набожным бабам; те слушают, подпирая руками голову, вздыхают, нередко плачут и награждают читальщицу кусками холстины. Батюшка смотрит на них подозрительно, но они живут, по-видимому, так безукоризненно и так хорошо сумели себя поставить во мнении всех прихожан, что бояться им решительно нечего. Эти чернички с такою настойчивостию и вежливостию просили меня к ним зайти, удостоить их, как выражались они, моим посещением, что мне совестно было отказаться. В горенке у них необыкновенная чистота. Окна вымыты и вытерты до того чисто, что при свете солнца кажутся зеркальными. Гладкий сосновый пол тоже вымыт, выскоблен ножом, и на нем не видно ни соринки. По углам нет ни одного клочка паутины. Стены недавно обелены. Стол покрыт белою, как снег, скатертью. Перед иконою, убранною искусственными розовыми цветами и оправленною блестящею фольгою, ярко теплится лампадка. Рогачи поставлены у порога в уголке, вероятно, с тою целию, чтобы не всякому бросались в глаза. Их деревянные рукояти так вычищены, что подумаешь, они вышли из-под рук искусного столяра. Из простых вопросов молодой чернички о том, что нового в городе, каково мне там живется, не скупаю ли я в деревне, я заметил, что она очень неглупа. Старуха достала между тем из маленького сундука графин красного вина и поставила его на стол на круглом зеленом подносе вместе с рюмкою. Несмотря на все мои уверения, что я никогда не пил и не пью вина, я не мог не исполнить желания гостеприимных хозяек, когда они сказали, наконец, что я их обижаю, что, следовательно, я ими гнушаюсь, если не хочу выпить того, что предлагается мне от души. Молодая черничка сидела напротив меня и так близко, что ее горячее дыхание касалось моего лица. Черное платье, застегнутое на груди белою перламутро-

вою пуговкой, расстегнулось, и я горел от стыда и еще от другого, доселе незнакомого мне чувства. Совесть моя говорила мне, что я поступаю плохо, что мне не следовало долго оставаться в этой уютной горенке, между тем непонятная сила удерживала меня на месте, случайно занятом мною против молодой чернички. Приблизилась пора обеда. Я опомнился, схватил фуражку и поблагодарил хозяек за их радушный прием. Они пригласили меня перед вечером пить чай. Скажу чистосердечно, я был рад этому приглашению, хотя и отказывался от него из приличия...

1 августа

Перевозка снопов окончилась вчера рано. Я был дома еще засветло. При наступлении сумерек умылся, почистил свое платье и пошел побродить по селу. Уж не знаю, как это случилось, только мне скоро пришлось проходить перед знакомым окном, у которого сидела молодая черничка и вязала чулок (зовут ее, как я после узнал, Натальею Федоровной). «Зайдите к нам на минутку», — сказала она с улыбкою, кивая мне головой. Сердце мое сильно забилося. Я остановился в нерешимости — и зашел.

— А я целый день сижу все одна. Старуха моя ушла к знакомой, больной бабе, верно и ночевать там останется. Садитесь, пожалуйста.

Разговор наш шел сначала довольно вяло. Но Наталья Федоровна была так находчива, что я невольно оживился.

— Ах, какая жара! — сказала она, сбросив с своей груди темный платок, и села со мною рядом. Плечо ее касалось моего плеча. — Я думаю, руки ваши от работы теперь сделались грубее, чем были прежде. Вы были сегодня в поле?

Она взяла меня за руку и крепко ее сжала.

— Да, был, — отвечал я взволнованным голосом и дрожа всем телом.

— Огонь надо зажечь, — сказала она и опустила занавеску.

В комнате стало темно.

— Помогите мне сыскать свечу... Никак ее не найду, — говорила она со смехом. — Не тут ли она стоит за вами?..

И лица моего опять коснулось горячее дыхание, моего плеча коснулось полуобнаженное, горячее плечо. По всему моему телу пробежал сладостный трепет. Дыхание мое прерывалось. Я крепко обнял обеими руками ее тонкий стан, и на губах моих, первый раз в моей жизни, загорелся огненный поцелуй...

10

Сегодня с нашим батраком Федулом, на трех телегах, я ездил в луг за сеном. Воза так были накручены, что лошади едва тащили их по песку. Федул шел со мною рядом, покуривая коротенькую трубку. Я никогда не видал таких крепкосложенных людей, как наш батрак. Росту он небольшого, но в плечах необыкновенно широк. Черные, курчавые волосы, черная, курчавая борода и густые, нахмуренные над серыми глазами, брови придают лицу его угрюмое выражение. Говорит он вообще мало и никогда не смотрит на того, с кем говорит.

— А что, Василий Иванович, — неожиданно спросил он меня, — скажи ты мне на милость, чему вас в городе учат?

Вопрос этот меня удивил.

— Как же я тебе растолкую, чему нас учат? Ведь ты не поймешь.

— Отчего ж не понять? Пойму.
— Ну, слушай. У нас изучают риторику, философию, богословие, физику, геометрию, разные языки...
— И будто вы знаете все это?
— Кто знает, а кто и не знает.
— Так. Ну, а прибыль-то какая же от вашего ученья?
— Та прибыль, что ученый умнее неученого.
— Вот что! Однако отец Иван косит и пашет не лучше моего. Опять ты вот говоришь, что у вас разным языкам учат. Отец Иван, как и ты, им учился. Отчего ж он не говорит на разных языках? Я у вас десять лет живу, пора бы услышать.

— Да с кем же он станет тут говорить?
— Вестимо, не с кем... Прибыли-то, значит, от вашего ученья немного. Вот если бы ваш брат ученый приехал к нам да рассказал толком: это вот так надо сделать, это вот как, и стало бы нашему брату мужику от этого полегче, тогда вышло бы хорошо, а то... Ну, карий! чего ж ты стал?

Лошади подымались на гору. Карий решительно отказывался идти. Федул забежал ему вперед. «Ты коли везти, так вези, не то я дам тебе такого тумака по лбу, что искры из глаз посыплются». Тумака ему, однако ж, он не дал, а, упершись своим широким плечом в зад телеги, крикнул: «Ну!..», и карий свободно потянул свой тяжелый воз.

Попадавшиеся мне навстречу молодые бабы и девки смотрели на меня с какою-то странно улыбкой, и мне не раз приходилось слышать такого рода привет: «Гляди, молодка, гляди! Попович идет... Экой верзила!..» Правду сказать, наши лихачи-парни тоже отзываются обо мне не слишком вежливо и без особенной застенчивости находят во мне кровное родство с известною породю молодых домашних животных, которые обыкновенно бывают и красивы и бойки, покуда еще незнакомы с упряжью. Мне кажется, я никому и ничем не подавал здесь повода к этим насмешкам и никому не сделал зла; откуда же взялось это обидное пренебрежение к моей личности? Вероятно, оно является благодаря существованию какого-нибудь Кондратьича и ему подобных. Жаль, что нашему брату от этого не легче. Нет, скверно тут жить!..

13

Скука моя растет день ото дня. Поутру сверху донизу я перерыл все в своем сундучке, думая найти в нем какую-нибудь забытую книжонку или исписанную тетрадь. Ничего не отыскал! Развернешь одно — учебная книга; развернешь другое — знакомые лекции: логика, психология, объяснения разных текстов... все это известно и переизвестно... Быть по сему. Буду от нечего делать опять продолжать свой дневник. Но, если бы пришлось мне пожить здесь долгое время, полагаю, наверное, я ограничился бы тем, что вносил бы в него следующие краткие заметки: сегодня мы были в поле, или сегодня было то же, что вчера, или сегодня ничего особенного не случилось, и так далее, все в этом же роде... Что прикажете делать? Чем богат, тем и рад... Итак, продолжаю.

В доме нашем идет страшная возня: приготовление к храмовому празднику, то есть ко дню Успения Пресвятыя Богородицы. Моют окна, двери, полы и прочее. Федул хлопочет на дворе: зарезал несколько кур, зарезал трех гусей, зарезал барана, теперь готовится снимать кожу с теленка и по поводу этой резни находится в отличном настроении духа,

сыплет шутками и с каким-то особенным удовольствием вонзает свой острый нож в теплое мясо животного, умирающего в судорогах перед его глазами. Матушка беспрестанно сердится на кухарку, кричит, что она ленива и ничего не понимает. «Ну, что ж, ленива, так и ленива!» — ответит кухарка и с таким ожесточением начнет скрести ножом сосновую дверь, что скрип железных петель становится слышен на весь дом. Или скажет: «Ну, что ж, глупа, так в глупа!» — и сунет с необыкновенною скоростью в устье печи горшок или чугунок, станет к ней задом и время от времени тяжело вздыхает: «Ох, хо, хо! житье, житье!..» Батюшка не мешается ни во что. Молвит иногда матушке: «Потише, попадья, потише!..» — и пойдет к своему делу. Матушка тотчас же притихнет. Вообще она ему во всем безусловно покоряется. Теперь вопрос: где взять вилок? — окончательно ее добывает. У нас вилок одна только пара, а гостей будет много. Для благочинного, приглашенного совершать литургию, решено приготовить его любимое блюдо: жареного поросенка, начиненного гречневою кашею, с гусиным жиром, с перцем, с луком и еще с чем-то, уж правду, не знаю. Для гостей второго разряда, за неимением особой спальни, очищена баня, в которой на полу и на полку постлано свежее, душистое сено. Что касается меня, никак не придумаю, на что бы употребить мне свободное время. По крайней мере, хоть бы спалось поболее, все было бы лучше, — так нет: лежишь до полночи с открытыми глазами и рад не рад слушаешь лай или вой голодных собак.

17 ночью

Наш храмовый праздник окончился. Слава тебе, господи! Гости разъехались. Ворота затворены. В доме глубокая тишина. Ну, и было же с ними хлопот! Первый обед, за которым присутствовали благочинный и человек пятнадцать нашей родни, прибывшей с разных сторон, за несколько десятков верст, прошел без особенных историй и шума. За обедом батюшка выбирал для благочинного самые лучшие, самые жирные куски мяса, повторяя: «Покорнейше прошу отведать. Сделайте одолжение, коли что дурно, не осудите; все, знаете, свое, домашнее...» Я усердно потчевал его вином. «Отведаю, отведаю, — говорил благочинный, — пожалуйста, меня не торопи. Тише едешь, дальше будешь...» И в самом деле он не торопился: рассказывал разные анекдоты, отирал крупный пот на своем лице и медленно опоражничивал новое блюдо. Матушка измучилась, упрашивая и кланяясь за каждою рюмкою. Гости пили, по-видимому, единственно из приличия, с большой неохотою. Но в половине стола сами начали просить вина разными намеками: гусь-то, мол, по сухой земле редко ходит, или утка-то, без воды не любит жить... и тому подобное. Все эти свахи, двоюродные и троюродные сестры и сватовы жены вели неумолкаемый бестолковый разговор, и, по окончании обеда, некоторые из них запели песни с припевом:

Аи, люли! Аи, люли!
Аи, люшунки! Ай, люли!..

Тогда как в другом углу раздавалось хлопанье ладоней под веселую песню:

У ворот гусли вдарили,
Ой, вдарили, вдарили!
Ой, вдарили, вдарили!..

Батюшка чувствовал сильную усталость, а между тем не смел свободно сесть или облокотиться на стол в присутствии своего начальника, внимательно слушал его рассказы и почтительно соглашался с его приговорами: «это совершенная истина!» или «как вам этого не знать! Вам лучше нашего это известно...» Один только мещанин, дальний родственник матушки, держал себя независимо и крепко ударял об стол кулаком, приговаривая: «Мы знаем, у кого гуляем! Ну, вот и все... и мое почтение!.. Так, что ли, отец Иван? Верно!..» По выходе из-за стола благочинный осматривал наше гумно, ригу, огород, на котором спеют дыни, и прочие домашние постройки. Батюшка сопровождал его с открытою головою. Что прикажете делать! Благочинный, говорят, самолюбив и не задумывается чернить того, кто ему не нравится. Лошади его были накормлены овсом до последней возможности. Кучер едва ворочал языком. Лицо его походило на красное сукно. С отъездом начальника батюшка повеселел и сделался разговорчивее. В сумерки независимый мещанин так насытился, что упал среди двора и бормотал околесную: «Какой безмен? на безмене не обвесишь... а вот пенька твоя гнилая. Оттого и не доплачено... верно! ступай к черту!..» Батюшка терпеть не может, когда упоминается дьявольское имя. Он подошел к полусонному гостю и сказал:

— Эй, любезный! Любезный! перекрестись!

— Проваливай к черту! — ответил мещанин и перевернулся на другой бок.

Федул еще с утра был навеселе и все приставал к батюшке, чтобы он дал ему денег.

— Пожалуйста, выйди вон, — отвечал ему батюшка, — ты видишь, у меня чужие люди.

— Это уж твое дело, — говорил Федул, растопырив руки, как крылья. — Я сказал, что хочу выпить, ну и кончено!

Батюшка дал ему четвертак. Федул положил его на свою широкую ладонь, подбросил вверх и так крепко ударил по ней другою ладонью, что одна старушка-гостья плюнула и сказала: «Вишь, как его, окаянного, разбирает!..» Вечером я вышел на крыльцо, но — увы! — сойти с него не мог. Федул сдвинул с места большой самородный камень, служивший ступенью, и катал его по двору.

— Дурак! что ты делаешь? — крикнул я на Федула.

— Камень катаю. Человека ломать — грех: не вытерпит, а камень вытерпит, вот я его и ворочаю, да! руки чешутся, оттого и ворочаю.

— Положи его на место. С ума ты сошел!

— Не спеши. Покатаю и положу. — Он так и сделал.

На следующие дни повторилась та же история еды и питья с небольшими изменениями. Очищенная для гостей баня оказалась ненужною: они провели ночь как попало и где пришлось, то есть на местах, где кого убил наповал могучий хмель. Повторяю опять: слава тебе, господи! Все разъехались!..

26

Время, однако, идет, да идет своим чередом. Мне уже недолго остается жить в деревне, бить, как говорится, баклуши. Да и пора отсюда! Вечно слышишь разговоры о пашне, о посевах, заботы о том: упадет ли вовремя дождь, сколько мер дает из копны рожь, сколько греча, и прочее, и прочее. У того-то заболела овца. Соседа Кузьму видели в новых сапогах.

Об этом тоже разговаривают, и некоторые смотрят на Кузьму с завистью. Тетка Матрена сушила на печи лен и чуть не сожгла избы, — все это переходит из уст в уста и возбуждает разные толки. Матушка опечалена предстоящей со мною разлукою, приготовляет мне жирные пышки, сдобные сухари и разные крендели. Отъезд назначен завтра. Несмотря на скуку, которая на меня напала здесь в последние дни, я с грустью обошел знакомые поля, побывал и в лугу и в лесу и, — стыдно сказать, — проходя мимо окон черничек, остановился в раздумье... Окно было занавешено. Калитка была заперта. А что, если бы Наталья Федоровна сидела под окном и позвала меня в свою светлую горенку, ужели бы я отказался с нею проститься?.. Признаюсь, во мне все-таки таится задняя мысль, что эти страницы могут попасть в чьи-либо руки. Я не смею высказать того, что творится теперь и что творилось прежде в моей душе... Дорого мне стоило сдержать свое честное слово, много я вынес тоски и борьбы, но — я его сдержал: я уже не видал более милой Наташи... Только уехать отсюда нужно скорее, непременно скорее, иначе силы мои упадут. Итак — в город. И потянется снова однообразная семинарская жизнь. И пойдут бесконечные уроки, замечания, выговоры и... полно заранее горевать! До свидания, родной мой уголок! Спасибо тебе за приют, за тот покой, которым ты меня окружал. Быть может, по прошествии года, снова приведет меня бог сидеть у этого, отворенного в сад, окна, смотреть на эту темную зелень и вдыхать запах росистой травы, и, быть может, снова войдет в мою комнату, как входит она теперь, наша молчаливая кухарка и молвит, почесывая по привычке спину: «Василий Иваныч! Самовар подали. Иди!..»

Александр Никитенко

«НЕ МОЖЕМ БЕЗНАКАЗАННО ОТРЫВАТЬСЯ ОТ НАЧАЛ...»

Из дневника писателя

... **У**мы нашего века находятся в каком-то неестественном, лихорадочном состоянии. Человек, обладающий выдающимися умственными способностями, непременно бросается в какую-нибудь крайность. Он не преследует своей идеи с настойчивостью упорной, разумно сознающей себя воли, а судорожно цепляется за нее, точно боясь выпустить из рук ее, а с нею и блага, какие она обещает. Есть какой-то недостаток душевной зрелости, ясного целомудренного взгляда на жизнь и человека; есть какой-то недостаток простоты и непосредственного мужества в этих порывистых стремлениях к умственным отличиям. Иные видят в этом беспокойство великих нравственных сил, которые оттого так рвутся и мечутся, что им душно и тесно в своей сфере. Мне же кажется, что это недостаток нравственной силы, которая не умеет владеть собой. Жизнь всегда и везде есть теснота для духа; но он должен стать выше жизни. Великий характер тот, который умеет наполнять собою всякую сферу.

Общество должно обновиться в свежих и светлых верованиях, иначе разврат пожрет его. Опора этих верований должна быть найдена в самом человеке. Мысль, что добро хорошо само по себе, что оно есть условие естественного развития и успешного применения к делу наших нравственных сил, что оно, то есть добро, есть нормальное здоровое состояние их, — эта мысль должна сделаться основой наших стремлений и поступков. Тело наше принадлежит планете, где мы живем, разум принадлежит духу всеобщей жизни, который всему дает смысл и гармонию. Из этого двоякого отношения человека к планете, где протекает его физическая жизнь, и ко всеобщим законам жизни образуется его деятельность, история. Мы можем улучшать материальное бытие свое, но не можем безнаказанно отрываться от начал, кои выходят из круга определенного времени и пространства, кои относятся к высшему и всеоб-

щему порядку вещей. Хотя бы эти начала были доступны нам только в форме верований, а не ясных, точных представлений, все-таки мы не можем не следовать их призывному голосу. Этим выражается наша разумность, не повиноваться которой мы не можем, как не можем не следовать законам физических нужд.

Должно беспрестанно ставить на вид новому поколению: 1 — необходимость и непреложность основных верований разума; 2 — художественную обработку самих себя по идее доброго, ради превосходства этого доброго над всем недобрым; 3 — мужество в борьбе не с одним только физическим злом, но и со всем тем, что противоречит распространению и владычеству разумных верований.

Наталья Проскурина,

*кандидат географических наук,
доцент кафедры географии и туризма
Воронежского педагогического университета*

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ: ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Дворянские усадьбы являются одним из уникальных явлений русской культуры. Они привлекают к себе внимание ученых самых разных наук — архитектуры, истории, философии, экологии и многих других. Не является исключением и география. Вместе с тем, геокультурный подход позволяет взглянуть на данный феномен русской культуры под особым углом зрения. Определить роль дворянской усадьбы не только в истории и культуре страны, но и выявить влияние данного феномена на развитие самой территории, где они формировались.

Прежде всего, дворянскую усадьбу можно рассматривать как самостоятельную территориально-поселенческую единицу со своей структурой, функциями, системой внутренних и внешних связей. В Центральной России, в Черноземье данная территориально-поселенческая единица (как особая форма землевладения), получила названия «Дворянские гнезда», «резиденции».

Как известно, формирование дворянской усадебной культуры в России связано с распространением светской европейской культуры (с конца XVII в.). Россия была знакома с Западной Европой и раньше, в XV — XVI веках, но их взаимоотношения носили лишь характер общения. С XVIII в., в результате усиления государственных взаимосвязей, общение переросло во влияние. Западноевропейская инновационная волна вызвала общесистемную реструктуризацию и поляризацию всего общероссийского геокультурного пространства [17]. В 30-е годы XVIII в. крупными геокультурными центрами распространения светской европейской культуры стали Санкт-Петербург и Москва. Со второй половины XVIII в. благодаря развитию региональной печати и издательского дела, средств и путей сообщения светская культура стала проникать в уездные города и сельскую местность. Этот процесс был связан с формированием новой территориальной единицы — помещицкой усадьбы. До 1861 г. понятия «усадьба помещицья» и «усадьба дворянская» можно считать однозначными, поскольку только дворяне имели право землевладения.

Распространение дворянской усадебной культуры на территории современной Воронежской области стало возможным лишь с середины XVIII в., когда границы русского государства продвинулись далеко на юг, была ликвидирована опасность татарских набегов и регион окончательно потерял свои государственные оборонительные (военно-стратегические) функции. Формирование дворянских усадебных комплексов на территории области имело свои особенности.

К середине XVIII в. основную социальную структуру населения края составляли крестьяне. Природно-климатические условия, плодородные земли, леса, реки, близость административного центра (с 1711 года г. Воронеж стал административным центром Азовской губернии, в 1725-м Азовская губерния была переименована в Воронежскую) и ряд других факторов создавали благоприятные условия для освоения Черноземного края и привлекали внимание многих землевладельцев. Крепостническое землевладение в уездах Воронежской губернии особенно расширилось в 1720-1730 гг., после правительственного указа, разрешающего приобретать дворянам земли. Если в начале XVIII в. поместья, размещавшиеся на территории современной Воронежской области, «принадлежали представителям 90 дворянских родов, то в 1760 г. в списках владельцев значилось уже 256 дворянских фамилий» [18, с.69]. Появлялись все новые и новые именитые и титулованные землевладельцы. На Воронежской земле были «резиденции» графов Бутурлиных — «Бутурлиновка», Воронцовых — «Воронцовка», Ростопчиных — «Анна» и др.

В Воронежской губернии усадьбы образовывались двумя способами. Во-первых, они формировались в уже существующем сельском поселении (например, Ростопчиных в сельце Анна). В данном случае получившие или купившие земли хозяева видоизменяли уже существующий архитектурно-планировочный облик, ландшафты, социально-экономическое развитие поселения. Некоторые населенные пункты, в результате преобразовательной деятельности землевладельцев, изменили не только свою хозяйственную специализацию, но и повлияли на развитие всей окружающей территории. Так, например, в 1778 г. императрица Екатерина Вторая «пожаловала» графу Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому «18000 десятин степи и 20000 десятин лесу» [16, с.337] в Бобровском уезде Воронежской губернии на месте, где уже 20 лет существовало село Хреновое. «За 20 лет до прихода Орлова в Хреновое проживало: 322 однодворца, 59 ямщиков, 28 помещичьих крестьян... Всего здесь проживало около 800 человек» [16, с.336-337]. Орлов-Чесменский перевел на подаренные земли свой подмосковный конезавод, «закрепостил» проживавших здесь ранее крестьян и положил начало развитию коневодства.

Во-вторых, усадьба устраивалась на новом месте, подходящем для строительства усадебного комплекса, учитывалась возможность устройства прудов, парков, близость леса и прочее, а село формировалось уже при поселении землевладельца (усадьбы Потаповых в Семидубравном, Лосевых в Лосево, Репное и др.).

Усадебный комплекс располагался на расстоянии 2-5 верст от деревни и почтового тракта и отделялся полосой естественной растительности, речным руслом или долиной небольшого ручья. Центром усадьбы был дом землевладельца. Господские дома представляли собой просторные (иногда до трех строений) особняки в стиле раннего классицизма с элементами ампира и барокко. Неподалеку от дома землевладельца располагались службы: дом управляющего, дома работных и дворовых людей, погреб,

теплицы. Приусадебный участок включал в себя сад и огород. Здесь же находились хозяйственные строения (иногда производственные), парк с парковыми постройками (прудами, мостиками, беседками). Сельскохозяйственные и лесные угодья «оказывали» жилую территорию, и их площадь составляла в среднем от двух до шести гектаров. В каждом усадебном комплексе, как правило, имелась церковь, куда ходили не только землевладельцы, но и жители окрестных сел и деревень. К въездным воротам в усадьбу от деревни часто вели аллеи длиной 1,5-2 версты. Иногда благоустраивался примыкающий к парку участок естественного леса, тогда общая площадь усадебного комплекса возрастала до десяти и более гектаров.

Общей особенностью размещения дворянских усадеб Воронежской губернии являлось их тяготение к административному центру — г. Воронежу и уездным городам — Острогожску, Борисоглебску и др. Например, усадьба Тулиновых в древнем Акатово за городской чертой Воронежа, усадьба Станкевичей в г. Острогожске, усадьбы Веневитиновых в Староживотинном, Новоживотинном, Горожанке близ города Воронежа и другие. При территориальном росте близлежащих населенных пунктов к XX столетию многие бывшие усадьбы оказались непосредственно на окраинах селений или внутри их застройки.

Дворянские усадьбы Воронежской губернии — это производственно-промышленные центры. История развития большинства дворянских усадеб Воронежского края неразрывно связана с производственной деятельностью, которая повлияла в будущем на общую специализацию региона. Именно в дворянских усадебных комплексах были заложены основы сахарного (с. Ольховатка, п. Нижний Кисляй, с. Садовое, п. Рамонь), маслостолового (п. Анна, п. Каменка, с. Новая Усмань, г. Новохоперск), мукомольного (г. Борисоглебск, г. Бутурлиновка, г. Калач) и других производств современной Воронежской области.

В Российской истории конца XVIII — начала XX вв. Воронежский край выделялся своими конными заводами. Устройству заводов способствовали мягкий климат, обилие пастбищных угодий, рек, озер. Многие столичные аристократы конные заводы держали в своих воронежских имениях. В ведомостях частных конных заводов губернии начала XX в. значатся имена принцев Ольденбургских, князей Барятинских, Волконских, Воронцовых, Орловых и др. На рубеже XIX-XX вв. на территории современной Воронежской области насчитывалось 186 частных конных заводов [5, с. 57], и большинство из них составляли единое целое с усадьбой владельца.

В пореформенный период дворянские усадьбы пережили трансформацию, приспособившись к новым условиям. Часть из них к концу XIX в. «консервировалась» в своем развитии (усадьбы в селах Губарево, Терновка, Староживотинное и др.) Большая же часть усадебных комплексов продолжили свое развитие, превратившись в крупные сельскохозяйственные «экономии» края. Это были достаточно высокоразвитые «экономии», в которых, как правило, сельскохозяйственное производство сочеталось с переработкой производственной продукции. Стремясь повысить рентабельность своих хозяйств, многие помещики закупали новые машины, использовали передовые агрохимические методы, основывали в усадьбах промышленные предприятия.

По всей территории Воронежской губернии шло строительство перерабатывающих промышленных предприятий самой разной мощности: от

крупных сахарных заводов (п. Рамонь, с. Ольховатка, с. Садовое), спирт-заводов (г. Бутурлиновка, с. Половцево), винокуренных заводов средней мощности (с. Красное), комплексов паровых мельниц (г. Борисоглебск, г. Новохоперск, с. Терновка) до небольших маслобойных, сыроваренных, крупяных и иных заводов. Так, например, Н.А. Звягинцев в своем имении «Петровское» устроил электростанцию на р. Хопер, кроме этого в усадьбе действовали паровая и водяная мельницы, конный завод. У князя Барятинского в имении «Анна» за усадьбой вдоль балки с прудом располагались винокуренный завод, маслозавод, кирпичный завод, конный завод, объединенные общей системой дорог, водоснабжения... [1, с.90].

Наиболее образованные и предприимчивые хозяева прилагали усилия к систематическому собиранию и осмыслению, опытной проверке и распространению проверенных личным опытом агрономических знаний. Для этого ими устраивались сельскохозяйственные выставки, частные совещания помещиков и специалистов, издавались книги и журналы агрономического содержания. Продолжением этой деятельности на территории современной Воронежской области являются научно-исследовательские центры. Так, в имении Ольденбургских «Сорокино» были заложены основы опытно-селекционной работы по выведению сортов сахарной свеклы. В 1922 г. на территории Сорокинской экономии Рамонского сахарного завода был образован Всероссийский научно-исследовательский институт сахарной свеклы и сахара (ВНИИСС).

До настоящего времени на территории региона существуют своеобразные промышленные зоны, и даже поселки, сложившиеся в XVIII-XIX вв. (Анна князей Барятинских, Масловка и Петровское Звягинцевых, Чертовицкое графов Толстых и др.). Эти промышленные территории (производственные корпуса) формировались в стороне от жилого дома. В начальные советские годы, когда уничтожались и разрывывались в первую очередь господские дома, эти территории оказались «менее пострадавшими» от новой власти. А во время индустриализации всей страны они даже получили дополнительный импульс экономического развития.

Дворянские усадьбы — это социокультурные центры. Богатство и знатность крупных землевладельцев привлекали на территорию современной Воронежской области талантливых зодчих, художников, поэтов. Интенсивный приток инновационной культуры, обширное строительство, развитие инфраструктуры региона способствовало формированию собственнотрадиционной формы культуры. В создании усадебного мира участвовали и просвещенные заказчики-землевладельцы, и замечательные архитекторы, художники, и крепостные мастера, и вольнонаемные рабочие. «Дворянские гнезда» были результатом общего труда, творческой мысли и, в целом, явились достоянием русской культуры. Это был мир, где преимущество отдавалось ценностям культурного и духовного развития.

Некоторые землевладельцы пытались собрать в одном месте все то, что было дорого их сердцу. Поэтому в имениях создавались прекрасные библиотеки, складывались замечательные коллекции картин, устанавливались статуи, организовывались театры. Многие дворяне полагали, что именно отсюда, из «Дворянских гнезд», должна прийти помощь народу, и вели легальную культурную, образовательную, попечительскую деятельность. В «усадебных» селах Воронежской губернии землевладельцами с начала XIX в. открывались школы (с. Верхняя Тишанка, с. Никольское), устраивались больницы (с. Масловка, с. Орловка), организовыва-

лись ясли-сады (с. Александровка) и осуществлялась иная благотворительная работа. Например, князя Барятинские финансировали строительство железной дороги к п. Анна, в 1900 г. организовали ясли-приют, а в 1901-м выстроили больницу.

С усадьбами связан и такой пласт культуры Воронежской области как народный театр (усадьба Соколовых «Никольское»), имена самобытных художников, поэтов, писателей, музыкантов (И.Н. Крамской, Н.В. Станкевич, А.В. Кольцов и др.), многочисленные школы-мастерские народных промыслов (ковроткачество, гончарство, керамика, резьба по дереву и др.), изделия которых выставлялись и продавались на всероссийских и международных выставках. В своей творческой деятельности актеры, писатели, поэты, музыканты обращались к родному краю и воспевали его красоты. Они способствовали становлению и распространению собственно-традиционной формы культуры Центрального Черноземья.

Пребывание на воронежской земле столичных землевладельцев приводило не только к социокультурному и экономическому развитию села, где непосредственно размещалась усадьба, но и иногда давало интересные «побочные» эффекты. Так, в 1909 г. в уездном г. Острогожске было открыто отделение Императорского художественно-промышленного Строгановского училища, где крестьянских девочек обучали художественному ткачеству и шитью, а продукция вывозилась на выставки и продажу в Москву и Санкт-Петербург. Возникновению в провинциальном уездном городе отделения Строгановского училища способствовала владелица имения и конного завода в с. Марьевка Острогожского уезда, княгиня О.А. Щербатова, внучка С.Г. Строганова — основателя Строгановского училища. Ольга Александровна со своим мужем А.Г. Щербатовым и братом С.А. Строгановым (последним и единственным наследником всего состояния Строгановых) на Марьевском конном заводе занимались разведением чистокровных арабских лошадей и часто бывали в г. Острогожске, где и решили основать свое «фамильное» учебное заведение [5, с.59].

Социокультурную направленность в дворянских усадебных комплексах имела и православно-религиозная деятельность, неразрывно связанная с повседневной жизнедеятельностью всех жителей усадьбы.

Нельзя не отметить ландшафтно-преобразующего значения усадебной культуры, позволяющей рассматривать «Дворянские гнезда» как своеобразные оазисы культурных ландшафтов. Усадьбы формировались как архитектурно-планировочные комплексы, где присутствовал определенный творческий замысел, сохранялась территориальная общность и создавалась внешняя привлекательность.

Усадебные комплексы обычно располагались в наиболее живописных местах. Обилие в Воронежском крае рек позволило землевладельцам размещать свои усадьбы по их берегам. При этом специалисты [5, с.55-56] выделяют два композиционных приема в построении усадебных зон. Наиболее распространенный тип имеет в своей основе композиционную ось, перпендикулярную водной поверхности. Усадебный дом обращен к реке главным фасадом с террасой или балконом, а дворовым фасадом — к партеру парадного двора. От дома к реке тянется пейзажный нижний парк, а вверху, вокруг двора и служб, устраиваются верхний парк и сад. Таковы усадьбы «Ольгино» на р. Воронеж (п. Рамонь), «Горожанка» на р. Дон (Рамонский район), «Репное» на р. Усмань (г. Воронеж) и ряд других.

Второй тип композиции — с осью, идущей параллельно реке,

встречается реже. Парадный въезд, партер перед домом, сам дом с одним «парадным» фасадом, служебный двор с периметром хозяйственных построек, парк, сад — все это разворачивается вдоль русла реки. Таковы, например, усадьбы «Новоживотинное» на р. Дон, «Гвоздевка» на р. Трещевке (Рамонский район). В густонаселенных местах близ Воронежа усадьбы с храмами, поставленные по берегам рек, образовывали своеобразные пространственно-ландшафтные композиции. Например, усадьбы братьев Лосевых в селах Терновое и Губарево, расположенные на излучине р. Ведуги (Семилукский район) и обращенные друг к другу.

При закладке усадьбы под воздействием целенаправленной деятельности человека видоизменялись практически все компоненты ландшафта. Проводились значительные работы по изменению рельефа, например, копались пруды, насыпались холмы и прогулочные аллеи, выколаживались и «срезались» склоны. Причудливые формы приобретала и гидросеть. Помимо одиночных копаных прудов, в усадебных комплексах формировали и системы сообщающихся посредством труб копаней, а в оврагах и балках устраивали каскадные пруды. Водные объекты в усадьбах, естественные или искусственные, помимо рекреационных и экологических задач, выполняли мелиоративную или утилитарную функцию, т.е. использовались в качестве «садков» для разведения разнообразных видов рыб.

Особенностью создания парков в Воронежской губернии является распространение в усадьбах «парков-садов». Боскеты из фруктовых деревьев обсаживались лиственными породами, образующими парковые аллеи. Таковы сохранившиеся парки в усадьбах «Дача», «Никольское», «Семидубравное» и многих других. В лесостепной полосе региона парковые зоны плавно переходили в естественный лес, образуя громадные озелененные пространства (усадьбы «Анна», «Калиново», «Староживотинное», «Горожанка» и многие другие). В степной зоне усадьбы становились единственными озелененными оазисами на многие километры в округе (усадьбы «Карпинка», «Паника», «Еленовка» и др.).

Растительный покров в усадьбах изменялся в сторону увеличения видового разнообразия, причем не только за счет привозимых растений, но и в результате кропотливого труда самих землевладельцев. Многие хозяева усадеб устраивали питомники лесных и фруктовых деревьев, разводили цветы, оборудовали для опытов оранжереи. Например, М.А. Звегинцова в имении «Масловка» (Бобровский район) занималась селекцией растений, которые представляла на международных выставках. В английских и французских цветочных каталогах упоминались выведенные ею два сорта роз и садовый жасмин под названием «Звегинцовых» [1, с.299].

Также следует отметить и деятельность Раевских — наследников генерала Н.Н. Раевского (героя войны 1812 г.) В XIX веке они были самыми крупными землевладельцами на востоке современной Воронежской области, в бывшем Новохоперском уезде. М.Н. Раевский являлся президентом Императорского общества садоводов и во всех своих имениях устраивал дендропарки. Уникальный видовой состав растений сохранился и в современном ландшафте. В настоящее время бывшие дендропарки представляют собой уникальные памятники природы и находятся под государственной охраной.

В условиях достаточно сильно расчлененного овражно-балочной сетью рельефа Воронежской губернии (Среднерусская возвышенность) растительность на территории региона, помимо эстетической нагрузки, выполняла и противоэрозионную функцию — укрепление склонов, уменьшение смыва верхних почвенных горизонтов и т.д. Так, И.А. Звегинцов в имении «Масловка» организовал вдоль песчаных донских берегов лесное хозяйство «по последнему слову науки» [1, с.299]. Венцом агрономических новаций землевладельца явилось разведение винограда на площади в несколько десятин. Особого дохода виноградник не давал, но помещик доказал, что в Воронежской губернии можно выращивать и южные сорта винограда.

Культурные ландшафты дворянских усадеб отражали особенности природопользования, освоения и развития территории в конкретной природной обстановке на определенном историческом этапе. Закладка и развитие усадебного комплекса предопределяло увеличение как биологического разнообразия за счет привнесенных видов, так и пейзажного разнообразия близлежащих территорий.

В настоящее время бывшие дворянские усадьбы — это *наследие*, историческая и культурная память России. К началу XX в. на территории современной Воронежской области было 360 дворянских усадебных комплексов только крупных землевладельцев. На сегодняшний день насчитывается около 40 усадеб, которые включены в Свод памятников истории и культуры РФ по Воронежской области и находятся на государственной охране.

Лишь одна усадьба на территории современной Воронежской области музеефицирована — Веневитиновых в с. Новоживотинное. В пяти усадьбах размещены санатории и дома отдыха. Четыре конных завода используются по первоначальному назначению, включая усадебные жилые и административные здания. В 28 бывших усадьбах размещаются школы, больницы, специнтернаты [5-15]. Остатки некоторых усадебных комплексов используются под различные хозяйственно-бытовые нужды. В кадастре особо охраняемых природных территорий области зарегистрировано 18 усадебных парков, стоящих на государственной охране [4]. Большинство же бывших усадеб Воронежской губернии утрачено. О них напоминают лишь оставшиеся (иногда частично) от хозяев деревья парков, водонапорные башни, промышленные и складские помещения и т.д., о принадлежности которых к усадебной культуре уже мало кто знает.

Одним из менее освоенных географами аспектов дворянской усадебной культуры является генеалогическая характеристика, неразрывно связанная с наследием региона. «Дворянские гнезда» — это известные имена, древние рода, выдающиеся династии. История Воронежского края очень богата известными дворянскими фамилиями. В именном указателе «Перечень дворянских родов Воронежской губернии» А. Акиншин и О. Ласунский называют около 1700 дворянских родов [1], связанных с историей Воронежского края.

Подводя итог можно отметить, что дворянские усадьбы имеют большое значение для всего геокультурного пространства Воронежской области. Они не только в прошлом сыграли важную роль в истории региона, в формировании традиционной русской культуры, но и сегодня являются потенциалом социально-экономического возрождения области. Для современной России, когда актуальны вопросы патриотического

воспитания молодежи, сохранения и использования историко-культурного наследия, развития туристско-рекреационной деятельности, планирования землепользования и строительства и т.д., изучение дворянских усадеб является весьма востребованным. Дворянская усадебная культура с полным правом может и должна изучаться на самых разных уровнях (как в рамках общеобразовательных программ школ, вузов, так и на уровне национальных проектов по сохранению и использованию русской культуры) и самыми разными специалистами. Не являются исключением и географы. Возрождение, популяризация «памятных мест» региона, связанных с жизнью и деятельностью дворян, позволит закрепить в памяти народа этот уникальный пласт отечественной культуры и получить дополнительный импульс социально-экономического развития территории.

Библиографический список

1. А. Акиншин, О. Ласунский. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. — 432 с.
2. Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии: / Е. Болховитинов // Воронежский край XVIII века в описаниях современников: сб. стат. — Воронеж: ВГУ, 1992. — С.178-180.
3. Загорский В.П. История Воронежского края от А до Я. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. — 311 с.
4. Кадастр особо охраняемых территорий Воронежской области / под ред. О.П. Негрובה. Воронеж: ВГУ, 2001. — 146 с.
5. Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Воронежской области: исследование и использование: метод. пособие. — Воронеж, 2007. — 124 с.
6. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. — М.: НИИ Культуры, 1984. — 70 с.
7. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. Богучарский, Верхнемамонский районы. — М.: НИИ Культуры, 1990. — 80 с.
8. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. Кантемировский, Павловский, Петропавловский, Россошанский районы. — М.: НИИ Культуры, 1990. — 130 с.
9. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Бобровский, Бутурлиновский, Воробьевский районы. — М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. — Вып. 2. Ч.1 — 144 с.
10. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Каменский, Каширский, Ольховатский, Острогожский, Подгоренский районы. — М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. — Вып. 2. Ч.2 — 128 с.
11. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Аннинский, Грибановский, Калачеевский районы. — М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. — Вып.3. Ч.1 — 148 с.
12. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Лискинский, Новохоперский районы. — М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. — Вып.3. Ч.2 — 180 с.
13. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Панинский, Поворинский, Таловский, Терновский районы. — М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. — Вып.3. Ч.3 — 115 с.

14. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Верхнехавский, Хохольский, Эртильский районы. — М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. — Вып.4. Ч.1 — 140 с.

15. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Нижнедевицкий, Репьевский и Семилукский районы. — М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. — Вып.4. Ч.2 — 210 с.

16. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. Изд-во, 1973. — 370 с.

17. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. — Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 1994. — 576 с.

18. Черников С.В. Крепостническая колонизация Воронежского края в перв. пол. XVIII века // Из истории Воронежского края: сб.статей. — Вып.10. — Воронеж: МОУ ВЭПИ, 2002. — С. 64-75.

Андрей Платонов

ЖИТЕЛЬ РОДНОГО ГОРОДА

Рассказ

Иван Петрович Коншин всю свою жизнь до войны прожил художником-живописцем. И по сей час в окрестных деревнях Воронежа еще можно увидеть вывески на кооперативных магазинах, на которых нарисованы изделия — свитки мануфактуры, обувь, подковы, топоры, школьные тетради, московские калачи, колбасные круги, бутылки с наливкой, а также слова, именующие сельпо и товары, которые продаются здесь населению, а внизу написано сокращенно имя художника «Рис. Ив. К.», то есть рисовал Иван Коншин.

Жил Иван Петрович Коншин на окраине города Воронежа, в слободе Чижовке. Там у него был деревянный домик в одну комнату и кухню, доставшийся ему от покойных родителей. В нем и жил полвека своей жизни художник Коншин, до самого лета 1942 года, когда в город вошли немцы. При немцах Коншин долго томился, наравне с прочими немногими жителями, которые по немощи или по нечаянности не смогли уйти от врага. На той же тихой улице, где проживал Иван Петрович, остались существовать его старые земляки — портной Авдей Спиридонович с женой-старухой, одинокий персональный пенсионер Евсей Демьянович Киреев, восьмидесяти лет от роду, сапожник Данила Данилович с двадцатилетним внуком Серегой, дурачком от рождения, многодетный кузнец из придорожной колхозной кузницы Воронков Кузьма Семенович и еще два семейства, плотника и слесаря, у которых тоже было у одного шестеро, а у другого семеро душ малолетних детей.

При немцах эти люди старались жить потаенно и незаметно, без нужды не показываясь наружу, однако они держались один другого и помогали друг другу, как родные, в еде, в одежде и в заботе, утешая того, кто ослабевал от долгого страха и тоски по своему народу, который был отделен теперь от них огненным рубежом.

Иван Петрович не боялся врагов. Над ним было старое русское небо, на земле росла прежняя трава, и он жил пока что в своем доме, куда еще ни разу не входил немец.

Делать было нечего, шло какое-то промежуточное, пустынное время — накануне ли смерти или накануне возвращения минувшей жизни. Иван Петрович с утра уходил путешествовать по родному городу. Город ему давно знаком, образ его известен в подробностях, но сердце Коншина теперь трепетало, когда он ступал по земле, где ходили его ноги в детстве и юности. И разум его был удивлен, словно он видел перед собою первоначально это место на свете.

В лице родины всегда есть новость для чуткого сердца, в ней есть постоянно оживляющее ее своеобразие, как в тайне любви ребенка к матери, для которого мать каждое утро новая и еще более пленяющая, и он прижимается к ней как впервые.

Обычно такое чувство испытывает человек перед видением своей родины, которую он оставил давно и ныне снова к ней возвращается. Но Коншин вовсе не оставлял места своей жизни и рождения, однако душа его содрогалась в тревожном счастье близости к милой земле, как после долгой разлуки с нею. Художник понимал свое странное чувство, оно происходило из пленения города врагом, из опасности смерти для родины, из того, что поработанная земля, как больной, истомленный человек, делается еще более прекрасной для того, кто ее прежде и всегда любил.

Иван Петрович тихо шествовал по обезлюдевшим улицам, мимо домов, где во дворах и в садах стояли немецкие солдатские кухни, грузовики, пушки, всякое железное снаряжение войны, и откуда слышался гул иноземных голосов. Но все это было чуждо художнику, неродственно русским жилищам, яблоням, местной траве, и как бы поэтому несуществующим. Иван Петрович шел мимо полчища неприятеля, как в безлюдьи, и ступал осторожно, чтобы не повредить попутно ни почвы, ни былинки и не тронуть раскрытых ворот, ничего не беспокоя на свете в его, быть может, последние часы существования...

Иван Петрович зашел однажды во двор одноэтажного белого дома на Средне-Смоленской улице; в этом доме помещалась школа, в которой учился в детстве Иван Петрович, а среди двора, как в деревне, стоял маленький деревянный домик, и в нем жил некий Артемий Дмитриевич Дежкин, девяносто семи лет от роду, сторож при школе. Сперва, еще по начальной старости, полвека тому назад, Дежкин был седой, как все старики, а потом, ближе к ста годам, он стал бурый, точно ржавь пошла по его бороде и волосам, а кожа к этому сроку у него потемнела и стала походить по цвету на торфяную землю. Сам Дежкин понимал свое положение и, пробуя рукою лицо, говорил: «Великие годы живу, почва уж на теле растет. А жить все одно надо: живется!».

В детстве Коншина, когда он учился в школе, Дежкин драл его за уши, чтобы мальчик не баловался. Во время перемен учительница уходила в комнату при школе и там отдыхала, а старый Дежкин, которого все звали Митричем, являлся в класс и наблюдал за поведением детей, чтобы они не шалили, а вели себя как следует быть, как взрослые. Но изредка Митрич бывал не строгим, а добрым, и тогда он говорил: «Балуйтесь, ребята, не слушайте меня, вы кто же такие будете из себя? — вы ведь дети, вы черти и ангелы, а я на доживе живу, глядите только, училище огнем не спалите, тогда драть буду!..»

Выросши большим, Иван Коншин сохранил свое знакомство с Митричем и ходил иногда к нему в гости. Митрич был полон воспоминаний за свою вековую жизнь; он обладал талантом правильной подробной памяти, и это чувство памяти уже отягощало его жизнь и делало трудным для него дальнейшее существование; он старался забыть минувшее, прожить текущий день, не упомнив его, и не мог этого сделать, потому что привык жить внимательно и принимал жизнь за благо, где ничего нельзя оставлять в пренебрежении.

Для Коншина Митрич был не только старшим другом, но и живой книгой, библией родного города. В живой мысли и чувстве этого давнего человека было запечатлено то, что исчезло для всех, что забыто многими и что, однако, незримо пребывает в мире. Митрич помогал Коншину увидеть живое и важное в том, мимо чего художник ранее мог пройти равнодушно.

Старик один раз поднял подкову в дворовом бурьяне и рассмотрел ее. Такие подковы изготавливали не менее как пятьдесят лет тому назад, ими ковали лошадей для дальней и жесткой дороги. По шипам, по размеру, по роду металла и по всей системе подковы Митрич рассудил, что подкова не иначе как с той лошади, которая ходила в шестерике в упряжке дилижанса. А дилижанс тот ходил от Воронежа до Задонска, а прежде и далее Задонска — до Ельца, до Липецка, до самого Орла... Это было еще до железных дорог, когда по русским степям мчались терпеливые, скорые кони, запряженные в дилижансы, в брички, в тарантасы, в кареты; в экипажах сидели больше богатые, знатные или государственные люди, а простой человек шел пешком по обочине дороги, неся в суме за плечами хлеб, а на груди под крестом у него были спрятаны в мешочке медные деньги, — и шел этот человек не ближе того, куда бежали лошади мимо него: в Москву на заработки, в Киев богу молиться, в Сибирь — посмотреть землю на переселение, в Петербург — проведать сына-солдата в Преображенском гвардейском полку, — мало ли куда надо ходить простому человеку, ему нужды и заботы больше, чем богатому и знатному, поэтому он и ходил по свету еще дальше, чем ездили господа на перекладных.

— Я когда малым был молодым, — рассказывал Артемий Дмитриевич Дежкин, — видел тоже такие добрые подковы. Меня тогда еще в дворники отец определил на Московскую улицу. Там постоялый двор Иван Саввич держал, у него и продажа была при дворе — те же подковы, победнее, правда, — крестьянские, гвозди, лыко, веревка, что кому надобно... И харчи были — горячая пища, постная и скромная, как нужно по времени. Иван Саввич сам, бывало, щи соберет и пшено в котел на кашу положит, а я, что же, я дров на печь наколю и пшено промюю в трех водах.

— Это Иван Саввич Никитин был? — спросил его тогда Коншин.

— По паспорту Никитин, а звали тогда не по паспорту, а по отцу — Саввич и Саввич. Как же иначе!

— Он стихи писал, Артем Дмитрич... Вы знаете?

— А то как же: «Вырыта заступом яма глубокая».

Дворники все знают, как прежде, так и нынче. Да некогда ему было заниматься, тошно ему было. Это я бы стерпел такую жизнь, а он нет. Оттого он и был, как не свой, — то сердитый, то добрый, — неровно жил и грудью бедствовал, от груди и умер. Я-то уж в ту пору не жил у него, я у другого хозяина жил, на колокольном заводе...

Артемий Дмитриевич имел близкое или даже родственное отношение почти к каждому жителю старого города и каждому дому. Поглядев на скамью у дома где-либо в Ямской слободе или в Троицкой, вспоминал людей, с которыми когда-то сидел здесь праздничные дни: сапожников, печников, плотников... Скамья осталась, истертая сверху, а людей уже нет, они прожили свое, потрудились на свете. Дежкин и к Петру Великому имел свое отношение.

— Прадед мой Демьян Степанович у одного этого Петра Великого двадцать семь годов в войске прослужил, — говорил, бывало, старый Дежкин, — он и на Капканчиковой мойке в работе был, а потом все кампании и по воде и пешим прошел — и на Азове был, и под Швецией, святого Митрофания сам видел, когда они с Петром по берегу реки ходили и размышляли, как быть всему государству. Митрофаний любил Петра Великого, и прадед мой любил его, даром что от царя народу покоя не было...

Иван Петрович Коншин давно уже не видел старого Дежкина; еще до войны он посетил его в последний раз, когда рисовал себе на память его портрет... Художник застенчиво вошел в бревенчатый домик; дверь его была открыта, изнутри не слышно было ни голоса, ни звука.

На столе посреди чистой теплой горницы лежал мертвый Артемий Дмитриевич Дежкин, уже обмытый и убранный по обряду, по старым правилам. Возле покойника на табуретке сидела младшая сестра скончавшегося, Евдокия Дмитриевна; она знала Коншина и, увидев его, запричитала по брату. Отошедши затем от своего горя, она сказала Ивану Петровичу, что покойный и еще бы пожил, да настало лихолетье, в избу явился неприятель, обидел человека черным словом, и Артем Дмитриевич не захотел более жить; он позвал ее, сестру, к себе, простился с нею, потомился два дня и умер, сказав только: «Мне пора, Дуня, — не два века жить, а один я прожил, всего повидал — и доброго и злого — спасибо родителям, что на свет родили и дали пожить...»

Художник простился с Митричем, поцеловал его в лоб и ушел из старого деревянного домика, запомнив мирное лицо умершего.

Возвратившись домой, Иван Петрович сел рисовать, пока еще было светло. Он рисовал теперь каждый день; для этого он пользовался только черным рисовальным карандашом и тетрадью с толстой белой бумагой. Иван Петрович не стремился к точному подобию образа, он даже не считал себя настоящим художником, потому что всю жизнь рисовал только вывески или макеты для наклеек на бутылки с квасом, уксусом, настойками и чернилами или изображал цветы на ставнях и крыльце вновь отстроенных домов, но Иван Петрович хотел сохранить для будущего, для неизвестного ему доброго зрителя прелестную сущность людей и предметов своей родины, их свободное ощущение счастья своего существования. Он рисовал все, что увидел за день, чтобы изображенное им осталось в сердце, в памяти и в совести тех, кто будет жить после, чтобы незабвенен был непрерывно меняющийся свое лицо умирающий и рождающийся мир; и главное — чтобы великий родной город его, который враг уже палит огнем, остался в истинном своем образе, дабы те, кому назначено его воскресить к прежней жизни, могли судить о его живом лице. Художник заботился и об этой пользе своей работы. Он ничего не хотел оставить в забвении, что может быть разрушено, умерщвлено или сожжено. Художник изображал

человека, еще сидящего у своего дома, но обреченного на рабство и смерть на чужбине; он рисовал девочку трех лет Ксеню, дочь плотника, которая глядела глазами на свет, держась за юбку матери, ничего не понимая в нем, или все понимая, но не умея сказать об этом. Он не забыл и воробья, живущего на его дворе, и нарисовал его лицо с натуры из-за окна, когда воробей долго сидел спокойно, не замечая хитрого человека; далее он написал фигуру дерева на улице и тело неведомого камешка, лежащего под тем деревом: кто же вспомнит тот камешек, хотя он и входит во всемирный инвентарь природы, кроме него, художника.

День ото дня Иван Петрович работал все более поспешно, но всего, что нужно было оставить на вечную память, нарисовать не успел. А вскоре он и вовсе перестал рисовать.

Враг немец начал взрывать старые вековые здания в городе, равно как и новые сооружения и жилища. Взорван был Университет, помещавшийся в старинных мощных зданиях, и теперь лишь сугробы каменно-кирпичной щебенки остались на месте домов и садов Университета. Этот Университет, перемещенный некогда на время из Юрьева-Дерпта и оставшийся в Воронеже навсегда, давно уже стал научным центром для всей области и любимым домом юных поколений людей, почувствовавших своим жизненным призванием науку. Сам Иван Коншин слушал когда-то в Университете курс философии, который читал профессор Озе; он тогда хотел понять тайный образ или главный общий рисунок мира, по которому он построен, существует и длится во времени.

Разрушен был завод имени Ленина, делавший точные мощные машины — двигатели Дизеля; подорвана под фундамент и пала на землю металлическая водонапорная башня, стоявшая посередине города; горели или взрывались библиотеки, школы, типографии, тысячи домов, где жили до войны труженики.

Однажды всю ночь неприятель взрывал цех за цехом паровозный завод имени Дзержинского. Коншин всю ночь слушал взрывы, глядел на отсветы пламени, мгновенно возникавшие в небе, и чувствовал, как одновременно с погибавшими зданиями, заводами, башнями, в нем тоже умирало что-то в сердце. То, что погибало теперь в городе, существовало и само по себе и внутри человека, который строил эти сооружения, давал деньги на них по налогам и займам и тем срастил их со своей судьбою.

Каждый день и каждую ночь художник Коншин ощущал, как с умерщвлением Воронежа по частям отнимается у него жизнь. Особенно ему страшно стало после разрушения завода Дзержинского; на этом заводе работал его отец, там же работал в молодости и сам Коншин в малярном цехе.

С этого завода началась новая история Воронежа и всей области, потому что на заводе Дзержинского — тогда железнодорожных мастерских — образовался некогда очаг рабочего революционного движения, там был первоначальный материнский источник пролетариата. Еще будучи мальчиком, Коншин слышал знаменитого рабочего оратора Карякина; он помнил до сих пор, как заседали за дверью из матового стекла в конторе сборочного цеха выборные рабочие — первое собрание делегатов, первый совет рабочих депутатов, еще не определивший своего названия. Это было в 1905 году.

В ту ночь, когда разрушался завод Дзержинского, Коншин почувствовал свое сиротство и первый раз заплакал. Наутро он пошел к Митрофаньевскому монастырю, откуда далеко виден и юг, и восток, потому что монастырь стоял на высоком берегу реки, на самом высшем месте города. Из-за того, что отсюда так далеко видна степь, древнее дикое поле, из-за того, что река опоясывает это возвышенное место и охраняет его, а главное — ради того, чтобы оберегать старую русскую землю и Москву, лежащие позади на севере и западе, и был создан некогда Воронеж. В диком поле жили тогда кочевники, набегавшие на Русь, и город был поставлен здесь сторожем и воином против них.

До Петра Первого город жил, не меняя своего первого назначения; он следил за вольною государства; однако шло время, и купец постепенно замещал солдата, — в огороже военного поселения появлялось все больше ворот для торговли со степными кочевниками: отсюда на Москву шел из степи скот, а в степь, в обмен, поставлялись льняные товары, шорные изделия, прялки, серпы, предметы оседлого ремесла, железные товары и другие произведения старинных русских кустарей и мастеров. Приучая кочевников к торговле, русские поселенцы отучали их от войны и вражды.

Потом наступило время Петра Первого. Воронеж понадобился Петру как место, где можно удобно и флот построить для похода на Азов. В те времена вокруг Воронежа произрастали мачтовые корабельные леса, и до сих пор еще сохранились остатки их — Шипова и Теллермановская рощи, — а реки Воронеж и Дон были тогда судоходными и способными нести суда с большой осадкой. Построив в Воронеже верфь, Петр вызвал к хозяйственному развитию весь Воронежский край. Для того чтобы построить флот, потребовалось устроить заводы, фабрики, мастерские литейные и железоделательные, канатные, суконные, смольные, кожевенные, оружейные, — потребовались тысячи искусных людей; нужны стали дальние дороги для быстрого сообщения с Москвою и старыми городами России: Воронеж был преобразован, и наступило новое время в его существовании. Флот ушел на Азов, постройка кораблей в Воронеже прекратилась, а в Воронеже остались тысячи искусных мастеровых и торговых людей, служивших на постройке флота, остались предприятия, годные к работе, которые начали производить товары для мирного рынка. Наступила долгая эпоха, уже вторая в истории города, которая закончилась лишь в 1917 году.

Во время революции Воронеж был вновь преобразован мощной силой нового исторического класса — и это его преобразование было несравнимо с прежними изменениями в жизни города, за все без малого четыреста лет его существования. Воронеж из города амбаров, складов, мукомольных мельниц и кустарных мастерских, из города хлебных торговцев, прасолов, мелких промышленников, дворян, чиновников стал городом новых могучих заводов, городом науки и культуры, городом многочисленного рабочего класса и учащейся молодежи, столицей обширной Черноземной области, края изобилия, где произрастают не только рожь, капуста и картофель, как было встарь, но и пшеница, и виноград, и каучуконосные растения, и сотни других культур. Где в петровские времена производились пеньковые канаты и варилась смола, в нашу эпоху делают дизель-моторы и радиостанции, паровозы и электрические машины; где в старину сидели за часословом и арифметикой немногие ученики, принужденные учиться по петровской разверстке,

ныне со страстным молодым разумом работают над книгой в библиотеке, с прибором и над препаратом в лаборатории тысячи студентов Университета и сельскохозяйственного института, второго по своему значению в Советском Союзе — после московской Тимирязевской Академии... Все это было лишь вчера...

Коншин не мог поверить, что город погибает, не мог поверить потому, что не изжила себя та сила, которая создала его, и под большим шатром голубых небес жила все та же вековая, тихая и могучая Россия.

Иван Коншин направился на Новостроящееся кладбище, где находилась могила Алексея Кольцова. Он хотел успокоиться духом и получить утешение возле самого большого и вдохновенного человека, жившего когда-то в Воронеже.

Художник долго пробыл у могилы поэта. Враг зажег город, и огонь, зачавшись в слободах, окружил Воронеж, снедая и его внутренние части. Гарь и дым застлали город, и трудно было без вреда для жизни пройти по улице. Коншин до вечера находился у могилы поэта, не зная, как ему жить, когда город умирает в пламени.

Пожар продолжался и в ночь, но Коншин пошел сквозь дым к своему двору. Дом его и улица на Чижовке погорели, лишь один кирпичный дом портного Авдея Спиридоновича сохранился. Туда собрались все окрестные бездомные русские семьи, и туда же пошел и художник. Горе было всеобщим, поэтому к утрате своего жилища и всего добра в нем и тетради с рисунками Коншин остался равнодушным. Он надеялся, что в России осталась прежняя материнская сила, и тогда все, что умерщвлено и погибло, воскреснет и возобновится вновь и в еще более совершенной форме.

На следующий день пожар города угас. Художник вышел на место, где была улица, и увидел, что разнообразный цвет жизни и всяких предметов, к чему привык всякий человек, сошел с лица мира, и все стало серым, хотя и светило солнце на небе.

В тот день дул ветер, раздувая еще не остывший жар в золе и разнося пепел в пустом пространстве. Художник пошел к своему дому и обошел его вокруг кирпичного фундамента, который остался после огня. В промежутке меж кирпичной кладкой он заметил слабую молодую ветвь какого-то растения; прежде Иван Петрович никогда не видел этой ветви, что зачалась и жила в камне сама по себе. Она была опалена пламенем, но живая защитная влага выступила на ее тонком теле, и ветвь еще не умерла. Ее рвал ветер, палило пламя, но ветвь должна противостоять гибели и одновременно разрушать камень своими живыми, еще не окрепшими корнями, чтобы питаться из самой его скудости, расти и усиливаться, — другого спасения ей нет. Эта слабая ветвь должна вытерпеть и преодолеть и ветер, и огонь, и камень: она — единственное живое здесь, а все остальное — уже мертвое, и, быть может, эта ветвь прорастет сквозь камень в почву и когда-нибудь ее обильные разросшиеся листья наполнят шумом опустевший воздух, и буря в них станет песней.

Коншин погладил ветвь. «Живи», — сказал он ей; он был рад, что она существует и подобна ему.

В тот же день в дом Авдея Спиридоновича пришли три немецких автоматчика и приказали всем — и старым и малым — уходить из города вон, уходить навсегда в немецкую сторону.

Спиридонович попрощался со старой женой и сказал:

— Я в этом доме родился, тут прожил жизнь, милее мне места нету. Я никуда из родного дома не пойду.

Он лег на кровать и отвернулся лицом к стене. Один немец поднял автомат и поразил человека насмерть, на глазах у всех.

Иван Коншин, бывший здесь среди своих земляков и старых друзей, забыл себя и, бросившись сзади на стрелявшего немца, обхватил его за горло, рванул к себе назад и упал вместе с врагом. Другие два немца подняли оружие на Коншина, ожидая, когда их товарищ встанет на ноги, чтобы не попасть в своего. Серега, внук сапожника, вскрикнул радостно по-дурацки и схватил руками ближе к нему дуло автомата. Немец, не вырывая своего оружия, выстрелил очередь в живот Сереги, и тот упал, но не отпустил автомата и потащил за собой немца. Кузнец Кузьма Воронков стоял до того в стороне, загородив собою дрожащих детей, своих и чужих; он укладывал в мешок инструмент — малые тиски, клещи, молоток, разводной ключ, — на случай, если придется уходить, чтобы немец не погубил детей. Сейчас, увидев убийство, Воронков передумал, — он выхватил клещи обратно из мешка и размозжил ими голову ближнего немца, того, что нацелился в Коншина, а затем тут же расшиб голову второго врага, который убил Серегу. Третьего неприятеля порешили прочие люди — на него сразу навалились Данил Данилович, плотник и слесарь, пока враг выпрастывался из рук Коншина, державших его с оцепеневшей силой.

Еще четыре часа держались в каменном доме Коншин, Воронков и плотник со слесарем. Детей и стариков они поместили в подполье под домом, а сами отстреливались из немецких автоматов от прибывшего к дому охранного отряда. Они жили и дрались одни среди погоревшей родины, и Коншин убил двоих немцев, когда немцы с ходу хотели ворваться в дом. Но плотник под конец оробел, или детей ему своих стало жалко, он близко подпустил троих немцев, не выстрелив в них заблаговременно, и они бросили в дом гранату. Осколками убило Воронкова и плотника, а Коншина и слесаря лишь легко поранило. Тогда Коншин, не желая, чтобы враг бил по дому еще, потому что в его подполье береглись дети и старые люди, вышел наружу, залег там в обгоревшую яму и стрелял еще немного, как видел немца, пока диск автомата не пошел вхолостую. Затем он увидел бегущего на него большого немца и поднялся ему навстречу, чтобы драться врукопашную. Немец набежал на него, тяжело дыша, и выстрелил почти в упор.

Кто умирал в бою, кто в яростной энергии своего сердца ощущал вплотную живого врага, тот знает, в какой беспомощности, в каком ужасе остаются после него земля, погоревшие дома на ней и живые люди, которых погибающий не успел или не смог защитить. Таким остался весь видимый мир в последнем сознании Ивана Коншина, когда дыхание его враг пресек огнем и он упал на обгорелую черную траву возле дома Авдея Спиридоновича. Ему показалось тогда, что вместе с ним погибает вся жизнь на свете и больше ничего не будет, и с этим последним убеждением Коншин утратил память.

Немцы, видимо, оставили Коншина, как мертвого.

А спустя долгое время, уже после освобождения города, Коншин оправился в госпитале от ран, и он вспомнил тогда то мгновение своей жизни, которое он считал предсмертным, и понял важность своего существования. Пусть это ему лишь показалось, что весь мир стал жалким и слабым без него, что он не уцелеет без его помощи и также погибнет, — од-

нако видение сгоревшей, обезлюдевшей родины, нуждающейся в каждом своем сыне-солдате, как вопль, вошло в его душу в предсмертную минуту и неподвижно осталось в нем...

Вновь очнувшись к жизни, сразу постаревший, Иван Петрович не стал, однако, жить как инвалид и старик. Его и посейчас можно видеть в Воронеже работающим на разборке взорванных, разрушенных зданий. Вместе с женщинами и подростками он выбирает цельные кирпичи и складывает их в штабели, чтобы из них снова можно было строить. Старая, бессмертная надежда согревает его сердце, — надежда, что несправедно погубленное и погибшее обязательно вновь возникает на свете, и возникает в более совершенной и прекрасной форме, чем существовало прежде.

Евгений Новичихин,
член Союза писателей России

ХРУСТАЛЬНОЕ ОЗЕРО СКАЗКИ

(Народная сказительница
Анна Николаевна Королькова)

Ветераны Воронежского хора, входившие в самый первый его состав, вспоминали о таком эпизоде. Шла Великая Отечественная. Хор давал концерт на одном из фронтов. На импровизированную сцену вышла Анна Николаевна Королькова и прочла свои патристические стихи, горячо встреченные бойцами. Командир одной из частей после выступления подошел к Анне Николаевне, взял из ее рук цветы, высоко поднял их над головой и громко воскликнул:

— К нам приехала Родина-мать благословить нас на богатырские подвиги! Клянемся, что дойдем до Берлина!

И все как один солдаты поддержали своего командира: «Клянемся!»

Я хорошо знал Анну Николаевну и могу подтвердить, что эпизод этот вполне правдив. Облик сказительницы всегда оставался одухотворенным — даже в девяносто два года. Она была человеком такой духовной силы, что как бы олицетворяла собой былинную Русь.

Этой одухотворенности предшествовала большая, нелегкая, но счастливая жизнь. Анна Николаевна родилась в 1892 году в селе Старая Тойда Бобровского уезда Воронежской губернии в семье бедняков. Трудиться начала с девяти лет: была нянькой, прислужгой у купцов, батрачила. Научилась всему: и ткать холсты, и прясть пряжу, и ухаживать за скотиной. А в свободное время уходила на пасеку к деду Степану — слушать сказки. Иногда просила его повторить ту, что особенно любила. А когда старый пасечник начинал что-то с трудом вспоминать, то сама ему и подсказывала. Слово в слово! Удивлялся дед Степан такой памяти и рассказывал сказки новые и новые.

А вскоре и ее саму стали просить: расскажи да расскажи сказку. И она рассказывала. Постепенно стала сказки и сочинять. В Старой Тойде восхищались ею и стар, и млад: «Анютка не сказку сказывает, а кружево плетет!» Всем нравилось, что добро у нее каждый раз торже-

ствовало над злом. Аленушка, преодолев все жизненные невзгоды, вышла замуж за царевича Ивана. Жадного и злого барина «на смерть задавило» золотое одеяло, «так и не стало на свете барина». Ленивая жена за работу принялась — «муж ею не нахвалится». А злая жена перестала изводить мужа, чудесным образом превратившись в добрую...

Говорят, что любой талант в человеке — от Бога. Наверное, это так и есть. Но я бы еще добавил: и от отца-матери, от дедушек-прадедушек и бабушек-прабабушек. Видимо, талант имеет в определенной степени генное происхождение.

Анна Николаевна Королькова унаследовала свой талант, как считают специалисты и биографы, от своего дедушки Устина Сергеевича и бабушки Марии Потаповны — больших мастеров исполнять задушевные народные песни. Но до недавнего времени никто из исследователей творчества Анны Николаевны не обратил внимания на то, что ее отец, Николай Устинович Глазков, тоже был замечательным сказителем. В 1941 году известный воронежский ученый-фольклорист Вячеслав Алексеевич Тонков записал от него десять сказок, множество пословиц и поговорок, а в 1944-м — три сказки и несколько песен. Сказка «Маленькая Маша» опубликована в 1949 году в сборнике «Фольклор Воронежской области». А в книге «Народное творчество в годы Великой Отечественной войны», вышедшей в Воронеже в 1951 году, В.А. Тонков напечатал сказку «Богатырь-освободитель и Змей-Горыныч». В комментариях к последней книге В.А. Тонков писал: «...Николай Устинович Глазков является не только хранителем унаследованного им сказочного репертуара, но и творцом новых вариантов, часто придающих сказке новый смысл, новое звучание». Так что талант сказительницы передался Корольковой не только от деда и бабушки, но еще и от отца.

С 1931 года Анна Николаевна работала в колхозе. И всюду ее видели то поющей песню, то рассказывающей сказку.

Недород 1933 года вынудил семью Корольковых перебраться в Воронеж. Семья эта была многодетной, и Анна Николаевна оставалась в ней домохозяйкой. Но с песней не расставалась. Из голосистых тойденских девчат, живших в городе, создала женский хор и стала ее руководителем. Хор этот быстро приобрел известность, много выступал с концертами, стал победителем многочисленных конкурсов, в том числе Всесоюзной олимпиады коллективов художественной самодеятельности предприятий химической промышленности, заключительный концерт которой состоялся в Ярославле. Принимали участие даже в правительственном концерте, который проходил в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, в присутствии руководителей государства.

Хор хором, но о сказке Анна Николаевна никогда не забывала. Перед самой войной, в 1940 году, вышел в свет сборник «Песни и сказки Воронежской области». И в нем сказки Корольковой занимали почетное место. А в 1941-м в Воронеже была издана ее собственная книжка. Она так и называлась — «Сказки А.Н. Корольковой». Тексты сказок были записаны еще в 1938 году Вячеславом Алексеевичем Тонковым. В своем предисловии к сборнику ученый особо отмечал, что в обширном сказочном репертуаре Анны Николаевны содержатся почти все виды русских сказок — от волшебных, героических и бытовых до короткого анекдота, «повестушки» включительно. «Народно-поэтические символы, психоло-

гические параллелизмы, сравнения и эпитеты помогают сказительнице еще ярче раскрывать душевные переживания своих героев», — писал В.А. Тонков. Интересно отметить, что редактором этого издания был Петр Николаевич Прудковский — будущий коллега Анны Николаевны по Союзу писателей.

С началом Великой Отечественной Корольковым пришлось эвакуироваться в родную Старую Тойду. Здесь Анна Николаевна снова собрала хор из талантливых землячек. Выступали перед призывниками, пели для воинов, отправлявшихся в эшелонах на фронт, нередко выезжали и в действующие воинские части. И когда композитору Константину Массалитинову было предложено создать на базе лучших исполнителей народной песни Воронежский русский народный хор, то он первым делом поехал именно в Старую Тойду: хор Корольковой был самым опытным среди самодельных коллективов области. Семнадцать старотойденских девчат вошли в первый состав массалитиновского детища. Это была чуть ли не половина нового коллектива. В этом смысле Анну Николаевну Королькову можно смело называть одной из создательниц Воронежского хора.

Начались концерты за концертом: выступления на площадях и улицах освобожденного Воронежа, в сельских районах области. А еще — множество поездок на фронт, где Воронежский хор знали повсюду. Из многих воинских частей приходили письма с благодарностью за верность русской песне, за прекрасные выступления накануне решающих боев. «Я и там, на фронте, солдатам сказки сказывала, они рады были...» — вспоминала впоследствии Анна Николаевна.

В эти годы Королькова создала несколько десятков сказов, песен и частушек, посвященных бойцам Красной Армии. В 1944 году в Воронеже вышел в свет под редакцией К.И. Массалитинова и М.А. Певцова сборник «Песни, частушки, сказы: репертуар государственного русского народного хора Воронежской области». В нем творчество Анны Николаевны было представлено довольно широко. В частности здесь опубликованы две песни на ее стихи, положенные на музыку К.И. Массалитиновым — «Береги, сынок, границы» и «Жалейка». Ну а в новых ее сказках появились мотивы борьбы за правое дело, веры в Победу, материнской боли за сыновей, отдающих свои жизни в схватке с врагом. Таковы сказки «Верная жена князя Петра», «Волклюдоед», «Заветный меч-кладенец и волшебное кольцо», «Мудрая мать».

Первый послевоенный год начался у Анны Николаевны с радости. Тогда, в 1946-м, книга ее сказок вышла в Японии. Перевела ее японская учительница и переводчица Ясуко Танака. Она и прислала Анне Николаевне эту книгу. В письме писала, что на своих уроках читает детям ее сказки, и ребята принимают их восторженно. Позднее сказки Корольковой были переведены и в Германии.

Несколько лет, как и до войны, Анна Николаевна успешно руководила хором завода синтетического каучука. Но сказки оставались главным смыслом ее жизни. В 1956 году она вместе с экспедицией Московского государственного университета, представленной большой группой фольклористов, отправилась в родную Старую Тойду. Целых две недели провели здесь московские гости, без конца консультируясь с Анной Николаевной. «Урожай» экспедиции оказался весьма богатым: буквально сотни песен, свыше ста сказок. Анна Николаевна была горда этим: не

куда-нибудь гости нагрянули, а в ее родное село. Приятно было и то, что земляки встречали ее очень тепло.

В том же году выходит книга А.Н. Корольковой «Сказки» с послесловием писателя Алексея Ивановича Шубина, а в 1959-м — новое издание «Сказок» в соавторстве с А.К. Барышниковой. А двумя годами раньше, в 1957-м, Анна Николаевна стала членом Союза писателей СССР. Это был случай уникальный, как и ее книги. Ведь никакого образования она по существу не получила. И вдруг — писательница. Нередко приходилось слышать: «Да разве возможно такое?»

Возможно. Потому что образование — это только часть культуры. Весомая, важная — но только часть. Необходима еще огромная внутренняя культура, а у писателя — еще и большое знание жизни, чувство слова и многое-многое другое. И все это у Корольковой, конечно же, было.

К тому же ей была присуща высочайшая интеллигентность. Как-то она, размышляя на эту тему, рассказала мне любопытную историю. Не знаю уж, услышала ли Анна Николаевна от кого-нибудь об этом случае или прочитала о нем где-то, но он явно затронул ее душу. А случай вот какой. Ребята, студенты одного из городских вузов, нашли на улице маленького, голодного и бездомного щенка и принесли его с собой в общежитие. Накормили, обогрели и оставили жить в своей комнате. Однажды вечером в общежитии дежурил преподаватель института, некий кандидат наук. Увидев щенка, решил навести порядок и, не долго думая, выбросил его с пятого этажа. Вскоре к одному из ребят приехал из далекой деревни неграмотный старик-отец. Рассказали ему о щенке. Старика поступок кандидата наук возмутил: «В институте, в котором моего сына учат такие преподаватели, он учиться не будет!» — сказал старик и забрал сына в деревню.

Анна Николаевна Королькова на встрече с ребятами

— Вот и скажи, мил-человек, — спрашивала меня Королькова, — кто из них интеллигент: этот кандидат наук или неграмотный деревенский мужик?

Ответа она не требовала, потому что он как бы подразумевался сам собой.

Многим кажется, что, получив высшее образование, человек возвышается над тем, кто его не получил. Какое заблуждение! Истинный талант — не от образования, а от Бога. Богом и дан был Анне Николаевне ее щедрый дар.

С конца 1950-х годов известность Корольковой стремительно растет. Она часто встречается с учеными-фольклористами, студентами-филологами, которые записывали от нее сказки, песни, частушки, пословицы, поговорки и другие произведения устного народного творчества.

Одна за другой, с завидным постоянством, продолжали выходить ее книги. В 1962-м — «Золотой кувшин», в 1964-м — «Ковер-самолет», в 1966-м — «Белая лебедушка», «Хрустальное озеро», в 1969-м — второе издание «Белой лебедушки». В «Золотом кувшине» сказки публиковались в литературной обработке Михаила Сергеенко. Здесь Анна Николаевна впервые представила читателям свою автобиографию, которая и в дальнейшем будет неоднократно печататься в ее книгах. Сказки «Ковра-самолета» вышли в обработке Георгия Воловика. А оформил книгу известный воронежский художник Петр Пономарев. Над «Белой лебедушкой» работал художник Евгений Пошивалов. Сборник «Хрустальное озеро» подготовлен известнейшим московским издательством «Детская литература», остальные книги вышли в Воронеже.

Книги Корольковой все больше и больше привлекают внимание ученых-фольклористов. Еще в 1955-1957 годах известный фольклорист, доктор филологических наук Э.В. Померанцева вместе с Н.И. Савушкиной и В.Д. Шершавицкой записали от Анны Николаевны свыше ста сказок, преданий, анекдотов. В 1959 году в сборнике «Научные доклады Высшей школы. Филологические науки» появилась глубокая исследовательская статья Э.В. Померанцевой «Сказки А.Н. Корольковой». В 1966 году имя Корольковой вошло в престижное издание — Краткую литературную энциклопедию. Статья о сказительнице, помещенная в 3-м томе этой энциклопедии, подготовлена все той же Э.В. Померанцевой. И, наконец, Эрна Васильевна Померанцева в качестве составителя включила записанные от Анны Николаевны произведения в книгу «Русские народные сказки». Вышла она в 1969 году, в Москве, в издательстве «Наука», под эгидой Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.

В научном мире, изучающем фольклористику, книга стала большим событием. Дело в том, что сказки даны в ней в дословной записи, а не в литературной обработке. В них — живой русский язык. Писатели, записывавшие сказки Корольковой, пытались их «причесать», «пригладить». А в книге Померанцевой они даны в своей первородной глубине и яркости. С тех пор серьезные исследователи работают над сказками Анны Николаевны исключительно по тексту этого издания. Оно считается научным — тем, что, как любила говорить Анна Николаевна, «любо-дорого».

Вслед за этой книгой в Воронеже изданы: «Горошинка» (1970), «Сказки А.Н. Корольковой» (1972), «Финист — Ясный сокол» (1973), «Сказки» (1976). В 1979 году была переиздана книга «Финист — Ясный сокол».

Анна Николаевна вместе с профессором, доктором филологических наук Сергеем Георгиевичем Лазутиным много лет работала консультантом известного ансамбля «Лада», созданного композитором Евгением Шелемановым. В репертуар ансамбля вошли фрагменты обрядов, другие номера, основанные на фольклорном материале, а также русские народные песни, записанные в районах Воронежской области, в том числе — от Анны Николаевны. Люди моего поколения, конечно, хорошо помнят, что в те годы выступления «Лады» повсеместно пользовались громким успехом.

Она много выступала на радио, телевидении, пропагандируя русское народное творчество. Любила встречаться с детьми. Раза два или три мне пришлось выступать вместе с ней перед школьниками. Ее узнавали безо всякого представления. Только заходила в зал или класс, раздавались такие аплодисменты, каких не слышали иные нынешние эстрадные кумиры.

Некоторые сказки она рассказывала каждый раз по-новому — в зависимости от аудитории, от обстоятельств. Вносила в них какие-то новые детали, а то и иные сюжетные повороты. Другие же — никогда не меняла. У нее было необыкновенное чутье на такие вещи. По этому поводу она говорила:

— Ведь есть сказки письменные — я их сама из старых книг узнала. В таких ни буквы, ни слова менять не положено. А есть сказки, которые в лапти обуты, лыком подпоясаны. С ними, брат, посвободнее обходишься. Я единожды в Москве была, у профессора Розанова, и он мне такое молвил: «Наизусть, Анна Николаевна, и балбес выучить может. А вы вот все по-новому рассказываете — словно старой ниткой, старой коклюшкой новое кружево плетете. Вот это и любо-дорого...»

Ее сказки, конечно, были из тех, которые «в лапти обуты, лыком подпоясаны».

«...Живая общительность, непреодолимое желание сообщить окружающим, иногда случайным встречным или попутчикам, что-нибудь интересное, забавное или поучительное, сохранилась у Анны Николаевны и по сейчас». Это сказано о Корольковой Эрной Васильевне Померанцевой в конце 1960-х годов. Но и в начале 80-х она оставалась точно такой же. До самого конца жизни ее разговорная речь была яркой, образной. Не теряла она и памяти на множество пословиц, поговорок, загадок, которые щедро рассыпаны и по ее сказкам.

Неграмотная крестьянка, она была хранительницей неоценимого богатства народной мудрости и создательницей самобытных книг. Ее творчество разнообразно. Тут сказки и богатырские, и волшебные, и сатирические. «Сказку рассказывали старые люди, чтоб молодые учились», — часто говорила она. Ее внук Валентин Голиков вспоминал: «Из нее народная поэзия била, как родниковая вода. Она никогда не говорила «здравствуйте», а всегда «здравствуй, сокол ясный» или «здравствуй, мил-человек», не говорила «земля», а обязательно «земля-кормилица». Она не говорила «хлеб», а только «хлебушко». Она никогда не говорила «Россия», а всегда с тихой гордостью — Россия-матушка». Многие воронежские рассказывают, как она, к примеру, вспоминая о былом, говорила: «В том году такая земляника уродилась, что когда телега по траве ехала, то колесные ободья красными становились!»

Подобные перлы за нею можно было записывать бесконечно. Ее уважение к крестьянскому труду, к крестьянским корням было столь вели-

ко, что его вполне можно было бы сравнить с есенинской любовью к земле. Вспоминается, как Есенин в полемическом запале писал, что пролетарии хотят поставить памятник Марксу, а крестьяне — корове. В сказках Анны Николаевны корова неоднократно именуется и кормилицей, и матушкой.

В наше время, как никогда, людям необходимы светлые и добрые ориентиры. Их и показывают людям книги Анны Николаевны Корольковой, трепетно сохранившей и передавшей потомкам все, что вызревало в народной жизни и хранилось веками.

Светлая память ей, бережно хранившей и ценившей мудрость народную.

Эдуард Ефремов,
член Союза журналистов России

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

(100 лет народной певице
Марии Николаевны Мордасовой)

Как-то я рассказывал Марии Николаевне о поездке в Старый Оскол к старцу Алексею Федоровичу. Один композитор подарил ему диск с записью своей музыки. В очередной приезд спросил его мнение. Старец ответил:

— Плохая запись...

— Алексей Федорович, я вам сделаю лучше.

— Запомни: человечество никогда не достигнет совершенства в передаче живой музыки, живого пения...

И вот мне выпали терзания на листах бумаги передать «живую» Мордасову, с ее голосом, музыкой не только пения, но и умения вести беседу, ярким, образным языком давать характеристики событиям, людям.

...Давно это было. Редакционное задание «Молодого коммунара» — сделать материал о Марии Николаевне Мордасовой. С детства воспринимал ее как небожительницу — из репродукторов вырывался вольный задорный голос и витал над землей. Поля с лесами становились краше, жизнь воспринималась счастьем — и целину поднимем, и с Гагариным еще раз в космос слетаем, и с друзьями спутниц жизни встретим по-песенному добрых и во всех отношениях красивых. Словом, дух захватывает от того, о чем надо поговорить с кумиром.

И вдруг совсем неожиданное, простецкое:

— Эдинька, ты вопросы неправильные задаешь. Нас в Кремле учили, как с журналистами разговаривать и на какие вопросы надо отвечать...

Я и так, и эдак, а она мне в ответ набором словесных штампов про съезды и партию — погасла в душе моей песня.

— Мария Николаевна, я Вас очень люблю. И пришел Вам в этом признаться. Простите меня, но никакой материал писать не буду — давайте просто поговорим о жизни.

— Честное слово, писать не будешь?

— Честное слово!

— Тогда садимся чай пить и беседу вести.

И пошла-пошла карусель воспоминаний, смешных и печальных историй, горьких слез, куплеты песен, частушки...

— Крови много видела. Память о детстве оставила кошмары... Мне шесть лет было, когда в село ворвались антоновцы. Налетели, вынесли из избы все подчистую... Но такие, видать, мы жалкие и убогие были, что один бандит даже сжалился. «Давайте, — говорит, — хоть одеяло оставим — дети замерзают...»

Дедушку они заперли до смерти кнутами... В глазах стоит, как 13 человек заперли в хлеву, искололи штыками, а потом хлев подожгли... А мы ведь детьми были, все это видели. Или вот это разве забудешь? Прямо напротив нашего окна двоих мужиков заставили себе могилу рыть. Вырыли, поставили их на колени... И тут к одному девчущка, дочечка его маленькая, откуда-то выбежала... Стоит он на краю могилы перед смертью на коленях и дитя свое родное напоследок жалеет, целует...

Каково детскому сердечку такое вынести?

...Перед войной вышла замуж. Только месяц и пожилы — ушел муж на фронт да сразу же и погиб...

— Детей быть не могло — надорвала себя, когда колхоз создавали. Тяжести поднимала невероятные! А застужалась как?! Одно время свиначкой была. Ночей не спала — время опороса, а на дворе лютый мороз. Появятся поросляточки — вмиг погибнут. Я их в фуфайку укутаю — бегом домой. Дома они в соломе около печки блаженствовали. У меня самый лучший показатель был — ни один поросенок не погиб...

Эх, барыня, барыня,
Сударыня-барыня,
Сударыня-барыня,
С Воронежа барыня!

Жизнь прожила весело, но легко ли? Образование — семь классов. До школы от нашего села семь верст, а обуться-одеться не во что было. Тяжелую работу начала исполнять лет с десяти. Чуть из грядки меня видно, а за вечер ведер по сто на капусту да огурчики с помидорчиками выливала. Я шла третей, а всего у отца с матерью было нас четырнадцать. Работы было много, и я работу любила. В любую работу входила, как в радость. А когда начали организовываться колхозы, стала первой дояркой.

Помню — зима, холод невозможный. Колодец около фермы всегда промерзал до дна. Подхватишь лом — и на речку Цну: продолбишь лед, зачерпнешь два ведра, пока обернешься — опять ломом долбить надо.

Потом звеньевой стала работать. Ложилась спать поздно, а к пяти утра уже на ногах...

Вспоминаю, вся в моторе была. Выдавался свободный день — организовывали воскресники. Ведь мы ставили на ноги колхоз, начинали новую жизнь. Судьба меня из родной Мазовки, что на Тамбовщине, забросила в город. По семейным обстоятельствам переехала в Воронеж. И никак не могла привыкнуть к асфальту. А потом пошла в швейную мастерскую. Работа меня и в Воронеже удержала.

Первый концерт в Тамбове состоялся — в школу ходила... Голоском обижена не была — меня послушать вся Нижняя Мазовка собиралась. А тут — в областной центр, на какой-то смотр художественной самодеятельности пригласили. Одеться-то мне не во что. Сестра дала свое платье три-

котажное розового цвета: «Смотри, не замажь!» Думала, что лучше моего платья на свете нет! Я его даже не надела, а в узелочке с собой повезла. За сценой, затаив дыхание от счастья, переодевалась. Не по мне был убор... Все висело, топорщилось. К тому же, пояс дома забыла. Вышла на сцену — хохот стеной стоит! И я поняла — надо мной смеются. Так мне жалко себя стало, такая я униженная стояла перед ними, что хоть не живи дальше на белом свете. Увидела вдруг, что у меня огромные разваливающиеся ботинки. И это платье... Стою опозоренная и освистанная... Закусила губу до крови. «Ну, думаю, помирать так с музыкой!» На первом куплете давилась слезами, а потом чувствую — притих зал. Ну, я и пошла, и пошла! Уж не помню, сколько песен, частушек спела, а меня все не отпускают.

Спеть-то спела, но разрыдалась от стыда... Вдруг — ко мне со всех сторон все! Парень один: «Давай вместе споем!» Мы с ним спели «В деревне Ольховка...», «Вдоль деревни...» Какие-то солидные люди спрашивают, где училась да кто учитель? Никто. Все песни от мамы, теток родных, дядьев — Яркины, моя девичья фамилия, все хорошо пели! Учитель был, который песням учил, — Илья Тимофеевич Загуменнов и его супруга Антонина Григорьевна. Они и школьным, и колхозным хором руководили. Помогала та учительская семья и осмысливать правильность нашей жизни. ...Еще спасибо радио — все запоминала, что там исполняли...

...Когда ехали из Тамбова в машине, меня не узнали — я-то как нищенка сижу. Все: «Ох, и концерт был!» И хвалят меня, хвалят... Ехала с ребятами из Черняного, знакомых-то рядом никого не было... Возьми и скажи, что это я пела. Ох, и смеху было! Думали, что если я в лапоточках и лохмотьях, так шучу. Грубость никогда не терпела. Ладно бы — посмеялись. Но один так надменно: «Ты-то — сиди!» Тут уж я ожила! Достала из-за пазухи ботинки: «Вот! Меня наградили!» И запела!

Я потом эти ботинки на ноги только перед выступлением и обувала, а то все под мышкой носила... Через речку на лодке плыли, опрокинулись — тонула, но ботинки не выпустила! Так меня и спасли — вместе с ними...

После того концерта приодели — юбку дали, кофту. В родной деревне вышла на сцену — не узнали! Так я была богато убрана. На «бис» вызывали. И я как пошла частушки сыпать! Я уж вам теперь не Машка Яркина, а артистка в ботинках из области и в кофте с юбкой из района!

Около четырех часов тогда просидели мы с Марией Николаевной.... Через несколько дней в газете напечатали материал. Звонок. Упало сердце на пол — в трубке голос Марии Николаевны, и она... плачет. Обманул журналист, не сдержал «честное слово». Дернуло же меня! Вот уж, действительно, ради красного словца кого хочешь продадим...

— Заходи... Мы тебя с Ваняткой ждем...

Ванятка... Так она называла своего мужа, с которым связала свою судьбу в 1945-м.

— Замуж-то не собиралась — кому я нужна «пустая»? Но бабой-то как была видной, так видной и осталась — все при мне. К убору русскому, за основу взяла костюм из Воронцовки Бутурлиновского района, убору, который любая Баба Яга одень — царевной станет, еще и голос приманку давал. За мною мужики — от рядового до генерала! И про любовь говорили, и под венец, и в ЗАГС предлагали... Да зачем хорошие сердца разбивать? Ванятка-то, Иван Михайлович Руденко, мне на концертах на баяне аккомпанировал. Человек знающий, все понимающий — с ним и сошлись. Чуть что, какой намек от кого — извините, я замужем...

Мария Николаевна Мордасова

...Открывают дверь. Стол накрыт. Иван Михайлович человек строгий, официальный:

— Мы с Марией Николаевной довольны написанным — умеете записывать, не искажая. Она взялась книжку о себе писать — помогите ей.

Но при Ванятке у нас ни разу не получилось должной беседы. Он всегда вмещивался и по ходу «редактировал»:

— Мария Николаевна, вот об этом говорить не надо — это не для печати. В Кремле нас с тобою могут неправильно понять...

Если Мордасова после ни разу о Кремле не вспомнила, то для Ивана Михайловича Москва и Кремль, чье-то мнение оттуда, были мерилем всего. Но баянист он от Бога, и представить их друг без друга невозможно. Частушка, песня сливались с музыкальным сопровождением в неповторимое единство.

Дальше наши встречи с Марией Николаевной пошли по иному сценарию. Звонок:

— Эдинька! Ванятки дома нету, «Рябина на коньяке» на столе — будущее за нами! Приезжай!

История подобного «позывного» с первой встречи после публикации в «Молодом коммунаре». Посидели, расходиться надо, а Иван Михайлович:

— Да что же это мы?! «Рябину на коньяке» открыли, а пить почти и не пили...

Пришлось обладежить хозяина:

— Должна оставаться вера в будущее — завтра допьем!

— Уважай и уборщицу... Как часто именно от незаметных людей я получала золото слов, песен... Тогда ты артист, когда призвание и признание значат одно и то же....

...Я и дояркой была неплохой. Любила поле, любила коров пасти...

В памяти ромашки, цветы полевые... Солнце встает, пахнет росой! Любила сажать, радоваться тому, что вырастает...

Война началась, а я на швейной фабрике бушлаты шью... В карманы клали письма, кисеты... Самое страшное — привезли в Воронеж раненых.

По двенадцать часов в сутки шила бушлаты, шинели, а потом шли в госпиталь петь для раненых. По три концерта в день.

Хор швейниц состоял из 35 человек. Придешь в госпиталь... Лежат изуродованные, безжизненные... И думаешь: «Как же петь?» Присядешь, причешешь, напишешь письмо родным... Потом как-то само собою и запоемся — все и подхватят! Ведь дети были... И не было большего счастья, видеть, как они начинали улыбаться...

Потом в Анне хор создали. В нетопленном клубе собирались. В 1943-м я, Королькова, Мельников, Стариков, Ториков, Рогинская, Массалитинов в Борисоглебск поехали... Никаких условий... Холодно и голодно...

В Гвазде были. Село запомнилось замечательными людьми... Твоя Козловка через лес? Ой, у нас твоих земляков много пело!

...Воронеж был после освобождения от фрицев разбит. Только одна тюрьма целой была. Вспоминать страшно...

А после войны в первые гастроли по области отправились пешком: за плечами мешки с нарядами и сухарями... Хлеб не брали — плесневел... Мука-то плохого качества — лучшая в войну на фронт уходила, а после войны — тем, кто города восстанавливал.

— Мария Николаевна, рассказываете, и получается, что все же мало было радостей...

— Наверяд ли у кого-то жизнь бывает легкой... Нам всем для чего-то даются испытания... Мама объясняла: для встречи с Господом, для суда Божьего... Все зависит от того, как мы относимся к жизни — горним живем или низменным. Так некоторые понимают: если родился, значит, на счастье... Все правильно, но ты пойми, что такое — счастье? Тяжело было работать и на ферме, и звеньевой. Нароботаешься — ног не чувствуешь. Но как только гармошка где-то скрипнет — будто вся жизнь песней идет!

— Не кажется ли, что вам повезло — родились талантливой и с такой редкостной любовью к песне... Вам помогала песня.

— Песню поют люди. Талант... Но ведь талантливы все мои подружки: одна была лучшей дояркой в районе, другая — свекловичницей, третья — председателем колхоза. Если бы не мой голос, то, поверь, от них бы я не отстала... Считаю, что они большую людям в жизни пользу принесли — я только пела, но они — работали и пели. Поэтому я и старалась в песне быть такой, чтобы мне равных не было — определил Господь меня на такое служение, значит, надо все силы, всю душу вкладывать в оправдание таланта, данного тебе Господом. А перед Господом мы нагрешили — спуталось все в дурных головенках. Много радости дал хор, но с позволения наших же учителей в Черняном женщины-атеистки из облачения священников шили сценические костюмы... Мне песня, как молитва, — крылья дала. Вот говорят о тяжелых годах в деревне... Но вспоминаю — песней держались. Не было вечера, чтобы наша семья не выходила на завалинку песни попеть. Умел народ украшать свою жизнь. Эти вечера меня не столько петь, сколько жить научили. Ты обрати внимание: у всех хороших людей песенные души. Вот моя подружка по ферме Поля Журавлева. Они с мужем лучшими работниками были, но уж и на вечеринках им ровни не было. Все село собиралось, чтобы поглядеть, как Журавель пляшет.

Все годы держалась за песню — через нее все хорошее приходило. Народную песню мы не знаем — она шире, глубже, нежели ее представляют студентам в учебниках. Песня народная всегда учила принципиальности, чистоте в любви, честности, откровению, естественности и молитвенному состоянию души...

Был в пятидесятые годы случай... Приехала к себе домой. Стали просить односельчане, чтобы я для них спела. Прямо на крыльце родного дома и дала концерт...

Потом, долго не думая, села и написала письмо в «Тамбовскую правду» — рассказала о своих замечательных подругах, об их успехах в труде и упрекнула председателя колхоза за то, что до сих пор в селе нет клуба... А ведь председателем колхоза была моя подруга Вера Рак.

Вскоре о ней в центральных газетах стали писать: Вера Алексеевна на Тамбовщине первой организовала народную стройку, с помощью которой построила клуб на 400 мест, библиотеку, больницу... После она говорила: «Ты меня тогда толкнула здорово. Злость появилась, и стала искать пути, чтоб доказать, на какие дела мы способны».

Говорят, что помогло то, что письмо в газету написала я, известная в стране певица. Ничего подобного! Я еще когда дояркой и звеньевой работала, заметки в газету писала. Когда по делу написано — газетная строка всегда поможет. Если поддаться славе, то она тебя никогда человеком не делает.

Горжусь тем, что родилась в деревне — знаю, что такое горькое и что такое сладкое. Ценю простоту деревенской жизни, простоту взаимоотношений людей.

Люди, к сожалению, стали больше внимания уделять условностям. Порою даже как бывает: смотришь — идет навстречу твоя бывшая товарка по швейной фабрике. И вдруг: в сторону отвернется — и мимо! За рукав ее схватишь — оказывается, это ей неудобно было со мной останавливаться, ведь она, видите ли, простая швея, а я артистка... Объясняю ей: это мне должно быть неудобно — ты ШВЕЯ! А я — артистка...

* * *

Как-то Мария Николаевна пригласила меня с женой и сыновьями на дачу. В Радчино. И оказалось, это совсем и не дача, а натуральная избушка на курьих ножках. Рыбачий домик на берегу реки Воронеж. В нем мы все и поместиться-то не смогли. Застолье устроили на улице. Мария Николаевна угощала только что сваренной ухой и учила, как надо правильно ее готовить...

— Мне никакой земли не надо. Все это блажь — отдых на земле. На земле работать надо, а у меня для этого нет времени. Для меня рыбалка — лучший отдых...

С гордостью показывала грамоты, призы, завоеванные на соревнованиях по подледному лову, в которых участвовала ежегодно, и всегда — в числе победителей.

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНОЕ

Февраль 1989 года, звоню Марии Николаевне в канун юбилея, чтобы в день рождения дать в «Советской культуре» соответствующий этому дню материал.

— Уморили меня, уморили! Ведь одни знают, что я родилась первого февраля, а другие — что четырнадцатого, пятнадцатого... Да я сама во всех этих датах запуталась!

Оно и ни к чему все это — прошла пора дни рождения отмечать. Кто и когда в наше былое время знал о том, когда он родился? Мама никогда об этом не вспоминала. Вот соседка — та по каким-то своим приметам помнила о том, когда я на белый свет появилась, ловила меня, тянула за уши и одаривала двумя куриными яйцами. Так и запомнилось — уши надраные да этот подарок. Бывало так, что в год, кроме этих двух яиц, и никакой радости... Семья большая, голодно жили...

Шолохова читаю. Такой вот талант человеку нужен, чтоб умел рассказать о пережитом-виденном. Будем знать и помнить — сильнее будем... Эх куда меня! Ведь о дне рождения начали... Так вот, по своей памяти, когда нужны были документы, я и записалась первого февраля, а уж потом, много лет спустя, мама и назвала мне будто бы точную дату рождения...

...И вновь, как в обычный наш будний разговор, о делах речь, о делах. Не успевает, не успевает... Надо отработать номера, которые войдут в фильм — о ней киноленту снимает киностудия «Экран». Надо заканчивать работу над новым сборником частушек...

— Трудно мне работать с печатным словом — с песней да частушкой привычнее. Выйдешь на сцену, так и кажется, что голосом все скажешь... Вот если бы можно было все так и оставить — с голосом моим, со вздохами, со смехом да со слезами... Нет, не все терпит бумага.

...День рождения. Опережает меня со звонком:

— Эдинька, радость-то какая! Не радость, а праздник! Настоящие именины сердца! В аккурат к моему дню рождения приехала в Воронеж моя давняя подруга Людмила Георгиевна Зыкина. Я так решила — в филармонии день рождения и отметим. Приходи.

...К назначенному времени приехал. В коридорчике, окруженная многочисленными корзинами, сидит Мария Николаевна. И в этот момент появляется Зыкина. Объятия! Поцелуй!

— Маш, а чего это ты с корзинами?

— Люд, я так решила — с Ваняткой разошлись во мнениях... Отметим мой день рождения здесь.

— Подруга, послушай, может, в какой-нибудь подъезд пойдем или за угол? Еще интереснее получится. Воронеж на всю Россию прославится — Мордасова с Зыкиной за углом отмечали день рожденья! Я про твоего Ванятку и его мнение ничего знать не хочу! Идем на концерт, а после — к тебе домой!

— Люд, концерт, так концерт... Посидим, послушаем...

Но что устроила Зыкина?

— Дорогие воронежцы, в зале моя лучшая подруга, любимая вами и мной, любимая всей Россией и во многих зарубежных странах — народная артистка Советского Союза, Герой Социалистического Труда Мария Николаевна Мордасова! И у нее сегодня день рождения. Мы с ней еще посидим, поздравлю ее, но сейчас, знайте, буду петь для нее.

Под бурные овации Мордасова встала, а Зыкина продолжала говорить такие заветные теплые слова, что Мария Николаевна не выдержала и расплакалась:

— Людмила, от счастья я... Люди пришли тебя слушать, на тебя посмотреть, а ты что делаешь?

После концерта Людмила Георгиевна со своим мужем решительно нас повела к Марии Николаевне домой. Ивана Михайловича там не оказалось... За столом сидели две знаменитости, великие женщины России, судьбы которых в чем-то были похожими. И они об этом говорили то со слезами, то с нотками веселья...

— Мария, да что же ты недалеким по уму поддалась?! Ты какого диапазона певица? Равных нет... Кто тебя в войну слушал, понять не могут, почему ты отказалась от акапельного пения? Почему русские протяжные не поешь? Почему не исполняешь романсы?

— Людмила, перестань... Ты просто по-настоящему частушку не знаешь...

— Частушку-то я знаю, но лучше всего знаю тебя... А ну-ка, пусть народ рассудит, кто из нас прав.

«Народ» — это автор данных строк и муж Людмилы Георгиевны. Мордасова и Зыкина пели романсы, пели забытые старинные песни. Да как пели! Подобный дуэт вряд ли кто когда-нибудь слышал — слияние звучания двух неповторимых по красоте, тембру, глубине и широте голосов. Будто песенная Волга с песенными Доном и Цной слились...

Слез подруги не скрывали — происходило особое очищение. Поющих и слушающих.

— Нет, Мария! Я сейчас поняла, чего нам с тобой и России не хватает — нам надо вместе дать концерт в Кремлевском Дворце съездов. Пластинку совместную обязательно надо выпустить. Чтобы все знали, на что еще мы способны...

ПОЗНАКОМИЛА МОРДАСОВА

Работа над книгой началась своеобразно.

— Эдинька, обо мне успеется — не велика барыня! Я тебя с такими людьми познакомлю, о которых надо писать в первую очередь. Все они — мои лучшие друзья...

Для начала едем в гости к хорошему человеку — к Алексею Алексеевичу Радченко.

Нас, разумеется, не ждали.

— Алексей, скромность свою оставь. О тебе люди должны знать. Видишь ли, он «прошел для своих внуков»... Да тобою весь Воронеж, Россия гордиться должна. Рассказывай!

Но больше рассказывает Мария Николаевна, усатый подтянутый дед только изредка поправляет ее.

— Он еще в прошлом году задумал пешком пройти по тем местам, где воевал. Заодно и день рождения отметить, свое семидесятилетие. Пройти, все вспомнить, друзей помянуть, а потом обо всем своим внукам рассказывать...

Эдинька, директор кожгалантерейной фабрики, это я его попросила, сшил Алексею Алексеевичу для баяна удобный чехол, наподобие рюкзака. Вручил и сказал: «Папаша, никакой платы не надо. Вернешься, с интересом твои рассказы слушать буду»... Супруге о своем намерении сказал за час до отправления поезда в сторону Брянска. Нашего с тобой друга на войну из Воронежа поездом везли. Война у него с Брянска началась... Давай, дальше сам рассказывай...

— От станции Злынка надо было пройти 640 километров по такому маршруту: Слуцк — Барановичи — Пружаны — Брест...

С собой ничего лишнего — только баян и бутылка с крепким чаем. В кармане — 315 рублей. 115 сам скопил, а 200 сын Александр дал. Он мое состояние лучше всех понимал... Попытался я хоть как-то документально оформить свой поход... Получить что-то типа командировочного удостоверения — чтобы можно было печати проставлять в тех местах, где был, но... Ни Коминтерновский райком комсомола, ни совет ветеранов, ни облсовпроф рисковать с выдачей бумажки не стали: «А вдруг ты в пути загнешься — нам отвечать придется». Успокоил себя тем, что во время войны у меня ведь тоже никаких командировочных удостоверений не было...

Воевал... В бою под Пружанами знамя полка спас. Через тридцать семь лет я нашел там свой окоп. Вот смотри фотографию — меня школьники в родимом окопе сфотографировали!.. Меня под Брестом здорово долбануло! Пока отлеживался, ребята до Берлина дошли. Видите, я тоже сумел в Берлине побывать...

* * *

Самая памятная история, связанная с присвоением ей в 1987 году звания Героя Социалистического Труда. За несколько дней до выхода Указа получаю задание из «Советской культуры», где тогда был собственным корреспондентом — срочно в номер материал о Марии Николаевне. Захожу к Мордасовой и сообщаю ей эту новость, а она:

— Эдинька, радость-то какая! Едем срочно к моему любимому солдату! Как, «к какому»? Аль не знаешь? К Федору Телкову, в Гремячье. Зачем? Неужто не понимаешь? Это не моя Звезда Героя, а всех таких, как Федор — вот ему по такому случаю дадим концерт! Только о том, куда мы с тобой едем — никому...

Мы уже с ней не единожды бывали в Гремячем у Телкова. С фотокорреспондентом Михаилом Вязовым об одной из встреч репортаж делали...

Мимо этого дома в Гремячем не пройдешь. Эдакая двухэтажная крохотулечка с какими-то верандочками, лестничками резными. Во дворе все чистенько, аккуратненько. Песочком дорожки посыпаны, на веточках баночки с кормом для птиц...

— А это у меня кладовка, — хозяин распахивает дверь. Пустота. Чисто выскоблен пол, выбелены стены.

— Богато жить собирался. Даже о кладовке подумал. А вышло...

Старик машет рукой:

— Ладно — и один небедно живу... Какой же настоящий человек Мария Николаевна! Не забывает Федора Емельяновича Телкова, теперь еще у меня и журналисты в друзьях будут... Знаете, в жизни человеку не очень много надо. Получаю из Воронежа от своего командира, товарища Тищенко письмо: приезжай! Он лежмя лежит, отходит. Домашним говорит: «Приподнимите меня. Хочу с Телковым напоследок плечом к плечу постоять. Как в строю». Верите — лучшей награды и не надо!

А с Мордасовой такое дело... Как-то на День Победы сижу в Кольцовском сквере, наярываю на гармошке да частушки режу, а потом душевные стал исполнять — молодежи интересно и женщинам моего возраста. Одна из них подходит и говорит: «Давай, солдат, вместе споем». Господи! Да это же сама царица Мордасова! После песен и частушек поинтересовалась, что у меня с рукой, почему одной левой играю? Я ей свою судьбу и рассказал...

Шесть раз ранен. Один раз даже убитым был. Все честь по чести, хоронить собрались... Меня и после войны резали. Сказали напрямки: инвалид, мол, как есть — никаких тяжелых трудов. Уволился с авиационного завода и вспомнил про родину да и поехал в родное Гремячье... Годы пятидесятые, тяжелые... Дай, думаю, своему семейству дом на память оставлю... Не из леса, а из дров строил. Правая рука у меня и по сей день не очень-то проворная, а тогда — чуть ли не совсем лишняя... Ничего, с новостройкой справился.

По стенам — фотографии, карты. На сдвинутых стульях альбомы, книги, письма, сувениры. Это созданный им музей части, в которой служил. В полотняной тряпочке самое дорогое — орден Красной Звезды без эмали (осколком отбило), медали, тетрадка с воспоминаниями...

Вот к этому солдату с концертом в такой знаменательный день для Марии Николаевны мы и приехали:

— Емельяныч, на днях получу Звезду Героя Социалистического Труда — эту радость я отдаю тебе, настоящему русскому солдату.

На звонкий голос Мордасовой сбежались соседи и проходившие мимо. В комнатенке набилось народу — не продохнуть! Мария Николаевна исполняла заявки — одна песня за другой! И вдруг — резкая тишина. Певица замолчала, побелела и стала медленно оседать на пол... Видно, сказались эмоциональное перенапряжение и обстановка, не приспособленная для сольного пения. На машину — и в больницу, благо, что она рядом. На мой «вызов» выехал сам главный врач, молодой парень. Сделал укол, объяснил, что ничего страшного не произошло, но надо денька два полежать в стационаре. Отвезли Марию Николаевну в больницу. Мне можно возвращаться в Воронеж. Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего — душа-то болит... Выждал часа два, слышу — в больнице поет... Мордасова! Захожу в «покой», а там все «сердечники», послеоперационники исцелились враз — с ними рядом и на равных сама Мария Николаевна. И концерт, которого отродясь ни в стенах этого лечебного заведения, ни в других больницах страны не бывало.

Главврач, довольный и счастливый: мол, сами видите, что дела пошли на поправку, но надо успех выздоровления закрепить. Мария Николаевна:

— Эдинька, поезжай без меня, но где я, никому не говори. Тут мне и вправду хорошо, отдохну, подлечусь, людей порадую...

В обкоме партии тоже получили сообщение о грядущем награждении Мордасовой Звездой Героя. Такое событие, а она — пропала! Ищут все и по всем каналам. Разумеется, кто-то видел, доложил, вышли на меня... К вечеру Мария Николаевна была в Воронеже.

ВСПОМИНАЮТ БЛИЗКИЕ ДРУЗЬЯ

Гореловы — Григорий Степанович и Клавдия Дмитриевна.

Два самородка — один из города Ровеньки Донецкой области, вторая — из села Ясенки, что под Горшечным Курской области.

Клавдия Дмитриевна:

— При первой же встрече Марии Николаевне рассказала про нас с Гришей. Нужда к счастью привела. Папа, Дмитрий Петрович Булгаков, уехал перед войной на Украину — там, на шахтах, хорошо зарабатывали. С Григорием мы в детстве познакомились...

Как-то после танцев, на которых я играла, когда все ушли, подходит

ко мне Гриша, глаза потупил и говорит: «Давай с тобой дружить». Вот и «дружим» с той поры. Он у меня — первая любовь, и я у него тоже — первая. В ЗАГСе обнаружили, что мы с ним не только с одного года, но и в один день родились — 15 марта. На гастролях, когда расселяют в гостинице, всегда думают, что мы с ним двойневые — брат с сестрой.

Не только в хоре пела и играла, в двух детсадах работала — ко мне за обменом опыта приезжали. Так получалось, что у меня все дети, без исключения, хорошо пели, танцевали и стишки как артисты читали.

Хором у нас руководил брат знаменитого Исаака Дунаевского — Зиновий. Замечательнейший человек! Раньше он возглавлял ансамбль песни и танца при НКВД — один из лучших ансамблей страны.

Я в хоре пела репертуар Руслановой. Как-то Дунаевский вернулся из командировки и говорит мне: «Слушай, мне очень понравился Воронежский хор — поезжай туда, пусть тебя прослушают...»

Поехала. Массалитинов сразу меня взял, а я говорю: «У меня еще муж поет...». А он: «Нет, мужские голоса у нас укомплектованы». «Да нет же, — говорю. — Если вы услышите, как он поет, обязательно возьмете».

Гриша, дальше рассказывай сам.

Григорий Степанович:

— Приехал, а Массалитинов: «Подождать надо — баянист не пришел». «Зачем он нужен — я и так спою».

Я ему «Вдоль по Питерской»... Он руки вскинул: «Берем! В Воронеже такого баса нет!»

С первых же дней в Воронеже Мария Николаевна нас стала в гости приглашать. Любила слушать наши жизненные истории, свои рассказывала. На семейные торжества приглашали с Иваном Михайловичем, и всегда считала подарком из подарков для присутствующих мое пение. Потом: «Григорий, давай петь вместе!»

«Да вы что, Мария Николаевна! Я же не для частушек создан!»

«С чего это ты взял? Тебя просто никто не учил их петь».

И знаете — научила! Казалось бы, несовместимое, а народ в восторге был от нашего необычного дуэта. Ее слова: «Не любить частушку невозможно. Ты же какие сложнейшие песни поешь — Шаляпин бы завидовал. Не голосом берешь — душой. Это главное. А частушка — это же душа в миниатюре! В ней умещается то, что не всякая песня в себя вбирает».

Клавдия Дмитриевна:

— Мария Николаевна превосходно шила. Вот тут мы с ней сошлись, так сошлись! Друг у друга учились. Я ее московскому шву обучила — шьешь и не отличишь ручную работу от шитья на машинке.

В хоре всех обшивала, костюмы усовершенствовали вместе с ней... Вот от Зинаиды Кириенко (в «Тихом Доне» Наталью Мелихову играла) фотография с благодарственной надписью — ей выходное платье сшила. Нонна Мордюкова пляжный убор для поездки к морю заказывала...

Интересно жизнь продолжается. Обратилась ко мне Ираида Кураева, подполковник из института МВД, известная ныне певица. Она училась у Екатерины Молодцовой, ученицы Марии Николаевны. Милицейское начальство попросило ее найти кого-либо из девочек для участия в смотре-конкурсе самодеятельности. Екатерина Михайловна рекомендовала Ираиду. Мария Николаевна к ней на помощь пришла — вместе написали песню «Воронежская канарейка»:

— Пой смелее. Я тебе точно говорю — с этой песней и твоим голосом первое место за тобой!

За ней оказалось не только первое место, но и служить взяли в милицию. В 2009 году звонит мне по старой памяти: «Только Вы можете спасти — в Кремлевском Дворце на день милиции пригласили петь с Тото Кутуньо, а мне платье испортили...» Я в восемь вечера села за машинку, а в пять утра встала — говорит, что Тото Кутуньо в первую очередь ее платье отметил, а потом ручку поцеловал. Она по-настоящему сохраняет и продолжает традиции Мордасовой, Молодцовой...

В 1968-м с гастролями были на родине Марии Николаевны, в Черняном. Нас ее мама встречала в саду — стол накрыт, а еда — самая простая. Молодая картошечка с укропчиком, пироги, творожок, молочко. Да и не это запомнилось — как мама с дочкой пели! Задушевно, тепло — вспоминаю, слезы бегут. Мария Николаевна всегда говорила: «Самое главное в жизни — любить и не обижать своих родителей. Особенно никогда не забывайте маму — нашим матерям всегда во все времена приходится тяжелее всех»...

Григорий Степанович:

— В последний путь Марию Николаевну проводили достойно. Клавдия ночь не спала, шила любимым народным костюм, в котором Мордасову в гроб положили. Мне с хором после ее отпевания в церкви довелось продолжить православную линию прощания с человеком. Митрофаном Пятницким была записана редкостная духовная песня. Я вел хор за собой:

Что мы видели?
Диву дивную, диву дивную, телу мертвую,
Как душа с телом расставалась,
Расставалась да прощалась:
«Прими душу, небо чистое,
Прими тело, мать-сыра земля!
Тебе, душа, на суд Божий иди,
А тебе, тело, во сыру землю...»

Зыкина, говорят, замерев, смотрела в нашу сторону, потом подошла ко мне и сказала: «Я подобного нигде не слышала... Мария с нами попрощалась под настоящую молитву».

Нина Петровна Лобанова:

— Я приехала в Воронеж из Грозного. Сбылась мечта — приняли в хор. И сразу же — под опеку Марии Николаевны. Мы, Катя Молодцова, Софья Канищева и я, совсем молодые и рядом Мордасова — моложе нас! Шутками-прибаутками так и сыпет, смеется, радуется вместе с нами любому пустяку. Организовала творческую молодежную группу «Ручеек». Не мы, а она все придумывала, умела обыгрывать любую ситуацию...

Безусловно, мы многому у нее научились. Но как ни учишь, а мордасовские «дробушки» повторить невозможно — дробь выбивает, впечатление — будто лебедушка по сцене плывет. Чистота в движениях необыкновенная! Врожденное все, природное — на ней даже простой платочек так сидел, будто облачко небесное. Возьмет платочек за кончики — уже начало песни!

Творчество в ней било через край! Ездили по области много — не концерты были, а праздники. Праздники для всех — ее окружали и до концерта, и после. Шел обмен — она людям свои частушки, а они ей — свои.

...Плыли из Сухуми в Батуми. Меня на пароходе замутило. Мария Николаевна вывела на палубу: «Смотри на берег — глазам опора нужна». Нашла я эту «точку опоры» на берегу — сразу легче стало.

Долго переживала. Мне казалось, что она из-за меня забыла на пароходе толстую черную тетрадь, несметное богатство с частушками. В зале перед началом выступления обратилась к зрителям — помогите найти тетрадь бесценную. Нет, так та тетрадка и не нашлась...

Ходить по магазинам — была для нее особая обязанность. Не чемоданами, узлами с каждой гастролей вывозила вещи. Не для себя — многочисленных племянников, сестер, братьев, односельчан обеспечивала одеждой. Впечатление такое, что у нее вся Тамбовская область родня. У самой особых нарядов не было. Для себя не жила — все для людей.

Тридцать лет работаю в Воронежском агроуниверситете, танцы ставлю в ансамбле «Черноземочка». «Эх, лапоточки мои!» — танец в память о Марии Николаевне.

Карнаухова Людмила Ивановна:

— В Сибирском хоре я пела, но Мария Николаевна во время своего расцвета кумиром для всей России была. Легенда. Таких исполнительниц частушек, народных песен, наверное, уже не будет. Да и таких людей, какой была она, больше не встретится. Все доброе в хоре шло от нее — никаких сплетен, пересудов. Ей все родными были. Но когда Мария Николаевна ушла из хора, тут-то мы и почувствовали — нравы воронежские совсем иные. Нет рядом нашей «мамочки», некому за нас вступиться. Она же обо всех заботилась, все наши проблемы брала на себя... Вот мы, заслуженные артисты, пенсионеры — пенсия мизерная. На нее не проживешь и не налечишься. В других городах таким, как мы, которые преумножали певческую славу государства, идет хорошая доплата... Была бы Мордасова жива, и мы бы обижены не были, но сегодня нет в городе таких личностей, некому за нас постоять.

Как же она радовалась каждому нашему успеху. Были мы с гастролями в Нидерландах. Я с Григорием Степановичем пела «Славное море священный Байкал». Зал в восторге! Газеты вышли с нашими большими фотографиями, писали, что открыли мы им настоящую Россию:

«У них женщины не только красивые, но умеют петь на разные голоса. Даже не уступают мужским басам — поют на равных».

Очень Мария Николаевна любила Евгению Черепанову. Содружество «цеховое» — портнихи. Не знаю, кажется, по мастерству никто никому не уступал — ни Клавдия Горелова, ни Черепанова, ни Мордасова.

Черепанова уехала к себе на родину, в Лысьву Пермского края. Сознайтесь с ней, сделайте приятное...

Евгения Пелеевна Черепанова очень обрадовалась звонку:

— Как нельзя кстати! Уже готова встречать столетие Марии Николаевны. Вышла золотом, бисером большой ее портрет, на днях высылаю в Воронеж.

Мария Николаевна в первую очередь заинтересовалась моим отчеством, но когда узнала полное имя моего папы, вообще пришла в восторг: «Это же надо, какая редкость! Пелей Иутловиц! Исследуй все, изучи и напиши историю такого имени-отчества. Какое звучание! Наверное, и история рода не чета другим». Скажите, разве такое внимание к тебе не возвысит тебя, не укрепит силы?

Воронежский хор в Лысьву приехал в 1964 году. Хор где-то, но Ма-

рия Николаевна на наших улицах объявилась сразу. Идет, со всеми знакомится. Свадьбу встретила, к ней примкнула — стала петь, частушки записывать. Душа-человек!

Невероятно бесконфликтная. Только бездари могли пойти против Марии Николаевны. Отбор в хор был при конкурсе в 120 человек. Семейных взяли. Вот оно, счастье мое!

В ансамбле «Ручеек» участвовала, в хоре пела. Мария Николаевна познакомилась с воронежскими златошвеями — у них научилась многому. Вышила картину Крамского «Незнакомка» — лучшей отметили мою работу.

Мария Николаевна настоятельно советовала работать с молодежью, и я долгое счастливое время была хормейстером «Черноземочки» Воронежского сельхозинститута. В Лысьве памяти Марии Николаевны создала ансамбль «Ахточка». Так что Мордасова как жила с нами, так и живет.

Канищева Софья Газизовна:

— Мордасову копировала со школьных лет. Жили в Свободе Золотухинского района Курской области. Мама вышла за папу, он русского языка толком не знал. Газиз Нуриевич Нуриев был связан с искусством — в цирке в молодости выступал. Он нам, детям, демонстрировал, чем занимался: ставил стул на одну ножку и делал на этом стуле стойку на одной руке.

Мария Николаевна заморозила меня на всю жизнь. Я в хор попала, когда уже прошло зачисление тех, кто прошел по конкурсу. Ни о каком конкурсе не знала, приехала «показаться». Без разговоров — берем! В коллективе хора вакансий нет. Оформили на должность... шофера. Вышел казус, когда на первых гастролях меня в гостинице поселили вместе с... шоферами.

Сижу в коридоре на чемодане, не знаю, что делать. Мимо идет Мария Николаевна, заинтересовалась, чего это я здесь «кукую». Выслушала — рассмеялась. Тут же помогла получить место...

— Ты впредь будь посмелее, решительнее...

Только влилась в коллектив — беда! Нет, слава Богу беда не случилась, но... Шла с маленькой дочкой, она вырвалась и сама побежала через дорогу. Вижу — мчится на нее КамАЗ. Затормозить не успеет! Я как закричу! Спасло то, что она попала между колес... У меня от пережитого пропал голос. Все, собирай, Софья, чемодан! Благодарна Осиповой и Мордасовой. Поставили меня рядом и приказали молчать. Кто интересовался по поводу моего молчания, Мария Николаевна объясняла — она свою партию знает, когда надо — запоет. Представляете — полтора месяца промолчала под прикрытием Мордасовой. Если бы не эти две сердобольные женщины, то, возможно, ко мне бы и голос не вернулся, и жизнь пошла совершенно по-другому...

На гастроли ездила с дочкой. Сцены в сельских клубах маленькие. Мария Николаевна стоит по одну сторону кулис, а моя Наталья скучает по другую. Вдруг ей знак от Мордасовой. Через сцену по полу летит леденец. И такая молчаливая детская игра продолжается весь концерт — не знаю, кто был больше доволен, дочка или Мария Николаевна?..

Одно время было у нас черствое руководство, предупреждало: «Девчата! Рожать — ни в коем случае! Искусство требует жертв. Не рожать пришли, а петь. Не согласны — пишите заявление об уходе».

Узнала об этом Мария Николаевна: «Что?! Девки, никого не слушай-

те. Бабье счастье, которого у меня нет, в детях... Запомните, я вас никогда никому в обиду не дам».

Никто никогда не видел ее злой, раздраженной. Никогда никого не осуждала. В моей жизни она сыграла колоссальную роль.

Татьяна Семеновна Русакова:

— Шестнадцатилетней пришла в хор. Она с меня глаз не спускала — накормит, с кем дружу, расспросит. Даст понять, от каких парней держаться подальше надо. Мама очень переживала за меня, а Мария Николаевна: «Будьте спокойны — я за Татьяной приглядываю».

Не забудется подготовка к первому концерту — обучала, как выйти я должна, уйти. Я плакала — не получалось. Мария Николаевна покажет, как надо двигаться, но разве можно было ее повторить?..

Мария Николаевна всегда нам говорила — ни в коем случае не бездельничать. Дала задание — всем собирать частушки и народные песни. Мои подружки все сельские, а я городская. Жили в рабочем районе, в частной застройке. Люд-то там был далеко не городской — со всех краев российских после войны приехали. Вечерами собирались на нашей улице и под гармошку пели песни, страдания, плясали «матаню», «барыню». Так я более пятисот частушек Марии Николаевне представила! Всех деревенских обошла!

Дорожу первым сборником частушек, который издала и подписала мне Мария Николаевна. Сорок шесть лет пою в хоре. Уходят настоящие «черноземные» голоса, грудные. Совершенно мало стало альтов. Видно, природа иная нынче — вот и меняется человек. Говорят ученые, что и курские соловьи стали далеко не такими, какими были — атмосфера не та, поля в химических удобрениях...

Много приходится ездить с гастролями. Запомнилось отношение к хору на Кубани. Губернатор Ткачев, принимая нас, сказал, что у них на первом месте хлеб и кубанский хор... Такое же равенство хлеба и песни было и у нас, когда мы начинали петь, когда над нами верховодила Мордасова...

Наша беседа с этой женщиной — будто повторение встреч с Марией Николаевной. Та же открытость, непосредственность, схожий образ мышления — любовь ко всем и ни малейшего осуждения кого бы то ни было. **Лидию Петровну Струкову** считали любимицей Мордасовой и прочили ей такую же славу... В двадцать семь лет она стала заслуженной артисткой, в 2010-м вместе с Григорием Степановичем Гореловым получила премию Правительства России, не обделена и другими наградами. Рассказывает, как в детстве с замиранием сердца слушала радио — голоса известных исполнителей песен, как они были прекрасны! А потом и ей посчастливилось петь в Воронежском народном хоре.

«Человек человеку — радость» — это я не у Серафима Саровского читала, — говорит Лидия Петровна, — а услышала от Марии Николаевны. Сколько же мы с ней о душе, красоте человеческой переговорили. Она много читала, но, наверное, главное у нее было не из книжек, а из детства, от верующей мамы, родных: «Сердце чисто созиждь во мне, Боже...» Вот, сказана фраза, как какое-то присловие, но тебе вдруг открывается что-то крайне важное, без которого ни песни, ни жизни путевой не будет. Или вот это: «Царствие Божие внутри вас есть»... Жить с Богом и по-божески... Не подумайте, что она какие-то проповеди читала молодым: просто она так жила — чисто, незамутненно, с любовью к каждому. Ни разу

никому не нагрубил, ни о ком дурного слова не сказала. Она гастролировала от филармонии, но в хоре пропадала — будто и не уходила из него. С молодыми любила общаться. Некоторые ее сторонились — чуть ли не побаивались. Уж больно у нее много разговоров о чистом и святом — мы-то к этому не готовы. А я в тех разговорах души не чаяла... Мария Николаевна — умница, душевная. У нее же своих детей не было — мы ей заменяли материнское счастье. Очень переживала за нас — как бы не были испорчены славой, чтобы всегда помнили, что песня не на гордыне держится, а на простоте и понимании, каково предназначение русской женщины. Работать, любить и рожать. «Дети привлекают Божью благодать» — это уж я прочитала, когда Марии Николаевны не стало...

От Марии Николаевны я получила самый дорогой подарок. Она очень хотела петь русские народные песни, романсы, но сложилось амплуа — частушечница. Не перечила — грамотному начальству виднее. А песню она подарила мне редкую:

Эх, бабенка, уж бабенка какая была!
Эх, чернобровая, черноглазая —
расхорошая была!..

Мы с ней эту песню репетировали — как бриллиант оттачивали! Говорила: «Знай, эта песня особая: для зала Чайковского и Кремлевского Дворца — ниже опускаться нельзя...»

Слово, данное Марии Николаевне, сдержала — исполняла чудо-песню только в особых торжественных случаях...

ЗАМЕТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

— Запиши: село Подгорное Рамонского района, улица Садовая, 32, Кузнецова Татьяна. На базаре познакомились. Золото женщина! Связистой была. Берлин штурмовала! У нее под Берлином семь подружек погибло... Встретиться тебе с ней надо и написать про жизнь ее и подвиги. Нет... Давай вместе и поедем! Вот радость-то ее землякам доставим!

* * *

— По базару ходить нельзя — останавливают, знакомятся... Да это же хорошо... А то разве бы узнала, какие рядом замечательные люди ходят. Говорят: «Вы пойте — мы оживаем от вашего голоса». А он же не мой... Бог дал. Божеское все это. Да ведь людям не объяснишь.

* * *

— Мы с Ваняткой часто бранимся. Он все: «Не забывай — мы с тобой в Кремле выступаем!» А мне — Кремль Кремлем, но в церковь-то как тянет! Нельзя. Мы вроде бы как при партии, при власти — государственные люди.

* * *

— Вера Беднева со мною в хоре петь начинала... Эх, какая у нее мама была! Мастерница из мастерниц! Матрена Васильевна и монисто делала, и наряды шила...

Нет, это не ее работа. Это монисто я в Гвазде купила — село через лес от твоей Козловки. Его у меня в Париже хотели купить за бешеные деньги.

* * *

— К Новому году посылку в Москву готовлю. Подруге, с которой несколько лет назад в поезде познакомились. Я ей отсылаю ложки наши деревянные и лапти... Я тебя познакомлю с одним дедом — и лапти плетет, и ложки стругает...

С этими ложками особая история. Пришел я к ней с младшим сыном Антоном. Ему, наверное, годика четыре было.

— Парень, ты почему такой худой?

— Избегался, Мария Николаевна, к тому же плохо ест — капризничает...

— Это ты, брат, брось — мужик должен есть хорошо! Я тебе, мой хороший, волшебную ложку подарю, будешь ею есть, станешь сильным и быстро вырастешь...

И вручает моему сыну деревянную ложку. Так он с ней не только спать ложился, но и в детсад с собой брал — только из нее ел. Эта обгрызенная реликвия цела до сих пор. Антон давно вырос, но поправляться стал только сейчас...

* * *

— Знаешь, чего терпеть не могу? Экзамены. Проверки всякие... Какие экзамены?! Ты на человека гляди... Вот Валю Журавлеву не приняли в хор. Неудачно спела... Может такое быть... Худсовет против нее. А я с девкой познакомилась еще до экзамена: «Хватит мудрованием заниматься — возьмите. Пусть вам другую песню пропоет...» И она вышла — да как запела! Все ахнули: «Да куда же мы глядели?!»

Я уж и забыла про эту историю — она мне сама напомнила.

* * *

— Одна была с речевым дефектом, а я ей: «Из вас выйдет прекрасный театральный работник!» Через годы из Краснодарского края письмом получила: «Здравствуйте! Вы мне судьбу предсказали...» Кажется, село Бессмертное... Она там директором Дома культуры, который на весь край славится... Заводила хороших дел.

* * *

— Ты не просто пиши, а ищи исторических людей. Научись их видеть — я тебе в этом помогу.

* * *

— Вот, мы привыкли, что Крылов баснописец. Ты запиши, какие верные слова его я выписала из одной старой книги:

Чтоб Бога знать, должно быть Богом.
Но чтоб любить и чтить Его,
Довольно сердца одного.

* * *

— Знаешь, ищут Бога как орудие какое-то, а сердце у самих обращено совсем не в Божественную сторону — оттого и не получается ничего.

СПРОСИ, ЧЕМ СРЕДИ ЛЮДЕЙ ЗНАМЕНИТ?

В 1988 году вышел фильм «Когда Мордасова поет». Фильм-концерт объединения «Экран» показал талант не одного человека, а народа, из которого вышел этот человек. Показана далеко не частная жизнь всемирно известной певицы из тамбовского села. Наверное, впервые народную артистку СССР представили не как частушечницу, исполнительницу народных песен искрометного веселья, а рассказали о ней такой, какая есть — без особых режиссерских «находок» и телевизионных трюков. Она — человек талантливый во всем. Вот рассуждает о красоте русского костюма, показывает один наряд за другим — каждый соперничает с предыдущим в совершенстве подбора цвета материи, узоров, манжетов. И все сшито руками самой Марии Николаевны. Вот дает урок участникам хора родного села. Беседует о старине и песне с пожилыми людьми, дает совет молодым, как беречь и собирать народное творчество.

Трудная жизнь села, трудная жизнь военного и послевоенного Воронежа, ставшего для Мордасовой второй родиной, не минули ее сердце и творчество. Поет частушки про лапти, а горло сжимается спазмами — перед глазами картины прошлого, пережитого. Запевает в кругу своих земляков-сверстниц: «Ох, прокатились, ох, мои годочки. Ой, развеселые денечки...» Скоротечность жизни, вечность ее и красота, и — мудрость слагающего и поющего песню, мудрость народа. Все здесь в едином узле.

Мордасова не просто пела. На гастролях после выступлений все на отдых, а она — по дворам, записывать песни, частушки, беседовать с людьми: «Я иду искать песню...» А нашла себя, нашла, поняла душу народа. Что взяла она от народа, то и отдала. Доброту, широту души, безмерную талантливость.

Одна старая женщина на вопрос Мордасовой: «Сколько же вам лет?» ответила: «Что года-то спрашивать? Ты про жизнь спроси... Спроси о том, что успел человек сделать, чем среди людей знаменит?»

* * *

Ни много, ни мало Мария Николаевна для будущей книги наговорила и напела — двадцать три магнитофонные пленки. Все готово — садись, расшифровывай, componуй, но, как всегда в подобных случаях, внезапное последнее слово за Иваном Михайловичем:

— Издавать в Воронеже? Не тот масштаб и уровень. В Москве это делают лучше — все туда передадим...

Так в Москве эти пленки и пропали.

ПРОЩАЛЬНОЕ

В Воронеже проходило выездное заседание Союза писателей СССР. Беседовал с поэтом Виктором Боковым, на стихи которого написано много песен, ставших народными.

— Не мы, поэты, не всегда композиторы, а такие исполнители, как Мария Николаевна, делают наши песни народными. Мы с ней большие друзья. Она мне рассказывала историю своей первой любви...

Когда певицы не стало, Боков написал прощальные строки, в которых лучиком блеснула и та история о первых возвышенных чувствах:

Отпелась Мария, отпелась Мордасова?
Лежит и молчит, и такая послушная!
Она не пленила Россию романсами,
Она утешала Россию частушками...
...Мария! Теперь в конопле не схоронишься,
Не крикнешь милому: «Открой свои глазыньки!»
Была ты тамбовскою, стала воронежской,
Запела, как девка простая у мазанки...
...Так вечная память тебе, Николаевна!
От всех россиян и по всем расстояниям
Останется в нас твоя песня — пылание,
Твой оптимизм и твое обаяние.

Алексей Прасолов

ЖЕСТОКИЕ ГЛАГОЛЫ

Отрывок из повести

Лодка моя плывет дальше, дальше. Каждое место на пути моем имеет свое название: осинки, пали, кладки, тырло — и бог весть еще какие. Названия, как речевая эстафета, идут одно за другим от села к селу, впадают в иные русла и растекаются по всей земле, на которой человек ничего не оставляет без имени. И часто имя как урна, хранящая уплотненное до одного слова былое, — хотя бы одну черту его, главную приметку. Вот кладки. Когда-то от берега к глубине здесь шел деревянный помост, на который бабы клали белье и колотили его вальками. И не одна история брала свое начало здесь, где собирались деревенские женщины, души которых исторгли в белый свет столько грустных песен, былей и небылиц. Одна такая душа на исходе своем все еще теплилась на земле и будила наше воображение рассказами о давней жизни. Это была старая-престарая бабушка моего товарища.

Я проталкиваю лодку сквозь ножевые листья осоки к тому месту, где осталось от кладок черное, заиленное, с мертвой водой окно, вижу грязный, ископыченный скотом берег, измятое ведро из-под солярки, распутившее по воде тягучее, тускло-радужное пятно, — и молчу. Одно время сменено и поругано другим. И нет дна с чистым, щекотно ползущим под босыми ногами песком, и нет загадочной, глядящей в душу холодом и теменью глубины, на краю которой в тот день, после вступления первого вражьего отряда, я испытал чувство, неподвластное переменам на земле.

Точно сгнули в мареве немецкие солдаты, нагруженные оружием, и здесь, на реке, воспринимались как нестройное видение, в котором не было ни грозности, ни поступи, убеждающей в прочности победы, и когда я отсюда посмотрел вдаль, куда через гору уходила стиснутая хлебами дорога, оборванно упирающаяся на вершине в небо, — таким покоем, такой отрешенностью от всего, что творилось на свете, жил простор земли, что мы с товарищами замерли у воды. И входили в нее не так, как всегда, — без шума, без брызг, без озорства. Мне казалось, что мы одни в этом

мире. И мир сам был перед нами иным: все одушевилось и выжидающе затихло. Вода томно и тяжело лежала в берегах и смотрела в небо, листья камышин остриями осязали текущий знойный воздух, песок под ступнями шевелился, как живой, проползал между пальцами ног — и ноги сквозь воду казались чужими, передвигающимися сами по себе. Вот обросшая зеленой слизью свая, когда-то державшая помост; и она, расщепленная солнцем, грубо отражается в воде и вдруг звучно трескается еще в одном месте, и в трещине просвечивает розоватая, как тело, древесина. Я вспомнил, как бабушка товарища рассказывала о случае, который произошел здесь еще в пору ее детства. Тогда, глядя на горбатый хрящ ее носа, почти касавшегося подбородка, когда старуха сжимала запавший рот, я не мог представить, что у этого существа было детство. А она под-земно-глухо и упрямо утверждала:

— Я была маленькая. А сестра большая, уже девка. Пошла она на кладки и не вернулась.

И дальше я теперь живо представил все по рассказу старухи. Девушка в одной сорочке сидит на помосте, опустив ноги в реку, и расчесывает волосы. По словам старухи, они черные, страшные — из-под гребня из них сыплются искры. Внезапно девушка вскрикивает и, сорванная за ногу с помоста, захлебываясь, уходит под поду. Так я и вижу: тело, облепленное белой сорочкой, руки вскинуты, как у летящего в пропасть, волосы, размываемые стремительной водой, волнообразно колеблются, а нога девушки захвачена зубастой пастью.

— И утопил он сестру, — говорит старуха.

Мы спрашиваем: кто это он? Старуха прикрывает выпуклые, с синими жилами веки, трясет головой, дрожит ее выставленный в упор подбородок, — и от неизвестности, от глухого молчания рассказчицы жутко глядеть на ее еще шевелящиеся останки, от которых в эту минуту как бы отлетает все, что в ней жило, чувствовало, помнило.

Солнце печет мне в спину, по ней пробегают колкие мурашки, когда я вижу все это мысленно, а въявь — темный провал под водой, у самых своих ног. Странно, думаю я: то, что у старухи было детство, вызывает у меня сомнение, а девушку, утаскиваемую в глубину каким-то водяным чудовищем, у которого нет даже названия, я вижу и верю всей этой истории. В чем дело? Ответ пришел через годы. Может быть, в том, что воображению нужно немного необычного, неправдоподобного, но яркого, чтобы создать живую картину, которая этой вот живостью как раз и близка к действительности.

Непосильные вопросы, смутные ответы, какие-то внутренние токи размышлений и безотчетное чувство полной свободы. Людей вокруг нет, ощущение благодатного одиночества на земле — это, пожалуй, впервые коснулось ранней души. И следом чувство какой-то вины в том, что я лежу на траве, вне тревоги, с которой, наверное, сейчас думает обо мне мать. А я замечаю, что в последние дни выбиваюсь из-под ее опеки, делаюсь в каждом своем поступке самостоятельной — пристальной всматриваюсь во все происходящее и даже себя могу видеть как бы со стороны.

Слышу вскрик товарища и не могу сразу понять, чем он вызван. Над горой, куда товарищ показывает, встает вал пыли, конец его, кутаясь, будто ввинчивается в село, внизу, — и гул, гул... На ходу надеваем рубашки и бежим к крайним дворам. В улочку, прижав нас к плетню, врываются мотоциклисты в обтянутых зелеными сетками касках, в больших, с четырьмя стеклами, очках, в пыльниках и палачески-страшных, до лок-

тей, перчатках. Не обнаружив в улочке никого, кроме нас, с ревом, с дымом, бессловесные, как призраки, ворвавшиеся из мира битв, мотоциклисты разворачиваются и мчатся назад, к центру. Мы хотели перескочить через перелаз, чтобы добраться домой огородами и садами, но из одного двора высунулась лохматая мужская голова и предупредила:

— Идите открыто, а то убьют.

Впереди две улицы. По первой гроыхали грузовики с брезентовыми тентами, радиаторы упирались в задние буфера, во всем потоке не было никакого промежутка, и не раньше, как через час, мы нырнули в накачившуюся на наши головы пыль — прямо перед колесами очередной колонны машин. С колотящимися сердцами, с грязными потеками на лицах — будто и не купались в реке — выскочили к центральной улице и встали перед новой движущейся преградой. Но здесь нам повезло: оказалось, что движение поставленной на колеса немецкой силы подчинялось обычному для людей распорядку — у нее был обеденный перерыв.

Все железное, нагретое солнцем, дышавшее запахом горючего масла и сожженного бензина, мгновенно остановилось, а из кабин и душной темноты крытых кузовов полезло живое — распаренное, усталое, жаждущее пищи, холодной воды и даже развлечений. И пока оно насыщалось и пило (кстати, я заметил, что ни один солдат не зачерпнул воды из колодца на улице, видимо, опасаясь отравы), пока шоферы в серых трикотажных блузах, с закатанными рукавами, заправляли радиаторы и баки, мы продвигались сбоку колонны и смотрели, что немцы с собой взяли. Кроме грузовиков, на дороге стояли гусеничные тягачи с орудиями, укрытыми обвисшей зеленью веток. Параллельно основной колонне выстроились машины иного типа и назначения: сверкали никелем легковые, угрюмо возвышался мощный автофургон, на кабине которого подрагивало распятое красное полотнище с белым кругом и черной свастикой посередине...

Василий Песков

РЕЧКА МОЕГО ДЕТСТВА

Очерк

Возраст нас тянет в родные места, туда, где прожито было детство. Эти годы в человеческой жизни самые памятные. Не случайно сказано: все мы родом из детства.

Тридцать три года назад (сколько времени! а кажется, это было вчера) мне почему-то захотелось увидиться с речкой, на которой я вырос. И я предпринял, возможно, главное из своих путешествий — с пошком за две недели прошел нашу Усманку от истока до впадения в Воронеж. Много интересного, волнующего увидел, в том числе и грустных на реке перемен. Попытался осмыслить причины. На очерк в газете пришло восемь тысяч писем-откликов. Главная мысль в них: «Вы написали не только о своей речке, но и о моей тоже». Я понял тогда: у каждого человека в жизни есть своя речка, и человек помнит о ней, куда бы ни заносила его судьба. В этом году праздновали в Воронеже 80-летие молодежной газеты, и я в Москве еще замыслил и маленькое ностальгическое путешествие по местам детства: «Годы. Будет ли еще случай?»

Перемен к лучшему на реке я не увидел, да их и быть не могло. Но речка текла, и село наше Орлово стояло над ней, как прежде. Рождением своим, как многие села и деревеньки, оно обязано было речке. Но обстоятельства появления тут селенья были серьезными. Усманка (Усмань — по-татарски Красивая) в середине семнадцатого века была пограничной — отделяла уже обжитое хлебопашцами черноземье от Дикого поля, откуда крымцы совершали грабительские набеги. Для «береженья» селений, выраставших вокруг Воронежа, на Усманке (часть знаменитой Белгородской черты) были созданы сторожевые поселения-крепости, в том числе Орлов-городок, «имевший шесть башен, одна из которых была проезжей, и тайный ход из крепости к воде». Великих битв на Усманке не случилось, но стычек с осадой крымцами городка было много. Через полтора-два десятилетия крепость на Усманке стала ненужной, городок превратился в большое село на тракте Воронеж — Тамбов, а к реке от большака потянулись отрутки — Низ, Большой угол, Малый...

Странно, но в школьные годы ничего этого на уроках истории мы не узнали. Пунические войны, Карфаген, греческие дела — это знать полагалось, а что было тут, рядом, никто не знал, думаю, и сама учительница тоже. Позже, наезжая из Москвы, пытался я угадать, где могла бы стоять шестибашенная крепость с тайным ходом к воде. Но ни в беседах, ни в книжках, ни в хождениях по высокому правому берегу поймы на место здешнего «Кремля» ничто не указывало. И в этот раз ритуально постояли мы на бугре, глядя через речку, где было когда-то Дикое поле и куда вглядывалась со стены крепости стража: не покажется ли пыль под копытами лошадей?

Спустившись к Усманке, увидели место, где пасли мы в детстве телят, где купались, ловили «топтухой» рыбу. Постояли у бережка, где (странное свойство памяти) при первом забросе удочки ранним утром поймал я однажды плотвицу с ладонь. Над речкой стоял туман — вода была теплее, чем воздух, и первая эта плотвица была на удивление теплой... А вот место, где с отцом видели на отмели мы сома. Вот тут доставали раков из нор, а тут в жаркий день подростком стрелял я горлинок, прилетавших с полей напиться.

Усманка оказалась едва ли не последним местом в стране, где сохранились истребленные всюду бобры. Бобровый заповедник выше по речке стал питомником, откуда во время весеннего половодья бобры расселялись и доплывали аж до Орлова. Потом их стали планомерно расселять по речкам России и европейскому зарубежью. Встречая где-нибудь древогрыза, я улыбаясь: «Здорово, земляк! Я тоже с Усманки».

В одном месте, где, возможно, был когда-то через Усманку «перелаз» (сейчас перелаз в любом месте!), увидели мы большую стаю гусей. Девушка-пастух, увидев нашу машину, позвала птиц, и гуси немедленно на голос ее торопливо полезли на луг из воды. Когда познакомились, состоялся разговор-переключка через реку. Пасшая гусей молодуха Оля Тимофеева рассказала: оставшись с ребенком без мужа, взялась разводить гусей. Весной покупает две сотни однодневных гусят, кормит сначала с руки их творогом и рублеными яйцами, а потом все лето — каждый день! — с ними около речки. Гуси щиплют траву и купаются, а Оля, когда все спокойно, от солнца прячется в шалаше. Для гусей она мама — по первому зову все стадо к ней. Из двух сотен (где лисы, где злые люди убавят) десятка два птиц теряется, остальных с приходом морозов забивают, и Оля из Болдиновки (соседнее с Орловым село) везет урожай свой в Воронеж или в Москву. «По дороге и на месте продажи меня, как гусыню, все норовят общипать. И если разложить прибыль по дням пастьбы, то на зиму остается совсем немного. На производстве получала бы больше, но где оно, производство?»

У моста через речку — лужок, на который в полдень пастух, мой дальний родственник, пригоняет коров на дойку. Приходят сюда бабенки с подоюнками и скамеечками, все, как принято, в белых кофтах и белых платочках. И незнакомая прежде картина: приезжают на дойку и мужики. Одни с бидонами на велосипедах, другие на мотоциклах с колясками, стоят даже несколько «Жигулей». «Мерседесы» пока не наблюдаются», — усмехнулся пастух, ковыряя кнутовищем дырку в кирзовом сапоге.

Занятную картину увидели около речки минут через двадцать, когда пастух угнал стадо в луга. Подъехали к мосту обвитые лентами, с пластмассовыми куклами на капотах машины. Свадьба! Вышли на берег нарядные жених и невеста. Обычай на свадьбах ездить к памятникам и к «веч-

ному огню» сложился давно. Но тут ничего такого нет. Куда поехать, где постоять на память в торжественный день? К Усманке! Вот и приехали, удивив меня и очень растрогав. Венчались тракторист из Болдиночки Александр Беляев и Светлана, теперь уже тоже Беляева, из Новой Усмани. Меня узнали. «Василий Михайлович, да вас сам Бог нам послал. Снимите на память...» О чем говорить! Снимаю двух нарядных людей над речкою с удовольствием. Тут же на капоте машины друзья жениха и невесты устраивают стол и нас заставляют пригубить старинный здешний напиток из сахарной свеклы под названием самогон.

А потом мы едем с другом по улице, где стояла когда-то наша изба. На ее месте давно уже выстроен новый дом. От того, что помню, остались погреб и старые яблони. От сада к речке уходит луг — на ветру серебрятся изнанкою листьев приземистые вербы и качаются кустики конского щавеля. Почему-то захотелось заглянуть в погреб... Несколько ступенек из кирпича ведут в прохладную темноту. Знакомый запах сырости и каких-то солений. В войну, помню, в этом погребе солдаты ночью опорожнили кадку с солеными огурцами. Кто-то посоветовал сходить с жалобой к командиру, но мама махнула рукой — «Какие жалобы! Люди-то голодные». А кто-то, видно, узнав, что в доме четверо малышей и отец на войне, украдкой положил на крыльцо в тряпице два куска сахара и несколько сухарей.

Самой любимой была для меня дорога от дома к речке и к дедушке Павлу. У него возле сада стояли ульи. Идешь под яблонями, и к ногам тебе вдруг падает духовитое румяное яблоко с таинственным названием воргуль. Пчел следовало опасаться. А дедушку, чья латаная рубаха и мятый картуз пропитаны были запахом воска и меда, пчелы не трогали. Самым интересным местом в хозяйстве был старый амбар. В нем дедушка мастерил ульи, в похожей на бочку оцинкованной медогонке извлекал из рамок («гнал») мед. Множество разных запахов держалось в амбаре — запах сосновых стружек, меда, воска, лежавших в соломе яблок, каких-то трав, висевших пучками на стенах. Дедушку огорчало, что гость его съедает ложку, ну две свежего меда. «А ты с печеным яблочком или вот с огурцом...» Однажды дед меня озадачил. Вон видишь, за речкой Резников сад? Если поставить там бочку меда, пчелы за неделю весь его перетаскают в ульи. Я в это не мог поверить, а теперь знаю: это возможно.

Ни одной приметы от дедушкиного хозяйства не осталось. На месте сада — скучный картофельный огород, там, где стояли ульи, — капуста и свекла, а вместо амбара и аккуратного деревянного дома какой-то «шанхай» дворовых построек. И только Резников сад, как прежде, виднелся за речкой темным пятном.

А по другую сторону от давней нашей избы в отросток села с названием Низ забежали мы, спасаясь от июньского ливня, на чье-то крыльцо. Встретила нас месившая в ведре глину старушка веселого нрава. «Уж не Васятка ли Куликов?» — спросила она, вытирая краем платка слезящиеся глаза. По-дворному нас звали Куликовы, и я удивился: «Мне было двенадцать лет, как же узнали?» — «Узнала. По обличью. Ты был черноголовый и все просил на тракторе посидеть». В войну трактористами были девушки лет восемнадцати — двадцати. Чаще всего видели их несущими в мешке с поля на ремонт части от трактора. Так и говорили: «Вон трактор в мешке понесли». На этих людях держалось в войну полевое хозяйство. Вспоминая то время, Мария Петровна Лесных пересыпает веселый

свой говорок мужскими словами. «В те года научились?» — «Да, бригадир наш говаривал: с такими словами трактор легче заводится». — «С кем же живете?» — «Одна. На всем свете одна», — вздохнула Петровна и вдруг заплакала.

Съездили еще в заповедник и по пути заглянули в село «Парижская коммуна». Сюда, боясь, что немец пойдет из Воронежа дальше, всех жителей Орлова в 42-м году выселили — готовили в селе новую линию обороны. Захотелось мне увидеть в «Парижской коммуне» избу, где наша семья — мама и четверо ребятишек — жила у тети Кати Карпеновой. Жили тесно, голодно, но дружно. Это было то самое время, когда все взоры и мысли обращены были на Сталинград, хотя мы тут, не имея ни радио, ни газет, мало что знали о тех событиях. Дома тети Кати я не нашел — разрушился. Но поговорил с милой старушкой, опирающейся руками и подбородком на палку. Удивительно, но она помнила наше житье. «Ты, Васятка, ловил воробьев и все ходил в сельсовет искать от отца письма». Сельсовета теперь тоже нет. Но я хорошо его помню. Письма для всех выселенных из Орлова привозили сюда, и они лежали в большой комнате сельсовета горой, достигавшей портрета Ленина на стене. Все приходило искать письма с фронта. Я проводил тут много часов вечерами, перебирая солдатские треугольники со штампами «Просмотрено военной цензурой». Но писем от отца не было. Уже позже узнал, почему не было, отец об этом после войны рассказывал, и Жуков пишет в воспоминаниях. Готовилась стратегическая операция, и, чтобы немцы не узнали про замысел, письма писать запрещалось. Отец был в то время как раз в Сталинграде — «ночами переправляли на правый берег продовольствие и снаряды». Отец выжил и даже не ранен был там, на Волге, но от цинги потерял зубы. Поразительно, но во время войны вставили ему зубы. Я летом в 45-м году бежал его встретить на станцию. Но отец шел уже полем. На гимнастерке сверкали медали, а во рту — металлические зубы. Я подумал: какой отец старей. Отцу было тогда сорок лет.

А об этом уж и не знаю, как рассказать... Друг детства Анатолий Костин настоял, чтобы мы по пути в Воронеж заглянули еще раз в Орлово. Свернули на улицу, на которой я жил, по которой бегал с удочкой к речке, а в другую сторону — в школу. В самом начале этой «стрит» с известным мне названием Большой угол Анатолий попросил машину остановиться, а меня — выйти и глянуть направо. Я, заинтригованный, повиновался. И что увидел? На избе Петьки Утенка (прозвище), с которым сидели когда-то за одной партой, висела табличка: «Ул. В. Пескова». Меня одолел вдруг приступ смеха, но тут же я понял: смеяться глупо, и мысленно поблагодарил земляков за то, что Большой угол, ведущий с большака к Усманке, они со всей серьезностью нарекли распространенной в нашем селе фамилией. Подумал, что больше всего порадовалась бы этому мама. Это она после войны, при крайней бедности, уговорила отца купить мне фотографический аппарат. У нее образование было — два класса. Письма отцу на войну она писала «печатными» буквами.

И потом поехали мы на кладбище, где похоронены родители и Анатолия, и мои. Положили на камень надгробья с дорогими именами цветы, собранные у речки. Постояли у памятника отцу Анатолия, Митрофану Ивановичу Костину, и вспомнили историю, которой надо закончить эту экскурсию в детство. В 1943 году в село прислали нового директора МТС. Выбрался он из-за фронта раненый после стычки с немцами маленького,

крайне уязвимого в степной местности партизанского отряда. Прислали Митрофана Ивановича к нам на лечение и на работу. Было с ним четверо детей. Младшему из сыновей, Анатолию, было тогда десять лет. После бомбежки у линии фронта он заикался. Подростки — народ жестокий, стали Тольку дразнить, щипать, как щиплют хромую уточку во дворе здоровые утки. А мне Толя понравился своими рассказами с заиканьем о всем, что видел вблизи тех мест, где были бои и бомбежки. Мы подружились. И однажды Толя, благодарный за эту дружбу, явился с отцовским биноклем. Я первый раз держал в руках эту невероятно интересную штуку: с одной стороны глянешь — все близко, с другой — все ошеломительно удаляется. Сколько радости доставило нам это изделие Цейсовского завода, добытое Толькиным отцом на войне! Мы искали места повыше, с которых открывались бы дали. Видели мы, каккупаются вечером девочки на Усманке, как полют бабы картошку в заречной Гудовке, как кошка за огородом пытается поймать бабочку, как дед Павел ходит с дыма-рем около ульев, как пылит за селом по дороге полторка, как галки дерутся на облупленной колокольне. Бинокль чудом приближал все, что хотелось. А потом в доме нашего сельского доктора поражен я был диа-проектором. Вставлялась в этот «фонарь» метровая пленка фильма, и один за другим на простыне, повешенной на стене, появлялись неподвижные, но яркие, как и в кино, картинки. Наверное, было заметно, что это «кино» мне очень понравилось, и добрая Елена Павловна подарила гостю-зрителю две коробочки с лентами: «Дети подземелья» и «Фриц на войне». Эту ценность принес я домой, и стали мы с Анатолием размышлять, как бы и нам устроить «кино». Проблемы возникали непреодолимые: фонаря для показа нет и нет в селе электричества (в больнице был автономный движок). Но голь на выдумки хитра. Отцовской стамеской про-долбили в дверях пристройки к избе окошечко как раз в размер кадра на пленке. А далее дошла очередь у двух дураков до бинокля. Шилом мы вынули из него большую переднюю линзу, обернули ее полоской жести — получилось что-то вроде лупы с плоской ручкой. Пропилив в деревянном брусочке длинную щель, укрепили брусок торцом как раз под дыркой в двери и вставили в прорезь жестяную ручку с линзой. Ума не приложу, откуда мы тогда могли знать, что движемся верным путем. Но путь был верным. Прибили по бокам все той же дырки две деревянные планки — удерживать пленку. Потом я снял в избе мутноватое, но большое зеркало и велел Тольке наводить со двора в нужное место солнечный зайчик. Зарядив пленкой устройство и двигая в прорези бруска оправу линзы, я увидел на побеленной стене настоящее чудо — картина была ярче, чем в доме доктора от электричества. «Толя, давай сюда! Иди смотреть!..» Теперь уже я наводил на дворе зеркало, а Толя, еще более заикаясь от удовольствия, двигал пленку с похождениями незадачливого Фрица. За неделю вся детвора Большого угла перебивала в пристройке, где ночевали обычно козы. Их ночные орешки мы тщательно выметали. Все же в «кинотеатре» попахивало. Но кто ж обращал на это внимание! Сидели кто на скамейках, кто на полу. Кому-то доставалось почетное дело ловить зеркалом солнце. А мы с Анатолием двигали пленку и громко читали текст, подправляя наводку на резкость. Радость была всеобщей. Слегка беспокоил нас только бинокль с покореженным левым «глазом». И вот расплата за это пришла. Однажды утром в окно я увидел: стежкой меж огородами к нашей избе идет директор МТС Митрофан Иванович и ведет за руку Анатолия... К моему удивлению, Митрофан Иванович не закричал и не

стал нас с ходу ругать. Спокойно сказал: «Вася, вы с Толей, говорят, показываете кино. Покажите и мне». Я поставил важному (и страшному!) зрителю табуретку, дал Тольке зеркало и, закрыв дверь, в темноте дрожащими руками стал заправлять пленку в наш агрегат. Митрофан Иванович молча просмотрел историю Фрица, попросил показать и «Детей подземелья» и, открыв дверь, осмотрел все, что мы соорудили. Мы с Анатолием приготовились к заслуженной выволочке. Но Митрофан Иванович вдруг почти ласково сказал: «Интересно. Но разве вы не понимаете, что испортили дорогую и редкую сейчас вещь? Попробуем бинокль починить. Ну а пока крутите ваше кино». Это все, что было нам сказано в летнее утро 43-го года.

Такие истории не забываются. Лет пятнадцать назад по приезду Анатолия в Москву мы вспомнили наше «кино», вспомнили Митрофана Ивановича. Уже взрослые люди, мы понимали: он мог и почти должен был высечь нас как сидоровых коз. Но рассудил человек: в невероятно трудной жизни, без электричества, без каких-либо советов-инструкций двое мальчишек проявили себя настоящими Эдисонами. И все нам простил. В Москве я повел Анатолия в оптический магазин. «Выбирай любой, какой понравится, — показал я ему на бинокли. — Это память о замечательном, мудром твоём отце». «А знаешь, как отец умер?.. Никогда не бравший в рот алкоголя, он начал вдруг попивать — уйдет вечером на полчаса и вернется на себя не похожим. Мы забеспокоились. А отец, улучив момент, мне сказал: «Толя, у меня рак. От боли я не могу уснуть и вынужден сделать несколько глотков спирта. Матери не говори». Через два месяца без единого стога, без жалоб он умер».

Таким было двухдневное путешествие наше в детство. Детство — такое близкое. И такое далекое.

Сергей Рудаков,

*заместитель председателя
Воронежской областной Думы,
председатель Комитета
по культуре и историческому наследию*

**ЕДИНСТВОМ
СИЛЬНЫ**

“Пусть цветут все цветы», — это древнее изречение является девизом Ассамблеи народов Российской Федерации — общественной организации, которая под руководством Рамазана Абдулатипова долгое время фактически выполняла функции министерства по делам национальностей. В нашей стране фактор полиэтничности присутствует фактически в каждом субъекте федерации, что придает особый колорит нашей общественной жизни. Люди разных национальностей — это и проблема, и большое преимущество при правильном подходе государства к этому вопросу.

Распад Советского Союза вызвал поистине тектонические сдвиги в межэтнических отношениях. Многие народы, и прежде всего русский, оказались разделенными. Это оборачивалось и оборачивается трагедиями для тысяч людей. А события на Украине, приведшие к войне, — апофеоз этой этнической катастрофы.

Как быть дальше? Куда двигаться вперед в межэтнических отношениях? Есть две противоположные позиции на данную проблему, соответственно двум точкам зрения на будущее нашей страны. «Славянофилы» призывают усиливать «русскость» нашего государства, делать его моноэтническим. «Западники», напротив, предлагают строительство некоей новой надэтнической, гражданской нации — «мы россияне», — в которой все имеют одинаковые гражданские права, не обращая внимания на то, к какому этносу относится тот или иной гражданин. Последнее, собственно, есть официальная концепция нынешнего государства, которое пытается найти образ России в этнической сфере.

Увы, ни та, ни другая концепции не отражают той глубины этнических отношений, которая сложилась у нас за последние сто лет. Нельзя ни искусственно свести нашу страну к русской монокультурности, ни, тем более, снивелировать и затушевать реальные этнические различия между народами внутри Российского государства. Концепция новой гражданской нации (а не этнической) — это вообще либеральная иллюзия, не за-

мечающая буржуазной основы такого подхода. Нация рождается с капитализмом, который единым рынком связывает все народности в единую нацию с единым литературным языком, экономикой, территорией и культурой. Она как новый этнос противостоит другим народам (народностям и нациям) и неэтнической она не может быть. Слабость российского капитализма означала и слабость российской нации, в которой во многом не переплавились, как в Америке, этнические различия в новое национальное качество. Но то была слабость, которая подтолкнула Россию к поиску нового качества межэтнических отношений, в котором бы сохранялась и самобытность, и развивалась новое интегративное качество, ведущее к дружбе народов.

Возникшая после Октябрьской революции общность людей — советский народ — была новым качеством в этнической сфере. Интернациональная советская общность людей, как никогда до того, пыталась сочетать национальную самобытность людей и новое социально-культурное единство их в условиях господства государственных, общенародных интересов.

Поэтому сегодня, оглядываясь на прошлый опыт и видя язвы современной постсоветской истории, лишней раз понимаешь, что дружбе народов альтернативы нет. Честно говоря, даже при всех разных взглядах на этнические проблемы я не могу понять, почему надо жесткой критикой встречать идею Национальной Палаты Воронежской области, как это делают некоторые защитники русской самобытности. В свое время, когда Ассамблея Воронежской области в 1990-е годы только создавалась, я всем говорил, что мы будем работать до тех пор, пока государство вновь не вернется в этническую сферу и не начнет выстраивать гармоничные отношения между народами. Если посмотреть на все мероприятия, которые сегодня проводит Национальная Палата и которые поддерживает и Ассамблея, то дух их всех один — только дружба народов может способствовать миру и процветанию Воронежского края. Разве это неправильно?!

Национализм уже довел Украину до войны. Есть и у нас горячие головы, готовые разжечь это пламя. Националистические мотивы нередко используются во время выборных кампаний. Но такой путь — заведомо тупиковый. Это зримо показало празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне — Великой Победы, которую ковали все народы Советского Союза.

Дружба народов — единство России!

Виктор Петров,
*глава администрации
Новохопёрского
муниципального района*

НА ЧЕМ СТОИТ НОВОХОПЁРСК

Я не коренной житель Новохоперского края, родился в Верхнемамонском районе, в Подонье. Но долгие годы работы в Новохоперске давно настроили душу на созвучное и гармоничное единение с этими удивительными по своей природной красоте местами. Здесь проживают замечательные, добрые, отзывчивые люди, чьи сердца бережно хранят обычаи и нравы предков, их духовные и культурные заветы.

Новохоперск и сегодня остается центром духовно-географического и культурно-исторического притяжения Прихоперья. У этого города, наверное, как и у человека, есть свои жизнеутверждающие основы, которые помогают ему стоять на этой земле. И если о человеке принято судить не по его падениям, а по вершинам, то и о Новохоперске правильной будет сказать: те самые основы более трех веков держат город, проходя через сердца его жителей, определяя их характер и место в жизни.

Итак, на чем же стоит Новохоперск?

ГЕОГРАФИЧЕСКИ — на реке Хопер. По поводу названия реки существует несколько разных точек зрения, но полное единодушие царит во мнении, что Хопер — бесценный дар природы. Мало какая другая река может соперничать с Хопром по чистоте и красоте. Хопер, выражаясь языком специалистов, «незарегулированный гидротехническими сооружениями», свободно и мощно течет по прекрасной долине, принимая в себя воды животворных источников-родников, способствуя жизнедеятельности богатейших флоры и фауны. И не могла не появиться здесь жемчужина русской природы — Хоперский государственный заповедник, который, начиная с 1935 года и по наши дни, занимается сохранением и изучением естественного хода природных процессов и явлений.

Много рек в окрестностях Новохоперска — Савала, Елань, Татарка, но ни одна из них так не снимет усталость и не обновит силы, как Хопер. И не потому что он — «старший», а потому, что в нем — воля и мощь. И эта воля, и эта мощь необыкновенно притягательны. Местные жители

знают это, и Хопер от рождения и навсегда — часть их жизни. Ну а из приезжих — кто хоть раз побывал на Хопре, будет всеми силами стремиться к нему снова и снова.

Много известных людей отдыхало на берегах Хопра. Неподалеку от Новохоперска, в имении Плаутино, бывал художник Кузьма Петров-Водкин и даже написал здесь несколько картин, а писатель Андрей Платонов сделал Новохоперск «действующим лицом» романа «Чевенгур». Бывал в наших краях и великий композитор Сергей Васильевич Рахманинов. И он не просто подкреплял здесь здоровье и набирался сил, но и создал замечательный музыкальный памятник Хопру — свой всемирно знаменитый Второй концерт для фортепиано с оркестром. Звуки этого концерта можно часто услышать по радио и телевидению во время трансляции репортажей о торжественных событиях из жизни нашей Родины. Но тот, кто бывал на Хопре, легко различает в гениальной музыке ту самую вольную мощь нашей реки, ощущает великую вдохновляющую силу наших родных мест.

С древних времен Хопер, как магнит, притягивал к себе людей, они обживались здесь, трудились, строили семьи и дома, основывали города, в том числе и Новохоперск.

Так география ложилась в **ИСТОРИЧЕСКУЮ** основу Новохоперска.

Вглубь веков уходит эта основа. Многочисленные археологические экспедиции и раскопки на территории, прилегающей к Новохоперску, обнаружили стоянки людей периодов мезолита, неолита, энеолита, а это — каменный и медный века, находили свидетельства жизни людей эпохи бронзы и средневековья. В начале 17-го века заселились берега Хопра разного рода промышленниками — бортниками, звероловами, рыболовами. Потянулась сюда и казачья вольница, и потому жители Новохоперска именно казаков считают своими историческими предками, а сам город гордо именуется казачьим.

А еще гордятся новохоперцы тем, что стал их город одной из колыбелей регулярного флота России, что история Новохоперской верфи, где строились первые боевые корабли, связана с великими именами адмирала Алексея Наумовича Сенявина, создателя знаменитой Азовской флотилии, адмирала Федора Федоровича Ушакова, который еще в начале своего славного пути в качестве офицера участвовал в проводке двух фрегатов из Новохоперска к Азову, а затем в победных битвах отстаивал честь и независимость Российского государства. Наследниками славы русского оружия стали тысячи горожан, положивших свои жизни на полях военных сражений, и те 13 Героев Советского Союза, которые увековечены в бронзе на городской Аллее Славы.

Причастность маленького городка к большой истории, к великим делам и событиям не могла не наложить отпечаток на поведение и нравы его жителей, на их культурно-национальный код.

Так в чем же она — **НРАВСТВЕННАЯ** основа нашего города?

Она — в труде, в песне, в обрядах. Нельзя было без труда выловить рыбку из Хопра, нельзя было без труда воспользоваться преимуществами богатейшей природы. Нельзя было без труда небольшую казачью крепость превратить в город с соответствующей инфраструктурой, многие элементы которой со временем обрели особый статус памятников истории и архитектуры. Но при этом и без песни было нельзя — в большие и малые праздники, в дни отдыха и юбилеи, при рождении и на поминках. Известно ведь, что «нам песня строит и жить помогает»... И действительно

но, помогали новохоперцам в их богоугодных делах задорные частушки и грустные, задушевные песни, веселые хороводы и свадебные обряды, зажигательные пляски и красивые, нежные танцы.

Прежние сословия — дворянство, купечество, мастеровой люд, и нынешние жители Новохоперска — это все люди одной крови: энергичной, стремительной, созидательной. Именно это позволяет и в наше непростое время Новохоперску развиваться, преображаться, благоустраиваться. Новохоперск сохранил почти все свои градообразующие предприятия, их продукция известна и пользуется спросом далеко за его пределами. В настоящее время значительные средства вкладываются в модернизацию предприятий, развивается малый и средний бизнес. Благодаря поддержке руководства Воронежской области, солидный поток инвестиций пришел в социальную сферу. Город полностью газифицирован. Введены в строй новая современная поликлиника и физкультурно-оздоровительный комплекс, городской стадион, где в распоряжении спортсменов и болельщиков футбольное поле с искусственным покрытием, рекортановые дорожки, удобные вместительные трибуны. Завершено строительство бассейна и стационарного отделения районной больницы. Прделана огромная работа по реконструкции исторического центра — его теперь просто не узнать. И это только самые масштабные наши проекты, не говоря о планомерной работе по благоустройству школ и детских садов, улиц и жилых микрорайонов.

Приятно отметить, что в последнее время в жизни города активнее начинает проявляться народная инициатива, когда население самостоятельно объединяется для решения каких-либо социальных задач. Благодаря такой инициативе обустраиваются детские площадки, ремонтируются многоквартирные дома, разбиваются клумбы. Наша задача — общими усилиями власти и населения создать в Новохоперске привлекательную современную инфраструктуру, которая бы позволила здесь комфортно жить и работать, учить и развивать детей, получать качественные медицинские и другие услуги. Всего этого, повторю, мы сможем достичь только трудом каждого горожанина на своем поприще. И сегодня многие новохоперцы добиваются серьезных профессиональных успехов, способствуя социально-экономическому развитию района и благосостоянию своих семей. Посмотрите, какие дома строят себе жители города на новых улицах — красивые, большие, удобные, сколько труда вкладывают в благоустройство приусадебных территорий. Пройдя по городу, вы редко найдете праздного человека. А если увидите, что группа добрых соседусшек собралась на скамейке, то не думайте, что они заняты лишь обсуждением последних новостей. Здесь тоже кипит работа, здесь проворные спицы в ловких руках создают замечательные изделия — новохоперские пуховые платки. В городе Урюпинске есть памятник козе. А вот в Новохоперске, я думаю, надо бы поставить памятник вязальщице, ведь наши новохоперские женщины, бабушки, девчонки, передавая из поколения в поколение секреты мастерства, сумели сохранить уникальный народный промысел, при этом далеко не все из них были и являются домохозяйками, многие успешно учатся и работают.

Наверное, одно из главных предназначений человека на земле — реализовать на общее благо таланты, данные от рождения. Так вот, благодаря трудолюбию, новохоперцы свои таланты раскрывают в полной мере. А то, что жители нашего города необыкновенно талантливы, я в данном случае не буду доказывать перечислением их званий, наград, регалий

которыми они отмечены на самых высоких уровнях, проявляя себя в самых разных сферах, в том числе и в сохранении традиций народной культуры.

В нынешних крайне сложных международных обстоятельствах, в агрессивном глобалистском наступлении на страны и континенты сбережение своей национально-культурной идентичности очень важно. И тут у Новохоперска тоже есть своя мощная основа — КУЛЬТУРНАЯ. Посмотрите, как талантливы наши певцы и танцоры, мастера декоративно-прикладного творчества, поэты и прозаики!

При участии администрации района наши фольклорные праздники — это желание показать осколочек того самобытного народного творчества, которым так богат и разнообразен наш Воронежский край. «Широкая масленица», «Душа моя, Масленица», «Масленица годовая» проходят на центральных площадях городских и сельских поселений. Здесь и массовые театрализованные гуляния со скоморошными представлениями, играми, конкурсами, угощениями блинами, с многообразием призов и подарков. «Праздник русского самовара. Чаепитие у самовара» подготовили и провели в Полежаевском СДК для детей поселка. Ребятам рассказали о чайных традициях, как правильно заварить вкусный и полезный чай. «Светлое Христово воскресение» стало «часом познания» для детей Подосиновской СОШ, на котором рассказали об обычаях наших предков. Расписывали яйца, делились рецептами выпечки куличей. «Пасхальная мастерская» явилась мастер-классом для детей, а подготовил его Коленовский КДЦ. Ко Дню славянской письменности и культуры в учреждениях культуры и библиотеках со школьниками проводились беседы, книжные выставки, литературно-музыкальные вечера «Живая нить русского слова», «Славянские обычаи и праздники», «Откуда есть пошла славянская письменность», «Азбука народной мудрости», где дети узнавали об истории письменности, о древних книгах, истории книгопечатания.

Во всех клубных учреждениях отмечаются православные праздники, которые выпадают на август месяц — Яблочный, Медовый, Ореховый Спасы.

Некоторые поселения обмениваются выступлениями, так, например, художественная самодеятельность МКУК «Коленовский КДЦ» ездила в гости в Долиновский СДК, а артисты ансамбля «Селяночка» Русановского СДК приняли участие в народном гулянии МКУ КСК «Звездный».

Отдел по культуре и туризму администрации Новохоперского муниципального района и МКУ «Новохоперский центр развития культуры, туризма и библиотечно-информационной деятельности» организовал творческие смотры-конкурсы культурно-досуговых учреждений Новохоперского муниципального района с участием всех творческих самодеятельных коллективов и исполнителей, мастеров декоративно-прикладного творчества. Более 300 человек, из них 125 детей, принявших участие в творческом смотре-конкурсе, согревали сердца зрителей песнями, танцами, стихами, теплыми словами о своем родном крае. Творческие смотры-конкурсы выявили новых талантливых исполнителей, зрители увидели радугу новых ярких костюмов, пошитых специально для творческих смотров-конкурсов. Завершающим мероприятием этих конкурсов стал Гала-концерт с участием и награждением лучших коллективов и исполнителей.

Не могу не рассказать и о нашем главном районном мероприятии, которое здесь организовывается раз в два года, — о фестивале «Хоперские

узоры». Проходит он на центральной площади Новохоперска. Расширились и границы его участников: гостями фестиваля были мастера из Таловского, Грибановского, Поворинского, Бобровского муниципальных районов и из города Урюпинска Волгоградской области. Всего приняли участие в фестивале 116 мастеров декоративно-прикладного творчества. Выставка включала в себя все виды декоративно-прикладного творчества: пуховязание (шали, платки, палантины, болеро, носки, варежки), вязание из шерсти и простых ниток на спицах и крючком (кофты, шали, платья, сарафаны, салфетки, скатерти), вышивка, художественная роспись, живопись, резьба по дереву, бисероплетение, вязаные игрушки, лозоплетение, изделия из бересты, валяние из шерсти. Многие мастера возле своих изделий показывали мастер-классы. Зрители пробовали себя в том или ином виде прикладного творчества. Художественная часть выставки была подготовлена вокальными коллективами Новохоперского района: ансамблем русской песни «Гармония» (Жолоновский «КДЦ»), дуэт «Славянка» (Терновский СДК), дуэт преподавателей из Новохоперской детской школы искусств, ансамбль русской песни «Бабье лето» (Центральский СДК), ансамбль русской песни «Приволье» (МКУ КСК «Звездный»), фольклористов из Клуба железнодорожников (п. Новохоперский), ансамбль русской песни «Журавушка» (МКУ КСК «Кристалл»).

В фестивале принимали участие коллективы Новохоперского «КДЦ»: народный ансамбль фольклорной казачьей песни «Пристанской», народный ансамбль русской песни «Любавушка», гости из Поворинского муниципального района — народный ансамбль «Аюшка» (МКУК ЦКТ), народный фольклорный ансамбль «Кладезь» из Таловского района.

В Новохоперском районе проживают люди разных национальностей. Представителями этих народов также бережно хранится своя национальная культура, свои преданья и песни, танцы и обряды. Самыми яркими талантами из проживающих у нас национальных общин мы все в районе гордимся. Да и как не гордиться, например, тем, что на нашей земле родился и рос славный сын цыганского народа, народный артист СССР Николай Сличенко!

Районная власть бережно относится и к творчеству местных мастеров русского слова. Большинству из прозаиков и поэтов помогала издать сборники своих произведений, и довольно большой круг читателей получил возможность познакомиться с самобытным творчеством авторов. Вслушайтесь в их чувства, в размышления, в тот язык, на котором они говорят с нами, и вы увидите, что здесь все — и боль, и тишина сердечная, и свет, и высота, и любовь, побеждающая всякое зло.

Где же, по каким крупицам смогли эти люди, которые и литературой-то занимаются в основном «без отрыва от производства», собрать такое внутреннее богатство? Да здесь же, на своей родной земле. В лицах и судьбах своих земляков, в их радостях и печалях, в звуках и красках любимого города.

В том, что невозможно объяснить словами, что составляет еще одну основу нашего города — ДУХОВНУЮ. Основа эта — главная. Ведь стоит Новохоперск более трех веков на земле еще и молитвами праведников, которые жили и бывали здесь. А среди них — святой Феодор Ушаков, не только упоминаемый нами адмирал, но и великий подвижник Православной веры. И среди них — святой Оптинский старец Иларион, в миру — Родион Никитич Пономарев, который родился в Новохоперском уезде и в течение нескольких лет жил в Новохоперске. Считается, что по его мо-

литвам даже в годы страшных гонений не переставало биться сердце Новохоперска — Воскресенский храм, куда в год 300-летия города преподобный старец вернулся частицей своих святых мощей. В этом же храме подвизались и духовные чада святого старца Севастиана Карагандинского. А разве не знак милости Божией — явление над Новохоперском в начале прошлого века иконы Божией Матери? А родник, который вдруг забил на этом месте? Два года назад силами верующих горожан над ним был построен колодец, возведена часовня в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник», благоустроена прилегающая территория.

Так вот, если люди, невзирая на проблемность и многозаботливость нашей жизни, не забывают о святом источнике в лесу, если они берутся за восстановление разрушенных храмов, если в сорокаградусную жару совершают по городу крестные ходы, значит это живой город и живые люди — живые не только плотью, но и душой. И этим людям, жителям Новохоперска и всем, кому он дорог и от кого неотделим никакими расстояниями, я хочу пожелать, чтобы те основы, на которых стоит наш город, наша земля, наша история, наши традиции, наша культура и наша вера, укрепляли наш дух, поддерживали силы, вселяли надежду.

Эдуард Ефремов

ХРАНЯ В СЕБЕ ЛЮБОВЬ И ДОБРОТУ

Богучарщина — край особого духа. В студенчестве я познакомился с ученым, геологом и поэтом Владимиром Чесноковым, который стал моим другом на долгие годы. Родом из богучарского Залимана. Через него его малая родина воспринималась краем, равному которому нет — люди особые. Друг вышел из трагедий: отец в 1930-х был расстрелян как «враг народа»; в войну мальчишка пережил ужасы фашистской оккупации, голод, болезни... Но сколько в нем было светлого, восторженного, веры, что в обществе победит любовь человека к человеку... Кладезь познаний народного языка, обычаев... Уникальнейший всепрощенец: вся жизнь — только счастье и ничего иного.

Оказалось, ему подобны чуть ли не все его земляки... Вторая глава «богучарских трагедий» — мое знакомство с бывшими подростками, освобождавшими поля от мин, которыми усеяли весь район отступавшие немцы и итальянцы... О погибших рассказывали, как об отчаянных, жизнерадостных и веселых ребятах. Оставшиеся в живых — инвалиды. Но они такие оптимисты и талантливые жизнелюбы — всем во всем пример и наука. Михаил Дергунов, с раздвоенной культей одной руки и одним пальцем на другой, сапожничал, занимался садоводством, «мастерил по железу»; Иван Павленко, без руки и вырванным боком, пел лучше любого оперного солиста; Григорий Мануйлов, без ноги и с покореженными руками, мастерил для односельчан минитрактора; Иван Татаренков, потерявший слух, был прекрасным фотомастером, художником, иконописцем...

Осмысление богучарцев как особого человеческого и творческого сообщества произошло не только у меня, но, наверное, и у многих других с появлением в районе Ольги Васильевны Топорковой. С отличием окончила Воронежский сельхозинститут, молодой агрохимик-почвовед стала так работать, что среди опытейших коллег была удостоена весьма почетного по тем временам звания — «Ударник коммунистического труда». А в вузе, ко всему прочему, на факультете общественных профессий получила специальность руководителя самостоятельного хореографического колледжа.

Эх, туфли мои —
Носы выстрочены.
Не хотела я плясать —
Сами выскочили!..

Вихрь задора, искрометной радости рвался со сцены в зал, когда грациозно, с ангельским обаянием и дерзостью молодости пускалась в пляс студентка, комсомолка и отличница! Оставляли работать в вузе, приглашали в профессиональные артистические коллективы, но она же училась на агронома — потеха, известное дело, необходима, но не она же в жизни главная...

При районном Доме культуры организовала танцевальный кружок. Есть ли где еще подобный пример, чтобы девчонка с вузовской скамьи на должный уровень вывела агрохимию в районе и за три года занятий с танцорами сделала их лучшими не только в области, но и далеко окрест — гастроли в Воронеже, Москве, Липецке, Тамбове... Коллектив получил звание «народный». Об искрометной, высокопрофессиональной самостоятельности Богучара заговорили на всех уровнях. И местная власть приняла решение: хватит мир удивлять на общественных началах — этим делом надо серьезно заниматься. И в 1978 году назначили ее заведующей районным отделом культуры.

— Лицом к лицу — лица не увидеть. Родилась и выросла в этом районе. Свадьбы, церковные праздники, обычные застолья с песнями, танцы в клубах... В каждом доме мастера — кто вышивает, кто шьет, кто по дереву режет... Обычная сельская жизнь... Надо было уехать в город, чтобы со стороны посмотреть и осознать, в каком же богатстве народной культуры мы воспитывались и живем! У нас люди, если за что берутся, так берутся основательно, даже и мысли не допустят, чтобы это было сделано хуже, чем у других...

Став начальницей, она перед собой поставила задачу — никакого снисхождения на самостоятельность. Все должно быть на высшем профессиональном уровне. На консультации, репетиции приглашала ведущих артистов из Воронежа — из театра оперы и балета, театра юного зрителя, драматического театра, филармонии, русского народного хора...

Сельские библиотеки, школы, клубы и дома культуры объединились одной целью — сохранить и приумножить то лучшее, чем славен район. Неоценимое подспорье здесь оказал директор Богучарской центральной библиотечной системой Алексей Тихонович Бойков, работавший над краеведческой энциклопедией района. Его примеру следовали многие библиотекари, которые вместе с учителями и учащимися школ записывали воспоминания старожил, создавали свои «энциклопедии».

Особенности школьного учительства... Однажды вместе с Чесноковым были у общих знакомых. К чаю подали пирожки. И Владимир Семенович вдруг воскликнул:

— Да их же есть нельзя! Такие пирожки только для гостей надо беречь — наивкуснейшие!

Правило жизни — лучшее нуждающемуся, гостю. Зимой 1943-го, когда фашисты потерпели поражение, «добывать» оставшееся мирное население начали не только минные ловушки, но и свирепый голод... Первое, что сделали взрослые в новогодние дни: собрали на елку детей и сотворили для них чудо — каждый получил по «печенью» величиной с пятикопеечную монету. Печенье было настоящим! С настоящим печатным формовочным рисунком. Правда, без сахара и масла — вода с мукой. Ос-

Александр Кищенко.
Портрет Ольги Топорковой

татки муки собирали по крохам, ночь рукодельничали и кулинаричили — детям устроили такой праздник, о котором они вспоминают сегодня и рассказывают своим внукам и правнукам. Учительство здешнее — честь и совесть. Что бы там ни говорили, а служение правде, человеку, чувство слова, народный дух автор «Тихого Дона» Михаил Шолохов впитал здесь — он учился в Богучарской мужской гимназии. Его дед был женат на Марии Моховой, дочери богучарского купца Василия Тимофеевича Мохова.

Сито времени для того и существует, чтобы о прошлом нам доходило знание лучшего, на котором создается разумное настоящее и верится в светлое будущее. Первое, что сделала Ольга Васильевна — организовала ветеранов — открыли для них не просто дом встреч пожилых. Дом хранителей

мудрости, уходящих ремесел, традиций очень скоро стал школой, где можно было научиться «делать жизнь с кого» — молодежи здесь всегда интересно.

Отдельно существующий дом ремесел — представлены практически все виды прикладного народного творчества. С каким трудом они выживают! К сведению, роспись по дереву за последние годы почти уничтожена. Зачем ручная работа, когда с ней успешно конкурирует китайский ширпотреб, имитирующий в пластмассе и «хохлому», и «гжель», и «павловский посад», и «федоскино»... Виной падения спроса на настоящее искусство выступают не только рыночные отношения, но и крайне низкий уровень культуры потребителя. Имеющий деньги не всегда имеет должный вкус, должное понятие о настоящей красоте... Богучарский сувенирный цех лесхоза — единственный на всю область, если не на все Центральное Черноземье, где сохранился редчайший вид народного ремесла. За годы выживания директор ООО «Богучарский сувенир» В.Д. Польшаков с небольшим творческим коллективом нашел свои формы изделий, свою роспись, которую можно рядом поставить с изделиями умельцев из Хохломы. Если бы руководство области, различных предприятий взяли за правило в качестве призов, наград особо отличившимся вручать богучарское письмо по деревянным изделиям — это уже было бы и поддержкой неповторимого народного ремесла, и воспитанием художественного вкуса населения, и воспитанием гордости за «нашенское» мастерство, равно которому нет...

Дар, еще до конца по-настоящему не оцененный, полученный Богучаром стараниями Топорковой — в музей передала архив и личные вещи В.А. Малаховского, привезенные ею из Риги, где жил легендарный командир Богучарской дивизии. В его письмах, дневниках не только исто-

рии сражений, но и картины крестьянского быта, анализ творческого потенциала бойцов, размышления о нравственности, культуре и ошибках советской власти, отвергавшей Бога.

Ей спасибо — выставка за выставкой, знакомящие с творчеством известных художников. Началось все с легкой руки Василия Павловича Криворучко, «участника Куликовской битвы» (так он сам представлялся при знакомстве) — писал портреты Сергия Радонежского, Дмитрия Донского, святых и воинов. Много работ получено от него в дар. Полноценный музей-галерею оставил после себя выдающийся земляк богучарцев — Александр Михайлович Кищенко, живший и творивший в Белоруссии. За серию gobеленов, один из которых (размер 4 на 10 метров) размещен в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, он удостоен Государственной премии.

Не для Богучара — для русской фольклористики, сохранения русско-народного творчества во всех его проявлениях, неоценим подвижнический труд профессора Воронежского института искусств Галины Яковлевны Сысоевой. Со своими сестрами — В.Я. Горбачевой и З.Я. Ткачевой — она создала частный музей кукол в народных костюмах Богучарщины и других регионов России, стран СНГ. Сотворенные их руками шедевры дополнили коллекции многих зарубежных музеев. Дело, я бы сказал, межгосударственной важности.

По итогам музыкально-этнографических экспедиций выпущено множество компактных дисков. Она «разбудила» даже американцев, создавших многосерийный документальный фильм, который с успехом шел на государственном телеканале США, знакомил тамошних граждан не с «утками» про русских медведей, а представлял реальную жизнь российской деревни, его песни, творчество простых крестьян. На конгрессе Российского союза исторических городов и регионов отмечена медалью «За вклад в наследие народов России». Но в центре этого вклада, фундамент — фольклор, этнография родного Богучара. И вся ее научно-творческая жизнь (создатель и руководитель нескольких народных ансамблей, фестивалей, продуманный и воплощенный в жизнь сверхталантливый студенческий театр) — «отдание долгов». Галина Яковлевна так и говорит:

— Постоянно отдавала и отдаю долги Богучару, который воспитывал и воспитывает настоящую Россию...

...Чисто российское явление — педагог всероссийской известности, но... без образования. Есть такой тракторист-водитель в Дубраве — Николай Львович Новиков. Давным-давно пригласили его в школу вести практические занятия по машиноведению. И ребяташки, вдохновленные его идеей, на школьный двор стали сволакивать все «старье» — плуги, остатки ветряных мельниц, ржавых тракторов, полуторок...

В этих местах шли жестокие бои. Николай Львович добился разрешения заниматься со школьниками поисковой работой, археологическими раскопками. Доктор исторических наук, известный археолог из педагогического университета В.Д. Березуцкий отметил, что Новиков — поисковик, знаток истории высшей квалификации: его не только приглашали в вуз лекции читать, но совместно со школьниками и студентами постоянно организовывали совместные научные раскопки, межрайонные лагерные сборы юных историков.

...Ольга Васильевна — обладатель всех наград и званий, которые может получить человек, работающий «в культуре». Из провинциальных работников культуры — единственная, удостоенная престижной премии «Золотой фонд Воронежской области». Но главное, по всей вероятности, в

том, что почти ежегодно в Богучаре проходят семинары-практикумы — на примере деятельности Топорковой учат работников сельской культуры не только Воронежской области, но и других регионов. Сенсацией в свое время стало внезапное появление вокально-хорового коллектива «Раздолье» — сразу же первые места, на какой бы фестиваль или конкурс ни поехали.

В Богучаре осталось НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Речь не совсем о школе. Там, всем известно, происходит «перестроечная ломка» всего разумного, доброго, вечного, беснуются ценители и радетели западных методик в педагогике, а на местах параллельно идет иная жизнь. Народный дух, народная культура продолжают свое великое дело воспитания. Трудно перечислить всех педагогов-мастеров, идущих в своем видении мира от извечных народных корней — Е.В. Мандрыкин, А.П. Карташов, Л.П. Титаренко, Ю.В. Горналев, Т.В. Куцербубова, Е.В. Василенко, О.И. Романенко, С.М. Келипова, В.А. Лушпаева, Т.П. Чупцова...

По праздникам на улицы Богучара выезжает на печи Емеля. Ох, и мужик! Говорит, что любит спать. Да кто ж ему поверит?! Даже малыши смекают, что он родной брат Ильи Муромца, который тридцать три года сиднем сидел, а потом взял да и Россию от всех басурманов освободил, Соловья-Разбойника укротил... Если бы Емеля на печи спал, то откуда у него столько блинов, бубликов, пряников? Бесплатно раздает! Говорит, что хлеб выращивать, пироги печь, добрым быть его научили руководители сельхоз-предприятий — такие друзья, как, допустим, В.Е. Резников, М.Е. Колтаков... Печь, как прикрытие, как танковая броня — на иванушках да на емелюшках Россия держится. Храни в себе любовь и доброту, не выпячивайся — тогда все и проявится в лучшем виде. Где такому можно научиться? Пожалуйте на фестиваль «Юные дарования», на «День молодежи». Все умеем! Кем бы ты ни был — пожарный, тракторист, водитель — тебя отметят не только как лучшего по профессии, но и напомнят: ты еще и учитель, пример для других. Помогай людям и природе — чтобы реки были чистыми, леса не губились, за землей хозяйский уход был...

Как-то на одном из серьезных симпозиумов Ольгу Васильевну спросили, в чем секрет успеха такого процветания, утверждения народного образа жизни, изучения этнографического наследия?

— У нас течет великий Тихий Дон. На холмах, сбегающих к нему, растет около семидесяти видов ковылей... Господь нам даровал соседство жить рядом с украинцами, певучим и талантливым народом. В последние годы к нам на постоянное местожительство из бывших союзных республик приехали не только русские — представители других национальностей, а в итоге получается, что все мы живем былым казачьим укладом... От доброго и полезного не отказывались никогда. У нас от советского времени в хозяйствах даже профсоюзные организации сохранились в том виде, в котором существовали. Главная задача — помогать всем, кто любит Родину, поддерживать и развитие ремесел, и песню со сказкой хранить, и частушку не забыть, и одеться так, чтобы сразу поняли — богучарочка идет, красавица, с достоинством, безмерно талантлива... Ну, уж о наших казаках и говорить не будем. Лев Толстой раз и навсегда верную мысль высказал — они создали Россию.

...Каждый район имеет свою интереснейшую историю, свое лицо, своих героев и мастеров. Да только не в каждом есть такие организаторы и просветители, какой прославилась Ольга Васильевна Топоркова, превратившая временную потеху в постоянную помощницу созидательному труду и нормальному образу жизни.

Марина Дюжакова,

*доктор педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и методики
дошкольного и начального образования
Воронежского государственного
педагогического университета*

ЧЕРЕЗ МИГРАЦИЮ — К АДАПТАЦИИ

(Решение миграционных
социально-педагогических проблем
Воронежской области)

Образование всегда чутко реагировало на все происходящие в мире изменения. Интенсивно расширяющаяся миграция населения на территории Российской Федерации, инициированная распадом СССР, обусловила множество различных проблем и в образовательной среде.

Воронежская область, типичный регион для центральной России, где традиционно проживало русское население, стала одним из регионов массового притяжения мигрантов из разных республик бывшего Советского Союза.

По прогнозам миграционного прироста населения, Воронежская область занимает 4-е место в Центральном Федеральном округе по проектируемым темпам прироста населения за счет мигрантов (после Москвы, Московской и Белгородской областей) и 7-е место по России в целом (после Москвы, Московской и Белгородской областей, Краснодарского края, Ленинградской области и Санкт-Петербурга).

Самую многочисленную группу составляют выходцы из Украины — 32,8%, на втором месте — представители Грузии — 12,9% и Азербайджана — 12,8%, далее следуют мигранты из Белоруссии — 8% и Армении — 6,8%. Следует отметить, что среди прибывших мигрантов из Армении, Азербайджана и Грузии большая часть — представители титульной нации, т.е. носители иной культуры, языка, быта.

Представленные показатели дают основание сделать вывод о развитии на территории Воронежской области миграционных процессов, изменивших ее структуру из мононациональной в полиэтническую.

В связи с этим в городе и области создавались различные организации по упорядочению приема, расселения и жизнеустройства прибывших мигрантов. Наряду с государственными органами власти в Воронеже были образованы добровольные общественные организации, оказыва-

ющие помощь местным органам власти во взаимодействии с различными этническими группами. Одной из таких организаций стала Воронежская региональная общественная организация «Ассамблея народов Воронежской области». В состав Ассамблеи народов Воронежской области входят следующие этнические общины: азербайджанская община «Хазар», дагестанская, корейская национально-культурная автономия, среднеазиатская община, татарская община «Рефах», украинская национально-культурная автономия, чеченская община «Вайнах», Северо-Донской казачий округ, Новое общественное русское движение (НОРД). Она осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией РФ, Уставом Воронежской области, законодательством Воронежской области и Уставом собственной организации.

В составе Совета Ассамблеи образуются и действуют Комиссии по основным направлениям деятельности: 1) защите этнических прав человека и народов; 2) решению социально-экономических проблем, связанных с этническими особенностями; 3) вопросам духовного и культурного сотрудничества народов; 4) сотрудничеству с соотечественниками и народами зарубежных стран; 5) работе со средствами массовой информации, взаимодействию с общественными объединениями и движениями; 6) организации национально-культурных автономий; 7) делам молодежи; 8) координации работы представительств.

Помимо оказания содействия в разработке и представлении органам государственной власти Воронежской области и местного самоуправления ежегодных докладов и предложений по вопросам гармонизации межнациональных отношений, оказания консультативной помощи заинтересованным организациям в подготовке и принятии решений, связанных с национальной проблемой, Ассамблея участвует в разработке и реализации проектов, программ и отдельных мероприятий по налаживанию культурного сотрудничества народов Воронежской области.

За несколько десятилетий сложились традиции участия различных диаспор в культурной и социальной жизни области и города. Одной из них является проведение 4 ноября Дня национального единства, организованного силами Комитета по делам национальностей Общественной палаты по Воронежской области и Воронежской региональной общественной организацией «Ассамблея народов Воронежской области». В этот день все диаспоры области, их официально 14 (организация кыргызов «Мурас», азербайджанская община «Хазар», армянская организация «Ани», дагестанская, корейская национально-культурная автономия, среднеазиатская община, татарская община «Рефах», украинская национально-культурная автономия, чеченская община «Вайнах», Северо-Донской казачий округ, езидо-курдская община «Медиа», туркменская община, грузинская община «Багратион», узбекская община «Ватан»), представляют свою выставку, которая рассказывает об истории, традициях, народных промыслах каждой из представленных этнических групп. Одной из форм работы стал показ документальных фильмов об истории каждого народа, его знаменитых людях. Во время выставки ее участники и посетители (среди которых много представителей русского населения) проходят от одной экспозиции к другой, знакомясь с разными культурами, спрашивая об особенностях разных исторических периодов, о традициях и обычаях, ремеслах. Этот акт национального взаимодействия и является целью проводимой выставки. По окончании выставки показывают концерт, организованный силами диаспор, где можно увидеть национальные

подлинные костюмы, послушать национальную музыку и пение, познакомиться с поэзией, посмотреть национальные танцы. Важно, что участвуют в концертах и взрослые, и дети.

Другая традиция, сложившаяся в области, — проведение смотра-конкурса на лучшую постановку работы образовательных учреждений города по укреплению межнациональной дружбы, формированию толерантного сознания, профилактике экстремизма в молодежной среде совместно с Управлением по образованию города и Ассамблеей народов Воронежской области. В Положении о смотре-конкурсе сказано, что одной из основных воспитательных тем, над которой в течение ряда последних лет работают педагогические коллективы школ города, является тема «Школа толерантности — школа взаимопонимания». Формирование толерантного сознания учащихся в общеобразовательных учреждениях города осуществляется в рамках общей системы воспитания и обучения, основной целью которой является воспитание таких личностных качеств, как гражданственность, патриотизм, нравственность, духовность, терпимость и уважение к людям других национальностей. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования предполагает реализацию этого направления воспитательной деятельности на уроках русского языка и литературы, иностранного языка, истории, обществознания, географии, искусства.

Целями смотра-конкурса являются: развитие воспитательной системы, направленной на гражданское и патриотическое воспитание школьников, формирование у них толерантного сознания, укрепление межнациональной дружбы, профилактика экстремизма в молодежной среде.

В период проведения смотра-конкурса изучалось состояние и эффективность воспитательной системы образовательных учреждений, в частности наличие системы работы по гражданскому и патриотическому воспитанию школьников, формированию у них толерантного сознания, укреплению межнациональной дружбы, профилактике экстремизма в молодежной среде, анализировались избранные методы и формы воспитательной работы. В конкурсе принимало участие 50 образовательных учреждений г. Воронежа. В финал вышли 15 из них.

Жюри смотра-конкурса отметили использование интересных форм работы в ряде образовательных учреждений, принимавших участие в конкурсе. Так, лицей № 8 в ходе преподавания элективных курсов «Права ребенка в Европе», «Проблема смертной казни в современном мире», «Чеченский вопрос: история и современность» использует дискуссионные формы работы. Гимназия № 1 предлагает своим учащимся углубленное изучение основ толерантности по программе спецкурса «Педагогика толерантности». Муниципальное образовательное учреждение № 1 уже в течение трех лет проводит «Уроки дружбы», способствующие развитию интереса к культуре и традициям разных национальностей, формированию толерантного отношения к людям других национальностей. Средняя общеобразовательная школа № 87 совместно с общественной организацией «Российско-Туркменский Дом Дружбы» ежегодно участвует в Международном конкурсе «Туркменистан. Что я знаю о нем?».

Заключительным этапом смотра-конкурса было проведение праздничного концерта «Дружба народов», где проходило награждение победителей конкурса, которые продемонстрировали друг другу национальные костюмы, песни, танцы, стихи. В конкурсе принимали участие украинцы, туркмены, турки-месхетинцы, чеченцы, таджики, дагестанцы, армяне, азербайджанцы.

Наряду с мероприятиями, инициированными государственными и общественными органами, в Воронежской области сложился опыт развития национальных школ. За последние 10 лет предпринимались попытки открыть грузинскую, азербайджанскую, украинскую и греческую школы. Но ни одна из них не функционирует полноценно, с полным комплексом учебных занятий: в грузинской и греческой школе существуют только курсы обучения, соответственно, грузинского и греческого языков, украинская школа больше привлекает дополнительными занятиями пением, танцами, рукоделием, азербайджанская школа закрылась через месяц после объявления о своем существовании.

Заслуживает внимания работа армянской школы, которую можно обоснованно назвать полноценной школой. Учреждение существует уже более 10 лет. В школе 3 ступени обучения: с 3-го по 6-й класс, с 6-го по 7-й, с 7-го по 9-й классы. Следуя дифференцированному подходу, ученики каждой возрастной группы разделены на 3 подгруппы по уровню владения армянским языком: не говорящие и не читающие на армянском языке; читающие, но не говорящие на армянском языке; говорящие и читающие на армянском языке. Преподают в школе только носители языка. В процессе обучения дети изучают следующие предметы: история Армении (80 часов), армянский язык и литература (80 часов), география Армении (80 часов), история славянского народа (12 часов), танцы (20-40 часов), музыка (40-50 часов), изобразительная деятельность (40-50 часов). Школа работает по учебному плану (на армянском языке), составленному завучем школы. Занятия проводятся по воскресеньям, в среднем — 6 уроков. Кроме учебной работы в школе часто организуются праздники с привлечением родителей, друзей, общественных организаций. Атмосфера в школе — семейная, директор школы проводит широкую просветительскую работу, он хорошо знаком со всеми родителями детей, посещающих школу (в настоящее время 86 человек учится здесь). Свою цель он видит и в оказании помощи смешанным супружеским парам, с тем чтобы помочь, «смягчить» национальные различия в подходах к семейным взаимоотношениям, к особенностям воспитания в разных культурах. Он гордится тем, что за 9 лет существования школы и работы с родителями среди них не было зарегистрировано ни одного развода. Школа получила поддержку правительства Армении, которое полностью обеспечивает ее учебниками, учебными пособиями, дидактическим и иллюстративным материалом. Гордость школы — библиотека армянских книг, насчитывающая 200 изданий. В школе хранятся фотографии праздников: Дня Армении, Дня принятия христианства в Армении, Дня памяти жертв землетрясения в Армении, а также традиционных праздников — Рождества Христова, Международного женского дня, Дня защитников Отечества, Дня освобождения г. Воронежа от немецко-фашистских захватчиков. В ближайших планах школы — возможность выдавать ученикам свидетельство Армении об окончании общеобразовательной школы, что позволит выпускникам поступать в вузы не только России, но и Армении. Целью работы школы коллектив считает распространение армянской культуры (знание национальной истории, литературы, музыки, традиций), установление взаимоотношений с сообществом, изучение его особенностей.

Кроме того, в Воронежской области сложился успешный опыт адаптации детей-мигрантов в условиях общеобразовательных школ. Например, функционирование социально активных школ при Курбатовской и Углической средних общеобразовательных школах под патронажем Воронеж-

ского государственного педагогического университета. В указанных школах ученики дополнительно изучают русский язык, историю и географию по системе компенсаторного обучения, когда учитель дополнительно занимается с отдельными учениками по индивидуальной программе. Устьевская средняя общеобразовательная школа реализует экспериментальные программы обучения детей вынужденных переселенцев (по предметам «русский язык», «математика», «физика», «история»), ориентированные на их скорейшую адаптацию в социуме. Акцент делается на участии в совместной, групповой деятельности местных детей и вновь прибывших, стимулировании соревновательности только по личностным факторам.

Социально активная школа предполагает высокий уровень активности учеников на уроке, стремление к открытости и сотрудничеству, побуждает учащихся рассматривать свои личные, индивидуальные планы и желания также в контексте коллективных общественных интересов, что помогает им освоить необходимые знания и умения, в том числе и по русскому языку.

Важное значение имеет ознакомление всех обучающихся с культурными особенностями народов мира, воспитание чувства уважения к национальным традициям через проведение занятий по народному промыслу, танцам, отмечание национальных праздников с параллельным изучением истории этносов. С одной стороны, происходит вовлечение детей в новую незнакомую им культуру, с другой — в общую атмосферу привносятся элементы национальной культуры обучающихся в классе детей. Таким образом происходит формирование идеи многообразия традиций, культур, религий, что способствует формированию толерантности к другой культуре, этносу.

Велика роль в процессе социальной адаптации этнических диаспор, помогающих приспособиться к новым бытовым условиям, трудоустроиться в незнакомом социуме, имеющем свои особенности.

В рамках младших классов под руководством психологов проводятся специальные игры, направленные на сплочение детского коллектива, в старших классах — тренинги.

Взаимодействию учеников помогали также различные внутришкольные мероприятия, среди которых можно выделить следующие:

- вечер танцев (в этот вечер были активно вовлечены дети переселенцев, что помогло им раскрыть свой творческий потенциал, а также продемонстрировать свой национальный танец и таким образом познакомить всех учащихся с частью своей культуры);

- вечер поэзии (учитель готовил программу вечера таким образом, чтобы прозвучали стихи русских поэтов на русском, азербайджанском, армянском, украинском языках, а также стихи национальных поэтов на языке оригинала);

- КВН (между сборными командами родителей, учеников и учителей) и многие другие мероприятия.

В качестве прогнозирования развития миграционных процессов в Воронежской области можно выделить следующие *направления совершенствования процесса адаптации мигрантов к новым условиям их проживания*:

1. Создание комплекса нормативных документов, определяющих статус, права и функционирование этнических диаспор на территории Российской Федерации, направления сотрудничества государственных органов власти с ними.

2. Создание для детей-мигрантов интенсивных программ обучения русскому языку, подготовка учителей, способных работать по данным программам. Привлечение родителей к процессу обучения с целью оказания помощи детям и совершенствования собственной языковой подготовки. Распространение опыта школ, уже работающих по компенсаторным программам обучения детей-мигрантов.

3. Организация совместной работы этнических диаспор и представителей различных национальных групп с государственными органами, социальными работниками, психологами, педагогами по социальной адаптации к условиям иного социума.

4. Разработка программ поликультурного образования для школ и для вузов, способствующих формированию толерантности к иным культурам, этносам.

5. Учет различий вероисповедания представителей разных конфессий в жизнедеятельности населения области.

6. Обеспечение психологического сопровождения для адаптации к учебной деятельности детей-мигрантов.

7. Создание переходных программ для компенсаторного обучения детей-мигрантов. Привлечение родителей к составлению и внедрению этих программ будет способствовать их вовлечению в систему обучения, привлечению их на сторону школы, а с другой стороны, это будет обеспечивать поддержку учителя при выполнении учеником домашних заданий.

Несомненно, ни один человек не может существовать изолированно, без общения с другими людьми, особенно если мы говорим о школе. Вся учебная деятельность осуществляется в процессе общения, и если этот процесс нарушается, то впоследствии нарушаются процессы образования и воспитания ребенка. Поэтому главной задачей педагогов можно назвать выстраивание общения с детьми, а также организацию их общения со сверстниками таким образом, чтобы оно способствовало процессам обучения, воспитания, развития и саморазвития личности ребенка. Это трудная задача, и она должна решаться не только на уровне классов, но и на уровне всей школы.

Итак, исследование социально-педагогических проблем Воронежского региона, обусловленных миграционными потоками, позволило выделить основные направления совершенствования процесса адаптации мигрантов к новым условиям их проживания, которые необходимо учитывать в подготовке педагогов для работы с ними.

Полина Бороздина,
кандидат филологических наук

ДОРОГА НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

(Из университетских воспоминаний)

ФАКУЛЬТЕТ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ

В начале 1960-х годов на филологический факультет стали приезжать студенты-иностранцы. Вначале немцы-стажеры. Это были взрослые мужчины, участники Великой Отечественной войны, прошедшие через наши лагеря для военнопленных. Они хорошо говорили по-русски и были искренне к нам расположены. Потом появилась молодежь. Одни — на год (стажеры), другие — на пять лет. Немецким ребятам было трудно привыкать к нашим обычаям, особенно к коллективизму. Помню эпизод. Группа русских и немецких студентов под руководством Антонины Тимофеевны Абрамовой поехала в выходной день в лес. В полдень устроили завтрак на траве. Антонина Тимофеевна приказала расстелить бумажные скатерти и сама первая выложила на общий стол привезенную с собой еду. Русские студенты тут же последовали ее примеру, а немцы уже расселись, каждый по своим кустикам, и приготовились завтракать. Антонина Тимофеевна со свойственной ей добродушной распорядительностью скомандовала: «А ну, несите-ка все свои припасы сюда и садитесь вместе с нами». Немцы были так удивлены и смущены, что сначала не могли даже есть, но потом примирились, и завтрак прошел весело и оживленно. Надо сказать, что немецким студентам обычай совместных завтраков очень понравился, и с тех пор не вызывал ни удивления, ни тем более протеста. Они очень быстро восприняли наши обычаи и даже полюбили их.

Учились они старательно и к 3-му курсу уже не отличались от русских студентов, а в чем-то и превосходили их (главным образом, своей старательностью и точностью). Такими же старательными и точными были и венгерские студенты. Хорошо учились и англичане, и французы, и австрийцы, и датчане. Впрочем, это были стажеры и аспиранты. Мне запомнились австриец Алоис Воланд и англичанка Аланна тем, что открыто спорили со мной. Наши деловые встречи всегда заканчивались

идеологическими диспутами. Помню один такой диспут с Алоисом, который утверждал, что нам мало платят за нашу работу. Я предложила прибавить к зарплате дешевый хлеб, дешевые лекарства, транспорт и, наконец, жилищные расходы. Когда я сказала, что за свою отдельную квартиру (три комнаты) вместе со светом и телефоном плачу в месяц 15 рублей, он был поражен. Больше мы об этом не говорили. Алоис занимался у меня творчеством М. Булгакова, слушал курс истории русского театра XX века, часто бывал у меня (консультации со стажерами и дипломниками я обычно проводила дома, благо к услугам нашим была моя достаточно богатая библиотека). Впоследствии он успешно защитил диссертацию у себя в Инсбруке и потом еще раз приезжал в Воронеж уже в период перестройки. Тут уж наше свидание прошло без споров. Он ничего не мог понять в наших делах и видел, как я удручена всем происходящим. В последний раз он был у меня уже с женой. Алоис — один из тех, кто мне запомнился навсегда. Надеюсь, что и он вспоминает наши длительные консультации-диспуты.

Помню один эпизод, связанный с Аланной. С ней мы также нередко вступали в спор. Надо сказать, что я их не избегала, так как была уверена в своей правоте и немало имела аргументов для защиты своих убеждений. Потом я была убеждена в честности людей, так открыто вступавших в спор со своим руководителем. Те, кто приезжал не для учения, а для других, прямо скажем, шпионских целей, не спорили, наоборот, соглашались, потихоньку выведывая настроения наших преподавателей.

Так вот, с Аланной мы спорили по проблемам национальных отношений. Она была убеждена в том, что Россия является метрополией, а Средняя Азия — колонией. Приехала она в Воронеж с темой, связанной с культурой Тимуридов. Узнав, что в плане ее работы есть командировка в Среднюю Азию, я не стала спорить, а предложила ей самой понаблюдать за уровнем жизни жителей Самарканда, куда она и должна отправиться. Мы с ней стали усиленно заниматься изучением истории культуры XV века и прекратили все дискуссии. Аланна оказалась очень способной девочкой: много работала и отправилась в командировку относительно подготовленной.

В Самарканде Аланна много работала, была в Бухаре, в Ташкенте, в других городах Узбекистана, а приехав, растерянно сказала: «Я запуталась, Полина Андреевна. Я была убеждена в том, что Средняя Азия — колония России, но, пожив там, убедилась: узбеки живут гораздо лучше, чем русские». Я засмеялась: «Вот такие мы колонизаторы». Не знаю, что она потом писала о нас в Англии. Надеюсь, что Аланна осталась такой же искренней, какой я ее знала.

Были и несуразности, причем разного рода. Так, две мои стажерки из Голландии повели себя в нашем общежитии непозволительно вольно. Мне предложили провести с ними беседу. Девушки изумленно меня выслушали и потом сказали: «А Вы знаете, что нам уже давно за двадцать? Мы охотно слушаем Ваши рассуждения о литературе, но вот о нашей нравственности позвольте побеспокоиться нам самим». Что оставалось делать? Пришлось прибегнуть к вариациям на тему о чужом монастыре и своих уставах. В конце концов, договорились, что в дальнейшем они будут вести себя скромнее. Расстались мы довольно холодно.

Это, конечно, комическая история. Была и неприятность. У меня занималась стажерка из Франции с русским именем Лидия. По ее словам, ее предки — выходцы из России. Во всяком случае, по-русски она гово-

рила лучше других. Однако к своим занятиям относилась, как говорится, спустя рукава. К нашей стране была настроена неважно, а у меня почему-то не было желания переубедить ее. Не было и обычного теплого чувства. Интуиция не обманула меня. В один из первомайских праздников Лидия с какими-то своими друзьями занялась тем, что стала срывать на одной из улиц Воронежа красные флаги и рвать их. Разразился скандал, который удалось погасить проректору по работе с иностранными студентами. Лидия долго извинялась передо мной, уезжая, подарила мне книгу о Провансе. Я вежливо с ней попрощалась, но в душе надолго сохранила неприятное чувство.

Надо отдать должное: преподаватели факультета были внимательны к иностранцам: приглашали в гости, ходили с ними в театры и кино, ездили на различные экскурсии. Я сама возила немецких студентов-стажеров в Среднюю Азию, где мы посетили города: Ташкент, Самарканд и Бухару.

Предварительно прочитав им курс лекций об истории и культуре этих прославленных городов, я и в поездке играла роль не только руководителя (забот было много, хотя ребята были дисциплинированы и послушны), но и экскурсовода, когда это требовалось. Студенты с интересом осматривали достопримечательности городов, сама я узнала много нового и полезного для меня.

В поездке я, конечно, наблюдала за своими подопечными. Внешне все шло тихо и пристойно, но я, к удивлению своему, стала замечать, что у немецких студентов отсутствует или недостаточно выражено чувство товарищеской взаимовыручки. Если кто-то из них опаздывал, то я ни разу не слышала: «Давайте подождем...», наоборот, постоянно звучало: «Поехали. Пусть в другой раз не запаздывают...» Или еще. Мальчики никогда не уступали места не только своим девочкам, но и нашим молодым преподавательницам. Исключение делалось только для меня. Со мной в поездке была ученица Ильи Николаевича, историк И.И. Романова. Так она не удивлялась, так как несколько лет работала в Германии и привыкла к немецкому индивидуализму. Позже мои ученицы-немки признавались, что многие черты русского общежития им нравились и были ими восприняты. У меня осталось хорошее впечатление от нашей экскурсии, но должна признаться, что после нее я стала больше уважать наших «плохо воспитанных», но добрых и уважительных к старшим студентов парней.

Запомнились два эпизода. В Самарканде однажды мы довольно долго ждали группу студентов. Шофер-узбек нервничал и упрекнул меня за бездействие. «Да отругали бы Вы их хорошенько!» — с досадой воскликнул он. Но, узнав, что перед ним иностранцы, сразу как-то подобрел и сказал: «Так это не наши... Ну, ладно...» Слово «не наши» живо напомнило мне давнишний разговор с туркменом, посадившим меня в свою арбу, запряженную двумя верблюдами. «Мугаллым (учитель), — спросил он, — почему наши отступают?» (дело было в первый год Великой Отечественной войны). Не русские, не Красная Армия, а «наши» — понятие, рожденное советским временем. Оно не было выдуманно пропагандистами, оно существовало в действительности...

Начало нашего «романа» с иностранными учащимися совпало со временем, когда я была деканом филологического факультета, и я оказалась у истоков организации подготовительного факультета. Сначала подготовительное отделение было на нашем филологическом факультете, а затем

выделилось в самостоятельную единицу. Занятия первоначально шли главным образом с вьетнамцами. Это был период американской агрессии, и мы все называли Вьетнам «героическим Вьетнамом» и, надо сказать, искренне их уважали. Среди наших студентов было немало участников войны. Дисциплина в группе была железной, судьбу каждого решала группа. Ее староста мало что рассказывал о жизни коллектива, но все же до меня кое-что доходило. Мы знали, что жили они исключительно скромно, отдавая половину своих стипендий в фонд обороны Вьетнама. Учились усердно, хотя русский язык давался им очень трудно, особенно произношение. А технических средств обучения тогда фактически не было, так что приходилось учить их буквально «с голоса». Ездил в университет Дружбы народов им. П. Лумумбы, но они мало чем могли помочь мне. Потом с течением времени все наладилось. Вероника Павлова была энергичным деканом и много сделала для нормальной работы подготовительного отделения.

Отношения с вьетнамцами были хорошими. Не обходилось, правда, и без конфликтов. Я помню два. Когда были события на Даманском, вьетнамцы (некоторые) стали сочувствовать Китаю, который якобы помогал им в борьбе с американцами. Так, один парень ходил по коридору во втором общежитии с включенным транзистором, из которого звучала китайская музыка и со значком Мао на лацкане пиджака. А у одного из наших студентов брат был не то ранен, не то погиб на Даманском. Он попросил вьетнамского парня выключить китайскую музыку. Тот отказался, и тогда русский студент ударил вьетнамского. Все это грозило скандалом, однако вьетнамцы заявили, что разберутся сами, и просили не доводить дело до ректора. И разобрались. Как я потом узнала, они во всем обвинили своего земляка, как-то наказали его, и дело окончилось миром.

Второй конфликт был между вьетнамцами и англичанами. Он тоже не получил широкой огласки. Английские студенты опубликовали статью в газете «Гардиан» о своем житье-бытие в советском студенческом общежитии, причем, довольно ядовитую. Попутно они презрительно и оскорбительно отозвались о вьетнамцах. Дело получило огласку, и вьетнамские парни, особенно участники войны, решили проучить своих обидчиков, применив приемы каратэ. Узнав об этом, brave англичане струсились и стали просить защиты у соответствующих органов. А некоторые из них попросту сбежали из Воронежа. Вьетнамские студенты решили ограничиться лишь угрозами. Я узнала об этой истории от своих друзей вьетнамских студентов. Вообще-то они были очень скрытными, о чем иногда жалели сами. Так, я услышала от одного своего ученика признание в том, что они завидуют нашей открытости и жалеют, что не могут высказать своих добрых чувств симпатичным им людям. Помню студентку Тху. Она отличалась от своих товарищей открытостью характера, прямоотой, искренностью, и ее они за это осуждали. Мы с ней подружались, но уехала Тху в обиду на меня. Однажды она спросила: не подарю ли я всю свою библиотеку Вьетнаму. Мое шутовское «Конечно», Тху приняла за согласие и, уезжая, потребовала, чтобы я выполнила обещание. Доводы товарищей о том, что осуществить это по разным причинам невозможно, она не принимала. На мой вопрос: «А как же я буду дальше работать без своих книг?», не захотела ответить. Так и уехала, обидевшись. Некоторое время мои ученики писали мне, один из них, Ле Дык Тху, даже приезжал после защиты докторской диссертации, чтобы поблагодарить меня, Т.А. Никонову и своих друзей за помощь и сочувствие.

Думая о работе с вьетнамцами, понимаю, что наш университет принес большую помощь этой поистине героической стране, сейчас уверенно набирающей темпы развития.

Были ли в общежитии или в аудиториях столкновения студентов разной национальности? Фактически, нет. Правда, однажды могла случиться беда. Испортились отношения со студентами из Сомали, причем, совсем не на национальной почве. Причины были связаны с возрастом студентов, с их разборками из-за девушек. Вместе с тем имела место, видимо, и какая-то провокация. И надо сказать, что наши, советские студенты, в этом конфликте повели себя очень достойно. Я об этой истории узнала от Саши Валагина, непосредственного ее участника. В один из вечеров сомалийский студент грубо оскорбил его. Товарищи вступились. Создалась кризисная ситуация. В коридор второго общежития вышли почти все иностранные студенты и местные студенты-юноши. Сомалийцы явно задирались, вызывая на драку. К счастью, наши поняли, что может из этого произойти. «Мы, — рассказывал Саша, — буквально замерли, сжав кулаки, так что ногти впились в кожу, сдержались, и все обошлось. Как было тяжело, если бы знали». «Выдержали», — со вздохом облегчения сказала я.

Были шутки, розыгрыши, но конфликтов не было. О ксенофобии мы и понятия тогда не имели. А уж о расовой дискриминации и говорить нечего.

Правда, вспоминается один забавный случай, относящийся к первому году пребывания у нас в Воронеже студентов из Центральной Африки. Однажды один, черный как смоль, юноша пожаловался мне. Шел по проспекту Революции, а навстречу ему идет женщина, по-видимому, приехавшая из глубинки. Остановившись в изумлении, она подошла к парню, достала носовой платок и потерла им кожу руки африканца. «А я-то думал, что у вас нет расизма», — с горечью сказал юноша. Я едва не рассмеялась, но, сдержавшись, серьезно сказала ему: «Представьте себе джунгли, где живет племя, никогда не видевшее белых людей. Как бы они восприняли появление белого человека? Эта женщина просто не подозревала о существовании чернокожих, вот и повела себя с непосредственностью дикаря». К моему облегчению, парень меня понял и рассмеялся.

В том, что так мирно жили у нас в Воронеже «дети разных народов», большую роль играли наши преподаватели и, конечно, комсомол. Да и вся атмосфера советской жизни. В голову никому не приходило, что можно обидеть темнокожего только за то, что он с виду не такой, как мы. Конечно, здесь много делали проректоры по обучению иностранных учащихся, сначала И.Н. Зорников, а затем В.В. Гусев. Вся система работы с иностранцами была продумана и подчинена строгим законам интернациональной солидарности.

Разумеется, обучение иностранцев в нашем университете не обходилось без представителей этих стран и разного рода приемов, связанных с их посещением. Так, однажды мне пришлось принимать участие в приеме, который устроили в честь ректора Сомалийского университета проректор по науке профессор Л. Залукаев. Незадолго до этого у нас открыли кафедру ядерной физики, мы стали «ужасно секретными» и несли эту секретность с важным видом. Нас всячески предупреждали о возможности шпионажа и всевозможных последствиях нашего легкомыслия. Надо сказать, что все это не было только шпиономанией, как любили говорить

некоторые легкомысленные люди. К нам, действительно, приезжали под видом стажеров разведчики, но, уж, наверное, не для того, чтобы выznать наши университетские тайны.

Так вот. Перед приездом сомалийского профессора с деканами была проведена соответствующая беседа, и они во время приема не только не говорили лишнего, но и вообще молчали. Создалась напряженная обстановка, и бедный сомалиец совершенно растерялся. Мне стало стыдно за своих коллег, и я, имея большой опыт общения с учеными, завела с ним непринужденную беседу об истории Сомали, о культуре животных, о том, какую роль в жизни сомалийцев играют верблюды, сама стала спрашивать об обрядах сомалийского народа и т.д. Мои коллеги с опаской смотрели на меня, а гость разговорился, и наш диалог разрядил обстановку. На следующий день был прием у В.В. Гусева. Тут все было по-другому. В.В. Гусев был одним из учеников И.Н. Бороздина, и я сразу же узнала его школу. Ведь Илья Николаевич работал в Ассоциации востоковедения и затем в ВОКСе, очень хорошо знал все тонкости дипломатического общения и делился своими впечатлениями со своими аспирантами. Наш проректор держался так приветливо и свободно, что прием прошел, как написали бы газеты «в дружеской и непринужденной обстановке». Через несколько дней переводчик, доцент кафедры английского языка А. Старков, провожавший гостей в Москву, зашел в деканат и передал мне вместе со словами благодарности за теплое отношение значок сомалийского университета.

Время моего деканства совпало с появлением на факультете студентов из Киргизии. Этому предшествовало посещение Воронежа Ч. Айтматовым, тогда уже прославленным и популярным писателем. Киргизы учились у нас 15 лет. Я много лет, уже после ухода из деканата, была их куратором, их «мамой», как они меня называли.

Среди первой партии приехавших студентов были ребята, окончившие русскую школу, и те, кто учился в национальной. Это сразу же создало определенные трудности и неравенство положения. Помню первую встречу в деканате с только что приехавшими первокурсниками. Поздоровались. Спрашиваю одного: «Как с русским языком?». «Не жалуясь», — отвечает. Ну, думаю, этот пойдет. И действительно, все пять лет учился благополучно. Второй обращается ко мне традиционно, по-киргизски: «Женге!» Говорю: «Меня зовут Полина Андреевна. Так у нас обращаются к преподавателю, по имени и по отчеству». Этому студенту было трудно учиться, но (его звали Самиддин) он благополучно закончил обучение, писал дипломную работу у меня. Потом приехали другие ребята. Одни удержались, справились со всеми трудностями, но часть ребят пришлось отчислить — одних за неуспеваемость, других за слишком «веселое» поведение. Но таких студентов было мало. За 15 лет мы подготовили большое количество учителей русского языка. Жизнь у всех выпускников из Киргизии сложилась по-разному, но порядочных специалистов оказалось немало.

Я их любила, разумеется, всех по-разному, бранила, утешала, помогала, чем могла, они отвечали мне теплом и уважением. И до сих пор в письмах они вспоминают о Воронеже хорошо, а меня благодарят за заботу и постоянное внимание.

Очень хорошо работали киргизские студенты в колхозе, куда все студенты выезжали, чтобы помочь в уборке урожая, о чем мне не раз докладывал их неизменный руководитель, преподаватель И.А. Стернин.

Учились киргизы по-разному: одни старались, другие тратили время на развлечения. Пришлось несколько человек исключить. Одни из них вернулись домой, другие перевелись в Мичуринск, в пединститут, где требования были несколько слабее.

Особенно боялись они Р.К. Кавецкую, которая требовала основательных знаний курса «Современный русский язык» и школьной грамматики. Как-то она показала мне забавную запись на обложке программы курса. Готовясь к сдаче экзамена, Шайбек Джумабаев написал: «Бой между Р.К. Кавецкой и Джумабаевым состоится 30 июня 1970 года в 34-а аудитории».

Для победы от студента Джумабаева требуется отлично выучить срля (современный русский литературный язык — П.Б.) и решительно наступать. Но если Раиса Куприяновна начнет атаковать, то надо выжидать и контратаковать. Таков план младшего лейтенанта Джумабаева». Экзамен парень сдал, но на какую оценку — не помню.

Студенты плакались мне на суровые требования преподавателя, а сдав экзамен благополучно, никогда на нее не обижались. Я хоть и ругала их, но всегда заступалась и помогала, за что они были мне благодарны. Об этом как-то написала мне бывшая моя дипломница Рая (Рыскуль) Доскеева. На мой вопрос, пригодились ли ей полученные знания, Рыскуль ответила утвердительно. Она пишет, что, где бы ни работала, «всегда отличалась чем-то в работе и всегда была в числе первых: профессионализм, знания, методика преподавания, организационная работа с молодежью — все это она получила у нас. По ее словам, я была ближе и роднее к киргизским студентам, чем остальные. «С Вами поговорить и поделиться было не страшно на любую тему». Сознаюсь, мне приятно было получить такое признание.

Я уверена, что наш факультет много дал братской республике, подготовив за 15 лет учителей, ученых, общественных деятелей. Работая с киргизской молодежью, я часто вспоминала годы, проведенные в туркменском ауле, и опыт работы с туркменами помогал мне.

В первые годы работы с киргизами опорой мне была Айнагуль Омурбекова, с которой мы время от времени и теперь не только обмениваемся письмами, телефонными звонками, но и личными встречами. Айнагуль приезжала в Воронеж, один раз даже с сыном и братом. Среди наших выпускников есть ученые, общественные деятели, даже генералы.

Побывала я и в Киргизии на знаменитом озере Иссык-Куль. Уж очень мне хотелось посмотреть, как бежит по его синим волнам белый пароход. Не только посмотрела, но и покаталась на нем. Пребывание на Иссык-Куле очень помогло мне: его целебные воды вернули мне потерянный голос. Поездку предложили сами студенты, путевку в пансионат достал отец моей самой любимой студентки Замиры Дербишевой. Знакомство с их семьей доставило мне большую радость. Вся семья — приветливые и добрые люди. Интересный разговор был у меня с бабушкой Замиры. Мы были в краеведческом музее, где стояла нарядная юрта и искусно сделанное (видимо, из папье-маше) конь и всадница на нем в богатом киргизском наряде. Старая женщина сказала мне: «Вот так и обманывают посетителей. Посмотрит иной и подумает, что в царское время все так богато жили. Пожалуй, и затоскует о прежней жизни». Я стала спрашивать ее о прошлом. Она отвечала не очень охотно. «Все я видела: и хорошее и плохое. Пора и умирать. Хочу, чтобы исполнилось последнее желание: побывать в Москве и посмотреть на Ленина».

Иссык-Куль — красивое и живописное озеро. Окруженное горами, на вершинах которых сверкал и переливался вечный снег, озеро казалось иногда сказочным. Вода в нем, не соленая, но не пригодная для питья, была необыкновенно сине-голубого цвета и такая прозрачная, что отчетливо было видно дно, хотя глубина там была приличная — 5-6 метров. Я обычно отплывала довольно далеко от берега, ложилась на спину и смотрела в безоблачное голубое небо. Несмотря на то, что солнце было жарким, вода оставалась до вечера прохладной. Едва оно скрывалось за горами, как наступали холод и темнота. Давали знать о себе снежные вершины гор.

Идиллию отдыха омрачала весть о холере, эмбрионы которой были обнаружены в воде озера. Нам грозил карантин (так было в Одессе), но, к счастью, никто не заболел. Однако всем сделали прививки и только тогда разрешили выехать в город. Я еще несколько дней провела в семье Замиры, а затем вылетела в Москву. С тех пор, тьфу-тьфу, освободилась от ангины и больше не жаловалась на потерю голоса. Это было благо, так как для меня — лектора, потеря голоса была бы великим бедствием.

После Иссык-Куля я еще несколько лет продолжала опекать киргизских студентов. Было всякое: и горе, и радость, и повседневная университетская суета. Приходилось вмешиваться и в ситуации, грозящие серьезными неприятностями. Так, однажды июньским вечером (было уже близко к полуночи) мне позвонила серьезно встревоженная Айнагуль: «Полина Андреевна, у нас большая неприятность. Немедленно приходите». У меня в это время жила моя хорошая знакомая Светлана В., которая училась на заочном отделении истфака. Работала она в ЦК ВЛКСМ и знала немало местных традиций и особенностей. Интуиция ее не обманула. «Полина Андреевна, — сказала Светлана. — Там что-то серьезное. Недаром Вам ночью приснился тот сон. Я пойду вместе с Вами». Действительно, ночью я видела странный сон. Всадник был верхом на могучем вороном коне. Он подал мне кружку с чистой родниковой водой и сказал: «Не всегда надо решать по закону. Иногда следует придерживаться и обычая».

Когда мы пришли в студенческое общежитие (меня там знали все вахтеры и пропустили без всяких вопросов), в одной из комнат в истерике билась студентка. Смущенные парни и девушки стояли рядом, не зная, как поступить. Девушка кричала: «Позовите милицию. Пусть его арестуют! Пусть посадят в тюрьму!». Она обвиняла очень скромного и тихого студента-киргиза в попытке ее изнасиловать. К счастью, студенты решили дождаться моего прихода. Я стала успокаивать девушку, обещала заявить в милицию, а сама чувствовала что-то фальшивое в ее криках да и не очень поверила, что студент Т. мог решиться на подобное, да еще в общежитии. Кто-то из мальчиков шепнул мне, чтобы я не верила крикам девушки, что она все придумала, чтобы отомстить парню за какую-то обиду. Мы со Светланой сразу поняли: милицию ввязывать в это дело нельзя, иначе парню грозит несколько лет тюремного заключения.

С трудом удалось успокоить разгневанную студентку. Тут подошла ко мне Айнагуль и сказала, что придумала способ уладить все миром... по обычаю. Я сразу вспомнила мой сон. Оказывается, у киргизской молодежи есть обычай: оскорбленная девушки может в присутствии определенного круга молодых свидетелей дать пощечину парню и таким образом смыть с себя пятно позора. Вот тогда мы и решили поступить не по закону, а по обычаю. Однако мое присутствие было излишним. Исполнение

приговора перенесли на следующий день. Все было исполнено по адату (обычаю) в узком кругу третейских судей. О происшествии никто, разумеется, не узнал.

Было много и других историй. Сама Айнагуль (очень красивая девушка) также попала под власть обычая. Ее похитил во Фрунзе теперешний муж, кстати, довольно симпатичный парень, и она подчинилась всему, что следует за ее похищением. Когда Айнагуль, приехав после каникул в Воронеж, рассказала мне обо всем, что произошло, я с удивлением спросила: «Зачем же ты подчинилась? Почему не протестовала, не прогнала Иззата?» Айнагуль ответила, что испугалась позора. Я знала восточные предрассудки и поняла ее. Так и живет моя Айнагуль с Иззатом, уже и детей и внуков вырастила.

Другая история была также связана с адатом, только на этот раз героем ее стал парень, дунганец по национальности. Однажды придя ко мне, Ибрагим Х. стал просить разрешения на поездку домой (жил он, кажется, в г. Токмаке, недалеко от Фрунзе). Я, конечно, спросила, что случилось, и парень поведал мне следующее. Родители сосватали ему невесту и требуют приезда. Я спросила, любит ли он свою будущую жену? «Откуда, — усмехнулся Ибрагим. — Я едва знаю ее. У меня есть другая девушка». — «И ты послушаешься! — с негодованием воскликнула я. — В наше-то время жениться по приказу!» — «Подождите, — прервал меня Ибрагим. — Послушайте дальше. Мне позвонил старший брат, которого против его воли женили родители и который чувствует себя несчастным. Он спросил меня, есть ли у меня девушка, которая мне нравится. Я ответил, что есть. Тогда приезжай скорей и женись на ней. А с родителями мы уладим». Мне стало легче на сердце. «Хорошо, — сказала я. — Поезжай. Когда вернешься, расскажи мне обо всем». Ибрагим вернулся через неделю. Он отыскал во Фрунзе свою так называемую невесту, студентку одного из вузов, и сказал ей о своих чувствах и намерениях. Оказывается, и у той был парень, но родители во что бы ни стало хотят видеть ее за Ибрагимом. Парень обрадовался и женился на той, которая ему нравилась. «Ну и что? — спросила я его. «Да отец с матерью сутки, не переставая, бранили меня». — «И чем же закончилось? — с нетерпением спросила я. «Да что... Простили потом». Такая вот история. А ведь в других случаях все было гораздо драматичнее.

Не так просто сложились судьбы других девушек-киргизок. Прожив в Воронеже ряд лет, они почувствовали себя в достаточной степени эмансипированными и многие из них уже не годились в киргизские жены.

Думая сейчас об этом, приходишь к выводу о наших ошибках, приведших страну в современное печальное состояние. Мы явно преувеличивали положительные сдвиги в характере советского человека, происшедшие за 70 лет существования СССР. Не учитывали силы национальных предрассудков и могущества такого смертного греха, как своекорыстие. Не прислушались к предупреждению мудрого Виктора Розова: «Мы выдержали испытание войной, мы выдержали испытание голодом, выдержим ли испытание сытостью?» (цитирую по памяти). Как показали последующие события в нашей стране, не выдержали, сдались...

Учились у нас и студенты из Эстонии, милые, хорошие девочки. В первые месяцы моего деканства случилось несчастье. Одна из девочек умерла от отека горла. Умерла прямо в поликлинике из-за небрежности врачей, не распознавших опасную болезнь (кажется, это был отек Квинке). Мы все были страшно встревожены. Прилетела мать с родственницей,

знавшей русский язык (мать, деревенская женщина, не понимала русского языка). Я пригласила их к себе домой, устроила у себя, старалась хоть чем-нибудь утешить несчастную мать, хоть сколь-нибудь смягчить ее горе. Выход был только один — отправить гроб с телом девушки в ее родную деревню, чтобы мать могла в любое время пойти и поплакать над ее могилой. И я решила это сделать. Пошла сначала не к ректору, а к главному бухгалтеру Ю.М. Оросу и рассказал обо всем. Он думал недолго. «Да, — сказал этот, как все говорили, достаточно сухой человек. — Мы должны это сделать. Ведь это тоже политика». И распорядился выделить нужную сумму денег. Договорились о самолете. Привезли гроб с телом на факультет, а так как времени было мало, то поставили его во дворе, принесли цветов, учредили почетный караул. Все студенты факультета прощались с умершей, говорили слова утешения матери. Я чувствовала себя виноватой пред ней, хотя понимала, что моей-то личной вины здесь нет. А мать со слезами благодарила меня и на прощание сказала (эти слова перевела нам ее родственница): «Спасибо. Никогда никому не поверю, что русские — плохие люди. Всю жизнь буду помнить и благодарить всех за помощь и сочувствие. Вы даже не понимаете, что вы для меня сделали...»

Я была потрясена ее словами. Мы не уберегли ее дочь, а она благодарит нас за доброе отношение, за самолет, который привезет тело ее дочери в родные края, и она будет лежать в родной земле...

Тогда же я узнала, какими добрыми могут быть наши студенты, если к ним по-доброму относиться. Я никогда не забуду, как они помогли мне в те трудные для меня дни. Особенно один из них — Саша Попов. Он был не очень старательным студентом, но оказался хорошим товарищем и прекрасным помощником. Я сразу поняла, как много он сделал, чтобы помочь факультету. Он оказался прекрасным организатором. Прошло много лет, уже и сын его окончил факультет, защитил диссертацию по лингвистике, а я до сих пор помню все до мелочей и храню благодарную память о тех днях и о той помощи, которую оказал мне, еще очень неопытному декану, в этом первом трудном испытании студент факультета Саша Попов.

Наши преподаватели много сил отдали иностранным учащимся, и я верю, что их усилия были не напрасны. В наше трудное время, когда стараниями «заключенных друзей» демонизируется Россия и русский народ, немало выпускников Воронежского государственного университета на всех континентах вспомнят добрым словом и Воронеж, и наше отношение к ним. Я твердо в это верю.

ЗАКОНЫ ОБЩЕСТВА И ЗАКОНЫ СЕРДЦА

Интернациональный состав студенческого коллектива филфака не мог не породить историй романтического характера. Молодости свойственно любить, не оглядываясь на всякого рода препятствия. Наивным было наше партийное начальство, надеясь на «сознательность» советской молодежи. Мы, преподаватели, ждали появления своих Ромео и Джульетт и, конечно, дождались. Суданец Тигани Гизули и русская студентка Надя В. полюбили друг друга и не захотели скрывать своих чувств.

Надя была ничем особенно не примечательна. Студентка как студентка, училась добросовестно и особенными успехами не отличалась. Тигани сразу же завоевал нашу симпатию своими незаурядными способностями и огромным обаянием. Уважение к нему на курсе было всеобщим, а

некоторые преподаватели, например, профессор В.И. Собинникова, очень ему симпатизировали. Я сама тепло к нему относилась, хотя Тигани нередко спорил со мной, особенно по вопросам, касающимся ислама. Пожалуй, именно Тигани заставил меня еще раз прочитать Коран (на этот раз в переводе академика Крачковского) и задуматься о роли мусульманской религии в мире. То, что он не боялся открыто возражать мне, вызывало только уважение.

Я внимательно стала приглядываться к юноше после его доклада (был он, кажется, лишь на втором курсе) на научной студенческой конференции. Доклад был посвящен стихотворению Лермонтова «Три пальмы». Тигани горячо возражал поэту, доказывая, что Лермонтов нарушил правду жизни, что в пустыне не мог никто и никогда срубить пальмы, что все стихотворение — неправда. Он не понял тогда иносказательного смысла стихотворения Лермонтова и анализировал его с точки зрения соответствия с правдой жизни. И хотя доклад был наивным, что-то в нем было значительное, просматривалось явное стремление проникнуть вглубь изображаемых поэтом событий. Я вспомнила об этом докладе во время защиты студентом дипломной работы. Она была уже серьезным исследованием, и Тигани докладывал о ней умно и обстоятельно. Потом после оглашения оценок (конечно, отличных) он обратился к комиссии, а в нашем лице ко всему факультету, с взволнованной и речью, благодарил нас и всю страну за тот научный и жизненный опыт, который он получил за годы обучения в университете. Стало ясно — в его лице наша страна приобрела верного и умного друга, что мы не напрасно учим иностранных студентов, что наша работа нужна и полезна миру.

Любовь Тигани к нашей советской девочке вызвала переполох в парткоме. Молодые люди объявили о своем намерении вступить в брак. Меня как декана вызвали в партком. Первый вопрос: что я намерена делать? Я ответила, что в ближайшее время приглашу их к себе на чай. «Но Вы должны отговорить их», — сказали мне. «И не подумаю, — решительно заявила я. «Как же так, — возмутилось партийное начальство. — Наша советская девушка выходит замуж за иностранца, а Вы ничего не хотите предпринимать». — «Значит, вы хотите, чтобы я после лекций о Лейле и Меджнуне, где прославляется любовь, свободная от предрассудков, в разговоре с ними утверждала бы обратное? Не выйдет!» И добавила: «Вы бы еще больше наприглашали иностранной молодежи на факультет, где учаются преимущественно девочки, и притом запрещали бы им влюбляться. Неужели не понимаете, что это и невозможно и противоестественно». В парткоме прекрасно понимали мою правоту, поэтому, проведя беседу, отпустили с миром, а потом еще и помогли добиться в общежитии отдельной комнаты для интернациональной семьи. На второй день после разговора в парткоме молодые люди пришли ко мне. За чаем я стала говорить с ними об их будущем. Говорила, конечно, мягко, сочувственно, с пониманием их положения. Разговор был серьезным и откровенным. Они мне поведали о своих жизненных планах, я им посочувствовала, ведь впереди может таиться немало трудностей. Тигани не мог остаться в Союзе, и Надя твердо решила следовать за ним куда угодно. Я спросила ее, готова ли она к серьезным особенностям положения женщин в мусульманском мире. Она ответила утвердительно, но чувствовалось, что девочка не понимает толком, на что идет. Тигани был умнее и мудрее своей невесты, но он казался уверенным, что их любовь все преодолеет. Наконец, я как-то неожиданно для себя самой, посетовала: «Ох, ребята, угораздило же

вас полюбить друг друга. Сейчас между нашими странами мир, а что будет, если испортятся дипломатические отношения и мы разорвем всякие контакты?» Тигани задумался, а потом ответил почти афористически: «Что делать, иногда законы сердца не совпадают с законами общества».

Они поженились, какое-то время жили в отдельной комнате студенческого общежития (секретарь парткома сдержал слово). Родился сын. Конечно, оказалось много любопытных, желающих посмотреть, на кого он похож. Тигани был красивым, очень смуглым, темнокожим арабом, стройным, с миндалевидными красивыми глазами. Надя — светлая шатенка. Любопытных обывателей интересовало, естественно, чьи черты унаследовал малыш. Надю это очень раздражало, и она стремилась поскорее уехать из страны. Уехали. Как будто все шло хорошо. Надя там прижилась, но предчувствия мои оправдались. В Судане совершился какой-то переворот, в результате чего многие представители компартии были уничтожены. Надя с семьей успела скрыться в советском посольстве. Вскоре их отправили во Францию, и Тигани в течение, кажется, десяти лет работал в Сорбонне. Когда в Судане стало спокойнее, они вернулись туда. Однако, напуганная пережитым, Надя не могла там жить. Она попросила разрешения поехать с сыном к матери на время ... и не вернулась в Судан. Я слышала, что Тигани навещал их в Брянске — и только. Брак распался. Что сейчас с ними — не знаю.

Были и другие примеры межнациональных браков. Так, однажды ко мне пришел полковник Н. с женой с просьбой о помощи. Его дочь, наша студентка, собралась выйти замуж на немецкого юношу. Участник войны, отец студентки, не любил немцев, и поведение дочери для него стало ударом в самое сердце. Он едва не плакал, прося меня помешать свадьбе. Я ничего не могла ему обещать. Говорила, что иногда мы бессильны в таких ситуациях, что у молодости есть свои законы, но он ничего не хотел слышать. «Я обращусь в комсомольскую организацию». — «С чем?» — «Они должны помочь мне. Ведь он — немец. Я был комендантом немецкого города, я ненавижу немцев. Они фашисты». — «Но ведь Конрад (так звали немецкого студента, кстати, очень симпатичного юношу) — член компартии ГДР», — возражала я старому ветерану. Однако он ничего не хотел слышать и ушел от меня очень расстроенным. Я обещала поговорить с молодыми людьми. Они пришли ко мне, готовые отстаивать свое право на счастье. Мне было жаль отца девушки, но, признаюсь, я была на стороне молодых людей. Да и как было не согласиться со словами Конрада: «Наши отцы воевали, но ведь мы-то выросли в другое время. Мы сейчас в дружбе. Почему мы должны нести ответственность за дела отцов? Ведь мы любим друг друга и хотим быть счастливыми». Что можно было на это возразить?

Отцу пришлось смириться. Дети поженились. Однако даром ничто не проходит, и он заболел (инфаркт) и умер в больнице. И надо же тому случиться, что умер на руках Конрада, которому пришла очередь дежурить у постели больного. Говорят, умер, приняв и оценив немецкого зятя. Сейчас я ничего о них не знаю.

Уехал в Германию со своей женой-немкой и мой киргизский «сын» Таалайбек. В его судьбе я принимала самое живое участие. Он был одним из самых любимых моих учеников. Специализировался по творчеству Ч. Айтматова, писал и защищал дельные, хорошо написанные работы. Он учился на первом курсе, когда на стажировку (в течение года) с группой студентов приехала Кристина. Молодые люди сблизились,

полюбили друг друга. Я надеялась, что расставаясь, они забудут все, что было между ними. Ничего подобного. Кристина стала писать Таалайбеку, звонить по телефону, присылать маленькие подарки. Он тоже не забывал. Не удивительно, что после окончания второго курса Таалайбек пришел ко мне с просьбой помочь ему получить разрешение на поездку в ГДР по вызову Кристины. Каюсь, я сделала все, чтобы ему не разрешили поездку. Он был слишком молод, и я не очень верила в силу его чувства к Кристине. Как-никак я ему в это время заменяла родителей и чувствовала свою ответственность за него. Не разрешила ему поехать и после второго курса. Однако когда Таалайбек стал настойчиво просить меня вызвать Кристину, я поняла серьезность его чувств и сдалась. Кристина приехала ко мне, они подали заявление в ЗАГС, но по каким-то формальным причинам не получили разрешения на брак. Здесь уже никто им не препятствовал. Это было в начале 1980-х годов, и многое изменилось. Через какое-то время я повторила вызов, и Кристина приехала уже для того, чтобы зарегистрироваться со своим возлюбленным. На этот раз ей пришлось преодолевать сопротивление матери, потерявшей под Сталинградом любимого брата. По словам Кристины, между ними произошел следующий диалог:

М а т ь : «Я не вынесу этого. Я не могу забыть, что в России погиб мой брат».

К р и с т и н а : «А где погиб?»

М а т ь : «Под Сталинградом».

К р и с т и н а : «А зачем он оказался там? Кто ждал его в России?»

Мать не нашлась, что ответить, а других аргументов у нее не оказалось. Кристина настояла на своем.

На свадьбу приехала мать Таалайбека, учительница. Ждали отца из Ессентуков, где он проходил лечение. И все они оказались в моем доме. Получилось так, что всю ответственность за происходящее взяла я. Признаться, я боялась приезда отца, который, конечно, не хотел отпускать в Германию единственного сына (остальные дети — девочки). Никаких национальных предрассудков у отца, который был журналистом и вполне советским человеком, не было. Был лишь страх расставания с сыном.

Отец приехал вечером, когда я была в театре, где выступала перед зрителями со словом о спектакле. Театр имени Кольцова находился в здании, расположенном недалеко от улицы Театральной, где я живу до сих пор. Должна признаться, что мне было страшно войти в квартиру и встретиться с разгневанным родителем моего ученика. Однако встреча произошла благожелательно, мы потом даже подружились и какое-то время переписывались.

После регистрации, где я, конечно, присутствовала, мы с Аней, матерью Таалайбека, устроили маленький праздник. Свадьба была на второй день. Она называлась тогда комсомольской и была организована кафедрой советской литературы, на которой специализировался Таалайбек, и факультетским бюро ВЛКСМ. Она оказалась веселой и праздничной. Пожив несколько дней у меня, гости мои разъехались.

По окончании университета Таалайбек уехал жить в ГДР, где живет и по сию пору. У них дочь Натали, теперь уже замужняя женщина, родился внук. Таалайбек все эти годы часто писал мне, но в последнее время что-то замолчал. Как он сейчас — не знаю. Отец его умер, мать и сестры живут в Киргизии.

Драматично сложилась судьба другой пары. Он — афганец, она

наша — воронежская. Это было в 1960-е годы, во время моего деканства. Сефатулла был одним из первых афганских юношей, приехавших к нам на подготовительное отделение. Всего их было пять человек. Четверо — симпатичные открытые парни, пятый — производил не очень приятное впечатление. Как потом я узнала, он шпионил за ребятами и они его не любили и побаивались. В это время в Афганистане был король, и большое влияние имело мусульманское духовенство. К существующему тогда режиму мальчишки относились отрицательно и очень тянулись к нашей стране.

Сефатулла был самым молодым. Ему едва исполнилось 17 лет. Он вырос без матери, с отцом, который был однолюбом, очень тосковал по рано умершей жене и, нарушая мусульманский закон, предписывающий ему жениться, чтобы у детей была мать, так и остался одиноким. Воспитателем мальчика занимался дядя, человек, как я поняла, сухой, даже жестокий. Под угрозой побоев Сефатулла вызубрил все суры (главы Корана), но правоверным мусульманином так и не стал.

Русский язык мальчишки освоили очень быстро и вскоре довольно свободно стали говорить на нем. Я была к ним внимательна, особенно к Сефатулле, который искренне привязался ко мне, даже называл меня матерью.

Пробыв год в Воронеже, Сефатулла уехал учиться в Киев в институт физкультуры. Частые наезды в Воронеж навели меня на мысль, что со студенткой, прикрепленной к нему для помощи в изучении русского языка, их связывает не только дружба. Они стали приходить ко мне вместе. Родители нашей студентки воспротивились их любви, боясь за дочь. И опять мне пришлось разговаривать с отцом девушки. Он прямо сказал мне, что Сефатулла ему нравится, но смущает иностранное происхождение. «Был бы он узбек, таджик, человек любой национальности, но наш, советский, я бы смирился, не возражал. Но Афганистан ...» Несмотря на то, что там короля сменил генерал Дауд, власть духовенства оставалась по-прежнему сильной. Были причины тревожиться. А тут еще разговор с приехавшим в Воронеж афганцем, аспирантом одного из московских вузов. Находясь в гостях, он завел разговор о наших влюбленных и прямо сказал: «Сделайте все возможное и невозможное, чтобы Тамара не уехала в Афганистан. Она там погибнет». Я не могла не поверить ему, так как незадолго до этого у Сефатуллы и его друга умерли в одночасье младшие сестры, собравшиеся поехать учиться в Союз. Ребята были убеждены, что их сестры умерли не своей смертью. Не знаю, насколько это так, но их подозрения имели основания.

Так они и расстались. Тамара вышла замуж, родила дочку. Казалось, все было кончено, но история их любви имела продолжение. Спустя какое-то время после возвращения Сефатуллы в Афганистан, я неожиданно получила письмо от него... из Болгарии. Как оказалось, Сефатулла написал и Тамаре. Она пришла ко мне, плакала, говорила, что не может несмотря ни на что забыть Сефатуллу. Ну, что тут скажешь? Оставалось лишь пожалеть их, посочувствовать Тамаре, и написать в Болгарию. В Болгарии он оказался после того, как его чуть было не арестовали на родине за революционную деятельность. Помогло избежать ареста наше посольство, которое и отправило его в дружественную нам страну. Там Сефатулла защитил диссертацию, получил гражданство и однокомнатную квартиру. Какое-то время мой названный сын жил в Болгарии, но когда в Афганистане свергли Дауда, не выдержал и вернулся на родину. По

дороге домой он написал мне письмо, где объяснил мотивы своего решения. Родина звала его, он был там нужен, поэтому не мог оставаться на чужбине. Из Афганистана я получала от него короткие весточки. А потом он замолчал. Слышала, что он, наконец, женился, что у него родился сын. Очень надеюсь, что Сефатулла жив.

Таких историй было немало. Знаю, что наши выпускники-иностранцы тепло и с благодарностью вспоминают наш факультет и меня, называя нередко второй мамой. Особенно им запомнились занятия в кабинете Ильи Николаевича, которые нередко заканчивались за столом, где я пила их зеленым чаем. Но это было, когда на занятия приходили не все. Обычно — после защиты реферата.

Очень интересно проходили практические занятия и коллоквиумы, которые я проводила сверх учебного плана. С разрешения учебной части каждая группа состояла из студентов разной национальности — немцы, венгры, вьетнамцы, англичане, африканцы размещались в кабинете Ильи Николаевича. Сидели на стульях, на креслах, на диване, оставив для меня маленькое место, сидели даже на полу, на паласе. И рассказывали мне о своих литературах, находя сходные с моим материалом сюжеты. Было интересно послушать их, ведь занятия имели целью показать, что мировая литература имеет много общего и что главным предметом ее является человек, который открывался в зависимости от климата, религии, менталитета каждого народа. Студенты понимали, что человечество едино, что все народы должны жить в дружбе, что войны приносят большое несчастье всему миру. Это была главная задача моего курса. Думаю, что мои старания не прошли даром. Когда-нибудь я опубликую письма своих, таких родных, дорогих моему сердцу учеников. А о том, как проходили занятия, следовало бы написать отдельную работу.

Надеюсь, большинство из наших выпускников (наш факультет окончили выходцы из более 40 стран) не забыло Воронеж, наши разговоры о единстве и многообразии национальных литератур и о том, как много им дал мой курс...

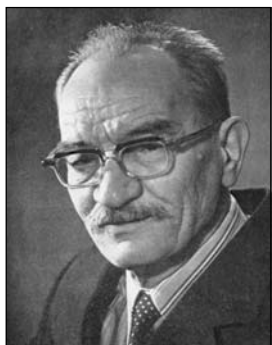
Хочу закончить эти воспоминания письмом, недавно полученным из Бишкека от моей любимицы — Замиры Дербишевой, переданное мне с оказией нашим профессором И.А. Стерниным, который был оппонентом на защите диссертации в Бишкеке. Замира у себя на родине является очень значительным лицом: доктор филологических наук, руководитель Ассоциации преподавателей русского языка Киргизии и профессор Киргизско-Турецкого университета, пользуется, по словам профессора И.А. Стернина, огромным авторитетом. Меня тронули ее слова о том, что «уроки добра и духовности», полученные от меня, подпитывали ее всегда.

С киргизами у меня никогда не прерывались связи. Они навещают меня, а Айнагуль Омурбекова время от времени приезжает в Воронеж, часто звонит.

Великим подарком для меня был недавний приезд в Воронеж моей любимой ученицы Лианы Кляйн (в девичестве Кутель). В течение трех лет Лиана изучала под моим руководством творчество литовского писателя Й. Балтушиса, выучила литовский язык и блестяще защитила дипломную работу. Сейчас она с успехом читает в Германии лекции по истории литературы народов Прибалтики. Цель ее приезда в Воронеж — сбор материалов для научной работы о литовцах в Воронеже.

Разумеется, в первую очередь Лиана посетила музей литературы, культуры и искусства, созданный в 1981 году в школе № 73 на улице Ю. Янониса выпускницей нашего факультета Тишаниновой Надеждой Васильевной, которая оказала ей неоценимую помощь. Их общение, совместная работа еще раз подчеркивают непреложную истину: никакими границами, всякими фобиями и надуманными ограничениями не разъединить людей, стремящихся друг к другу. Напротив, нужно делать все и на государственном, и общечеловеческом уровнях, чтобы этот путь был проще и короче.

Гавриил Троепольский

ГОРОД ПОМНИТ!

Очерк

Солнце еще не вставало, но уже завладело половиной неба: на горизонте оно золотисто-голубое, вверху голубовато-розовое, дальше, к западу, темновато-голубое. Три цвета, пронизанные голубизной, и никаких переходов-границ.

Утро. Весна.

Город, вполоборота, обращен грудью к восходящему солнцу.

Стою у Помяловского спуска, опершись на перила. Внизу синевато-молочный туман так плотно закрыл пойму, что кажется, пойдя напрямик — поплывешь. А в утренней дымке, что над туманом, еле-еле выступают верхушки домов на левом берегу. Тихое утро, спокойное, мирное. Хороши утренние зори в моем Черноземном крае!

И туманы утренние хороши. Люблю смотреть на туманы. Кажется, за ними скрыто прошлое. Бывает, вот так закроешь глаза и...

Встают перед тобой могучие сосновые леса, там — на левом; дубы вековые раскинули богатырские шатры свои по крутояру, здесь — на правом берегу. Глубокая и широкая река с островом посередине. Хозяин дремучих лесов — медведь; огромный и добрый зверь — лось; умный и трудолюбивый строитель — бобр; храбрый, неуклюжий, но быстрый кабан; и трепетный олень...

Может быть, поэт смотрел отсюда же, от угла семинарии, и сложил строки:

Тому давно, в глуши суровой,
Шумел тут грозно лес дубовый,
С пустынным ветром речи вел,
И плавал в облаках орел...

«...Ни где бо видети человека, точию пустыни велия и зверие множество», — записал дьякон Игнатий в конце четырнадцатого века, проезжая через эти места. То было утро Черноземного края, печальное утро моей земли после страшной ночи хана Мамаю, «быша во мнозе сила», уничтожившего русские поселения и здесь.

Время всегда покрывает историю дымкой тумана. Века уходят за веками, унося за собой города, государства, цивилизации. Туманы истории! Одни города умирают и воскресают вновь, другие так и не поднимаются, умерев однажды, третьи живут тысячелетиями. Но у каждого из них свое неповторимое утро жизни.

Мой город помнит себя с того тысяча пятьсот восемьдесят пятого года, когда он был обозначен на самом краю Московского государства. А дальше, на юг, — «Дикое поле». Город родился в боях на засечной линии, город-крепость, город-воин.

Синела степь безгранной далью,
И, притаясь за вал с пищалью,
Зажечь готовый свой маяк,
Татар выглядывал казак...

Так увидел поэт в пелене тумана утро своего города, своего края, увидел отсюда, вот с этой точки.

И кто знает, может быть, отрывок из поэмы, откуда взяты эти строки, лучше любой исторической гипотезы ляжет на сердце поколений, пронизав лучом поэзии туман истории.

Город помнит свое утро. Он помнит и восстание казака Герасима Кривушина, и подметные письма Степана Разина, и полковника Дзиньковского из Острогожска, города-побратима, решительно ставшего на сторону Разина всем полком. Город помнит и восстание Кондрата Булавина, его поражение и тягостный конец повстанцев... Город помнит! Он смолоду был боевым воином Родины, свободолюбивым, непокорным и непримиримым к угнетателям, чужим и своим.

Город помнит и царя Петра. Помнит царя-умельца, который сам себе шил сапоги-ботфорты, искусно владел плотницким и столярным инструментом, сам спроектировал корабль на 58 пушек и сам же командовал частью первого флота. И твердыня турок — Азов пал.

История русского флота начинается с Воронежа. Город помнит Петра. Стоят на часах истории Успенская церковь и колокольня Акатова монастыря — свидетели бурной Петровской эпохи. Стоит и сам Петр Великий.

А кисея тумана над рекой тает. Очертания луга проступают так, будто появляются острова, но теперь уже на светло-сизоватом фоне. И вот солнце, вполшара, брызнуло лучами на город. Он стоит грудью к солнцу! День начался. Новый день — новые дела, новые думы.

Прошлое надо помнить еще и для того, чтобы думать о будущем. И город помнит.

Ремесленные мастерские.

Заводики.

Крепостное право и нищенство...

Заводы!

Беспросветный труд одних и богатство других.

Безысходность и протест...

И вдруг взорвалось! Взорвалось «красным петухом» в степи и боевыми дружинами в городе в 1905 году. Как не помнить! Тут память города свежа и чиста, как память сердца.

Память сердца! Днем, в крутоверти жизни, она уступает место заботам дня. А ночами прошлое иногда приходит само и стучится в сердце. В такую ночь хорошо побыть у А.В. Кольцова и И.С. Никитина.

...Луна заливает город. Посеребренные ею дома чередуются с тенями. Короткие тени от деревьев дрожат и чуть-чуть покачиваются на тротуарах. Трудовой город спит спокойным сном. А тени прошлого дрожат в отблесках фосфорического света.

В эту ночь хожу по парку: от Кольцова к Никитину и обратно. От одного к другому. Они — боль сердца русского! История оперирует фактами. Поэзия — только сердцем.

Стою и будто слышу:

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Песня — стон поэта... Израненного и раздавленного «грязным миром». Но ведь это он, противоборствуя «грубой» жизни, изнывая под ее прессом, в суровой той действительности бросил клич с верой в будущее!

Размахни крылами:
Поднимись — что силы,
Может, наша радость
Живет за горами.

И он же воскликнул в письме к апостолу российской мысли, своему другу В.Г. Белинскому: «...буду биться до конца-края... и когда... упаду, — мне краснеть будет не перед кем, и перед самим собой я буду прав!»

И он упал. Упал, правый.

Через восемь лет после него другой певец России народной, измученной и убогой, напишет, будто принимая эстафету:

К чему колени преклонять?
Свободным легче умирать.

...Лунный свет. Я шагаю от одного к другому и обратно.

Глубоко и горько задумался Иван Саввич. Во всем облике — дума о Родине. И тоска. В безвольно опущенной ладони, в скорбной согбенной позе и в преклоненной безутешно голове — Россия!

Это он ей спел:

Не легка твоя будет дорога,
Но иди, — не погибнет твой труд.

И кажется: только-только он стоял на пьедестале во весь рост, с поднятой рукой и, гордый, провозглашал, как пророк:

Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут...

Но... задумался. Сел. И произнес:

Придет ли, наконец, пора,
Когда блеснут лучи рассвета...

В поэте — Россия! Это ее надежды и сомнения он пел, ее печаль и беспросветность, убожество и могущество, ее широкие степи, ее голубую даль и ее же цепи.

Позже примут эстафету и от Никитина сердца других поэтов. Но эти двое — наши родные. Они ходили по тем же улицам, где мы ходим. В нас — часть их сердец. Они для нас незабвенные вовеки.

Город помнит!
Тысяча девятьсот семнадцатый год!
За-дре-без-жа-ли осколки разбитого, окрашенные отсветом пожара.
Закачалось оно и-и-и... р-рухнуло!

Разрушали старый мир!..
Через пять дней после Петрограда — переворот в Воронеже. Чернозем бурлил. Вместе с Воронежем восстал Острогожск — старый и верный побратим-воин. Чернозем дышал гулко. Дышал трудно: то со скрежетом зубовным, сбрасывая яро и цепи, то с восхищением и надеждой — Ленин, Свобода, Революция!

Революция шла и в человеке, она прошла через каждого человека, и он сам становился иным: либо — новым, либо — отброшенным историческим взрывом, либо — смятым колесницей истории.

Да, была Россия, расколота надвое...

Нельзя забыть того кипящего времени, когда Россия, расколота надвое, — на друзей ее и врагов, — была зажата в кольце контрреволюции. Не забыть повального тифа, холеры, голода и героизма.

Россия в тисках!

А Воронеж? Воронеж оказался на границе Советской власти и Донщины — стана белогвардейцев. Будто снова город встал на грани с «Диким полем». В числе первых из городов встретил удар Каледина, Краснова, потом Мамонтова и Шкуро. Черноземный край не сдался и победил, несмотря ни на что.

Камни хранят память о героизме тех дней.

Город помнит! Тогда он вставал на ноги, как неимоверно усталый боец после победного боя, — окровавленный, в изорванной одежде, может быть, с последней обоймой патронов и с последней коркой хлеба.

Потом эти солдатские руки стали рабочими руками. Целое поколение новых, молодых рабочих рук сменило бывших бойцов.

Они строили!

Новые заводы-гиганты выросли богатырями Родины.

Городу тесно. Город прочно обосновался уже и на левом берегу реки. Здесь он — юный город. Здесь прошлое — это всего лишь вчера истории.

Вчера. Что было вчера? О, вчера для города было самым тяжким из тяжкого и самым героическим из героического. Город помнит те ночи и дни...

Была тоже весна. Весна очищенного от фашистской скверны города. Был март тысяча девятьсот сорок третьего года. Война!

Ветер в ту ночь настойчиво и напористо завывал по городу, путался и визжал в пустых прокопченных коробках, вырываясь из зияющих глазниц-окон.

Война-а! — выл ветер.

Жутко погромыхивали полуоторванные листы железа: война-а!

Ныли, кому-то жалуясь, обрывки проводов на уцелевшем телеграфном столбе: война-а!

А над развалинами моросил дождь. Казалось, разрушенный город лежал и тихонько плакал — большой, разбитый.

Но он дышал, мой город! Люди, уже обессиленные люди, пробилась через развалины в подвалы. Город жил в земле. Он дышал с переборами. И слышно было в том дыхании: война-а!

Каждый камень окроплен кровью тех, кто вел здесь бой. Тогда поэт нашего времени бросал из своего беспокойного и непримиримого сердца слова-снаряды, как из мощного орудия:

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

И бой прошел. Победный бой!

А город?.. Кое-кому казалось, потребуется лет пятьдесят-семьдесят, чтобы он встал из руин.

Вставал он сначала со стоном. Слишком свежа была память о погибших. Но вот огласил степь первым гудком первого ожившего завода. О, это уже был призыв! Жизнь началась вновь. Живые стали делать жизнь. Солдатские руки вновь стали рабочими руками!

Новые, сильные, молодые руки пришли им на помощь, а потом — и на смену.

То было всего лишь вчера истории.

...Уже утро. Утро майского дня тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Я иду через весь город, такой зеленый, просторный, новый. И нет следов от жуткого вчера, разве что попадется ветеран-дерево с изуродованным войной стволom. А на самом краю города горит Вечный огонь у памятника защитникам Воронежа, павшим «не ради славы, ради жизни на земле». В это ясное утро преклоняю пред ними голову.

...Город древний.

Город — кораблестроитель.

Город — хлебодар России.

Город Кольцова и Никитина.

Город науки!

Город молодости и песен!

Город юный!

Где же та чудодейственная сила, поднявшая тебя, мой город, так быстро из руин? Воздвигшая на пепелище громады заводов и на пустырях новые жилые микрорайоны? Где она, эта сила? Где это чудо?

...День начался. Новый день.

И вот я стою уже у ворот завода. Плотной стеной идут рабочие. Течет людская река. Течет в завод. Идут плечом к плечу. Идут рука к руке. Идут сердце к сердцу.

И в этом потоке — великая мощь.

Город мозолистых рабочих рук! Вот она, чудо-сила, поднявшая израненные города и создающая новые!

Рабочие руки славлю!

ВОРОНЕЖСКИЕ ФЕСТИВАЛИ

«ВОРОНЕЖ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ»

В Воронежском крае проживают представители более ста различных национальностей. В целях укрепления межнационального взаимопонимания и согласия в регионе учрежден фестиваль национальных культур «Воронеж многонациональный». Этот фестиваль — один из самых молодых, но в то же время самых популярных культурных проектов в Воронежской области. Это уникальный праздник единения различных самобытных традиций.

Впервые фестиваль прошел в 2011 году благодаря совместным усилиям Национальной палаты, созданной при губернаторе, управления региональной политики правительства Воронежской области, департамента культуры Воронежской области и Воронежского областного центра народного творчества и кино.

В течение двух месяцев во всех муниципальных районах области проходят отборочные мероприятия, в которых принимают участие любительские национальные творческие коллективы и отдельные исполнители, семейные ансамбли, мастера декоративно-прикладного творчества, любители национальной кухни, представители национально-культурных организаций, учреждений, пропагандирующие традиции и культурное наследие народов, проживающих на территории области.

Начиная свой путь в муниципальных районах, фестиваль приходит в Воронеж во всей своей самобытной красе. Гала-концерт — кульминация праздника. В нем участвуют лучшие исполнители, представляющие самые разные национальности с уникальной культурой, традициями, обычаями. На фестивальной сцене артисты в национальных костюмах, сменяя друг друга, исполняют русские народные, казачьи, украинские, армянские, корейские, азербайджанские, цыганские, грузинские, узбекские, турецкие и даже испанские песни. Яркие и энергичные танцы, звонкие голоса и национальные напевы, сопровождающиеся инструментальными композициями на народных инструментах, сливаются в единой палитре творчества.

Нации и народности, для которых воронежская земля стала родной, в рамках фестиваля не только поют и пляшут, но еще и демонстрируют народные костюмы, промыслы; завязывают знакомства и знакомят друг

друга со своими традициями, щедро угощают национальными блюдами и напитками. Выставочные экспозиции, творческая программа наглядно демонстрируют, что год от года фестиваль набирает силу и творческие обороты. Если в первый год проведения свое творчество представляли 111 участников, то в 2014 году их количество увеличилось в 2,5 раза.

Фестиваль «Воронеж многонациональный» стал активно действующей площадкой для воспитания толерантности и формирования партнерских связей между различными национальностями, местом, где происходит их культурное взаимообогащение. Для того, чтобы Воронежская область и Россия в целом были сильными, сегодня как никогда важно быть едиными. Необходимо сохранять атмосферу единства и межнациональной дружбы не только на фестивальной площадке, но и за ее пределами.

«МИР СТОИТ НА МАСТЕРАХ»

Областная выставка народного творчества и художественных ремесел «Мир стоит на мастерах» проводится Воронежским областным центром народного творчества и кино при поддержке департамента культуры Воронежской области вот уже около двух десятков лет. Ее цель — содействие сохранению и развитию лучших культурных традиций Воронежского края, его исконных народных промыслов и художественных ремесел: гончарного дела, вышивки, лозоплетения, ковроткачества, пуховязания, художественной обработки дерева и т. д. Каждый раз областная выставка объединяет более 150 разножанровых самодеятельных художников и мастеров народных промыслов и ремесел, а в ее экспозиции всегда представлено до 800 единиц разнообразных экспонатов, отражающих основные особенности развития традиционных и современных видов народного творчества.

Мероприятие больше напоминает праздничную ярмарку, где можно увидеть самотканые ковры, яркие рушники, плетеные изделия — от корзин до мебели, ажурные пуховые платки, глиняные свистульки и украшения из бисера, а также произведения живописи, графики (сюжеты семейного быта, сцены местных традиционных, современных и старинных праздников и обрядов, пейзажи с видами природы и достопримечательностями Воронежского края, портреты деятелей истории и культуры Воронежской области). Областная выставка «Мир стоит на мастерах» всегда вызывает огромный интерес жителей Воронежской области, гостей из различных регионов России, туристов из ближнего и дальнего зарубежья.

Работа по формированию экспозиции — очень кропотливый процесс. Здесь необходимо не только объединить единой концепцией столь разные по жанрам экспонаты, но и создать максимально информативное выставочное пространство, представив каждое изделие или картину в наиболее выгодном ракурсе. Благодаря профессиональной работе специалистов ВОЦНТиК и педагогов Воронежского художественного училища выставка всегда получается интересной зрителям разных возрастов и социальных групп.

Открытие выставки является одним из самых ярких и интересных моментов: мастера демонстрируют творческие процессы своей работы. Посетители наблюдают воочию, как обыкновенный кусок глины превра-

щается в забавную свистульку, как под кистью художницы из деревянных заготовок рождаются красавицы матрешки и трогательные новогодние сувениры, а из горсти бисера и стекларуса возникает изящное украшение.

По сложившейся традиции наибольшее количество разнообразных творческих работ представляют авторы из Острогожского, Калачеевского, Бобровского, Лискинского, Россошанского и Борисоглебского районов. Именно в этих районах на протяжении долгих лет работают Дома ремесел, клубы самодеятельных художников, картинные галереи.

Сегодня можно смело утверждать, что для каждого из работающих на территории Воронежской области Домов ремесел выставка давно уже стала своеобразной итоговой планкой, так называемым творческим отчетом.

Многим самодеятельным авторам и мастерам эта выставка помогла найти заслуженное признание и достичь успеха далеко за пределами нашей области. Получив рекомендации для участия в межрегиональных и всероссийских мероприятиях, они неоднократно удостоивались звания лауреатов в выставках, фестивалях, конкурсах, проходивших в Москве, Туле, Нижнем Новгороде, Твери, Ярославле и других городах России и зарубежья.

«НА РОДИНЕ ПЯТНИЦКОГО»

Воронежский край издавна славится своими песенными традициями. Во многих его районах праздники песни и народной музыки нашли постоянную прописку. Вершиной же всех этих музыкальных слетов является фестиваль народной песни, музыки и танца на родине известного собирателя русских песен Митрофана Ефимовича Пятницкого в селе Александровка Таловского района. Он проходит по инициативе Воронежского областного центра народного творчества и кино при поддержке департамента культуры Воронежской области. Фестиваль получил высокую оценку Министерства культуры РФ и был включен в федеральную целевую программу «Культура России (2012-2018 годы)».

Когда говорят об Александровке, представляют не само село, а многоголосье исполнителей русской народной песни, чьи переливы звучат широко и просторно, разносясь над полями. В Александровке, как и в любом другом уголке российской глубинки, всегда были уникальные голоса и преданные народной песне люди. Поэтому не удивительно, что именно сюда, на свою малую родину, приехал Пятницкий, когда начал подвижническую работу по собиранию фольклора. Здесь он впервые услышал и полюбил народную песню, которая в дальнейшем стала смыслом всей его жизни. Здесь же он нашел самобытную исполнительницу Арину Колобаеву, которая стала его своеобразной путеводной звездой. «Громадную услугу, — писал он, — оказала мне семидесятилетняя Ариноушка, которая, несмотря на свои преклонные годы, великолепно передает народные песни и знает много былин».

Заслуга Пятницкого в том, что он ценой невероятных усилий не только создал крестьянский хор с репертуаром из подлинных обрядовых песен, но и вывел это искусство на большую сцену. Причем сумел сохранить подлинную народную исполнительскую манеру и всю прелесть национального мелоса. Так мы получили богатство, которое существовало, но

было скрыто, растворено внутри повседневного быта русского крестьянина на протяжении долгих веков. Это богатство воронежцы бережно хранят и передают из поколения в поколение...

Инициатором проведения первого областного праздника песен был руководитель Воронежского русского народного хора Константин Ираклиевич Массалитинов. Праздник состоялся в 1956 году в г. Воронеже и проходил в Детском парке под девизом «Облети, наша песня, поля, города, славь родную Отчизну и счастье труда». В нем приняли лучшие певческие коллективы из более чем 30 районов области.

Праздник явился значительным событием в культурной жизни нашего края, продемонстрировал богатейшее многоцветье песенных жанров, уникальные образцы исконно народных певческих традиций. В 1986 году официальным местом проведения областного праздника народной песни, музыки и танца было объявлено село Александровка. Масштаб первых двух фестивалей впечатляет: в 1986 году участвовало 34 коллектива, в 1987-м — 43. Среди них были Государственный академический Воронежский русский народный хор и хоровой коллектив Дворца культуры металлургов г. Липецка.

Каждый раз фестиваль собирает огромное количество самобытных исполнителей, фольклорных и вокальных ансамблей со всей России, но главное предпочтение отдается народным хорам, которые хранят песенные традиции, заложенные Пятницким. К счастью, в Воронежской области таких коллективов немало. Благодаря поддержке работников культуры они живут, совершенствуются, ведут активную творческую деятельность.

Популяризация творческого наследия М.Е. Пятницкого, выявление и поддержка самодеятельных певческих коллективов, укрепление культурных связей между регионами — основные задачи, с которыми фестиваль успешно справляется.

Местные жители с гордостью вспоминают, как в разные годы в их село приезжали Государственный академический русский народный хор им. Пятницкого из Москвы, ансамбль Дмитрия Покровского, народная артистка РФ, профессор Российской Академии музыки им. Гнесиных Анна Литвиненко, исполнительница народных песен, солистка Москонцерта, заслуженная артистка РФ Надежда Крыгина, народная артистка РФ Екатерина Молодцова, народная артистка СССР Мария Мордасова. А еще был ансамбль бандуристов из Украины, певческие ансамбли из Молдавии, Чехословакии... А из других российских городов самобытных артистов побывало столько, что и не сосчитать.

Фестивальные мероприятия проходят в течение двух дней. Участники приезжают в Александровку рано утром. На подъезде к селу гостеприимные хозяева встречают их хлебом-солью. Первым делом гости спешат отдать дань памяти и уважения нашему прославленному земляку, возложив цветы к его памятнику. Они с удовольствием посещают выставочную экспозицию в Доме-музее М.Е. Пятницкого, где представлены семейные фотографии, предметы быта, рукописи, письма, документы, нотные издания, крестьянская одежда, афиши и программы первых концертов крестьянского хора, фонограф, на котором Пятницкий записывал фольклорные песни. А затем гости фестиваля разъезжаются по селам Таловского района со своими концертными программами.

Основное действо разворачивается на второй день. С самого утра на установленной под открытым небом сцене идет репетиция концерта. Потихоньку прибывают и зрители, которые торопятся занять лучшие места на скамейках, расставленных прямо на Певческом поле.

Неподалеку располагаются выставочные экспозиции муниципальных районов «Сельские подворья», представляющие традиционный уклад народного быта, художественное творчество муниципальных районов Воронежской области (старинная утварь и вышитые рушники, народные костюмы и самобытные музыкальные инструменты, поделки умельцев), блюда традиционной народной кухни. В самом центре Певческого поля разворачиваются игровые площадки, где участники и гости фестиваля могут позабавиться народными играми или поводить хороводы.

Ближе к вечеру стартует главное действо фестиваля — гала-концерт «Льется песня над Россией», одним из ярких моментов которого является появление Пятницкого (в исполнении профессиональных артистов) на тройке вороных коней. В концерте принимают участие более 500 исполнителей. Только самые яркие и самобытные коллективы, отражающие в своем творчестве региональные особенности народного песенно-музыкального и танцевального искусства, могут принять участие в заключительном концерте. Для певческих коллективов обязательным условием является исполнение народных песен, записанных М.Е. Пятницким.

В рамках фестиваля проходят творческие лаборатории на тему «Современные стили хорового исполнительства», профессиональное общение руководителей и участников коллективов.

В 2010 году Воронежским областным центром народного творчества к фестивалю был выпущен уникальный нотный сборник «Со любимой со сторонутки», посвященный 100-летию первого выступления крестьянского хора М.Е. Пятницкого. В нем опубликовано 45 песен, записанных Пятницким в начале XX века, нотации которых сделаны с архивных фонозаписей, хранящихся в Москве. Сборник получил высокую оценку руководителя Государственного академического русского народного хора им. М.Е. Пятницкого Александры Пермяковой и стал лауреатом VIII Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества.

Неослабевающий интерес к фестивалю из года в год говорит о том, что память о великом наследии Митрофана Ефимовича Пятницкого и лучшие песенные традиции, заложенные им, живы и будут здравствовать века.

«НА ТРОИЦУ»

Нередко возникает вопрос: есть ли необходимость воспроизводить тот или иной традиционный народный праздник в его первоизданной основе и целостности? Конечно же, такой необходимости нет.

Однако многие праздники не только хранятся в народной памяти, но и воспроизводятся либо в обновленном виде, либо в отдельных компонентах или символах. Значение подобных мероприятий исключительно велико: они способствуют распространению народных традиций, формируют национальное самосознание.

Основным и главным участником таких праздников является молодежь, и ничто так сильно не воздействует на нее, как усвоение народного

обычая, навсегда остающегося в человеческом сердце. Не так ли и люди в зрелом возрасте ощущают глубокое душевное волнение, соприкасаясь вновь и вновь с непрерывным обновлением жизни? Вот почему так важно, перестраивая наш быт и культуру, извлекать максимум полезного из нашего культурного наследия.

Наверное, поэтому в Новой Усмани с 1999 года ежегодно проводится областной фестиваль традиционной славянской культуры «На Троицу». Его календарные сроки всегда приурочены к православному празднику Троицы, в связи с чем фестиваль и получил свое название. Этот любимейший в народе праздник издревле отмечался на природе, и поэтому не случайно основное действо фестиваля разворачивается в красивейшем месте райцентра — на берегу заповедной реки Усманки, в березовой роще.

За годы проведения в нем приняли участие молодежные и этнографические ансамбли из Воронежской, Липецкой, Курской, Белгородской, Волгоградской, Ростовской, Астраханской, Брянской областей, Краснодарского края, Белоруссии, Украины, Литвы, Голландии, Аргентины. Их зовет сюда любовь к народным традициям и жажда прикоснуться к неиссякаемому, живительному роднику народного творчества.

Особенность этого фестиваля в том, что здесь нет постановочной режиссуры, отрепетированных номеров. Это живой, гармоничный процесс, основанный на импровизации, в который вовлекаются обычные люди. Возродить праздник в его первозданной красоте, с его обычаями и обрядами, вернуть его из забвения народу — это и есть основная задача организаторов фестиваля. А ими являются отдел культуры администрации Новоусманского района и кафедра этномузыкологии Воронежской государственной академии искусств.

В течение трех дней на Новоусманской земле звучат старинные песни и разыгрываются фольклорные представления. Для участников проходят мастер-классы и творческие лаборатории, на которых они показывают друг другу свои наработки, изыскания, фольклорные находки.

Начало праздника знаменует молебен в Свято-Казанском храме, где в исполнении всех участников творческих коллективов звучат духовные песнопения.

Основные праздничные действия разворачиваются на берегу реки: водятся хороводы, заплетаются венки, исполняются обрядовые песни и жарится традиционная яичница, которой угощают всех присутствующих.

Праздник поражает своей зрелищностью: на лоне природы с ее первозданной красотой сливаются народный талант, самобытность и безграничная любовь к своим истокам. Впечатляют не только старинные мелодии, но и старательно воссозданные народные костюмы исполнителей.

Здесь же, на праздничной поляне, мастера художественных промыслов и ремесел создают свои неповторимые рукотворные изделия: тут тебе и куклы-здравицы, набитые мятой, хвоей и чабрецом, и куклы-десятиручки — помощницы в делах, и обереги на счастье. А сколько здесь поделок из дерева — резных и расписных, глиняных горшков и игрушек, вышитых рушников, изделий из лоскутного шитья! Глаза разбегаются! Но и это еще не все: по периметру поляны располагается экспозиция «Подворья поселений Новоусманского района», воссоздающая крестьянский быт. Здесь гости могут увидеть не только русскую печь, старинную прят-

ку или ручную мельницу, но и отведать блюда традиционной русской кухни.

Безгранично радуется то, что активными участниками праздника становятся дети, взрослые, молодежь, пенсионеры. Люди, которые, может, и далеки от творчества, но всем сердцем и душой тяготеют к своему, родному, такому далекому и в то же время близкому, народному. А это значит, что праздник возвращается к жизни, крепнет и с каждым годом приобретает все больше и больше поклонников.

«АДРЕС ДЕТСТВА — ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ»

Ежегодно в Воронежской области проводятся десятки творческих мероприятий для детей. Это конкурсы, выставки, фестивали, смотры, на которых юные дарования не просто демонстрируют свой талант и способности в вокальном, хореографическом, театральном, цирковом, изобразительном и декоративно-прикладном творчестве, но и защищают честь своих районов.

В 2007 году Воронежский областной центр народного творчества при поддержке департамента культуры Воронежской области разработал новый масштабный проект — фестиваль-конкурс детского художественного творчества «Адрес детства — Воронежский край». Главными героями фестиваля стали детские творческие коллективы и юные исполнители Домов ремесел и Центров народного творчества, Дворцов и Домов культуры, сельских клубов, общеобразовательных школ и специализированных интернатов, Центров творчества детей и юношества, музыкальных школ и школ искусств.

Реализуя свою основную задачу — выявление и поддержка талантливых детей и подростков, привлечение их к занятиям художественным творчеством — фестиваль дает возможность каждому ребенку, независимо от возраста, от места проживания, проявить себя.

Самым ярким моментом фестиваля являются зональные смотры, когда каждый район показывает театрализованную программу с участием лучших детских коллективов и солистов. Именно здесь черпаются новые творческие идеи, завязываются интересные знакомства.

В рамках фестиваля проходит выставка детских работ изобразительного и декоративно-прикладного творчества, на которой можно познакомиться с такими оригинальными видами рукоделия, как гильоширование, флористика, фитодизайн, кракле, декупаж, квилинг, коллаж, оригами. Однако центральное место в выставке занимают традиционные виды декоративно-прикладного творчества: лозоплетение, бисеронизание, народная вышивка, резьба и роспись по дереву, батик, тестопластика, ковроткачество и другие.

В темах представленных работ, в особенности живописных (акварель, графика, гуашь, карандаш, пастель, масло), отражается самый широкий спектр детских впечатлений и фантазий. Здесь находят своеобразное художественное воплощение сюжеты из различных сказок и других литературных произведений, религиозные мотивы, сцены из реальной жизни юных авторов, портреты людей и животных, пейзажи, натюрморты и многое другое.

Красочность и привлекательность выставочной экспозиции обеспечивается искренностью и старательностью, которыми часто отмечены художественные работы, созданные детскими руками.

За сравнительно небольшой срок существования фестиваля в нем приняла участие около 40 тысяч детей. Для некоторых из них это стало отправной точкой в мир профессионального искусства и подарило возможность заявить о себе на весь мир. Так, после победы в фестивале-конкурсе 2008 года зажглась звезда юного певца из Нижнего Мамона Михаила Пунтова, который в составе группы «Волшебники двора» представлял Россию на детском «Евровидении — 2008», где вошел в десятку лучших. Перед многотысячным зрительным залом в городе Лимасоле, на острове Кипр, и многомиллионной аудиторией телезрителей Миша спел песню «Спит ангел». Ведущий, представляя Мишу, сказал, что его история «похожа на сюжет одной сказки», имея в виду всем известную «Золушку» Шарля Перро.

Фестиваль-конкурс «Адрес детства — Воронежский край» самый масштабный и яркий праздник детского творчества в Воронежской области. Каждому талантливому ребенку он дарит возможность проявить себя, а лучшие получают рекомендации для поступления в специальные учебные заведения культуры и искусства Воронежской области, а также для участия в межрегиональных и всероссийских фестивалях детского художественного творчества.

«ВОРОНЦОВАЯ РУСЬ»

Каменская земля издавна славится талантливыми людьми. Здесь начинала свою деятельность писатели Н.В. Романовский, И.И. Бурляев, редактор Центрально-Черноземного книжного издательства И.Е. Толстой. Нынешнее поколение бережно чтит память своих знаменитых земляков...

Главной достопримечательностью Каменского района являются Воронцовые балки в с. Ольхов Лог, где растут дикие пионы, называемые в народе воронцами. В мае они расцветают, превращая степь в яркий, словно горящий, ковер.

«Воронцовая Русь» — так называли это место каменские поэты в своих произведениях. А впоследствии по их инициативе так стал называться фестиваль поэтов-любителей, главным организатором которого был настоящий ценитель красоты, поэт-любитель Анатолий Хильченко. Идею по организации фестиваля поддержали его друзья и единомышленники — поэтесса Раиса Дерикот из Россошанского района, местный краевед Федор Воробьев и заведующая районным отделом культуры Любовь Касьянова. В 1996 году состоялось первое коллективное празднество с приглашением самых близких друзей-поэтов из соседних районов Воронежской области. Среди них были Алексей Шаповалов, Светлана Ляшова, Зоя Битюкова, Инесса Куликова, Иван Пахомов, Николай Николюкин и другие. Так зародились «Воронцовые встречи».

Вскоре эти встречи стали популярными среди поэтов-любителей и музыкантов. С 1999 года при поддержке департамента культуры Воронежской области, Воронежского областного центра народного творчества, администрации Каменского района праздник приобрел статус областного фестиваля с красивым названием «Воронцовая Русь».

Более 100 участников — поэтов, бардов, писателей в разное время съезжались на фестиваль со всех уголков Воронежской области, а также Белгородской и Московской областей, Краснодарского края, из Украины.

ФЕСТИВАЛИ, ФЕСТИВАЛИ...

«Воронеж многонациональный»

«Казачье братство»

«Савальские россыпи»

Вокальный ансамбль
«Горница» (Семилуки)

«Ратному подвигу
славу поем»

«Синяя птица»

«Мы целый год ждем этой встречи. Этим и живем», — говорят участники фестиваля, вспоминая добрыми словами основателей праздника.

Фестиваль начинается на фонтанной площади в центре Каменки, где широко и гостеприимно разворачивается ярмарка сельских подворий. Здесь же организуется выставка книг и изданий местного поэтического клуба «Родничок». В рамках фестиваля проходят встречи поэтов с учащимися общеобразовательных учреждений, выступления лучших коллективов близлежащих районов. В этот день повсюду звучат стихи и песни самодельных и профессиональных авторов, участников и гостей фестиваля. Одним из важных и необходимых мероприятий праздника является творческая лаборатория с участием членов жюри: представителей регионального отделения Союза писателей России, литературоведов, театральных критиков, обозревателей газет и журналов. Проходит она насыщенно и по-деловому, интересно, с анализом поэтических произведений.

Традиционным и самым волнующим моментом является выезд участников фестиваля на воронцовую поляну, где легко дышится настоем луговых первоцветов вперемешку с ароматом вкуснейшей полевой пшенной каши и идущего от сердца творчества, несущего свое праведное, доброе слово людям, которые к нему тяготеют и считают поэзию неотъемлемой частью духовной культуры человека.

«ЖАР-ПТИЦА»

Областной конкурс детских фольклорных ансамблей «Жар-птица» проводится на Воронежской земле с 1999 года. Красочный праздник народной песни собирает один раз в два года сотни ребятишек, занимающихся изучением народной культуры.

Обращаясь к истокам возникновения этого самобытного песенного конкурса с красивым, сказочным названием, нельзя не вспомнить, что путевку в жизнь ему дали сотрудники Воронежского областного центра народного творчества. Вначале конкурс проходил на Семилукской земле, а потом второй родиной «Жар-птицы» стал город Лиски, где фестиваль на долгие годы нашел безоговорочную поддержку и понимание. В 2015 году конкурс переехал в Бобровский район. Здесь до сих пор хранятся народные песенные традиции, которые активно передаются подрастающему поколению.

Курс на сохранение и преемственность в освоении традиционного культурного наследия, возрождение самобытных фольклорных песенно-обрядовых традиций, формирование музыкально-эстетических вкусов подрастающего поколения на основе лучших образцов народного творчества, широкая популяризация детского фольклорного движения, оказание ему всесторонней поддержки — таковы цели и задачи конкурса.

В мероприятии принимают участие детские фольклорные ансамбли, занимающиеся в районных и сельских клубах, школах искусств, Центрах творчества детей — юные, несомненно, талантливые артисты, объединенные любовью к народной песне, к фольклору, к традициям своих предков.

За время существования конкурса его участниками стали около пяти тысяч детишек. Конкурс открыл немало талантливых исполнителей, среди которых детские фольклорные ансамбли: «Дубравушка»

и «Тараторка» (Бутурлиновский район), «Купава» (Калачеевский район), «Забавушка» (Каменский район), «Селянушка» (Новоусманский район) «Ладушки» (Хохольский район). Желанными гостями этого праздника не раз становились творческие ансамбли из других регионов Черноземного края: Белгородской, Курской, Липецкой, Тамбовской областей.

Традиционными в программе фестиваля являются театрализованное открытие праздника, творческие лаборатории и мастер-классы для руководителей детских фольклорных ансамблей. Но самая яркая и интересная часть фестиваля — конкурсная программа, основанная на сценическом воплощении детского обрядового фольклора.

Неповторимость сценических костюмов участников, индивидуальность в представлении конкурсных программ, непосредственное и живое исполнение детского голоса всегда доставляет огромную радость участникам и гостям праздника. Отраднo, что детское фольклорное движение в Воронежской области набирает силу. Не вызывает сомнений, что фестиваль детских фольклорных ансамблей «Жар-птица» за годы своего существования позволил приобщить тысячи детей к народному творчеству.

«ЗОЛОТАЯ ОКОЛИЦА»

Все, кто бывал в селе Россошь Репьевского района, говорят, что место это просто сказочное. Березовые рощи, сосновые леса, бескрайние луга с травой-муравой, а в центре всего этого великолепия — храм Трех святителей. Тишина и идиллия. Наверное, именно в таких местах и рождаются поэты: такая здесь вдохновенная красота. Именно здесь с 2006 года по инициативе администрации Репьевского района при поддержке департамента культуры Воронежской области и Воронежского областного центра народного творчества проводится областной фестиваль «Золотая околица». Фестиваль посвящен памяти заслуженного артиста России, композитора, основателя ансамбля русской песни «Кольцовский край» Александра Ивановича Токмакова.

Наиболее ярким и красочным стал фестиваль, прошедший в 2011 году. С самого утра возле Россошанского сельского Дома культуры развернулись сельские подворья. Гости и участники фестиваля увидели здесь традиционные предметы быта: прялки, глиняные горшки, чугуны, русские печи, тканые ковры, вышитые рушники, гребни для волос, а также отведали старинное блюдо — катанку: пшеничную кашу с мясом. Не кашей единой угощались гости, была пицца и духовная. В фойе ДК расположилась выставочная композиция «Белым облаком память светает» о жизни и творчестве Александра Ивановича.

В фестивале приняли участие более 20 творческих коллективов и исполнителей из 12 районов Воронежской области. На празднике прозвучали русские народные песни, произведения самодеятельных авторов, в том числе всеми любимые песни Александра Токмакова. Среди них «Тропинка», «Благодарю тебя», «Играй, тальяночка». В рамках фестиваля состоялся семинар для самодеятельных композиторов и поэтов-песенников под руководством заслуженного деятеля искусств РФ, члена Союза композиторов России Владимира Наумова и члена Союза писателей России Александра Голубева.

Программа фестиваля была поделена на две части. В первой части под

названием «У околицы» выступили творческие коллективы. Во второй — был показан концерт-память «Певец Руси стозвонной» — своеобразное музыкально-театрализованное представление о детстве и юности Токмакова, о его первом знакомстве с фольклором и о любви к своей малой родине. Вот маленький Саша лежит в люльке и плачет, но подходит к нему мама или бабушка (в исполнении участниц фольклорного ансамбля с. Россошь), запекает народную песню и мальчик затихает. А вот он, боконогий мальчишка, из-за кулис подсматривает за репетицией местного фольклорного коллектива и наслаждается звуком знакомых с колыбели песен. А здесь Саша — первоклассник. Не успев переступить школьный порог, помчался записываться в кружок игры на баяне... Пройдут годы, и Токмаков возглавит районный Дом культуры в Репьевке, станет хормейстером Воронежского государственного русского народного хора, создаст ансамбль русской народной песни и танца «Кольцовский край». Свою огромную любовь к народной музыке, песням Александр Токмаков пронесет через всю свою жизнь; напишет множество стихов и музыкальных композиций...

Александра Ивановича не стало в мае 2001 года, но память о нем живет в его песнях и отраднo то, что их поет не только поколение Токмакова, но и молодые, только начинающие свой путь артисты.

«ИГРУШКА-ГОВОРУШКА»

В первый месяц осени, когда солнце еще светит почти по-летнему, а природа уже позолотила листву, в живописном уголке Воронежского края можно увидеть сказочных существ. Тут тебе и гномы, и домовые, и розовые зайцы, и барашки с золотыми рогами, и куклы-пеленашки, и бергини, и шишка-хмель с человеческим лицом и еще множество всевозможных диковинных существ из глины и дерева, соломы, теста и тряпичных лоскутков. Все они вместе со своими хозяевами, мастерами-игрушечниками, из разных регионов страны приезжают на всероссийский фестиваль народной игрушки и фольклора «Игрушка-говорушка», который включен в федеральную целевую программу «Культура России (2012-2018 годы)».

Воронежский край не случайно является местом проведения фестиваля. Здесь родились и творили известные в нашей стране мастера, которые внесли неоценимый вклад в сокровищницу национального культурного наследия России: гончар и игрушечник Василий Иванович Лямзин и сказительница Анна Куприяновна Барышникова, любовно и бережно сохранившая драгоценный кладезь устного народного творчества. О карачунском мастере Лямзине написаны научные и научно-популярные статьи, его игрушки хранятся в фондах многих музеев нашей страны, а остроумные и лаконичные сказки Барышниковой (бабушки Куприянихи) неоднократно переиздавались, и на них выросло не одно поколение российских детей.

Их наследие живет и сейчас. Рамонские мастерицы Галина Котельникова и Людмила Дедова уже более десяти лет занимаются развитием традиций «лямзинской» игрушки и делают все, чтобы она не затерялась в современном мире. Вместе с этим они создают и свои авторские игрушки. В их коллекциях можно увидеть сказочных животных и птиц, барышень и лихих наездников.

Фестиваль проводится раз в два года и собирает до 200 мастеров-иг-

рушечников, а также фольклорные коллективы из разных областей России. За 14 лет существования «Игрушка-говорушка» стала настоящим брендом Воронежской области. Сюда приезжают не только соседи из Черноземья, но и гости из северных городов, Центрального округа, из Чувашии и даже из Молдовы.

В 2015 году основное фестивальное действо прошло в Воронеже в рамках празднования Дня города. Центральная улица заперестрела лотками с дымковскими, романовскими, филимоновскими, распоповскими, чернышенскими, хлудневскими традиционными народными игрушками. Приобщить ко всей этой красоте национальных истоков молодежь, а также сохранить и приумножить народные игрушечные промыслы — и есть основная задача фестиваля. Именно поэтому на фестивале большое внимание уделяется мастер-классам, которые народные умельцы России проводят для учащихся школ, руководителей кружков декоративно-прикладного творчества клубных учреждений области и мастеров-ремесленников. Все это сопровождается выступлениями фольклорных коллективов.

Из года в год фестиваль «Игрушка-говорушка», организованный Воронежским областным центром народного творчества и кино при поддержке Министерства культуры РФ и департамента культуры Воронежской области, находит горячую поддержку среди талантливых ремесленников России, которые передавая из поколения в поколение свое мастерство, несут драгоценные крупницы многовековой народной мудрости и красоты.

«КАЗАЧЬЕ БРАТСТВО»

Невероятное веселье, дым костров, топот копыт, песенные переливы, крики «Любо!», казаки в традиционных костюмах и гостеприимные крестьянские подворья, в которых можно не только познакомиться с бытом донских казаков, но и отведать донскую кухню и традиционную медовуху. Примерно такую картину видит каждый, кто приезжает в село Колодежное Подгоренского района Воронежской области на Всероссийский фестиваль казачьего творчества «Казачье братство», главная цель которого — популяризация традиционной казачьей культуры в Черноземье.

Фестиваль был организован в 2003 году администрацией Подгоренского района, а также Союзом казаков России при поддержке департамента культуры Воронежской области. Он включен в федеральную целевую программу «Культура России (2012-2018 годы)» и регулярно получает поддержку Министерства культуры Российской Федерации.

Раз в два года в воронежскую глубинку съезжаются казацки ансамбли со всей страны: из Волгограда, Краснодарского края, Ростовской, Саратовской, Орловской областей, Ставрополя, Республики Адыгея, чтобы еще раз напомнить всем, что такое казачье братство и самобытная казачья культура. Радует, что с каждым годом появляются все новые и новые коллективы, которые с большим удовольствием принимают участие в фестивале.

Фестиваль проходит в два дня. В рамках мероприятий коллективы посещают Костомаровскую Свято-Спасскую женскую обитель. Это один из древнейших русских монастырей, основанный еще до официального принятия христианства на Руси.

Казачье гуляние разворачивается на берегу реки Дон. Режиссеры фестиваля, используя разнообразные приемы и свои профессиональные секреты, выстраивают программу так, что она воспринимается зрителями на одном дыхании. Разыгрываются театрализованные представления с участием казачьих ансамблей, конно-спортивных клубов и кадетских школ, а затем зрители от души наслаждаются песнями и плясками казаков. Один из самых ярких и эмоциональных моментов праздничного концерта — выступление профессиональных ансамблей — гостей фестиваля. На огромной поляне рядом с импровизированным зрительным залом размещается «Казачий привоз» (подворья с выставочными экспозициями, отражающие народный быт, с его укладом и обрядами). Хозяйка куреней привечают гостей прибаутками и разыгрывают сценки из народного быта. Одни замешивают пирожки, жарят их, а потом с пылу-жару угощают ими гостей, другие прядут шерсть, третьи варят квас...

Завершается казачье гуляние грандиозным праздничным салютом.

Во второй день фестиваля участники дают концерты в селах района. Проходят мастер-классы для руководителей творческих коллективов, заключительный концерт, а также церемония награждения и вручение участникам фестиваля дипломов и памятных подарков.

Однажды на одном из фестивалей мы спросили: «Чем же привлекает казаков со всей страны это небольшое воронежское село? Почему практически все, в один голос, утверждают, что только здесь они ощущают всю силу и мощь казачьего духа, братства и единения?»

— Да вы посмотрите, какие здесь места, какое раздолье, которое так необходимо казаку, чтобы было, где душе разгуляться! — ответил на этот вопрос участник ставропольского ансамбля «Казачий пикет» Николай Демченко. — А самое главное, что фестиваль проходит на Дону. Эта воспетая во многих казачьих песнях река является символом казачества. Вся ее сила и энергетика наполняет каждого из нас, и уезжать из этих мест совсем не хочется...

«ПЕСНИ НАД ДОНОМ»

Дон издавна вдохновлял писателей и поэтов, художников и музыкантов. Нередко его воспевали в стихах и народных песнях... Идея проведения межрегионального песенного фестиваля «Песни над Доном» родилась в 2007 году и принадлежит департаменту культуры Воронежской области. К реализации творческого проекта активно подключились специалисты Воронежского областного центра народного творчества и администрация Верхнемамонского муниципального района.

Место проведения фестиваля выбрано совсем не случайно. Ландшафтное расположение Верхнего Мамона исполнено той редкой центристримальной силы, которая обладает удивительной способностью всех объединить: дворами и улицами село спускается по центральной аллее к районному парку, откуда открываются широкие донские просторы. Здесь, на береговой сцене, и переливается звонкими голосами и яркими красками фестиваль.

Основные цели и задачи данного проекта — изучение и пропаганда народно-певческих традиций, привлечение внимания авторов и исполнителей к теме родного края, выявление и поддержка талантливых композиторов и самобытных творческих коллективов. Именно поэтому участ-

ники фестиваля — исполнители и фольклорные коллективы, хоры и ансамбли из районов Воронежской области — обязательно исполняют песню самодельных авторов о реке Дон или о родном крае и народную песню своего региона. За годы проведения фестиваля в нем приняли участие коллективы и исполнители Белгородской, Волгоградской, Курской, Липецкой, Московской, Ростовской, Саратовской, Тульской областей и Ставропольского края. Всего, вместе с Воронежской областью, 153 коллектива и 32 исполнителя.

Певческие коллективы Воронежской области, принимая массовое участие в фестивале, получают возможность творческого общения и взаимообогащения. Налицо творческий рост многих вокальных ансамблей. Некоторые коллективы стали вводить в свой состав инструментальную группу, что значительно расширило их исполнительские возможности, другие — ставить хореографические композиции, благодаря чему выступления получают более живыми и яркими.

Каждый раз организаторы праздника радуют и удивляют гостей и участников мероприятия новыми свершениями. Так, например, в 2007 и в 2011 годах по итогам фестивалей были выпущены нотные сборники с символическим названием «Песни над Доном», в которые вошли лучшие произведения самодельных композиторов нескольких регионов Черноземья.

Получив в 2009 году статус межрегионального, фестиваль значительно расширил свои географические рамки, благодаря чему жители Придонья снова и снова приобщаются к традиционной культуре, наслаждаются удивительной красотой народных костюмов и богатством нашего песенного наследия. Этот проект не только зрелищно-эмоциональное явление, но и форма межрегиональных культурных связей, объединяющих территории.

В этом году фестиваль вновь соберет хоровые, вокальные и фольклорные коллективы, исполнителей народных песен и частушек, мастеров игры на русских народных инструментах. И снова будут литься над вольным батюшкой Доном мелодии русской песни.

«РАТНОМУ ПОДВИГУ ПЕСНЮ ПОЕМ!»

В течение полутора десятков лет в канун великого праздника Дня Победы в Воронежской области проходит областной слет хоров ветеранов войны и труда «Ратному подвигу славу поем!». Его главной задачей является создание оптимальных условий для творческой деятельности хоров ветеранов войны и труда, привлечение внимания общественности и органов власти к творчеству людей старшего поколения, а также популяризация произведений героико-патриотической направленности отечественных композиторов и местных авторов. Благодаря поддержке Министерства культуры РФ данный творческий проект не раз получал средства из федерального бюджета.

Областной слет — это праздник для людей старшего поколения, которые через творчество ярко демонстрируют любовь к Отечеству и его героическому прошлому, что является бесспорным примером для подрастающего поколения.

Раз в два года ветеранские песенные коллективы собираются в разных муниципальных районах области, чтобы принять участие в большом концерте, который, несомненно, является главным событием областного

слета. Исполняются песни времен Великой Отечественной, современные песни о войне, сочинения местных авторов, народные песни. Среди участников — коллективы с богатой историей, не один десяток лет поддерживающие традиции ветеранского песенного творчества. Большинство из них носит звание «народный самодеятельный коллектив», что говорит о высоком исполнительском уровне. В разные годы слет проходил в Эртильском и Острогжском районах, городских округах городов Нововоронежа и Воронежа. Всего в нем принимали участие 20 коллективов из 17 муниципальных районов области.

В программе слета — шествие и возложение цветов к мемориалам воинам-защитникам Родины, театрализованные выступления творческих коллективов, работа полевой кухни. Руководители коллективов принимают участие в мастер-классах. Их периодически проводит хормейстер старейшего в области коллектива — Новоусманского народного хора ветеранов войны и труда Геннадий Павлович Лексин. Хорошая профессиональная подготовка и творческая инициатива позволили Геннадию Павловичу вывести самодеятельный коллектив на довольно высокий исполнительский уровень, и он успешно делится своим опытом с другими руководителями.

Особого внимания заслуживают старейшие участники хоров — ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, несовершеннолетние узники, пережившие ужасы фашистской оккупации. В детстве некоторые из них выступали в госпиталях перед ранеными бойцами, а сегодня их творчество помогает в работе по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, способствует популяризации песен о войне и военных лет.

В 2002 году при поддержке Министерства культуры РФ Воронежским областным центром народного творчества был выпущен буклет о ведущих хорах ветеранов войны и труда нашей области с песенным репертуаром воронежских авторов. В 2013 году ВОЦНТ издал методическое пособие для специалистов культурно-досуговых учреждений по организации досуга пожилых людей «Душа всегда пусть будет молодой!»

Областной слет, в течение многих лет проводимый Воронежским областным центром народного творчества и кино в честь Дня Победы, поддерживает деятельность хоров ветеранов войны и труда, создает благоприятные условия для развития их творчества. Эти коллективы заслуживают внимания и уважения, они активно участвуют в общественной и культурной жизни своих районов и области, ведут большую работу по патриотическому воспитанию детей и молодежи.

«РУСЬ ПЕСЕННАЯ, РУСЬ МАСТЕРОВАЯ»

Есть на юге Воронежской области уникальное село Воробьевка. Заселялись эти благодатные места в восемнадцатом веке в основном выходцами из Луганской и Харьковской губерний. Со временем свой узор в многоцветье преданий и обрядов вплели донские казаки. Ну и, конечно, по-русски, с широкой душой всегда принимали в этих краях гостей с любой стороны. Именно в таком необычном месте, где слились воедино русская, украинская и казачья культуры, с начала 1990-х годов проходит Всероссийский фестиваль фольклора и ремесел «Русь песенная, Русь мастеровая», организаторами которого являются департамент культуры Воронежской области, Воронежский областной центр народного творчества и

кино, а также администрация Воробьевского муниципального района. Фестиваль включен в федеральную целевую программу «Культура России» (2012—2018 годы) и проходит при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Три дня звенит народными песнями и радуется глаз поделками искусных мастеров придонская степь. Ведь главная цель мероприятия — сохранение и развитие культурного потенциала Воронежской области, возрождение фольклорных песенно-обрядовых традиций, художественных промыслов и ремесел.

Зрители и участники фестиваля имеют возможность соприкоснуться с древними отголосками фольклорных и песенных традиций XIX века на различных фестивальных площадках. В преддверии торжественного открытия на малой сцене фестиваля проходит концерт воронежских коллективов «Разыграйся, разгуляйся, русская душа», выставка-ярмарка сельских подворий «Воронежская слобода», а также ярмарка изделий мастеров народных художественных ремесел с демонстрацией процесса изготовления.

Основное празднество разворачивается в Ломовском природно-ландшафтном парке, на берегу пруда — в уникальном месте, впитавшем многовековые народные традиции. Здесь, на водной сцене, фестиваль открывается красочным театрализованным представлением. Все масштабные идеи режиссуры реализуются благодаря творческому союзу организаторов фестиваля в использовании современных высокотехнологических средств.

Красота природы: степное раздолье, гладь воды и тенистость деревьев гармонично сочетаются с современными идеями ландшафтного дизайна. А еще с этим местом связана старая легенда о девушке Марье, которая всю жизнь ждала возвращения с войны своего возлюбленного Ивана. В память о любви Ивана и Марьи и был разбит парк, где на одном берегу пруда высаженные деревья напоминают женский силуэт, а на другом — стоит мельница, памятник истории и культуры XIX века, символизирующая образ Ивана.

Не удивительно, что в такой обстановке дышится и поется привольно. Луг, спускающийся к пруду террасами, расцветает старинными нарядями и звенит протяжными голосами, а вокруг мельницы располагаются народные мастера. Здесь воочию можно понаблюдать за работой кузнецов и жестянщиков, гончаров и ткачих, а при желании самим получить навыки ремесла и под руководством народных мастеров изготовить различные поделки и сувениры. Таким образом, сотни детей, подростков и их родителей приобщаются к народному творчеству, являющемуся сегодня уникальным средством нравственного, патриотического и эстетического воспитания подрастающего поколения.

Фестиваль «Русь песенная, Русь мастеровая» отличается массовостью. На его мероприятия собираются до 10 тысяч человек, которые хотят услышать настоящую русскую песню, научиться ремеслу у лучших мастеров России. Дорогу в Воробьевку проторили хранители старинных традиций из Смоленска, Поволжья, Сибири, Белоруссии, Украины. Приезжали гости даже из Латвии, Нидерландов, Германии, США. А в последние годы в подготовке фестивальных мероприятий принимают участие студенты-волонтеры из Франции, Германии, Италии, Сербии, Польши.

Не только молодым, но и пожилым участникам фестиваля жалко

тратить время на сон. И дни, и ночи проходят в общении, в разговорах, в узнавании друг у друга секретов подлинности и очарования народного искусства. Но более проникновенное изучение всего того богатства, что привозят с собой самодеятельные артисты из разных регионов, происходит на мастер-классах и в творческих лабораториях под руководством ведущих фольклористов страны О.Г. Никитенко, Г.Я. Сыроевой, С.Н. Старостина, А.С. Кабанова и других. Такие мероприятия становятся серьезной диалоговой площадкой созидательного взаимодействия любителей и профессионалов.

Завершается фестиваль ярким праздничным фейерверком. Певчие и мастера разъезжаются по домам, пообещав друг другу собраться снова на гостеприимной Воробьевской земле.

В настоящее время Ломовской парк является муниципальным учреждением при отделе культуры и туризма администрации Воробьевского муниципального района. Значительно удаленный от областного центра, парк располагает перспективным туристическим ресурсом не только для жителей области и российских туристов, но интересен и зарубежным гостям. Прежде всего, как объект событийного туризма. В 2014 году фестиваль «Русь песенная, Русь мастеровая» вошел в список финалистов регионального конкурса Национальной премии в области событийного туризма «Russian Event Award» в Центральном федеральном округе как лучший проект по популяризации народных традиций и промыслов.

«САВАЛЬСКИЕ РОССЫПИ»

Областной фестиваль народной музыки «Савальские россыпи», пожалуй, самый яркий и самобытный на Терновщине. Его главным героем всегда выступала русская гармонь, а точнее — гармонист. Очень разный: задорный и грустный, торжественно строгий и безудержно веселый, еще совсем юный, молодой и уже вполне зрелый музыкант...

Свое название фестиваль получил в честь реки Савалы, протекающей по Терновской земле. Не случайно, что праздник прижился именно в Терновке. Здесь любят и хорошо знают народную музыку. Эта любовь передается из века в век, от бабушек и дедушек, от матери и отца.

Впервые фестиваль прошел в 1989 году по инициативе Воронежского областного центра народного творчества при поддержке администрации Терновского района и назывался «Никогда на Руси не умолкнут гармони». Тогда в Терновке собралось более 200 любителей самого популярного в России инструмента.

Сколько праздников прошло с тех пор! И каждый из них имел свое неповторимое лицо. Фестиваль стал известным далеко за пределами Воронежского края. За четверть века здесь побывали артисты из Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Орловской, Белгородской, Липецкой, Курской, Саратовской, Московской, Волгоградской областей. В 2008 году в нем впервые принял участие коллектив из дальнего зарубежья — Словении.

На празднике в Терновке звучат балалайки, гусли, цимбалы, жалейки, свирели, дудочки, рожки, трещетки, бубен и другие народные инструменты. Непременными и желанными гостями каждого фестиваля, по-прежнему, являются самобытные музыканты, самодеятельные коллективы и солисты.

Почетными гостями фестиваля в разное время становились народная артистка России Екатерина Молодцова, известная исполнительница народных песен, уроженка Грибановского района Воронежской области Анна Сиднина (г. Москва), лауреаты премии правительства Российской Федерации «Душа России» — самобытная частушечница из Воробьевского района Анастасия Иволина, саратовский гармонист и композитор Михаил Устинов.

В дни праздника Терновка становится одной большой сценой под открытым небом. До темна шумит, звенит голосами частушечников, перебиваями гармони площадь в центре села.

«Савальские россыпи» — один из самых ярких и самобытных народных праздников в Воронежской области, полюбившийся всем, кому когда-либо пришлось побывать на его мероприятиях. Всех участников фестиваля объединяет любовь к народному творчеству и мастерство в деле, которым они увлечены. Это дело никогда не изживет себя и, как показывает фестиваль, яркий самобытный талант русского человека, как родничок, всегда пробьется сквозь повседневные заботы и напитает собой жизнь.

«СИНЯЯ ПТИЦА»

Перефразируя известную мысль, можно сказать так: театр начинается с детства. Дети — и лучшие зрители, и лучшие актеры... В далеком 1993 году в Воронежской области по инициативе Министерства культуры РФ, Государственного Российского Дома народного творчества и Всероссийского экспериментального центра «Школьный театр» впервые прошел фестиваль детских и юношеских любительских театральных коллективов «Синяя птица». Тогда он имел статус межрегионального.

В фестивальных мероприятиях приняли участие 16 коллективов (более 350 детей в возрасте от 6 до 18 лет) из 8 областей России: Воронежской, Белгородской, Брянской, Курской, Липецкой, Орловской, Ростовской, Тамбовской. Наша область была представлена тогда шестью коллективами. Жанры были самые разнообразные: музыкальные сказки, лирические истории, мюзиклы, драмы-притчи, оперы.

Для нашего края проведение такого масштабного мероприятия явилось значительным событием. Для гостей и участников фестиваль стал настоящим подарком, незабываемой встречей с прекрасным искусством театра.

В течение шести дней юные дарования на сцене городского Дворца детей и молодежи демонстрировали свое мастерство и талант.

Ежедневно педагоги, режиссеры, руководители коллективов занимались в творческой лаборатории, где анализировали просмотренные спектакли, обсуждали вопросы театральной педагогики, рассматривали проблемы поиска и выбора репертуара.

Опыт проведения фестиваля не забыт. В 2000 году в Воронеже впервые состоялся областной фестиваль «Синяя птица», в котором приняли участие 18 театральных коллективов Воронежской области. Их руководители обратились к произведениям классических и советских авторов: Пушкина, Маршака, Платонова, Михалкова, Тендрякова, Чехова, Полонского, Андерсена, Васильева.

Организаторами фестиваля стали департамент культуры Воронежс-

кой области, Воронежский областной центр народного творчества и кино и Центр духовного возрождения Черноземного края.

Поддержка детского и юношеского театрального творчества, совершенствование профессионального мастерства режиссеров-педагогов и исполнительской культуры юных артистов, повышение художественного уровня спектаклей, создание новых и выявление ярких детских и юношеских коллективов — вот основные цели фестиваля.

С 2003 года фестиваль стал проводиться с периодичностью раз в два года, а официальным местом праздника был выбран город Лиски.

«Синяя птица» «летает» по Воронежской земле уже на протяжении двадцати лет. Как и прежде, в рамках фестиваля проходят творческие лаборатории, мастер-классы, круглые столы для режиссеров детских студий, театров и педагогов театральных учебных классов.

Фестиваль снова и снова подтверждает, что традиции детского любительского театра живы.

«ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ В НИКОЛЬСКОМ»

Вот уже двадцать лет в Верхнехавский район съезжаются самодеятельные актеры и режиссеры (порядка 150 участников) со всей Воронежской области на фестиваль любительских театральных коллективов «Театральные встречи в Никольском».

Село Никольское издавна славится своими театральными традициями. Здесь на рубеже XIX-XX веков супругами Соколовыми — Константином Константиновичем и Зинаидой Сергеевной — истинными просветителями и интеллигентами, переехавшими в воронежскую глубинку из Москвы, был создан первый театр для крестьян. Желание занять крестьян именно актерской игрой появилось не случайно: Зинаида Сергеевна Соколова — родная сестра выдающегося реформатора русского театра Константина Сергеевича Станиславского.

Чтобы сохранить и продолжить традиции русской интеллигенции и не дать погибнуть такому уникальному явлению, как крестьянский театр, Воронежский областной центр народного творчества под патронажем департамента культуры Воронежской области и при участии администрации Верхнехавского района с 1994 года проводит в селе Никольское областной фестиваль. На этот театральный праздник раз в два года съезжаются самые лучшие коллективы области, в репертуаре которых произведения Чехова, Шекспира, Островского, Толстого, Шукшина, Гоголя, Некрасова, Сологуба, Абрамова, Вампилова и многих других классиков и современников отечественной и зарубежной литературы. Приезжают специалисты и любители театрального искусства из Воронежа и Москвы. В 1996 году почетным гостем фестиваля стала внучка Станиславского К.Р. Барановская-Фальк.

Фестиваль имеет сложившиеся традиции. Начинается он с возложения цветов на могилу К.К. Соколова и Л.Ф. Тупиковой (сельская учительница, последовательницы Соколовых, возглавлявшая крестьянский театр с 1920 г. по 1950 г.) на сельском кладбище в селе Малая Приваловка. Затем проводится экскурсия в усадьбу семьи Соколовых, где представлена выставочная экспозиция, включающая фотографии, документы, материалы о жизни и деятельности создателей театра, предметы крестьянского быта и домашней утвари. Конкурсный показ спектаклей проходит на нескольких площадках Верхнехавского района, но главной сценой являет-

ся Никольский сельский Дом культуры. Кроме этого, в рамках фестиваля проходят творческие лаборатории и мастер-классы для руководителей театральных коллективов.

В юбилейные годы (1996 — столетие Никольского театра и 1998 — столетие МХАТа) просмотру спектаклей предшествовали театрализованные прологи: «Какой свет был в наших душах», «Неуемная Алексеевская душа» и другие. Перед зрителями вновь и вновь оживала история жизни Зинаиды Сергеевны и Константина Константиновича Соколовых, приезд Станиславского, радости и горести, пережитые здесь этими замечательными людьми.

По итогам мероприятия лучшие спектакли показываются на сценах профессиональных театров Воронежа и Москвы.

Фестиваль в Никольском, как и во времена Соколовых, пропагандирует театральное искусство, облагораживает и наполняет содержанием жизнь сельского жителя. Традиции, заложенные этими людьми, живы. Хочется верить, что надолго.

Вера ГАЛЮК,
*директор Воронежского областного
Центра народного творчества и кино,*
Елизавета ЦВЕТКОВА, Людмила ЧЕРЕЗОВА,
Татьяна ПЕЛИПЕНКО, *специалисты центра*

КВАС С ПАНИНСКОЙ ИЗЮМИНКОЙ

(Единственный в России
Панинский фестиваль кваса набирает силу)

Первый раз его провели как районный. Через два года он, можно сказать, стал Всероссийским — принимал гостей из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Мурома, Твери, всех областей Центрального Черноземья. Всех встречал Проня Великан... Самый сильный человек в мире Прокофий Рябов родился на панинской земле, в селе Большой Мартын. Рост — под два метра. Силища — невероятная! Мельничные жернова через ограду перекидывал, толстые цепи рвал, как нитки. Не имея специальной подготовки, он победил чемпиона мира Моора и многих других силачей из разных стран...

За честь с ним (почти настоящим) сфотографироваться считали и народная артистка России Екатерина Молодцова, и главы районных администраций, и депутаты областных Дум. О своем легендарном земляке пел песни собственного сочинения, читал стихи скромный и талантливый механизатор Александр Рыбин...

Открытием для многих был детский ансамбль ложкарей. Кто же, милые, вас такому мастерству обучил? Повезло ребятишкам из Красного Лимана — у них в школе такой директор, что вся учеба в радость — Марина Владимировна Генаева. Кроме учебного процесса, художественную самодеятельность организовала на высшем уровне. Прославились самыми музыкальными инструментами — ложками. На них можно не только чечетку исполнять, «Барыню», «Калинку», «Расцвели яблони и груши», но и математические дроби выбивать...

Не праздник, а как бы параллельно от присутствующих шла такая жизнь, какой она должна быть...

Красивой линией двигались по луговой траве косари. Соревновались, как встарь, поэтому, видно, и победил 75-летний Василий Заздравных — молодые-то косить не умеют. Но на пятки ему наступала и всех молодых обошла казачка Светлана Вавакина. Вообще, казаки были в центре внимания — они-то и придали особый колорит фестивалю. Школьный учитель Сергей Татаринцев и предприниматель Валерий Носков развернули выставку казачьего оружия из личной коллекции. Краеведением, собирательством, историей местного казачества они заразили молодых ребят, которые показали себя с отличной стороны и в спорте, и участием в художественной самодеятельности...

Правда, обмишурилась молодежь перед главным врачом районной больницы Игорем Потаниным. Человек не местный, «пришлый» — лечил бы себе и лечил квелых. Нет же, солидного человека дернуло в гиревом спорте посостязаться. Надо же! Сорок четыре раза пудовую гирию выжал — второе место занял. Глава района Николай Щеглов, вручая главврачу приз, обратил внимание: «А это, ребятки, потому он вас обошел, что не пьет, не курит...»

Вот это и было подспудной главной целью праздника — показать превосходство здорового образа жизни. Квас (64 разновидности!) лился рекой. О нем пели песни, частушки, рассказывали разные истории, делились опытом производства. Раздавались буклеты, из которых можно узнать о пользе напитка, разнообразием которого славилась испокон веков только Россия.

Был квас, но о «кваске» за весь день никто и не вспомнил. Удивительно: в России, в обыкновенном селе, на которое возведено столько хулы и про пьянство, и про бездельничанье, не встретился ни один «наквасившийся». Не знаю, каким образом вели подготовку к фестивалю глава района Николай Щеглов, депутат областной Думы Петр Семенов, культработники, школьные учителя, казаки, но то, ради чего фестиваль задумывался, достигнуто.

И вот третий фестиваль!

Лился квас и сыпались частушки. Остроумие и веселье — через край! На сей раз со счета сбились, подсчитывая количество квасов. Время показало, что дело не в погоне за количеством. Предпринята попытка посвоему переосмыслить ироническое понятие «квасной патриотизм».

И надо же было поэту П. Вяземскому при написании «Писем из Парижа» подвернуться такой красавицы, изобличающей крикливость, пустозвонство: «квасной патриотизм». Квас-то тут причем? Потом поэт И. Мятлев развил и усугубил определение — «любить и восхвалять то, что не стоит ни гроша». У России изначально были свои понятия о ценностях жизни — серебро и золото вместе с медными грошами не определяли благополучие и благоденствие.

Проведение фестиваля совпало с днем рождения Пушкина, днем русского языка и приобщением в Воронежскую митрополию ковчега с частичей мощей равноапостольного князя Владимира. В школах учащиеся при подготовке к фестивалю занимались исследовательской работой. Безо всякой иронии Александр Сергеевич в «Евгении Онегине» характеризовал семью Лариных: «Им квас как воздух был потребен». Выдающийся ученый Менделеев так высказался: «Щекочущий и добротный хлебный напиток отбивает всякое желание выпить что-то более крепкое, даже схожее с ним пиво». Князь Владимир в 988 году после завершения первого дня крещения распорядился угощать народ обильной едой, всем раздавать мед и квас.

Гостей встречали хлебом-солью. Впервые в празднике приняли участие медработники центральной районной больницы. Именно врачи с таким знанием дела преподнесли квас, что если бы, как встарь, только он был бы потребляем в государстве, то многих болезней не знал бы народ. В форме ярких, запоминающихся частушек преподносились не только рецепты квасов, но какой из них противостоит каким заболеваниям. Талантливая старшая медсестра Наталья Ивановна Чебанова, проработавшая в больнице 35 лет, так накрыла «стол от медицины», что к нему были самые длинные очереди. Все полезное, целебное...

К сожалению, организаторы праздника не рассчитывали, что на членов жюри обрушится вал познаний, глубинного осмысления, что есть правильная и праведная жизнь. В будущем не следует присуждать места победителям, потому что нет здесь ни первых, ни вторых — все равнозначны. Каждый коллектив по-своему интересен, у каждого есть чему учиться.

Особо не отмечено подворье Красных Холмов — не то количество квасов. Упущено основное — квасы на воде святого источника имеют особую силу. Источник известен во многих городах и весях — к нему приезжают за исцелениями от разных недугов, болезней. Зафиксировано много случаев излечения этой водой целого ряда серьезных болезней. Источник стал причиной того, что в Холмах резко подорожали дома — покупаются теми, кто исцелился и понял, что здешний родник — истинный дар Господа и заменяет иные прославленные источники Липецка, Кавказа, Грузии... Не единожды у этого источника православным являлся образ Богородицы. Впервые за 300 лет существования Воронежской епархии по благословению старцев и митрополита Воронежского и Лискинского Сергия была обретена икона «Божией Матери, именуемая Краснохолмская». Фермер Александр Юрьевич Вязовской первым внес солидный вклад и началось строительство храма рядом со святым источником...

Обретя опыт во время фестиваля 2013 года, когда пришлось участвовать в дегустации квасов, понял, что подобную «работу», даже если из каждого кувшина, представленного на конкурсе, отпивать по глотку, — организм не выдержит... Но жара есть жара. И тут со своим предложением выступил председатель районной потребительской кооперации Максим Ольховиков, молодой парень, успешно поработавший на Чукотке, в Воронеже, но понявший — проявить себя по-настоящему можно при возрождении таких сел, как села Панинского района:

— Выпейте нашего кваса — вряд ли до нас жюри дойдет. Вы просто сами убедитесь и им подскажите, что наш квас лучший для утоленья жажды. Поверьте — одна кружечка и до вечера не захочется пить...

В кружке обилие разбухших изюминок — едва уловимый нежный дух разнотравья. Пьешь — будто лугом дышишь. Но, оказывается, в напиток не одной травинки. Квас на меду, который вобрал в себя дух цветения лугов и садов. Жажда пить в тот жаркий день больше так и не возникло...

Но почему же мы пьем в торговых точках совсем не то? Почему бы в самом Панино или других селах не наладить производство изобилия тех квасов, которые остались нам в наследство?

За прожитую жизнь не помню ни одного случая, чтобы кто-то, скажем, в моей Козловке или других селах-хуторах отравился квасом. Такое невозможно. Квас сам себя очищает и в любом периоде своего старения несет человеку только здоровье. Но сколько у нас контролирующих организаций, созданных для охраны нашего здоровья? Вот они-то и содержат в себе огромный вред. Там, где нужен глаз да глаз, они не имеют право «кошмарить» бизнес в течение трех лет. Но вот если возьметесь за реализацию кваса, рецепт которого испытан столетиями, с вас берется оплата за оформление разрешения, а далее — постоянный контроль и штраф за штрафом. Всегда есть к чему придраться. Для обеспечения школьного питания проводятся конкурсы — выигрывают право кормить детей производители самых экологически чистых сельхозпродуктов. Но почему дети постоянно травятся несъедобными пельменями, молоком из «сухого» химического молока? К 70-летию Победы разослали запросы,

кто будет участвовать в организации праздничных застолий в честь ветеранов? Как правило, это бутерброды, чай со сладостями. Однако, чтобы получить право нарезать эти бутерброды, надо оплатить разрешение стоимостью около пяти тысяч рублей.

У нас, детей послевоенных лет, не болели желудки — в школьных коридорах стояли баки с отваром овса. Теперь подобное немислимо. В Бурдино Липецкой области от схимонахинь Зиновии и Серафимы получил удивительно простой рецепт целебного кваса: поллитровую банку заполняешь овсом, промываешь его хорошо, затем перекладываешь в 3-литровую, наливаешь до краев некипяченой колодезной или родниковой воды, добавляешь 3-4 ложки сахара. Через 3-4 дня напиток готов. Процеживаешь, разливаешь по бутылкам. А в 3-литровую банку с оставшимся овсом опять холодной воды и то же количество сахара, но новая

Попейте кваску — разгоните тоску

порция кваса будет готова уже через сутки... Нежнейший вкус! И та поллитровая банка овса эффективно «работает» месяца два, а то и больше. К сожалению, этого простейшего кваса, предотвращающего многие болезни, даже на Панинском фестивале не встретил...

На огромном полотне над сценой — портрет бородатого Прокофия Рябова. Ему в Панино памятник поставили, недавно открыли современный спортивный центр его имени. И Проня-легенда повел молодежь за собой.

Доселе невиданное: на сцене — белые молнии! Поначалу многие подумали, что из Воронежа мастеров пригласили, чтобы удивить, потрясти красотой спорта. Оказалось, свои ребята и девчонки. К тому же многие не из Панино, а из Чернавки. Там в хозяйстве трудится бывший морской пехотинец, служивший в героическом Севастополе, сам же родом из Воронежа. Александр Владимирович Работкин, председатель областной федерации восточных боевых единоборств объединяет тех, кто желает заниматься, как он считает, одним из самых совершенных видов каратэ — сито-рю.

В Чернавке три года назад пришел в школу и предложил свои услуги: — Приехал в Панино, глазам своим не поверил — тут такой спортивный центр, какого в Воронеже не найдешь. Оснащен по всем последним требованиям. Условия для тренировок идеальные. И стали на занятия приезжать сюда. Через год мы уже приняли участие во Всероссийских

соревнованиях. Для нас, спортсменов из глубинки, это уже победа. Уверен, что на следующем чемпионате России успехи будут более весомые.

Ольга Чиркова, певица международного уровня, отмеченная в начале творческого пути легендарной Людмилой Зыкиной, ученица народной артистки России Екатерины Молодцовой, впервые в Панино. Голос — то ли ангелы с небес, то ли вулкан неудержимой силы, идущий от матушки-земли! Все им объято, воссоединено и возвышено — ликуй, душа, вместе с тобою все это слышит Творец!

И потом не менее важное — слова благодарности Екатерине Михайловне:

— Приехала сюда по просьбе Молодцовой. Екатерина Михайловна очень любит ваш фестиваль, говорит, что душой отдыхает и особой силой духа заряжается. То, что услышала и увидела здесь — далеко не рядовая самодеятельность. Известно, что наше Черноземье — самый поющий край России. И здесь поющая и талантливая Родина представлена во всей красе.

Важно то, что у вас есть прекрасные лидеры, учителя, наставники — молодые люди, любите их и будьте им благодарны. Я благодарна Екатерине Михайловне — поющих в области чрезвычайно много, но именно талант мастера, педагога, равнодушного человека выводит нас в люди. Выйти в люди — это не возвыситься, а быть полезным, стремиться в каждого вложить свою душу. Тут для всех нас пример Молодцова: почти все ее ученики — солисты в знаменитых коллективах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кубани...

Обо всем не расскажешь в одной заметке. Завершался фестиваль, а над лугом, садом, над тихим течением никому не известной реки Матренки торжествовало:

Выйду на улицу, гляну на село —
Девки играют, и мне весело!..

Петр ДЕМКИН

ПОЭЗИЕЙ И МЫСЛЮ, МЕЛОДИЕЙ И ЧУВСТВОМ

Воронежский край отличается целым спектром фестивалей самого разного содержания. Тут и праздники, связанные с народными промыслами и фольклором, профессиональные музыкальные и театральные форумы, мероприятия, направленные на гармоничное включение современного человека в окружающую среду.

Однако особо стоит отметить музыкально-поэтические фестивали, поскольку они напрямую связаны со словом и мыслью, мелодией и чувством, психологией художественного сообщения самодеятельного автора и интонацией его слов. Здесь — приметы самочувствия современного русского человека, черты его отношения ко времени и обществу, к кристальным понятиям семьи, детства и материнства, любви и дружбы, верности и мужества.

Среди событий такого рода выделяются три музыкально-поэтических фестиваля — взаимно непохожих и словно дополняющих друг друга.

«БАТЬКА-ДОН»

В 2001 году в городе Павловске Воронежской области состоялся первый музыкально-поэтический фестиваль «Батька-Дон». Каждый народный фестиваль обладает своим оригинальным обликом и неповторимой интонацией. «Батька-Дон», словно перекликаясь с вековым прошлым, кажется неумной вольницей. Произведения участников фестиваля, да и само его течение подтверждают это с очевидным постоянством. Приветственные выступления творческих делегаций из районов Воронежской области и других областей Черноземья облечены в Dome культуры в сдержанную, но веселую форму. Затем фестиваль «переселяется» на теплоход, который идет вверх и вниз по течению реки, и уже там «Батька-Дон» обретает тематическую широту и непредсказуемую удаль. На палубе звучат стихи и песни, авторы сменяют друг друга у микрофона, после чего возвращаются к беседам в узком кругу, где идет речь о литературе, о России, об истории.

«Батька-Дон» — это «кольцовская» песенность и «блоковская» строгость стиха, казачья вольность распева и сказовое краеведение, бе-

рущее начало в фольклорной поэзии. Как бы ни терзала народную душу жестокая и несправедливая жизнь, вдохновенный голос все так же будет лететь по-над Доном и рассказывать о любви и воле, о судьбе и надежде...

«КАЛИТВЯНСКИЙ ПРИЧАЛ»

С 2002 года на берегу Дона под городом Россошь Воронежской области в июльский вечер накануне древнего славянского праздника Ивана Купалы проходит традиционный музыкально-поэтический фестиваль «Калитвянский причал». Здесь представлены стихи и авторские песни со всей области, а также из сопредельных районов Черноземья. В рамках заявленной тематики и жанра проходит конкурс, возглавляемый авторитетным жюри. Сатира и лирика, стихотворения о войне и исторических событиях, строки гражданского звучания и сугубо «женская» поэзия сменяют друг друга в течение почти шести часов, несмотря на жару или дождь.

Много имен, заявивших о себе на «Калитвянском причале», обрели впоследствии литературную известность, а произведения, впервые прозвучавшие на донском берегу, появились на журнальных страницах в самых разных регионах страны. Домашняя, дружеская атмосфера конкурса не отменяет строгости оценок, и поэтому звание лауреата фестиваля «Калитвянский причал» так дорого победителям.

Уже который год журнал «Подъём» оказывает творческую поддержку фестивалю, публикуя лучшие стихи конкурсантов, участвуя в работе жюри. И тем самым помогает авторам, которые впоследствии нередко становятся членами Союза писателей России.

Наутро, после вечернего литературного марафона, когда уже подведены итоги фестивального конкурса, на середину древнего Дона выплывает шлюпка, иногда даже экзотический плот, на котором приплыли конкурсанты. На воду спускаются десятки маленьких корабликов, на их парусах видна надпись: «Калитвянский причал». Течение перенесет их в дальние места, и эхо фестиваля продлится...

«ВО СЛАВУ БОРИСА И ГЛЕБА»

В городе Борисоглебске 6-7 августа 2010 года состоялся первый фестиваль русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба».

До сей поры на Воронежской земле практически не предпринимались попытки объединить поэзию сугубо светскую со стихами отчетливо выраженной духовной направленности. В таком начинании есть очень важный смысл: объединить все земное при помощи сил небесных. Ибо только в таком случае можно сохранить полноту и единство русских земель и русских людей, сегодня нередко разрозненных и во многом утративших чувство собственного рода.

Фестиваль «Во имя Бориса и Глеба» отличался широкой конкурсной поэтической программой, в которой приняли участие стихотворцы не только Черноземья, но и Центральной России. Произведения разного художественного уровня были проникнуты любовью к Родине, лирическими настроениями, диалогами с Памятью и пониманием того, что без православной веры нашей стране в современном мире не выжить.

«Во славу Бориса и Глеба»

К 2015 году структура теперь уже четвертого фестиваля изменилась. Поэтический конкурс уступил место свободному чтению стихов и исполнению авторских песен на одной из фестивальных площадок. Круглый стол философов и критиков стал регулярной формой обсуждения насущных духовных вопросов нашего времени. Музыкальная программа, выставки живописи, встречи писателей с читательской аудиторией, смотр театральных работ, презентация специального выпуска журнала «Подъём», посвященного Борисоглебску — все это создавало образ фестиваля русской глубинки, который призван объединить столицу и провинцию в пространстве духовности и культуры.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
член Союза писателей России

Владимир Кораблинов

УГЛЯНЕЦ

Из книги «Азорские острова»

Углянец...
Удивительно слово, его богатство и могущество. Произнесенное, оно не только обозначит сам предмет или какое-то действие, но и повлечет за собою множество вдруг воображенных картин, в которых возникнут уже иные предметы и иные действия. Скажете: ВЕСНА — и хлынут с гор потоки, и милая весенняя синичка затренькает, зазвенит весело, и первый зеленый стебелек раннего цветка просунется сквозь созревший прошлогодний лист... И вот тоненький серебряный серпик встанет над сквозной чащей углянских садов, окутанных голубовато-серым дымом деревенских угольниц...

Но что это — Углянец?

Воронежской губернии и уезда, Орловской волости, небольшое, в полтораста дворов, село. Оно в пору моего детства упиралось в лес, врас-тая в густой осинник казенного Усманского бора. За широким зеленым выгоном, за Кряжовой усадьбой, за старой часовней над святым колодцем.

Эта старая часовня упомянута в одном из документов адмиралтейства петровских времен: «А лес же, — говорилось в указе, — возить на корабельное строение по углянской дороге, мимо старой часовни».

В конце семнадцатого века часовня, оказывается, была *старая*.

Русская деревня слышится в самом слове Углянец. В отличие от названий таких окрестных сел, как Усмань, Хава, Карачун, татарщина не коснулась его имени. О том, почему так названо село, голову ломать не приходится: некогда в лесной чащобе поселились углежоги, *угляники*, и стали жечь уголь. Еще на моей памяти (как, впрочем, и многих воронежских стариков) по городу ездили чумадые мужики и кричали осипшими голосами:

— Уголь-ё-ов! Уголь-ё-ов!

Отменный, звенящий дубовый уголь развозили в плетеных коробах. Все самовары города Воронежа закипали на углянских угольках.

Но когда на лесистых воронежских берегах без малого четыреста лет назад возводили крепостные стены города, — в кузнечных горнах чей уголь пылал? А на великом корабельном строении царя Петра? Не углянский ли?

Для меня же в Углянце главное то, что он — моя родина. Мой отчий дом. Что именно в этом селе жили учителя мои великие, научившие меня русскому языку. Кто как не углянские мужики, — да хоть бы Степана Потапыча взять, с которым бывал я неразлучен и который с бесконечными вариантами рассказывал мне одну и ту же потешную сказку о барине, купце и попе, мужиком одураченных; или Марью Семеновну, черничку, на один глаз косую старую деву, усердную чтицу псалтырей над покойниками, неутомимую выдумщицу историй самых расчудесных и страшных, — кто как не они указали чистый, как слезка, родничок поэзии, скрытую в чаще копанку с живой водою, где плавал берестяной ковшик, — бери, дитя, пей!

И вот всю жизнь пью из дивного источника, и не оскудевает он, и что бы я делал, чем была бы моя жизнь, если б не эта потаенная копанка!

Мне, пятилетнему, рассказывает Марья Семеновна:

— А ты спи, Володюшка, спи... Хорошо тут у нас с тобой, постелька теплая, мякенькая, да тихо-то как! Сверкун лишь сверчит, ну, да ему только делов-то... А там, наружи, — господи милосливый! — ночь, да сивер, да лес темный...

И верно, у нас прямо за огородом лесок шумел дубовый, мы туда ходили грибы искать. Его вскоре вырубил, на этом месте как-то вдруг выстроилась целая улица; ее прозвали Челябиной. Из-за того, верно, что далеко, на отшибе от села выросла, и какая-то была тут связь с городом Челябинском, который как бы на краю света представлялся воображению, бог знает в какой дали. В те времена, когда по воздуху еще не научились летать, расстояния были во много раз больше, чем сейчас.

Первый житель челябинский был крохотного росту мужичок Иван Константиныч, по прозвищу деревенскому Плитуварчик. Что за странная кличка? Да вот, рассказывали, будто еще молодым, неженатым, торгуя в городе угольком, на тротуар наехал со своим грязным коробом, и будто бы городской с него полтину штрафа требовал за бесчинство. После, вернувшись в село, каждому встречному жалился Иван на свою беду — как, мол, зазевался, недоглядел за кобылой, с коробом вперся на *плитувар*. И вот уже сколько времени прошло, сынов нарожал, из молодого сделался сивым, а кличка Плитувар так и прилепилась. А как росточком не вышел, то из Плитувара скоро перекрестили его *Плитуварчиком*. В деревне эти уличные прозвища враз припечатывались, и навечно.

— ...лес темный, — журчит Марья Семеновна. — Там, детка, ох, и страшно же...

— Волки, медведи, — вежливо поддерживаю Марьюшкино бормотание, помогаю ей, потому что вижу — вот-вот уснет. — Волки, медведи... еще лешаки...

Я эти ее причитанья все наперед знаю, не впервой этак бормочем перед сном. И страхи не очень-то страшные, ведь они выдуманы: какие у нас медведи, какие лешаки!

Но однажды рассказала про дикую бабу-великаншу. Будто бы давно, когда еще железную дорогу строили, поймали в лесу такое диво: в чем мать родила, простоволоса, вся волчьей шерстью обросла, об одной ноге, другая — деревянная, липовая... Вот ее гоняли, вот гоняли! Семь ден мучились, пока в Моховом болоте клюкой не завязла. Тут-то дивную бабу и повалили, железными опутали путами да и отправили в город Санкт-Петербург, в балаганы.

Я спросил:

— А как?

— На две платформы погрузили, такая, бог с ней, была огромная! Эта дивная баба меня поразила. Особенно ее ноги: одна настоящая, другая деревянная.

В деревяшке было что-то зловещее.

История с великаншей, конечно, была выдумка, вздор. Такая же сказка, что и леший, Кащей или семиглавый Горыныч. Все эти сказочные чудеса обитали за чертой нашей жизни, за порогом нашего дома, за околицей села, — нигде, в мире неведомом, не нашем. Они были необыкновенно интересны, но неосязаемы, бесплотны, и я их нисколько не боялся. А вот жил у нас в Углянце один старик, ему поездом ногу отрезало, и он сам смастерил себе новую, деревянную, на ременных пристежках. Я, таким образом, знал, что такое деревянная клюка вместо живой ноги, и знакомая клюка эта превращала сказочную бабу в живую, подлинную, нашу, углянскую.

Страшно невыдуманное.

Ночь одну помню: жаркое лето, тьма, духота. Меня разбудил крик — протяжный, тоскливый. Нет, лучше сказать, не крик, а вопль, как-то странно, разом оборвавшийся в тишине.

Я вскочил, прислушался: все спали. Мама делала губами: п-ф-ф... п-ф-ф... Отец похрапывал. Я хотел вскрикнуть, позвать, но вместо крика шепотом просипел:

— Мама! Ма-а-ма...

Она проснулась, ощупала меня.

— Ну, что ты, детка? Ну, что?..

И тут вопль повторился, и показалось, что совсем рядом, близко — в саду, за сараями.

— Что это? — я еле выговорил, меня всего дрожь колотила.

— Сыч, — сонно сказал мама. — Спи, Христос с тобой...

И опять задышала: п-ф-ф... п-ф-ф...

Все спали, а я стал думать о сычах.

У нас в Углянце их было два. Один жил на колокольне, невидимый; другой катался в автомобиле марки «пежо», подымал, булгачил всех деревенских собак, и те неслись следом, с остервенением кидаясь на сверкающие колесные спицы. Первый был лупоглазой ночной птицей, второй — махорочным фабрикантом, миллионером по фамилии Сычев. Наши сельские в глаза звали его Василь Матвев, а за глаза кратко: Сыч.

Автомобили тогда были в редкость, их побаивались. Мчался Сыч по селу, гудя в трехголосый рожок, лошади шарахались, трещали оглобли, мужики матерились вдогонку.

Внешность его потом, после революции, смешно и удивительно точно отразилась в плакатах и карикатурах на буржуев. Он со всех стен гля-

дел — вислые щеки, глазки-щелки свиные, ничтожный носик затерялся в мясной, говяжьей красноте лица. А пока я размышлял впотьмах, вдруг брякнуло во дворе железо и словно бы лошадь всхрапнула. Затем враз залились собаки, кинулись куда-то, но скоро затихли. Все затихло, и я уснул.

А утром оказалось — лошадей увели.

Потапыч в амбаре спал, возле конюшни, его там ломиком приперли. Он тоже сычиные крики слышал.

— Это они знак подавали, — сказал Потапыч.

«Они» — то есть конокрады, воры.

Я слышал протяжный крик и как брякнуло железо, — ломали замок, — а утром увидел тот ломик, каким приперли Потапыча. Это все было вещественно, все на самом деле, не выдуманно.

И потому страшно.

На книжном шкафу стоял гипсовый Гоголь.

Когда-то кипенно-белый, с годами он пылился, темнел, и я помню его уже серовато-желтого, очень приятного цвета.

Еще там наверху, рядом с Гоголем, хранилась прелестная полированная шкатулка с блестящими медными крючками-замочками и с двумя дырочками сбоку. Это была электрическая машинка, которой лечили мою младшую сестренку Зину: у нее, еще у годовалой, отнялись ноги. Ее много возили по докторам, и кто-то из них назначил лечение электричеством. Машинка противно жужжала, сухо потрескивала; мне казалось, что Зине делают больно, и я убежал подальше. Я очень любил Зину, она была рыженькая, черноглазая.

И вдруг почему-то умерла трехлетней. А ненужную машинку поставили на шкаф рядом с Гоголем.

В шкафу было множество книг самых разных, от напечатанных в синодальной типографии «Творений святого Тихона Задонского» до «Ключей счастья» и «Петербургских трущоб». Толстенная «Библия в картинах». Бог весть каким ветром занесенное «Откровение в грозе и буре» Николая Морозова. «Потешные анекдоты про шута Балакирева» и, наконец, карамзинская «История государства Российского» с гравюрными изображениями древних князей и государей «всея великия, малыя и белыя». В островерхих царских шапках, тощие, злые, крючконосые, они казались удивительно похожими друг на друга. Да к тому же еще у всех в правой руке был шарик — держава, а в левой — прехорошенькая палочка — скипетр.

Отец благоговел перед скучными карамзинскими книгами, а я их терпеть не мог. Один вид рыжих переплетов наводил отвращение и скуку. Они и пахли как-то уныло.

— Это, брат, Россия! — каким-то ненатуральным голосом говорил отец. — Рос-си-я!

И даже, кажется, значительно воздевал указательный палец.

Но я никак не мог понять, почему именно все эти уродливые, бородастые старики в смешных колпаках — Россия. Почему — они, а не Потапыч или, допустим, та же Марья Семеновна, или хотя бы первый челябинский житель Иван Константиныч, по прозвищу Плитуварчик.

Но что же все-таки Россия? С каким образом связалось ранее понятие о ней четырехлетнего человека?

Он увидел ее на заглавном листе журнала «Нива».

Девушка-раскрасавица со взглядом долгим и ласковым, она была в каком-то причудливом венчике вроде кокошника, со звездой во лбу, с ниспадающим кисейным покрывалом, из-под которого сыпались наземь листочки с надписями: «история», «естествознание», «биографии», «романы», «повести», «рукоделие»... Она и в руках держала такие же листочки, а вокруг на жестких стрекозиных крылышках летали голые толстомясые мальчишки, и тоже с листочками. За всей этой кутерьмой виднелся известный памятник Пушкину; и какие-то узорчатые кувшины, блюда, плошки бог весть зачем были накинаны у ног девицы; а в самой середине россыпи посудной красовался рогатый предмет, в нашем деревенском обиходе совершенно неизвестный. Мальчик спросил, конечно: что это? И ему ответили: музыка, называется — лира. Он и про щекастых крылатых мальчишек спросил, и про блюда, и про кувшины. Терпеливо и ласково, с уважением к его любознательности, рассказали обо всем, что было тайным смыслом чудной картинки — о сказочном богатстве недр России, о ее гениях художества и науки.

Но, наверно, все-таки не под силу оказалось несмышленишу уразуметь подобные взрослые премудрости, и, конечно, он их не уразумел. Он просто вежливо промолчал — пусть богатство, пусть гении... Но об одном, о главном, сам догадался: девушка-раскрасавица была Россия!

Россия...

И мальчик влюбился в нее...

Зеленоватая мраморная бумага переплета была словно пучина морская, в бездне которой таилось чудо.

Поверите ли? Открывал крышку толстого тома «Нивы» с робостью влюбленного, с замиранием сердца. Она ждала его на первой странице. Встречала долгим взглядом синих, как ему казалось, глаз. И он, смущенный и счастливый, глядел и не мог наглядеться, — так необыкновенно прекрасно было в ней все: нежные руки, взгляд, жемчужное ожерелье. Ради нее он мог сделать самое отчаянное, самое невозможное. Сразиться с драконом, например. Или, ударившись оземь, обернуться добрым молодцем и тогда... что тогда? Ах, да откуда ж ему знать... Но что-то такое, в предвкушении чего было и сладко и страшно.

Как-то раз его застали врасплох: ничего не слыша, не замечая, сидел недвижимо, упершись глазами в картинку. Его окликнули:

— Ты что — заснул?

Он очнулся, почему-то покраснел. Почему-то вдруг стыдно сделалось, и, словно оправдываясь, забормотал смущенно:

— Да вот тут... ангелочки, какие красивенькие...

Первый раз в своей жизни слукавил. Он ненавидел этих толстых летающих мальчишек.

У многих, очень у многих чувство Родины начинается с картинки в букваре.

Извилистая речушка, например, вербы, лодочка с рыбаком, заросшие камышом берега.

А может быть, — высоко летит косяк журавлиный, и деревенские ребятишки на пригорке смотрят вслед.

Или кремлевские башни. Москва, Царь-колокол.

Наконец, чего уж проще и знакомее: снегом осыпанные сосенки, стожок и вдалеке — избушка, дым из трубы, сорока на плетне...

«Вот моя деревня, вот мой дом родной...»

Не отсюда ли, от этого стожка, от косяка журавлиного и начинается путь жизни русского человека — незаметный, не шумный, скромный, однажды вдруг приводящий к бессмертному подвигу? (Впоследствии, вспоминая героя, будут удивляться: «Кто бы мог подумать!»)

И не последней ли вспышкой в памяти умирающего будет: стожок под снегом, сосенки, ниточка дыма над крышей родимой избенки?..

Галина Сысоева,

профессор Воронежского

государственного института искусств

ВОРОНЕЖСКИЕ ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Еще в начале XX века воронежские народные песни прославились на всю Россию благодаря таким известным собирателям и пропагандистам фольклора, как Митрофан Пятницкий, Евгения Линева. Прошло более ста лет... А что мы сегодня знаем о песенных традициях Воронежской земли? В чем она уникальна, а в чем — типична? Чем воронежские песни отличаются от белгородских, курских, липецких? Сегодня на этот вопрос можно однозначно ответить: песенная традиция Воронежской области — как лоскутное одеяло: она составлена из разных, в чем-то схожих, а чем-то весьма отличающихся друг от друга локальных песенных стилей.

Сегодня уже очевидно и доказано, что так называемые областные певческие стили (например, тамбовский, воронежский, курский и т.д.) — не более, чем миф, существовавший достаточно долго в фольклористике. На самом деле ни одна из песенных традиций не совпадает с географическим понятием — брянская, воронежская, белгородская, липецкая традиция и т.д. Все они представляют собой мозаичное полотно локальных песенных стилей или музыкальных диалектов.

Народные песенные традиции складываются и характеризуются, прежде всего, как особый музыкально-фольклорный язык, а значит — имеют диалектную природу, в данном случае — музыкально-диалектную, сходную с наречиями и говорами естественного языка. Если продолжать аналогии дальше, то южнорусскому наречию соответствует региональная южнорусская песенная традиция, а системе говоров — локальные песенные стили, которые мы для удобства будем называть музыкальными диалектами.

Материалом для исследования послужили записи Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств, сделанные во время музыкально-фольклорных экспедиций с конца 80-х годов XX века для фронтального обследования Воронежской области и прилегающих районов Белгородской, Курской, Липецкой областей. Это — около 300 выездов, более 50 тысяч песен, наигрышей, репортажей. Привлекались также и немногочисленные нотные сборники с воронежскими песнями¹.

В Воронежской области сложилось несколько музыкальных диалектов, и о них и пойдет речь в настоящей статье.

Для выделения локальных песенных стилей должна выявиться общность по следующим показателям:

- говор и лексика;
- система традиционных календарных и семейных праздников и связанных с ними жанров фольклора;
- система жанров музыкального фольклора с одинаковой иерархией доминирующих и периферийных жанров;
- музыкальное мышление и музыкально-интонационный словарь;
- репертуарный список бытующих песен (возможны различия в зачинах и концовках);
- эстетика фонической окраски звука;
- хореографические формы;
- традиционные музыкальные инструменты.

При этом по разным показателям, если их картографировать, сложится своя конфигурация ареалов. Некоторые признаки проявляют себя очень ярко — как своеобразные маркеры — на одной территории, и становятся менее значимыми, заметными на другой. Но все они в какой-то степени влияют друг на друга.

На сегодняшний день обозначить ареалы музыкальных диалектов только по песенному наполнению невозможно, потому что материалов записано недостаточно, а восполнить этот пробел не удастся из-за тотального разрушения народной певческой культуры. Поэтому выделить многие песенные традиции и описать их возможные границы можно лишь путем реконструкции, привлекая материалы историко-этнографического и диалектологического характера.

Обобщение исторических, социологических, этнографических, диалектологических исследований по Воронежской области позволяет предположительно определить границы этнокультурных ареалов, отличающихся друг от друга этнической ментальностью, стереотипом поведения, традициями, в том числе музыкально-фольклорным языком, что подтверждается экспедиционными наблюдениями. Например, при фронтальном экспедиционном обследовании от села к селу обнаруживается, что смена традиционного костюма указывает и на смену песенного репертуара, и на изменения в говоре. Первопричиной таких расхождений являются исторические факторы: обычаи тех мест, откуда прибыли первопоселенцы, их социальный статус, конфессиональная принадлежность, основной род занятий, достаток.

Факторами консолидации населения в формировании этнокультурных ареалов на территории края стали, прежде всего, исторические обстоятельства, складывающиеся в период заселения края:

- время массового заселения территории (чем раньше и масштабнее происходило переселение на новые земли, тем сильнее и крепче формировалась общность);
- влияние крупных административных центров: городов-крепостей в XVII веке, уездных и волостных центров в XVIII;
- влияние реки, вокруг которой образовывались села (принцип речного расселения оказался актуальным и в XVI-XVIII вв.);
- этнический состав населения (актуально для украинских переселенцев, тяготеющих к обособлению от русского населения в XVII-XIX вв.);
- социально-сословный состав населения (актуально для переведен-

ных из центральных губерний дворцовых крепостных и монастырских крестьян в XVIII веке);

- важные государственные задачи (отражение вражеских набегов с конца XVI в. и до 70-х гг. XVII в.; строительство флота в конце XVII в. — начале XVIII в.);

- коренные традиции метрополий переселенческого населения;
- актуальные культурные потребности общества в момент появления новых сел, деревень, слобод и т.д.

Если выделить территории с очень яркими признаками в сфере традиционной культуры и общественной жизни и сопоставить их по признакам: «похожее — непохожее», «общее — уникальное», то можно выявить ареалы, где произошла консолидация населения по нескольким характеристикам. Эти ареалы и будут для нас подсказкой и гипотезой в музыкально-диалектном членении песенных традиций Воронежской области.

Итак, в результате проведенных исследований были выделены следующие локальные песенные традиции на территории Воронежской области.

1. Локальный песенный стиль воронежско-липецкого пограничья².

Он охватывает районы, примыкающие к Воронежу с севера — Семилукский, Рамонский, Верхнехавский, частично — Новоусманский; а также районы Липецкой области — Тербунский, Хлебенский, Усманский, частично — Воловский, Долгоруковский.

Заселение этих территорий в Воронежском крае — самое раннее и происходило в несколько этапов. Воронежские археологи доказали существование на территории Семилукского и Рамонского районов древнерусских укрепленных поселений, которые были разорены монголо-татарами³. Упоминание города «Воронеж» встречается в русских летописях: Никоновской, Лаврентьевской, Ипатьевской, первое относится к 1177 году⁴. С XIII века Воронежский край в результате монголо-татарских набегов был опустошен. По официальной версии, высказанной воронежским историком Загоровским В.П., постоянных населенных пунктов до основания города-крепости Воронеж в 1586 году не было. Но уже в 1615 году в Воронежском уезде насчитывалось 59 постоянных поселений: сел, деревень, починок⁵.

Однако по мнению другого воронежского археолога В.М. Цыбина древнерусские поселения на территории края не исчезли полностью, а значит — культурные традиции окраинных древнерусских городков не прерывались окончательно и были восприняты новыми поселянами. Археологические исследования Воронежского государственного университета доказывают существование древнерусских поселений в XIII-XIV веках даже в Среднем Подонье⁶. Косвенно это подтверждают архаичные элементы некоторых календарных и свадебных обычаев, не фиксирующиеся в других локальных зонах Воронежского края. Например, в Рамонском районе повсеместно распространен обряд рождественского обхода пастухом всех дворов, где держат скот. За ночь пастух должен был обойти всех, при этом он посыпал зерном с приговорами явно магического характера: *«Ягнятки гладки, сигают по лавки, хвосты по пятки. Пришел пастушок — брось пирожок»*, *«На триста овец, на двести коров»*.

Итак, самой заселенной частью Воронежского уезда были села, расположенные на правом берегу реки Воронеж, защищенные с востока Усманским бором. Сюда потянулись вольные переселенцы из северных уездов. Однако впоследствии территория, охватывающая пограничье Воро-

нежской и Липецкой областей, не дала яркого консолидированного музыкально-фольклорного стиля (а возможно — просто не сохранила). И объяснение этому — в чересполосном расположении однодворческих и помещичьих сел, а число последних постоянно увеличивалось. Например, села Староживотинное и Ступино Рамонского района были основаны мелкими служилыми людьми, но впоследствии население этих сел было закрепощено. Даже в конце XX века нам удавалось в экспедициях записывать рассказы местного населения об обособлении помещичьих сел не только в социальном отношении, но и в говорах, костюмах, обычаях.

Например, в Семилукском районе жители противопоставляли себя и по говору: гамаи/цуканы и по социальному статусу: крестьяне-однодворцы/крепостные крестьяне (крепаки). В селе Долгомоховатка сообщили, что *«гамаи были низакрепленные за барином, а цуканы — барские крестьяне... гамаи насили широкаю юпку, а цуканы — платья гаратские»*⁷.

В любой традиции наиболее ярким и показательным для нее является женский традиционный праздничный костюм. Здесь у однодворцев он представлен, в основном, полосатой юбкой (хотя кое-где встретились и поневы), кокошником в форме твердой шапочки и позатыльной, закрывающей волосы сзади и сбоку или чепцом. Традиционные костюмы крепостных, разумеется, не сохранились, не удалось найти даже словесные описания.

Браки между однодворцами и крепостными (или *гамаями* и *цуканами*) в старину не допускались. Обособление двух этнографических групп исчезает в советский период. Особенно в период коллективизации, когда хутора объединялись в одном колхозе. Об этом пелось в частушках:

*Падрушка мая, серса ни на меастя —
Цуканы и гамаи смеашались умеастя*⁸.

*Цуканы и гамаи — какая различка,
Што цукан, што гамай — чистая яичка* (то есть очень похожи)⁹.

Среди традиционных обрядов календарного и жизненного циклов выделяются элементы, которые характерны именно для воронежско-липецкого пограничья: закличания весны, отдельные женские и девичьи сборы на праздник жен-мироносиц с обязательным приготовлением яичницы, похороны русалки в следующее после Троицы воскресенье, которую здесь представляют в виде соломенной или травяной куклы. Главной отличительной чертой традиционной свадьбы является совершение обрядов санкционирующего типа в доме невесты: это и совместный посад молодых, и деление каравая, и перемена прически, и одевание головного убора замужней женщины, и главный свадебный стол.

В системе жанров музыкального фольклора, наряду с песнями (свадебными, хороводными, неприуроченными малораспевными протяжными, народными романсами), большое значение имеют музыкально-инструментальные жанры. Самые популярные — это различные типы частушек («Матаня»), страданий («К ней», «От ней»), наигрыши для пляски с припевками («Барыня», «Русского», «Елецкого», «Бешеного»). Исполнительский стиль таких припевок под гармонь (хромку, елецкую рояльную) или балалайку отличается использованием очень высокой тесситуры (женщины, кажется, почти визжат).

Инструментальные жанры в XX веке оказались столь актуальными на территории воронежско-липецкого пограничья, что постепенно почти вытеснили собою песенные жанры. Возможно, именно поэтому нам в фольклорных экспедициях не удалось записать ни одной ширококораспевной протяжной песни. Кроме того, простота записанных нами песенных напевов в мелодическом отношении и в фактуре (в многоголосии) свидетельствует о «приспособлении» напевов под инструментальное сопровождение, и в этом народное мышление явно ориентируется на более поздний — тонально-гармонический стиль, связанный с распространением европейского музыкального мышления.

Итак, песенные традиции в воронежско-липецком пограничье слабо консолидированы в единый стиль, доминируют вокально-инструментальные жанры, которые практически до конца XX века находились в продуктивной форме.

2. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья¹⁰. Он охватывает междуречье правых притоков Дона — Тихой Сосны и Потудани и включает русские села западных районов Воронежской области — Острогожского, Репьевского, и восточные так называемые «воронежские» районы Белгородской области — Красненский, Красногвардейский и Алексеевский, поскольку до административной реформы 1954 года все они входили в состав Воронежской области.

Этот песенный стиль формировался со второй половины XVII века, когда во время строительства южной оборонительной линии — Белгородской черты — на Тихой Сосне были поставлены города-крепости Усерд, Ольшанск, Верхососенск, Острогожск, Коротояк. Они перекрыли татарским кочевникам пути и броды по Кальмиусской сакме¹¹. Военное население крепостей быстро превратилось в крестьян-однодворцев в связи с утратой военно-стратегического значения построенных городов-крепостей. Земли, прилегающие к Белгородской черте на территории Воронежского края с северо-запада, были освоены уже выходцами именно с Белгородской черты.

Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья — яркий и богатый в художественном отношении, в настоящее время представлен множеством прекрасных певческих ансамблей. В современной России — это, пожалуй, самый презентабельный стиль. Здесь прекрасно сохранились и старинные песни, и традиционные костюмы. Правда, это в большей степени относится к белгородским селам (Афанасьевка, Иловка, Глуховка, Подсереднее, Нижняя Покровка, Красное и др.). Но и в Воронежской области великолепные песни удалось записать в селах Россошь, Бутырки Репьевского района, Русская Тростянка, Шубное, Солдатское, Девица, Мастюгино Острогожского района, в селе Татарино Каменского района. Село Татарино несколько отдалено от основного массива, находится в окружении украинских сел и представляет собой очаговую традицию воронежско-белгородского пограничья.

Традиционный костюм в воронежско-белгородском пограничье легко узнать по черноуззорной геометрической вышивке на поликах и рукавах женских и мужских рубах, по богато вышитым женским поневам (тип поясной одежды), по головным уборам — сорокам с ручным *золотным* шитьем, по нагрудным украшениям — грибаткам. Правда, надо отметить, что на периферии традиции (а ее ядро находится в Алексеевском районе Белгородской области) традиционный костюм видоизменился, как, на-

пример, в селе Россошь Репьевского района. Это случилось уже во второй половине XX века и связано с тем, что нужно было упростить декорирование костюма для более быстрого изготовления, так как он активно производился.

Главное место в системе песенной традиции воронежско-белгородского пограничья занимают на паритетных началах протяжные и хороводные, или как их здесь называют — *карагодные* песни. Что касается чисто музыкальных признаков, то тут следует назвать в первую очередь богатство многоголосия, представленного исключительно разнообразно: от гетерофонии (в свадебных песнях) до функционального многоголосия с квинтовым подголоском и с подводкой (в протяжных песнях).

Протяжные песни отличаются особенными широкими мелодическими распевами со множеством словообрывов, допеваний, повторов, из-за которых текст становится понятным только искусственному слушателю.

*Вдоль на улице я прайду, э-о-ха,
Э-ха, э-хы, я взайду...
Е-ха, э-хы, я взайду ши ды ва зе... ва зеленой сад.*

*Эх, ва зеленой сад, э-о-ха,
Э-ха, э-хы, в зеляном...
Е-ха, э-хы, в зеляном(ы) ды саду... са... салавей пает...*

(фрагмент песни с. Россошь Репьевского района)

Среди протяжных песен, разнообразных по тематике (социально-бытовых, любовных, семейно-бытовых), особую ценность представляют песни с исторической тематикой из села Татарино Каменского района. Здесь удалось записать песни об Аракчееве (государственном деятеле конца XVIII - начала XIX вв.), об угрозе турок русскому царю, видимо, Александру II. Эти песни можно отнести к шедеврам народного песенного творчества, поскольку они отличаются протяженными мелодиями с непрерывным мелодическим развитием, со сложной ладовой формой и доступны для исполнения только высоко одаренным певцам.

*Ох(ы), да, пиша, пиша, вот, султан туре... ..ецкай, д э ох(а), да,
Тол(и)кя ши вот(ы), пиша, пиша,
Да белому царю ли да письмо.*

*Беламу царю письмо(а), э ох,
Ох, уж ты, царь, а ты, Алекса... ..ан(ы)дра, да э ох(ы), да,
Тол(и)кя ши, вот(ы), аддай землю,
Да земелюшку, а ты сию мне.*

*Аддай землю сию мне(а), э ох,
Ох, ни аддаш ты а мне сию зе... ..эм(ы)лю, да э ох(ы), да,
Тол(и)кя ши, вот(ы), я в разо(ао)рам(ы) жа,
Да в разор(ы) тибя, вот(ы), разарю.*

*В разор тибе разарю(а), э ой,
Ох, я расставлю сваю силу-во... ..воиска, да э ох(а), да,
Тол(и)кя ши, вот(ы), па всей камен(ы)най,
Да па всеи камен(ы)наи да Маскве.*

*Па всей каменной Маскве(а), э ох,
Ох, а сам(ы) сяду, ох, да как хазя... ..аин(ы), да э ох(ы), да,
Тол(и)кя ши, вот(ы), в гасударевам,
Да в гасударевам(ы) да дварце.*

*В гасударевам дварце(а), э ох,
Ох, зажурилси наш царь, Алекса... ..андра, да э о и да,
Тол(и)кя ши, вот(ы), па в(ы)сеи жа,
Да па ма(я)туш(и)ки, вот(ы), па Маскве.*

*Па матушки, па Маскве(а), э ох,
Ох, ни пичалься, наш царь, Алекса... ..ан(ы)дра, да э ох(ы), да,
Тол(и)кяши, вот(ы), мы Рассе(ае)ю,
Да Рассею тур(ы)кам, вот(ы), ни здадим.*

*Рассею туркам ни здадим, э ох,
Ох, сабирем мы сваю силу-во... ..воиска, да э ох(ы), да,
Тол(и)кя ши, вот(ы), мы вазмем(ы), ои ли да,
Да злога, ох(ы), турка, вот(ы), пабядим.*

(с. Татарино Каменского района)

Уникальным явлением для всей русской традиционной культуры являются *карагодные* песни с особой хореографией — так называемой пляской «пересек», когда пляшущие мужчины и женщины выбивают каблуками разные ритмы, создавая особый ритмический аккомпанемент песне. Рассказывают, что в старину на свадьбах снимали ворота с петель и клали на землю для пляшущих, чтобы звонче и отчетливее было слышно игру ритмических рисунков. Правда, в воронежских селах сам термин «пересек» звучит гораздо реже, чем в белгородских. Песни под пляску с «пересеком» нередко имеют асемантический рефрен, поэтому их называют «алилешными».

*Ох, с-под зарю я стаяла, я зари да не видала,
Охы лели алилей лели, лели лели ли ох лели.*

*Я зари жа да не видала, я за мужам доглядала
Охы лели алилей лели, лели лели ли ох лели.*

*Я за мужам доглялала, мой муж — старичище,
Охы лели алилей лели, лели лели ли ох лели.*

*Сам ня ходя на игришша и мене, моладу, не пуская,
Охы лели алилей лели, лели лели ли ох лели...*

(с. Русская Тростянка Острогожского района)

Кроме того, карагодные песни отличаются особой мелодико-ладовой формой: напевы строятся не на яркой рельефной мелодии, а на быстром чередовании двух звуковых комплексов.

Типичным для песенного стиля воронежско-белгородского пограничья являются так называемые *таночные* песни. Это медленные хороводные песни, которые сопровождали *танок* — строгое обрядовое шествие женщин и девушек по улицам села. Танки водили обязательно на Трои-

цу, а также могли водить и в другие дни от Красной горки до заговин на Петровки, поэтому их еще называют «весновыми».

В текстах таночных песен сохранились реликты древних магических заклинаний в виде возгласов-обращений к славянским божествам, имена которых за столетия уже забыты и искажены, например: «Елиле! Цветочек мой, лазоревый, елиле» (с. Россошь Репьевского района). Яркий пример таночной песни был записан в селе Бутырки Репьевского района. Возглас «Лень!» — это, скорее всего, искаженное имя «Лель», к которому обращались за помощью в организации брака.

*Лень ли жа, ты, мая лень!
В нас на масту ды масту, пы калинаваму мосту.*

*Лень жа, ты, мая лень!
Па калинавам мосту да девка траву жала.*

*Лень жа, ты, мая лень!
Да девка траву ши жала да серебряным серпом*

*Лень жа, ты, мая лень!
Да серебряным серпом, пазалоченым стеблом.*

*Лень жа, ты, мая лень!
Да надъехал моладец, да надъехал неженатай.*

Ох, надъехал моладец.

*Лень жа, ты, мая лень!
Да надъехал неженатай, белай кудреватай.*

*Лень жа, ты, мая лень!
— Да Бог в помочь, табе, девушка, Бог в помочь, красная,*

*Лень жа, ты, мая лень!
Да Бог помочь, красная, шалкаву траву жати.*

*Лень жа, ты, мая лень!
Да серебряным серпом, пазалоченым стеблом.*

(с. Бутырки Репьевского района)

Что касается свадебного песенного цикла, то он отличается избыточностью и разнообразием форм. Видимо, первопоселенцы, прибывшие из разных мест России со своими песнями и обычаями, заимствовали их друг от друга, сохраняя при этом и свои. Консолидация песенного стиля произошла на новых жанрах, находящихся в продуктивной форме — на протяжных и плясовых песнях. Они повлияли и на стилистику свадебных песен. Так, например, плясовыми «алилешными» песнями, как говорят в народе, «обыгрывают» и молодых, и каждого гостя на свадьбе. Влияние протяжных песен ощутимо в свадебных прощальных песнях невесты: в них есть большие слоговые распевы, вставки, словообрывы и допевания, как, например, в широко распространенной «Сосне», которую поют невесте-сироте.

В исполнительском плане характерной особенностью стиля является высокий уровень импровизации, плотное многоголосие (два низких женских голоса и мужской голос в высоком регистре), заметная вибрация в голосе. Песни воронежско-белгородского пограничья.

3. Хохольско-нижнедевицкий локальный песенный стиль (или воронежско-курское пограничье, поскольку ареал выходит за пределы Воронежской области). Ядром этой традиции стал Нижнедевицк (Нижняя Девица) — село, основанное курскими служилыми людьми в конце XVII века и более полувека относящееся к Старооскольскому уезду Курской губернии¹². На формирование культурной традиции оказали влияние и другой административный центр, и другие политические задачи (уже не военные, а хозяйственные: освоение новых земель), другие водные артерии (две реки Девицы, которые неофициально в народе называют «красная» и «смердячая»).

Признаки консолидации хохольско-нижнедевицкого стиля выявляются в общем типе костюма. Здесь, как и в воронежско-белгородском пограничье, распространен у женщин поневный комплект, но декорирование поневы отличается более крупными клетками, оранжево-желтыми цветами вышивки, и только по подолу. Традиционная рубаша — с косыми поликами (более поздний вариант — на кокетке), головной убор — чепцеобразная шлычка или сорока на мягкой основе, называемая в народе «сорока с крыльями».

В песенном фольклоре хохольско-нижнедевицкая традиция менее консолидирована, чем в воронежско-белгородском пограничье. На сегодняшний день наиболее сохранились песни хороводно-плясовые, свадебные, были записаны единичные образцы протяжных песен, но больше всего — позднетрадиционных. По музыкальному языку в целом песни этого стиля отличаются меньшей распетостью текстов, простой напевов, как, например, песни села Новая Ольшанка Нижнедевицкого района. Разумеется, речь идет о тех напевах, которые удалось записать в конце XX века.

Но есть и свои «золотые россыпи». Прежде всего — это песни села Кочетовка Хохольского района, не похожие ни по распевам, ни по текстам ни на какие другие, а главное — с необычными ладовыми модуляциями. Глубокой народной мудростью, красотой поэтических приемов (образный параллелизм, символика), тонко орнаментированным подголоском отличается песня «Три дерева».

*Как у нас за дыбравкай на горушки,
Да стаял(ы), ста...стаял(ы) сат(ы), ды зеленой,
Ох, раззеленай.*

*Стаял сат зеленой, зеленой,
Ох, как вы эту, скажем, вы садо...чку,
Да стаяли, эх(ы), стаяли ани да три древа,
Ды ани, вот, три древа.*

*Стаяли три древа, три древа,
Ох, как пер(ы)вая в саду деревья...чка,
Да белая, ох(ы), белая яна ды береза,
Ды яна, ох, береза.*

*Белая береза, береза...
Ох(ы), как(ы) ды втарая в саду деревья...чка,
Ды яблан(ы)ка, ох(ы), ябланка, яна ды зелена,
Яна, ох, зелена.*

*Ябланка зелена, зелена...
Ох, как третья в саду деревья...чка,
Да грушен(ы)ка, ох(ы), гру(ю)шен(ы)ка, яна ды кудрява,
Яна, вот, кудрява.*

*Грушенка кудрява, кудрява...
Ох, как на пер(ы)вай в саду деревья...чке,
Ды саловью... са(я)ловьюш(и)ка да ен свишиша,
Ды ен, ох, расвишиша.*

*Саловьюшка свишиша, расвишиша...
Ох(ы), как на втарой жа в саду деревья...чке,
Ды кукушка, ох(ы), ку(ю)ку(ю)шка, яна, ды кукуя,
Яна, ох, кукуя.*

*Кукушка кукуя, кукуя...
Ох(ы), ка ды на третий в саду деревья...чке,
Да девчон(ы)ка, ох, дев(ы)чонка, яна ды гарюя,
Яна, вот, гарюя.*

(с. Кочетовка Хохольского района)

Другим уникальным явлением хохольско-нижнедевицкой традиции является обряд «вождение русалки» в селе Оськино Хохольского района, достаточно хорошо изученный и описанный¹³. Обряд совершают в следующее после Троицы воскресенье (на петровские загвины). Русалку здесь представляют в образе ряженого коня, ведут через все село, в каждом доме выпрашивая подавание, а за пределами села, на ржаном поле русалка как бы умирает, чтобы возродиться затем в злаках нового урожая. Сохранилась песня, сопровождающая этот обряд. Текст возвличивает молодых девушек, что типично для троичских песен. А вот возглас-рефрен, предшествующий каждой поэтической строчке, необычен и свидетельствует о древнем заклинании, смысл которого невозможно установить даже предположительно: «О, в лелей холэду!».

*О, в лелей холэду, да и с гор-гары, да ка...
Катилась, катилась, да, ох, катилася, да катилась.*

*О, в лелей холэду, да катилася, да ка...
Калясо, калясо, да, ох, калясо, калясо.*

*О, в лелей холэду, прикатилася да ка...
Ка таргу, ка таргу, да, ох, ка таргу, ка таргу.*

*О, в лелей холэду, стали ва тарге да спра...
Спрашивать, спрашивать, ох, спрашивать, спрашивать.*

*О, в лелей холэду, да что у вас нынче де...
Дешева, дешева, ох, дешева, дешева.*

*О, в лелей холэду, да ю нас дешева да мо...
Моладцы, моладцы, да, ох, моладцы, моладцы.*

*О, в лелей холэду, да за моладца да лы...
Лык пушню, лык пушню, ох, лык пушню, лык пушню.*

*О, в лелей холэду, да за харошега да две...
Две дадут, две дадут, ох, две дадут, две дадут.*

*О, в лелей холэду, за пригожега да три...
Три дадут, три дадут, ох, три дадут, три дадут.*

*О, в лелей холэду, стали ва тарге да спра...
Спрашивать, спрашивать, ох, спрашивать, спрашивать.*

*О, в лелей холэду, да что у вас нынче до...
Дорага, дорага, ох, дорага, дорага.*

*О, в лелей холэду, ю нас дораги да де...
Девушки, девушки, ох, девушки, девушки.*

*О, в лелей холэду, да за девушку да сто...
Сто рублей, сто рублей, ох, сто рублей, сто рублей.*

*О, в лелей холэду, за харошаю да две...
Две дадут, две дадут, ох, две дадут, две дадут.*

*О, в лелей холэду, за пригожаю да сме...
Смету нет, смету нет, ох, смету нет, смету нет.*

(с. Оськино Хохольского района)

4. Центрально-воронежская локальная песенная традиция (лево-бережье среднего Дона) рассыпается на микроареалы, которые назовем по рекам, поскольку они географически удобнее всего привязываются именно к рекам:

- мамонская традиция (река Мамонка — левый приток Дона — высохла, осталась лишь в названии сел Верхний Мамон и Нижний Мамон в Верхнемамонском районе) формировалась в среде переселившихся однодворцев — бывших служилых людей с Белгородской черты;

- осередская традиция (река Осередь — левый приток Дона) охватывает села Бутурлиновского района и отдельные села Павловского, Воробьевского районов; села были основаны крестьянами, привлеченными для работы на Павловской (Осередской — до 1715) верфи;

- битюжская традиция (река Битюг — левый приток Дона) охватывает большинство сел Аннинского, Бобровского, Лискинского (села по реке Икорец) районов, заселявшиеся в XVIII веке крепостными (дворцовыми) крестьянами из центральных губерний России;

- хворостанская традиция (река Хворостань — левый приток Дона) включает в себя села Каширского и некоторые села Лискинского районов;

- верхнехоперская традиция (река Хопер — левый приток Дона) — родина казачества, хотя на территории Воронежской области коренных казачьих песенных традиций нет, так как казачьи городки были уничтожены Петром I за поддержку крестьянских восстаний в начале XVIII века), традиция охватывает села Новохоперского и Борисоглебского районов.

Итак, к началу XVIII века обширная часть воронежского края была не заселена: это правобережье Дона или так называемая «Ногайская сторона». Набеги кочевников были редкими, но опасными. Так, в 1670-е годы полностью была разорена Колыбелка (селение на территории современного Лискинского района). Вторичное заселение Колыбелки произошло уже во второй половине XVIII века, когда земля отошла к крупнейшим землевладельцам помещикам Тевяшовым¹⁴.

После азовских походов Петра I (1695-96) и прекращения набегов крымских татар, началось хозяйственное освоение ногайской стороны воронежского Придонья. Здесь уже были самовольные поселения, но по приказу Петра I в 1699 году они были сожжены. Это Анна, Бобров, Мосоловское, Эртиль. В 1705 — были выселены казаки из Богучара по той же причине: самовольно поселившиеся. Кроме того, были сожжены и казачьи городки на Хопре.

Главная особенность в заселении левобережной ногайской стороны Дона в том, что земли осваивались дисперсно потоками переселенцев, разными в сословном отношении (однодворцами, государственными, дворцовыми, экономическими, помещичьими крестьянами).

Пожалуй, только на юге Воронежского края, заселявшемся украинскими казаками — черкасами, сформировалась более монолитная песенная традиция. Но поскольку она представляет другой этнос — украинцев, в этой статье мы касаться ее особенностей не будем, тем более, что статьи на эту тему тоже есть¹⁵.

Специфика песенного стиля центрально-воронежской зоны выявляется не столько в том, чем она представлена, сколько в том, чем она не представлена, по сравнению с другими песенными стилями на воронежской земле.

Прежде всего, общность выявляется в структуре песенной системы: традиция формировалась сравнительно поздно, поэтому раннетрадиционные жанры в ней занимают несущественное место, календарные песни представлены исключительно колядками, песни сезонной приуроченности (хороводные, протяжные) не фиксируются; в свадьбе — уменьшение и сокращение песенного репертуара, типовых форм, отсутствие политекстовых напевов, появление в свадьбе песен-замещений, которые по напеву относятся к жанру протяжной песни.

В музыкальном мышлении народных исполнителей тоже выявляется общность: отсутствуют напевы в узкообъемных ладах; преобладают формы, опирающиеся на книжный силлаботонический стих; преобладающим типом многоголосия является двухголосие с подводкой (разновидность функционального двухголосия); в напевах более выражена опора на тональное мышление.

Тем не менее, микроареалы центрально-воронежского стиля имеют свои отличительные признаки и свои наборы песенных шедевров.

Наиболее яркая и лучше всех сохранившаяся до сегодняшнего дня традиция фиксируется в осередских селах. Это села Гвазда, Пузево, Клеповка Бутурлиновского района, Ерышовка Павловского района, Солонцы Воробьевского района (выселки из Гвазды и Клеповки). Здесь сформировался особенный тип женского праздничного костюма: понева в мелкую красную клетку, декорированная по оклады красным ситцем и вертикальными вышитыми полосами, рубаха с прямыми поликами и «ремнем» — накладным украшением из вышитой ткани и украшенной блестками и бисером, высокий кокошник с позатыльником или «обвязка» (в селе Гвазда сильно модернизированный уже в XX веке).

В музыкальном фольклоре центральным жанром песенной системы является широкораспевная протяжная песня. По сюжетам, по стилистическим признакам она существенно отличается от протяжных песен воронежско-белгородского пограничья: здесь преобладает двухголосие с подводкой (а не с квинтовым подголоском), мелодии — большого диапазона с широкими интервальными скачками, манера исполнения — руб-

ленная, с агрессивной подачей звука, выразительным паузированием. В поэтической композиции символическая часть сокращается или вообще отсутствует, переходя сразу к бытописанию («Спал я в хате на кровати», «Прошла младость, пришла старость»).

*Жала, жала толька девчоно...чка колкаю, ох да, крапивишку,
Е, ой да, слала, слала толька девчоно...чка мяжкаю, ой да посте...постелю.*

*Слала, слала толька девчоно...чка мяжкаю, ой да, посте...постелю,
Е, ой да, ждала, ждала толька девчоно...чка полковню...чка в го...да в гости.*

*Ждала, ждала толька девчоно...чка полковню...чка в го...да в гости,
Е, ой да, всю я ночкию толька прождала, е ой, не могла дожда...дождаться.*

*Всю я ночкию толька прождала, не могла дожда...дождаться.
Е, ой да, утром рано толька на заре, е, ой да весточья прихо...приходя.*

*Утром рана толька на заре, ох, весточья, ох, да прихо... приходя,
Е, ой да помер, помер только наш полко...внючек своей ско...скорой смертью.*

(с. Гвазда Бутурлиновского района)

Мамонская традиция сформировалась в селах, основанных служилыми людьми с Белгородской черты, но приняла поток переселенцев с северных районов Воронежской области, а также из других губерний центральной России (например, г. Данкова Рязанской области). Несмотря на это, она смогла консолидироваться. И объективные факторы для объединения населения — это окружение украинским населением с юга, запада и востока. Конечно, влияние украинской культуры проявляется, например, в женском костюме. Здесь распространена однотонная штофовая юбка (хотя женщины 1905-1907 гг. рождения вспоминали, что их бабушки носили поневы), рубаха с прямыми поликами и цветочной вышивкой, жилеты — *куфайки*, напоминающие украинские корсетки, головной убор — кокошник в форме твердой шапочки с позатыльной. Скорее всего, такие заимствования связаны с упрощением костюма и более быстрым воспроизводством. Это общая тенденция, характерная для любого региона России.

В музыкальной стилистике мамонской песенной традиции есть признаки, роднящие напевы и с воронежско-белгородским пограничьем (в свадебных песнях)¹⁶, и с осередской традицией (в протяжных песнях), с нижнедонскими казачьими традициями (в сюжетах). В то же время все эти признаки переплавлены в некий самобытный стиль. Например, известный у казаков и верхнего, и нижнего Дона сюжет «Батюшка наш Дон» распет в Вернем Мамоне с удивительной широтой, именно по-южнорусски.

*Батюшка наш Дон,
Дон Иванович,
Дон Иванович, э а,
Доночек наш Ива... наш Иванович.*

*Про тебя ли, батюшка наш Дон,
Идет слава добрая,
Слава добрая, э а,
Идет она, она слава до... слава добрая.*

*Про тебя ли, батюшка наш Дон,
Идет весть хорошая,
Весть хорошая, э а,
Идет она, весть хоро... весть хорошая.*

*Протекаешь, батюшка наш Дон,
Сверху донизу,
Сверху донизу, э а,
Протекаешь ли сверху до... сверху донизу.*

*На твоих ли крутых берегах
Живут люди вольные,
Люди вольные, э а,
Живут они, люди во... люди вольные.*

(с. Верхний Мамон Верхнемамонского района)

Удивляет незначительное число плясовых песен и полное отсутствие хореографических форм в традиции. Зато достаточно долго (до середины XX века) здесь удерживался *обряд кумления девушек* (своеобразные инициации девочек, вступающих в пору девичества). Обряд совершался на Троицу, в саду, в уединении: девушки целовались через венок, обменивались подарками и обещанием взаимопомощи, затем шли парами к Дону и бросали венки в воду, загадывая желание. Обряд сопровождался песней «Веселая беседа».

Битюжская традиция. Традиции сел по реке Битюг — формировались из переселенческих традиций дворцовых крестьян Московской, Ярославской, Костромской губерний. В XVIII веке даже существовала Битюцкая дворцовая волость, центром которой стал Бобров¹⁷. В этих селах не встретишь традиционную южнорусскую поневу. Из северных уездов с дворцовыми крестьянами попал к нам и закрепился в качестве женской одежды сарафан, который кое-где называют «юбка с проймами», например, в с. Пчелиновка.

Песенные традиции здесь — пестрые, так что к ним очень подходит поговорка «что ни село — то обычай». Общность проявляется, прежде всего, в том, что отсутствуют обрядовые формы фольклора: практически нет календарных песен и обычаев, свадебные обряды и свадебные песенные циклы не развиты. Сказалось, видимо, то, что в момент формирования традиций большие и крепкие патриархальные семьи, как главные очаги местной народной культуры, отсутствовали, а судьбы крестьян всецело зависели от владельцев и управляющих.

В битюжской традиции уникальным является село Пчелиновка — поговору, по составу жанров, по костюму, по исполнительской манере. Пчелиновские протяжные песни аккумулировали художественное мастерство, опыт, таланты нескольких поколений и являются жемчужиной южнорусского фольклора¹⁸. Вот, например, песня о рекрутском наборе.

*В славном гораде, вот гораде,
Ои, да ва слав(ы)нам(ы) го(е)...ох(ы), гораде, да,
Е еще ва Варо(е)...ой, ва Воронеже.*

*Ва Варонеже, Варонеже...
Ои, да у... у купса, ох(ы), у купса,
У купса бага...у багатава же да купса.*

У багатава, багатава,
Ой, да жа, ох(ы), у няво...ох(ы)-та, была-та
Три сына любі (я)... ой, три любімыва ши да сына.

Три любімыва (й), любімыва,
Ой, да же как да(й) ате(е)...с(ы) с мате́рью да,
Ані думы дума...ой, думы ду...думали(я).

Думы думали(я), да думали(я),
Ой, да как же дума...ой, думали,
Ані все саве...ой, все саве...тали(й).

Все саветали, саветали,
Ой, да какова сына, сына во салда...ой,
Сына ва солда(я)...ой, ва салда...тушки аддать.

Ва салдатушки да нам аддать...
Ой, да нам(ы) аддать, э, бы нам аддать,
Вот(ы), сына бо...ой, сына бол(и)шава.

Сына большава, вот большава...
Ой, да как у болиша(я)...ой, у сына-та,
У няво детей жа, детей было дюжа ды многа.

Детей вить многа, да многа...
Ой, да нам, дай аддать, э, нам аддать-та,
Нам сына сре(я)...ой, сына сре..днива.

Сына среднива, ой, среднива...
Ой, да как да у сре(е)...эй, да сына-та,
У няво жена...ой, жана была дюжа хараша.

Жана хараша, ой, да хараша...
Ой, да нам жи аддать, ой да нам аддать-та,
Ой да сына ме...ой, сына ме...н(и)шава.

Сына меньшава, да меньшава...
Ой, да, как мен(и)ша...ой, меньшей сын-та,
Да он все васпла(я)... ой, сын васпла...кался.

Сын васплакался, васплакался...
Ой, да же атсу с ма(я)...ой, с мате́рью-та,
Дда он сын васжа(я)...ой, сын вазжа...лился.

Со слов:
Атец с мате́рью и говорят:
Што ш вы, дети, дети милые,
Идите-ка вы ва темны леса,
Вы срежьте там на прутіку.
Вы киньте на жребейку —
Каму итить ва салдатушки.
Дасталась итить
Да вот сыну меньшаму.

(с. Пчелиновка Бобровского района)

Пчелиновскую традицию делает узнаваемой исполнительский стиль: импровизируя на основе обычного функционального двухголосия, певцы делают осознанные задержания в мелодических линиях, предъёмы, что вызывает появление кластеров — плотных созвучий из нескольких секунд.

Хворостанская традиция к концу XX века не сохранила в своей народной культуре слоя традиционных песен, возможно, просто не была консолидирована. Во всяком случае, ни выявить ярких исполнительских коллективов, ни записать традиционных песен в экспедициях Воронежской государственной академии искусств не удалось. А вот в традиционном костюме местные особенности выявляются: красная понева, рукава и завески декорированы красноузорным ткачеством¹⁹.

Верхнехоперская традиция — глубокая периферия центрально-воронежского песенного стиля. И Новохоперский, и Борисоглебский уезды значительное время находились в составе Тамбовской губернии, поэтому культурные связи и влияние воронежской песенной традиции были слабыми. Здесь не удалось сфотографировать ни одного полного традиционного костюма (только отдельные элементы — понева, рубахи без вышивки).

Традиция не консолидирована, не имеет ярких песенных очагов и устойчивых признаков исполнительского стиля, в том числе и казачьей культуры. Все казачьи влияния — поздние, заимствованные из соседней Волгоградской области мужиками, которые уходили к казакам на отхожие промыслы — плотниками, кузнецами, пахарями и пр. Но это не значит, что в селах не поют и не знают традиционных песен. Опубликованные материалы экспедиций 1973 и 2008 года это доказывают²⁰. Были записаны протяжные песни, свадебные, хороводно-плясовые, детский и материнский фольклор, духовные стихи. Например, в 2008 году удалось записать удивительные протяжные песни в селе Губари Борисоглебского района. Все они по музыкальной стилистике относятся к поздне-традиционным песням, а некоторые напоминают советские массовые песни 30-х годов.

Как над яром, над ярочком там стояли... эх, три садочка.

Как во первом, эх, во зеленом, кукушечка, эх, куковала.

Как во другом эх, во зеленом, соловьюшка, эх, распевала.

Как во третьем, эх, во зеленом, дороженька, эх, пролежала.

Как по этой по дорожке мать сыночка, эх, провожала.

Ты, сыночек, мой сыночек, сын мой, ясный соколочек,

Скажи мамке повернее, кого любишь всех милее.

Люблю тещу за советы, а жененку за приветы,

А жененку за приветы, тебя, мамка, эх, жалче в свете нет.

(с. Губари Борисоглебского района)

Лоскутное одеяло воронежской песенной традиции, надо признать, в некоторых местах обветшало: забыты песни, костюмы. Но, будем надеяться, что появятся новые энтузиасты, которые по крупицам из небытия восстановят и традиционный костюм, и песни. Так случилось в конце 90-х годов XX века в селе Русская Буйловка Павловского района. Местные жительницы сами начали опрашивать стариков, искать старин-

ные предметы одежды и быта и создали в своем селе не только этнографический музей, но и фольклорный ансамбль — своеобразный музей традиционной песни. Пусть это чудо — возрождение традиционной культуры в форме живого музея — случится в каждом селе! Ведь сколько будет жив человек, столько его будет интересовать не только будущее, но и прошлое!

Сноски и примечания:

¹ Линева Е.Э. Великорусские песни в народной гармонизации. СПб., 1904, вып. 1.; Русские народные песни Воронежской области. М.-Л., 1939; Русские народные песни, записанные М.Е. Пятницким. Сост. А. Широков. М., 1964; 50 русских народных песен сел Верхний Мамон и Россошь Воронежской области / Сост. Кустовский Е.М. — М.: СК РСФСР, 1985; Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской обл. Составители Сысоева Г.Я. и Пухова Т.Ф. Воронеж, 1999; Ходил Ваня по лужочку / Сост. Г.Я. Сысоева. — Воронеж, 2000; Сысоева Г. Цветочек мой лазоревый: Народные песни Воронежской области. Воронеж, 2009; Сысоева Г.Я. Песенный стиль Воронежско-белгородского пограничья. Воронеж, 2011. Традиционная культура Воронежской области: Борисоглебский район / Сост. О.С. Токмакова. — Воронеж, 2013.

² Сысоева Г.Я. Локальный стиль воронежско-липецкого пограничья (к вопросу о выделении локальных песенных стилей в областях Черноземья) // Народная культура и проблемы ее изучения. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. II. — Воронеж. ВГУ, 2005. С.175-187.

³ Загоровский В.П. Воронежская историческая энциклопедия. — Воронеж: Истоки, 1992. С.191-192, 203.

⁴ Кретьова О. Русский город Воронеж. — Воронеж, 1986, 238 с. — С.9.

⁵ Воронеж в документах и материалах / под ред Кудиновой В.В., Загоровского В.П. — Воронеж, 1987. — С. 5.

⁶ Цыбин М.В. Юго-восточная окраина Руси во второй половине XIII-XIV вв. (район Среднего Подонья // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. — М., 1987, с.167-203.

⁷ Сообщила Вахтина Н.Г., 1912 г.р. Архив КНМ... отчет 59, с.10.

⁸ Сообщила Ловчикова М.И., 1925 г.р., с. Каменка. Архив КНМ ВГАИ, отчет 59, с.10.

⁹ Сообщили Даниловы М.В., 1939 г.р., и К.Ф., 1945 г.р., с. Новосильское. Архив КНМ ВГАИ, отчет 59, с.11.

¹⁰ Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. — Воронеж, 2011. — 392 с., нот.

¹¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969.

¹² Воронежская энциклопедия. Том II. — Воронеж, 2008. — С. 21.

¹³ Крюкова Т.А. «Вождение русалки» в селе Оськино Воронежской области (По материалам экспедиции государственного музея этнографии, 1936 г.) // «Советская этнография», 1947, № 1. — С. 185-192; Сысоева Г.Я. «Вождение русалки» в селе Оськино Воронежской области (по записям конца XX века // «Живая старина», № 4 (64). — М., 2009. — С. 28-30.

¹⁴ Воронежская энциклопедия. Том 1. — Воронеж, 2008. — С. 365.

¹⁵ Сысоева Г.Я. Где староста с буярином, там и сват с дружкой (Особенности традиционной культуры Богучарского района) // Истоки: Этнокультурные особенности Воронежского края / Приложение к журналу «Подъём». Серия «Подъём-регион». Воронеж, 2014, 336 с. — С. 239-251; Христова Г.П. Песенные традиции в воронежских селах (там же). — С. 257-264.

¹⁶ Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области / Сост. Т.Ф. Пухова и Г.Я. Сысоева. — Воронеж, 1999.

¹⁷ Воронежская историческая энциклопедия. Т. 1. — Воронеж, 2008. — С. 241, 81.

¹⁸ Сысоева Г.Я. Песни села Пчелиновка // Вопросы этномузыкознания. Журнал. — М., 2013. Вып.1. — С. 47-59.

¹⁹ Толкачева С.П. Народный костюм Воронежской губернии. — Воронеж, 2007. С. 165-171.

²⁰ Традиционная культура Воронежской области: Борисоглебский район / Сост. О.С. Токмакова. — Воронеж, 2013. — 88 с.

Мария Медведева,

*старший научный сотрудник
музея-усадьбы Дмитрия Веневитинова*

МАГИЯ СЛОВ И МУЗЫКА РЕЧИ

(Особенности говоров жителей
лискинских сел по реке Хворостань)

Население современного Лискинского района формировалось в результате сложных миграционных процессов, происходивших на протяжении нескольких столетий, начиная с XVI века (строительство сторожи «у Богатого затона» и крепости Воронеж). В зависимости от исторических, социально-демографических и культурных факторов его можно объединить в несколько групп. Основными критериями выступают здесь численность общности, история появления на этой территории, характер расселения и принадлежность к определенным историко-культурным системам (религия, духовная культура, система социальных норм и т.п.)

Этнические группы имеют развитую социальную структуру. Среди них есть как городские, так и сельские жители. Кроме того, данные этнические общины кардинально отличаются своими историко-культурными системами.

ЦУКАНЫ, ТАЛАГАИ И ХОХЛЫ — ВСЕ ВМЕСТЕ

В районе насчитывается несколько локально-этнических (этнотерриториальных), этносословных, этноконфессиональных и иных субэтнических групп.

К таким относятся, в частности, *цуканы*. Это пришлое население, заселившее верхнее течение реки Хворостань в 60-70 годы XVIII века. Эта этнотерриториальная группа в составе южнорусского населения, различавшаяся по сословной категории: в XIX — начале XX века цуканы относились к разрядам помещичьих, экономических и монастырских крестьян. Проживали компактной массой в бассейне р. Хворостань: села Копанице, Тресоруково, Марьино, Почепское, Рождествено, Дракино, пгт. Давыдовка. Прозвище «цукан», по мнению Н.И. Второва, связано с цоканьем в говоре (замена звука «ц» на звук «ч», например: чапля — цапля, чирябать — царапать, чирямония — церемония и др.) А. Путинцев

предположил, что кличка могла произойти от слова «чукавый» — догадливый, сметливый (по словарю В. Даля), либо от чукан — «щеголь». Предполагается, что локальный этноним «цуканы» был первоначально присвоен как прозвище жителям перечисленных выше сел соседями-однодворцами. Еще одной особенностью говора цуканов является замена звуков «о» и «а» на «ы» и «и» — «пычаму», «мыкароны». В «Толковом словаре» В.И. Даля читаем: «Цукан (тамбовское, воронежское) — цокальщик, кто говорит ц вместо ч».

По мнению Н.И. Второва, цуканы сохранили в памяти рассказы о том, из каких мест переселились их предки. Сами названия нынешних населенных пунктов указывают на места их первоначального жительства — подмосковные села: Рождествено, Тресоруково, Дракино и др. Последующие исследования поставили, однако, под сомнение этот вывод Н.И. Второва. Ссылаясь на исследователя цуканских сел в 1950-х годах Н.И. Лебедеву, А.З. Винников, С.П. Толкачева и В.И. Дынин предположили, что эта группа населения значительно более древняя, сохранявшаяся в глухих местах южнорусского региона еще с домонгольских времен, а позднее — в XVI — XVIII веках — впитавшая в себя новые переселенческие волны из центральных уездов России. Таким образом, цуканы являются, по их мнению, остатками древнего славянского населения Дона, позднее смешавшегося с однодворцами или переведенного в разряд служилых людей.

А.А. Бережной и А.С. Ракитин, проанализировав фамилии жителей сел по реке Хворостань, а также ряда подмосковных сел, пришли к выводу, что, например, переселенцы села Дракино Коротоякского уезда не были жителями одноименного села Дракино Серпуховского уезда Московской губернии. Кроме того, ряд фамилий жителей нынешних хворостанских сел не встречаются на юге Московской губернии даже в начале XX века, а некоторые из них имеют тюркские корни. Следовательно, часть нынешних жителей по реке Хворостань имеет явно автохтонный признак.

Следует отметить также, что в прошлом цоканье действительно являлось одной из характерных особенностей говора «цуканов»; однако большинство жителей «цуканских» селений утратило эту особенность говора в начале XX века. Прозвища указывают, что, вероятно, изначально «цуканы» и другая этногруппа — «талагаи» — отличались особенностями говора.

Талагаи — это часть исконного населения, заселявшего нижнее течение реки Хворостань еще в XVII веке — локальная группа однодворцев, проживавшая в пределах Лискинского района в селах Старая Хворостань, Селявное-2, Бодеевка, хуторах Новозадонском и Титчихе. Этнолог Д.К. Зеленин изучал их в начале XX века, по его мнению, талагаи — остатки расселения тюркского суперэтноса Придонья, Приволжья, растворившиеся в южнорусском населении. По поводу происхождения этнонима-прозвища «талагаи» высказывались различные точки зрения. Прозвище «талагаи» Н.И. Второв связывал со словами: талала — «картавый, дурно говорящий» (по словарю В. Даля) и гаять — говорить, или от слова талалакать — картаво, дурно выговаривать. Возможно, есть и другое объяснение прозвища, по особенностям одежды — талагайские мужчины носили рубахи с узкими полками, т.е. надплечным узором, как на женских рубахах. Такая рубаха называется «талагаи» (по словарю В. Даля: верх-

няя мордовская женская рубаха с вышивками). Мордовский костюм мог быть известен соседям — цуканам, слово это они могли сначала применять к «талагайским» рубахам, а потом и носящим такие рубахи.

Другие исследователи сходятся во мнении, что прозвище «талагаи» буквально означает «бездельники, невежи». В.И. Даль указывает несколько различных значений слова «талагай»: лентяй, шатун, тунейд; большой болван, неуч, невежа; (воронежское бранное) однодворец; вообще странный, чужой мужик, отличаемый по одежде; (симбирское) мордовская женская верхняя рубаха. В говоре это проявляется в следующем: произносят «що» вместо местоимения «что», смягчение звука «к» (чайкю, «Ванька и т.п.), двойное твердое «шш» вместо «щ» (тешша), употребление слова «кае» в значении где.

Уже в начале XX века краевед И. Ферронский отметил общность культурной и материальной жизни жителей сел бассейна реки Хворостань, цуканы и талагаи говорили на общем цуканско-талагайском наречии. «Мы хворостанские», — говорили мужики в начале прошлого века, не вдаваясь в подробности, в каком конкретном селе они живут. Любопытный факт — диалектные особенности языка юга Московской губернии XVIII века сохранились в речи современных жителей бассейна реки Хворостань, при этом речь жителей юга Подмоскovie максимально приближена к литературному русскому языку.

Следующая этнотерриториальная группа — *украинцы (хохлы)*. Значительная часть их проживает в селах Троицкое, Щучье, Лиски, Залужное и др.

На предмет исследования, а именно на говор жителей по реке Хворостань, оказал влияние говор жителей села Троицкого. Разговаривают на «хохлацком» (именно так свой говор называют сами местные жители), т.е. на суржике — слободском диалекте, смеси русского и украинского языков.

Например: слово «заместо» среднее между украинским «замість» и русским «вместо». То же самое можно сказать про слово «шо», соответствующее русскому «что» и украинскому «що». Замена творительного на винительный после предлога: «поговорить за сына». Замена практически не употребляемых в украинском языке активных причастий на словосочетания «такой, что» (или «такой, который»). «Про» вместо нормативного «о», например «говорить про что-то» вместо «говорить о чем-то». «На» вместо нормативного «по»: «как на меня» (по-украински «як на мене») вместо «как по мне», «ихний» вместо «их» (притяжательное местоимение). Местный говор очень отличается от чистого русского, печатного языка, так, что он плохо узнаваем. Иногда в говоре прослеживается замена звука «к» на «ц» — «поехати в ДавыдовЦу» или «був в ДавыдовЦи». «Хохлацкий говор», если слушать его со стороны, отличается как бы более резким тембром звучания. В нем вместо мягких [e], [и] — [э] и [ы].

У русских «ревет», у хохлов [рэвэ],

Дорожка — [стэжка],

Родник, ключ — [крыныца],

Затылок — [потылыца],

Лестница — [драбына] и т.д.

Ряд слов, распространенных в бытовой речи жителей с. Троицкое, употребляются жителями соседних сел по реке Хворостань.

Например: вэчерять или вечерять (ужинать), гурковать или гуркуэ (ворковать, воркуе, воркует), койка (кровать), огурок (огурец), морква (морковь), поганый (плохой), срам (стыд, позор), лоханка (большой сосуд для чего-либо) и др.

ВЕРХНЕДОНСКИЕ КАЗАКИ ТОЖЕ ПОВЛИЯЛИ

Несмотря на то, что на протяжении веков под влиянием исторических и социальных условий происходила культурная консолидация различных групп, постепенно исчезали определявшие их названия, все же и до нашего времени сохранились некоторые специфические особенности в одежде и других компонентах традиционной культуры, а также в говоре. Например, в разговорной речи некоторых сел Лискинского района встречаются элементы говора верхнедонских казаков. Утверждение автора по данному вопросу не претендует на научность, однако, по мнению ряда старожилков исследованной местности (села по течению реки Хворостань — в большей мере жители нескольких улиц села Дракино и поселка Давыдовка), они говорят частично «по-казачьи». До сих пор в разговорной речи вместо «и» употребляют иногда «ы»: например, вЫшня, вместо вишня. Сходное произношение характерно для украинского произношения, произошло ли заимствование напрямую от потомков украинских переселенцев или от казаков, сейчас уже трудно сказать. Вместо «щ» и «сч» почти всегда употребляют двойной звук «ш», например: братишша, дружишша, пешшинка (песчинка), штука, (щука), ишшо или ишто (еще).

Подобное звучание характерно также для талагаев. Однако звучание более твердое, чем у жителей, например, села Бодеевка (где в основном проживают потомки талагаев). В деепричастиях вместо «в» почти всегда употребляют «м»: наемшись напимшись, помолимшись и т. д. Вместо «в» часто произносят «л», например: ослобонить, тыкла (тыква): «б» вместо «г»: постбать (постегать): южнее вместо «ф» всегда «хв» — хворма, хварсить, ахвицер, Хведор, Хвилипп, Хвома и т. д.; предлог «с» заменяется частицей «сы», «са», «со»: сы друзьями, сы знакомыми или са друзьями. В некоторых словах приставляют или вставляют звук «о» или «а»: алимон, агромадный, пошено или пашено (пшено), пашаница (пшеница), кором (корм). В грамматическом отношении все существительные делятся только на два рода, мужской и женский, среднего же рода нет. К существительному среднего рода прилагают местоимение в женском роде, например: кому какая дела, кому какая счастья. Также говорят: куриная яйцо, жаркая сонца (солнце), разбитая окно, теплая пальто, гнилая яблоко или яблока.

Кроме того, в языке сохранились «казачьи слова»:

- Анадысь — намедни, на днях;
- Анчибел — нечистый дух;
- Анчутка — чертенок;
- Баз — двор;
- Байрак — овраг;
- Бусорь — дурь, глупость;
- Кильдим — беспорядок иногда кладовка;
- Повечерять — поужинать;
- Рази — разве;
- Расстебывать — расстегивать;
- Расхлебенить — отворить настежь;

Ружо — ружье;
Рукомесло — ремесло;
Скиперда — злость;
Тю! — восклицание, возмущение, удивление;
Щикилять — хромать;
Хантурник — бездельник, отсюда шляться по хантурам (бездельничать);
Корец — ковш;
Кутенок, кутик — щенок, и другие.

Некоторые элементы казачьей культуры хранит и наша земля. Краеведом Валентином Изюмцевым найдены предметы материальной культуры казаков: пуговицы, части конской упряжи, нательные крестики, награды и др., которые хранятся в фондах Лискинского историко-краеведческого музея.

Каким образом казаки имеют отношение к лискинской территории?

Земля Войска Донского находилась в непосредственной близости к Воронежской губернии. Разумеется, существовали культурные связи.

К тому же часть населения современного Лискинского района — это потомки талагаев, а в языковом отношении они близки казакам.

Есть краеведы, считающие, что на территории нашего края проживали переселенцы из Верхнего Дона. Свои умозаключения они делают на основании работ Е. Савельева и В. Татищева. Авторы книг «Древняя история казачества», «Лексикон» пишут о станице Новогорье, которая располагалась «на левом берегу Дона при устье реки Игорец, выше Колыбелки 12 верст, ниже Дивногорского монастыря...» Также в непосредственной близости находились станица Усть-Битюцкая (на р. Битюг) и Белогорска (на р. Дон, вблизи Белогорского монастыря).

Источников для изучения ранней истории нашего края, так же, как и по истории казачества этого периода, недостаточно. Вопрос требует дальнейшего изучения.

ЕСТЬ ДАЖЕ СВОЙ СЛОВАРЬ

Таким образом, в говорах различных локальных групп населения современного Лискинского района отмечаются определенные особенности, но в целом культура таких групп не выбивается из общих южнорусских традиций. Следует отметить общность традиционной культуры южнорусского сельского населения, ассимилировавшей разнообразные элементы традиций различных групп местного и пришлого населения. Уже в начале XX века А. Путинцев отмечал, что, несмотря на различия в быте все жители по реке Хворостань имеют один общий — «акающий» — говор, с различными поднаречиями цуканско-талагайского наречия. В целом данный тип говора характерен для всего Воронежского края, что отличает жителей этой местности от соседей.

Особенности произношений названий сел в цуканском и талагайском говорах: «ХвАрастань» — Хворостань, «АношкинА» — Аношкино, «БадЕйвА, БадЕйвкА» — Бодеево, «МашкинА» — Машкино, «ТрисарукАвА, ТрушкинА» — Тресоруково, «МитяЙвкА, АтрепкинА, МитриевскАЯ» — Дмитриевское, «ДракинА» — Дракино, «ДавыдАвкА» — Давыдовка.

Характерной особенностью в произношениях данной местности также является замена звука «и» на «ы». Например: «Мы дракЫнские», «мЫкароны» и др.

В 1904 году А.М. Путинцев составил цуканско-талагайский словарь. В ходе исследования современного говора местных жителей удалось установить, что некоторые из слов того словаря продолжают использоваться в современной разговорной речи.

В словаре А.М. Путинцева содержится 350 слов, из них в современном языке продолжают употребляться — 92.

*Словарь цуканско-талагайских слов,
употребляемых в речи современных жителей
сел по реке Хворостань*

- Аборка — кусок веревки, обрывок, сборка на женской одежде;
Абьягорить — обмануть, надуть;
Аграмадина — огромный, большой;
Акатитца — разрешиться от бремени (об овце, кошке);
Амшаник — место для пчел на зимнее время;
Апосьля — после;
Атцеда — отсюда;
Бакча — посева арбузов, дынь, огурцов;
Батя, батяня — отец;
Борав — самец свиньи;
Брухатца — бодающийся (бычок), бодаться;
Брухучий — бодающийся;
Брюхатай — пузатый, толстый; брюхатая — беременная женщина;
Бугор — невысокий холм, иногда — кладбище;
Бузавать — бить, рвать;
Валандатца — водиться, связываться;
Ватага — стадо овец, иногда — толпа;
Виски — волосы;
Втупор, втупрошь — тотчас;
Выган — место для выгона скота, иногда пустое место;
Вядьметь — медведь;
Вдарить — ударить;
Вострай — острый;
Гандабить — городить, сооружать временное строение, ремонтировать;
Гаять — кричать, звать, но чаще — ругать или сплетничать;
Гладать — обгрызать (кости);
Грядущка — спинка кровати;
Гутарить — говорить;
Дирбулызнуть — сильно ударить;
Диликать — петь;
Дражнитца — дразниться, обзываться;
Дык, дак — так;
Ерипентца — задирается, сопротивляется;
Егоза — вертлявый, непоседливый;
Жировать — весело, привольно жить;
Замалаживать — засинеть небу;
Заосенять — заолодять;
Зъвездануть — сильно ударить;
Звязло — ругающийся человек;
Злыдень — злой человек;

Изуметь — суметь;
Ишшо — еще;
Камолай — безрогий;
Карга — старая женщина (ругательное);
Капна — куча сена;
Канапатай — покрытый веснушками;
Касюнек — жеребенок;
Кочит — петух;
Куралесить — проказничать, бездельничать;
Кухвайка — безрукавная одежда (теплый жилет);
Кучурявый — кудрявый;
Лапчатый — имеющий лапы;
Лапух — растение с большими листьями;
Лапша — крошеное пресное тесто, сваренное на каком-либо бульоне;
Лаканка — большой сосуд (изначально для корма скота);
Лихаманка — простуда на губах, герпес, иногда любая болезнь;
Лодырь — бездельник;
Лохмы — клочья, тряпки;
Лунка — небольшая круглая яма;
Лупить — бить;
Лытка — нога от ступни до колена;
Мга — мелкий дождь;
Маладятина — молодое мясо, зелень;
Малюсенький — маленький;
Масол — кость;
Матьня — место соединения брюк;
Мурлатый — крупнолицый;
Никчамушный — никудышный;
Набойка — часть каблука;
Невдамок — неизвестно;
Нутряной — внутренний;
Побóлить — подрасти;
Пулять — бросать;
Разбитной — смысленый, бойкий;
Сиверка — холод;
Склыка — спор;
Тараторка — болтун;
Тюлюкать — стыдить;
Узвар (взвар) — компот из сухофруктов;
Хвароба — болезнь, «захварал»;
Хмарной — хмурый, туманный;
Чемер — болезнь, чаще у животных;
Чижолай — тяжелый;
Чирий — нарыв;
Черпак — ковш;
Чиряпушка — глиняная чашка;
Шалапай — бездельник;
Шлятца — ходить без дела;
Шшоки — щеки;
Юркай — шустрый, быстрый;
Юшка — навар, уха;
Ядьренай — крупный.

Таким образом, в современном языке населения Лискинского района сохраняются некоторые особенности говора предков, что является отражением народной памяти. И если некоторые устаревшие слова продолжают использоваться, значит, они более емко могут обозначить события нашей жизни, чем их современные аналоги. И, следовательно, устаревший говор до сих пор является отражением этнокультурных традиций.

* * *

Итак, в речи современных жителей ряда сел Лискинского района по течению реки Хворостань сохранились отдельные элементы цуканского и талагайских говоров, присутствуют незначительно «хохлацкий» и «казачий». Сохраняются в быту и устаревшие слова, употребляется около 40 процентов слов, которые были характерны для данной местности еще 100 лет назад. Однако особенный народный говор все больше уходит в прошлое, так как молодое поколение старается «говорить культурно», то есть на литературном русском. Особенно в селах с развитой инфраструктурой, а в последнее время с развитием сотовой связи и интернета — повсеместно. К тому же сказывается род занятий, все чаще жители села работают за пределами того места, где живут, и, соответственно, стараются говорить «правильно», чтобы не прослыть «деревенщиной». Уникальный говор пока еще можно встретить в отдаленных селах и чаще среди пожилых людей. В связи с этим возникает острая необходимость организации экспедиций с целью исследования говоров. Только так мы сможем сохранить для потомков удивительную магию старых слов, неповторимую музыку народной речи. Главное, не опоздать. Ведь может статься, что спустя несколько лет это станет невозможным.

Литература:

1. Бережной А.А., Ракитин А.С. О заселении бассейна реки Хворостань // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Вып. 19. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2012. — С. 14-27.
2. Винников А.З., Дынин В.И., Толкачева С.П. Локально-этнические группы в составе Южнорусского населения Воронежского края // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2004. № 2. — С. 87-96.
3. Второв Н.И. Типы Воронежской губернии // Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. — Воронеж: Типо-Литография Губернского правления, 1886. — Т. 2. — С. 283-294.
4. Губарев Г.В., Скрылов А.И. Казачий словарь-справочник // enc-dic.com/cossack/Jazk-kazachi.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1882. — Т. 4. — 704 с.
6. Заскалкин И.В., Пешехонова Н.М. Троицкое — моя малая родина // И.В. Заскалкин, Н.М. Пешехонова. — Воронеж, 2012. — 284 с.
7. Зеленин Д.К. Талагаи и цуканы // Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 год. Воронеж, 1908. — С. 1-28.
8. Изюмцев В.И. Крестики, пуговицы, керосиновая лампа // Петровская слобода. — Вып. 6. — Лиски, 2013. — С. 45-47.
9. Кулаков В.М. Откуда есть пошло казачество лискинское // Лискинская газета. — 21-27.02.2001 г. — С. 9; 28.03.—3.04.2001 г. — С. 4.
10. Путинцев А.М. Материалы для изучения воронежских говоров. Опыт цу-

канско-талагайского словаря // Памятная книжка Воронежской губернии на 1905. Воронеж, 1905. — С. 13-32.

11. Путинцев А.М. О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1909 год. Воронеж, 1910. — С. 197-210.

12. Савельев Е. Типы донских казаков и особенности их говора. — Новочеркасск, 1908. — 15 с.

13. Ферронский И. Хворостань (Очерки из истории колонизации края) // Воронежская старина. — Вып. 7. — Воронеж, 1908. — С. 271-275.

14. «Хохлацкий говор» — архив музея МКОУ Троицкая СОШ.

Геннадий Ковалев,
*доктор филологических наук,
профессор Воронежского
государственного университета*

ИМЕНА НА ЗЕМЛЕ

(Топонимика открывает тайны)

*Дикость, подлость и невежество не уважает
прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим.*

А.С. Пушкин. Опровержение на критики

Большим познавательным и воспитательным потенциалом обладает язык земли — *топонимия*. Топонимические названия могут многое рассказать о жизни наших предков. Ведь очень часто бывает, что слова, зафиксированные в микротопонимии, сохранились только в ней, а из апеллятивной лексики уже исчезли, их в обычном, не ономастическом, виде можно встретить (да и то не всегда) лишь в древних письменных источниках. Ну как здесь не привести стихотворение воронежского поэта Льва Коськова «Урок географии»:

Разложена физическая карта,
Как много обольстительных имен:
Аддис-Абеба, Генуя, Джакарта,
Коломбо, Ла-Корунья, Лиссабон!
Пока, вертя указкой деревянной,
Учитель вел обыденный урок,
У нас под пальцем плавала Лозанна,
Гвадалахара, Ковентри, Бангкок.
Томили нас изысканные дали:
Оттава, Сан-Антонио, Далянь...
А рядом с нами жили и звучали
Елань-Колено... Анна... Лебедянь...

Однако в повседневной жизни мы зачастую встречаемся не только с древними названиями, но и совершенно волюнтаристскими переименованиями — названиями-фальшивками, совершенно никак не отражающими дух народа.

Как крик души можно рассматривать мысли поэта Н.А. Клюева, изложенные в письме к В.С. Миролюбову в 1915 году. И хотя поэт говорит здесь об использовании и сохранении народной лексики в художественных произведениях, в равной степени его слова можно отнести к исконно народным названиям, в частности микропонимии: «В меня не вмещается ученое понятие о том, что писатель-певец дурно делает и обнаруживает гадкий вкус, если называет предметы языком своей местности, т.е. все-таки языком своим народным. Такое понятие есть лишь недолговечное суеверие. Народная же назывка — это чаще всего луч, бросаемый из глубины созерцания на тот или иной предмет, освещающий его с простотой настоящей силы, с ее огнем-молнией и мягкой росистой жалостью, и не щадить читателя, заставляя его пробиваться сквозь внешность слов, которые, отпугивая вначале, мало-помалу оказываются обладающими дивными красотами и силой, — есть для поэта святое дело...» (Клюев Н.А., *Словесное древо*. СПб., 2003, с.231).

Константин Паустовский предостерегал шустрых до расправы с народными названиями безграмотных чинуш: «Названия — это народное, поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории, его склонностях и особенностях быта. Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это прежде всего грамотно, со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумал» (Паустовский, 1968, с.566).

Все те же беды преследуют и топонимию Воронежской области; например, согласно данным Всероссийской переписи населения, только за период чуть более десяти лет (1989-2002 гг.) с карты Воронежской области было стерто 41 название сельских поселений. А в последние годы это явление только наращивало темпы, поскольку к хозяйственно-экономическим причинам добавилась еще и преступная деятельность Министерства образования, следствием которой стало уничтожение сельских школ, что и вело к обезлюдиванию русской деревни.

Вот сообщение из газеты «Эртильские новости» (2001, 13 апр., с.4): «Много деревень и небольших поселков исчезло с географической карты Эртильского района. А какие они имели поэтические названия: Родничок, Васильевский, Свободный, Благодатный, Блинцовка. Остались от них заросшие сады, небольшие пруды, холмики от разрушенных усадеб».

В Калачеевском районе перестало существовать более 50 населенных пунктов («Калачеевские зори», 2005, 3 марта). В Новоусманском районе 19 населенных пунктов имеют менее 100 человек населения. А в селах этого района Успенская Хава и Плясово-Китаево недавно (2002 год) жили всего по два человека. Районная газета «Звезда» (г. Бобров) так и озаглавила свою полосу: «Последняя жительница поселка» (2006, 19 янв.). Речь шла о последней жительнице когда-то процветавшего поселка Павловка. Уйдут эти люди, и исчезнут названия!

Для сравнения данные по Семилукскому району: в с. Землянск на 2007 год проживало 3310 человек, а в 1883 (тогда еще городе) — 6440; на хуторе Быстрик в 1900 году жило 1064 человек, а в 2007 — всего лишь 63 (Кригер, 2008, с.57, 62).

Да, у многих жителей нашей области место рождения осталось лишь соответственной строчкой в паспорте, то есть место, где родился человек, в паспорте прописано, а в реальности его нет. Уже и традиция появилась: празднование былого поселения. Вот пример Россошанского района: «В

праздник Святой Троицы бывшие жители хутора Нарожина и соседних — Куплевахи и Матвеева — вот уже в течение пяти лет каждый год собираются вместе. Песни соловьев, шелест листьев заросшего сада, полувисокох пруд, кладбище — все, что осталось от прежнего хуторка» («За изобилие», 2006, 26 мая). Ох, не зря об этом была написана прекрасная книга краеведа В.В. Беликова «О былых хуторах покаянное слово» (Воронеж, 2007, 352 с.). Об этом же писал с болью бывший житель 1-й Ивановки Панинского района, проживающий сейчас в Рамони, С.В. Кучин: «Участь Каратеевки, Шейнки, Дроновки и тысяч других русских деревень может постичь и 1-ю Ивановку. И никто не узнает, и узнать не захочет, где такая деревня была. Вот это и подвигло меня к написанию истории моего сельца, из которого вышли мои родители. <...> И еще — теплится во мне надежда на то, что молодой человек после прочтения этой книжечки внимательнее отнесется к прошлому своего рода-племени. «Кто ниоткуда — тот никуда», сказал какой-то англичанин. Будем же помнить, откуда мы!» (Кучин, 2005, с.6).

Апофеозом уничтоженных сельских поселений является скромный обелиск с надписью «Велика Земля, а Родина одна». Этот обелиск стоит на месте бывшего поселка Красная Песчановка Эртильского района. На обелиске под выбитым могильным крестом так и означено: «Поселок Красная Песчановка. 1527—1977 гг.» («Аргументы и факты — Черноземье», 2011, №29).

В воронежской микротопонимии встречаешься с многими трудностями. Главная из них — утрата местными жителями сведений о происхождении того или иного микротопонима. Например, во многих селах есть улицы Садовые, но как они были названы: по единственному саду в селе или из-за обилия садов именно на этой улице? Утрачено понимание и редких названий. Так, в с. Щучье Эртильского района называют якобы бывшее здесь когда-то море *Асиньтон*, но никто уже не знает, что бы это слово значило? Возможно, какое-то старое название, связанное с *Доном*?

Большие трудности в трактовке микротопонимов возникают и в связи с изменением ландшафта (исчезновение прудов, родников, роц, лесов, хуторов и мелких поселений).

Именно эта категория собственных имен наиболее уязвима. Уходят без возврата старые названия улиц, частей населенных пунктов, а ведь они многое могли бы рассказать. Вот, например, в Верхней Хаве были когда-то улицы с «нехорошими» названиями: *Телячья* (теперь — *Луговая*), *Собачий Ящик* (теперь — *пер. Солнечный*), *Поганка* (теперь — *Дружба*). Просчитать улицы некоторых сел не составляет труда. Например, в с. Ясеновка Ольховатского района, где жителей чуть более двухсот человек, всего-то три улицы: *Кольцовская*, *Подгоренская* и *Пушкинская*.

А в селах Новогольеланской администрации (Грибановский район) только в 2006 году взялись за паспортизацию улиц. Вот как это описывает районная газета: «И еще одно хорошее дело сделали новогольеланцы: всем своим улицам они дали названия. <...> На три села Новогольеланской администрации получилось 13 улиц» («Знамя труда», 2006, 3 авг.).

Неделей позже узаконили названия улиц (*Красная площадь*, *Ленинская*, *Пролетарская*, *Карла Маркса*, *Героя Советского Союза А.С. Севрюкова*) и в с. Малая Грибановка («Знамя труда», 2006, 10 авг.). Не слишком оригинальные названия. Но ведь чаще население употребляет одни названия, а официально принимают совершенно иные — стандартные и идеологизированные названия.

Но есть и населенные пункты, где мало что названо. Корреспондент районной газеты сообщил о ситуации в с. Красовка Грибановского района: «Меня в селе удивило то, что улицы здесь без названий, а дома — без номеров» («Знамя труда», 2008, 30 сент.). Хотя эта проблема лишь для города, в небольшом селе все люди хорошо знают друг друга. А официальные названия... — их роль выполняют народные наименования.

И насколько же образны народные названия! Например: *Сапог* — название лога, напоминающего сапог, в с. Солдатском Острогужского района. Аналогичная форма в виде буквы «Г» дает в другом месте уже другое образное название *Костыли* — озеро в с. Варварино Новохоперского района, хотя здесь же часть озера Длинного Осиновского называется ласково *Сапожок*. А разве не образны такие названия, как *Галерка* — окраина с. Третьяки Борисоглебского района, *Винница* — дорога, что вела не к храму, а к людям, торговавшим вином, в с. Чертовицкое Рамонского района; *Растащи* — название пруда в В. Хаве, берега которого были не ровные, а с несколькими отводками, которые как бы «растаскивали» воду. А вот пруд аналогичной формы в пос. Вятском Таловского района уже называется Рогатый пруд, то есть пруд с ответвлениями. А в с. Большой Мартын Панинского района аналогичный по конфигурации пруд называют Оленьи Рога.

С какой любовью и проникновением в народный «язык земли» писала свое стихотворение, опубликованное в местной газете «Вести», новохоперская поэтесса Светлана Руденченко:

Аленкино озеро. Семкин колодец.
Мамаев проток. Крутояр...
Названья звенят или там, за околицей,
Старинный рыдает баян?
Названья звенят,
Словно в солнечной горнице,
До звезд о любви говорят.
Названья звенят,
Словно в сто колоколец
Ударила сразу заря.
Аленкино озеро. Семкин колодец.
Мамаев проток. Крутояр...
Ах! Кто-то по улицам города бродит
Незримой тропой октября.

(«Вести», 2008, 11 окт.).

С гордостью за красоту своих мест и их названий писал и грибановский поэт Борис Евсеев:

Ландшафт у нас в Грибановке —
Он чудорасписной:
Пруд Ленинский, Харламовский
И пруд Машзаводской.
Привольная Грибановка
Для наших грибовчан —
Алабухи, Кирсановка
И Верхний Карачан.
Село Новомакарово,
Поляна и Кутки,
Большие все и Малые
Района уголки.

И все — Вторые, Первые,
И Средние, и Нижние —
Сугубо благоверные,
Далекие и ближние.
От края и до края
Идут вперед уверенно
Васильевка, Гольское,
Лавровка и Чичерино.
Такая ширь огромная
Ушла за горизонт,
Раздолье черноземное —
Наш продуктовый фронт.
(«Знамя», 2005, 18 авг.)

Ничего ругательного и похабного для сельской местности не ощущается в неприятных для слуха горожанина названиях типа: *Жопкина* улица — улица в пос. Вятском Таловского района, названа так потому, что «выходит на огороды, смотрит «в зад» остальным домам». Или: *Зажопина* — часть с. Артюшкино Аннинского района, которая находится даже не на краю села, а за кладбищем: «А ани на *Зажопини* живут». *Зажопинка* — улица в с. Васильевка Грибановского района, которая расположена «за задами у всех». Исчезнувший в 1973 году хутор Карачун (Васеровка) Россошанского района стоял в один ряд: с юга на север. Южная сторона по-уличному называлась *Заря*, а северная — *Сракобытровка*.

А вот почему река Ведуга у своего истока возле с. Семеновка Курской области называлась еще и Голова, ответил воронежский журналист С. Жданов: «Много я видел рек и речушек — больших и совсем крохотных. Но никогда не забывал и не забуду родной речки, речки моего детства. Ее называли Головой-Ведугой. Почему к просто Ведуге, как она официально именуется и на картах, и в бумагах, добавилась «Голова», понять не могу. Скорей всего, потому, что в моей родной деревне она, Ведуга, брала свое начало» (Жданов, 2002, с.30-31). И действительно — мы же говорим «голова поезда» в значении «начало», отсюда и частое название в Воронежской области начала оврагов: *вершок* или *вершина*. Кстати, далее С. Жданов рассказывает, каким образом назывались «пляжные места» на этой речке: «И назывались они по-разному, по тому, под чьим двором они находились (под Тарасом, под Степиной, под Кулихой, под Харламом и т.д.)». (Там же, с.31). Аналогично называются места купания и в Россошанском районе: по фамилиям хозяев усадеб, напротив кого купались. Например, в украиноязычном селе Архиповка пляжи имели следующие названия: *Хрыстыны*, *Костенковы*, *Шпаковы*, *Бугаевы*, *Лидочкины*; говорили так: «Сегодня пидэм до Шпакив, а то учера у Хрыстыных дюме дид биснувався, прогонэ шче».

Интересно название одного участка реки Битюг возле с. Коршево Бобровского района: его называют и Царские ворота, и Святые ворота, и даже Золотые ворота. Так в народе отмечено место, где кроны деревьев с обоих берегов смыкаются над стремниной, образуя туннель. А вот поле с совершенно неподобающим для него названием — *Белый Халат* (с. Кривая Поляна Острогожского района). Названо так из-за участков меловой почвы белого цвета. Видимо, при первых распахках один из участков напоминал по форме разложенный на черной земле белый халат. Так же, из-за внешних очертаний, напоминающих сосущего комара, было названо озеро *Комарик* возле с. Покровка Павловского района.

Микротопонимические названия могут хранить и исторические данные. Так, в с. Кривая Поляна Острогожского района есть поле, которое на первый взгляд называется странно: *Бомба*. На нем были найдены военные снаряды, оставшиеся от Второй мировой войны.

Возле с. Постояловка Ольховатского района есть поляна *Горны...* Она и по форме напоминает печь, кроме того, там сохранились остатки печей: видимо, там раньше жили.

Село Пчелиновка Бобровского района до сих пор в народе делится на две части: северную — «*Сельнь*» и южную — «*Гжель*». Названия частей села как бы зафиксировали расселение здесь крестьян *Сельнской* и *Гжельской* волостей Московского уезда аж в 1740 году.

Старая Вечность — название участка леса между озерами Лягушиное и Тавложанка в Бобровском районе. Странное название находит свое объяснение в местной истории: этот участок леса когда-то был продан помещиком крестьянам села навечно.

Откуда пошло название переулка Фабричного в г.Воронеже? Еще в 1801 г. Ф.Ф. Вигель отмечал, будучи в Воронеже: «В восемь часов был я на бале у богатого фабриканта Горденина <...>» (Вигель 2000, с.88). Видимо, не придумана воронежским писателем А.И. Эртелем главная фамилия для его романа «*Гарденины*». Это старейшая воронежская фамилия, правда, принадлежала она не генералу, а купцу. В 1729 году воронежский купец Потап Никитич *Гарденин* основал в Воронеже суконную мануфактуру. На память воронежцам от той поры сохранилось название переулка *Фабричный*. Мануфактура Гарденина работала более полувека и была закрыта в 1810-х годах.

А вот пример из совсем недавней истории. На территории Эртильского района близ с. Сосновка в 1897 году был построен сахарный завод. В 1921 году он был сожжен восставшими антоновцами. Для охраны сюда был направлен кавалерийский полк. В честь этого полка поселок при сахарном заводе называли Красноармейским, а за самой отдаленной частью поселка закрепилось название, совсем не годящееся для топонимии: *ОКДВКа*, которое расшифровывается так: *Особая Краснознаменная Дальневосточная Красная армия*.

Иной раз только по микротопониму и можно догадаться о древнем значении некоторых слов. Вот, например, как характеризуют местные жители Хворостяновку — улицу в с. Семилукские Выселки Новоусманского района: «Улицу Лесную называют Хворостяновкой, так как дома строились на месте вырубленного хвороста». Хворостом очень часто раньше называли не хворост, то есть сухие ветки, а кустарник, в котором и заготавливали хворост.

В Павловске есть островок, который называется *Воробьиный* (между старым руслом Дона — Стародоньем и Басовкой). Казалось бы, название идет от птиц (так местные жители часто и объясняют это название), однако воробьи на островах не живут, островок назван так потому, что вокруг островка воды чаще всего «воробью по колено». Село Политотдел (Павловский район) — это бывший хутор *Громово*, название дано в эпоху, когда сюда ссылали политзаключенных. В том же Павловском районе есть с. Ступино, но в народе привелось название *Остров Свободы*. На ум приходит остров Куба, ан нет: во время половодья село со всех сторон регулярно заливается водой и становится «островом, свободным от большой земли». А как метко в народе назван магазин «Продтовары», который располагается в Павловске вблизи кладбища — *Скорбящий магазин*.

Непонятно для непосвященного название *Гембелев овраг*, что возле с. Покровка Павловского района. Вполне возможно, что через много лет в толковании этого названия победит народная этимология и будут говорить: «Здесь кто-то погиб», да еще добавят: «Из дембелей». Однако *Гембелев овраг* назван так потому, что крестьянин, живший возле этого оврага, рубанок называл на немецкий лад *гембелем*. Всю семью так и прозвали — Гембели, и овраг — тоже.

Местные топонимические названия хорошо консервируют старую, уже ушедшую из употребления лексику. Так, хутор *Желдаковка* по номинации равен с. *Солдатскому*, потому что слово *желдак* раньше означало «солдат, ратник» (Даль). Село *Березки* получило свое название не от *березы*, а от названия гранита (*березит* — см. Даль), выходы которого обнаружены возле села.

Название болота *Ольганка* в с. Чесменка Бобровского района на первый взгляд связывается с именем Ольга, но тогда оно было бы Ольгино. Оказывается, что происходит это название от топографического термина *ольга*, что значит «топкое болото» (Даль-2). Это название помогает разгадать тайну другого названия — *Ольховатка*. Название парадоксальное с точки зрения русского языка: если названо по ольхе, растущей по берегам, то причем здесь суффикс *-оват-*, означающий недостаточность. Если ольхи мало, то ею и не назвали бы речку. Оказывается, здесь и корень и суффикс псевдославянские, поскольку первое — это финно-угорское *олех* — «болото», а второе *-оват* — «берег».

Микротопонимы консервируют в своих названиях даже древние хозяйственные занятия. Вот, к примеру: *Коноплянь* — место в с. Архангельское Хохольского района. Здесь на лугу с давних времен сеяли коноплю. О наркотиках в те времена и слыхом не слыхивали. А занимались коноплей так же, как в других местах льном.

С любовью описал Острогужск К.Ф. Рылеев:

Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенный
Острогужских козаков.

Не забыл помянуть он и запавшие в душу названия местных речушек:

Там, где волны Острогужи
В Сосну тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись.

(«Петр Великий в Острогужске», 1823)

Особое отношение к городским названиям было у сосланного в Воронеж поэта О.Э. Мандельштама. Эти названия вызывали у него специфические ассоциации:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь, —
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож.
(«Воронеж», апрель 1935)

Поэта остро интересовали старые названия улиц в Воронеже и в с. Никольском, где он побывал. Его жена Н.Я. Мандельштам воспомина-

ла: «В селе Никольском О.М. записал названия улиц, уже переименованных, но хранившихся в памяти жителей. Люди этого села гордились происхождением от ссыльных преступников и беглых петровского времени, и улицы называли по их преступлениям: проезды душегубов, казнокрадов, фальшивомонетчиков... Записные книжки с дневниковыми записями О.М. погибли при втором аресте, а я забыла старорусские слова, которые с такой легкостью произносили жители Никольского» (Мандельштам, 1999, с.168).

Не всегда улицы наших сел были такими, как сейчас. И дело совсем не в многоэтажной застройке, столь нехарактерной для сельской местности. Сама структура поселений была иной. Например, до революции 1917 года улицы в Россоши никак не именовались. Существовали так называемые края, имевшие свои определенные названия-характеристики. Так как улиц в привычном нам понимании в начале XX века в Россоши не существовало, необходимые места обозначались по направлению больших, значимых для жителей дорог или «шляхив»: *Россошанская* вела к центру старой Россоши, а значит, к базару, ярмарке; *Калитвянская*, соответственно, вела на Старую и потом Новую Калитву, т.е. в южном направлении. А самая длинная, центральная в городе сначала дорога, затем и улица называлась просто — *Большая*.

А вот как появилась улица *Лесная* в с. Медвежье Семилукского района. Собственно улицы раньше и не было, была лишь протоптанная тропинка, а потом дорога, проходившая вдоль леса. Концы этой дороги назывались местными жителями так: *вверху, где Филон* («Вверху, иде Хвилон») и *внизу, где Прохоровна* («У нязу, иде Прохаравна»).

Романтично происхождение названий мест в с. Елка Новохоперского района, о которых рассказала местная ходячая энциклопедия баба Зина: «Раньше не принято было, чтобы жена от мужа уходила, за позор это считали. Замуж вышла — значит, живи. А вот одна фыркнула, нагрнула свой сундук и везет его на санках. А мужики-шутники давай ей вслед кочергой о печную заслонку бить да напевать: «Из Крыма в городок тащит женка сундучок...» Так и появились в Елке Крым и Городок («Вести», 2005, 31 дек.).

И большая проблема нашей микротопонимии — это безымянность многих объектов. Так, в Воронежской области более двух тысяч прудов, но около трети из них не имеют имени.

Советская эпоха значительно изменила саму систему наименований в селе. Так, если раньше в селе названия формировались за счет естественных названий, отражающих рельеф, флору и фауну, а также имена первопоселенцев или владельцев, то в советское время микротопонимы, особенно названия улиц, были заменены чуждыми для села названиями: революционных и общественных деятелей, весьма и весьма далеких от местных интересов (К. Либкнехт, Роза Люксембург, Эрнст Тельман, Г. Димитров, Ленин, Жданов и т.д.), фамилиями «выдающихся чекистов» (Держинский, Менжинский, Урицкий, Володарский и т.п.).

Воронежский поэт Е.Г. Новичихин, выходец из с. Верхнее Турово, с горечью писал о названиях улиц в этом селе: «...Снова иду я по улицам своего Верхнего Турова. На добротных домах таблички с названиями улиц. Безликие они какие-то, эти названия. К самому селу, к его истории многие из них не имеют никакого отношения. И видятся мне другие таблички. Улица Дмитрия Лопатина. Улица Арсения Прасолова. Площадь «Туровского крестьянского братства...» (Новичихин, 1994, с.48).

Нужно ли сохранять такое постоянство в этих безликих названиях-однодневках? Мне кажется, прав был князь А.А. Трубецкой: «События, произошедшие в России в начале XX века, — это как Варфоломеевская ночь во Франции. Кроме того, я не считаю примирение возможным сегодня, пока многие названия улиц, памятники напоминают нам о тех, из-за кого все произошло. Улицы российских городов носят имена цареубийц. Представьте, что Германия сохранила памятники Гитлеру, Геббельсу... Дескать, это наша история! Нет, немцы смогли дать морально-историческую оценку своей катастрофе — гитлеризму. И страна только выиграла в результате» («Литературная газета», 2010, №2-3, с.12).

Действительно, трудно понять, почему сохраняются бредовые названия в микропонимии? Не зря, видимо, Ян Рачинский пишет: «И даже улицы Главлита, 1-я и 2-я, сохранились в подмосковной Салтыковке. Вряд ли в досоветской России была хоть одна улица Цензуры» («Правда ГУЛАГа», с.1. Приложение к «Новой газете», 2011, №4).

Фамилии полководцев России густо наполнили названия улиц сел и городов Воронежской области. Так, только в Грибановке обнаруживаются улицы *Ватутина*, *Жукова*, *Суворова*. В Россоши есть улицы *Баграмяна*, *Василевского*, *Малиновского*, *Фрунзе*. А в других селах еще и *Чапаева*, *Рокоссовского* и т.д.

И, кроме того, стандартные названия советской эпохи — улицы с названиями: *Коммунистическая*, *Красноармейская*, *Пролетарская*, *Советская*, *Колхозная*, *Комсомольская*, *Пионерская*, *Труда*, *Мира*, *Правды*, *Юбилейная* (сюда же *N-летия Октября*, а ранее *N-ного съезда партии*) и т.д. и т.п.

Улицы с названием *Славянская* чаще всего расположены в южных районах области с доминирующим украиноязычным населением.

Существуют и совершенно искусственные названия: *Ранняя весна* — улица в г. Боброве; *Красное солнце* — пруд в Бобровском районе и микрорайон в пос. Таловая. Судя по искусственности названия, пруд получил такое название, видимо, в годы повальной коллективизации. Аналогичны названия улицы *Красный Маяк* в Грибановке и *Красная Нива* в с. Новосильское Семилукского района. Улица *Показательная* в с. Горенские Выселки Новоусманского района вряд ли так уж показательна. На *Международной* улице в с. Пески Поворинского района с грехом пополам живут не дипломаты, а простые крестьяне. Есть улица *Цветущий Май* в древнейшем городе Воронежской губернии — Землянске, правда, теперь это село Семилукского района. В с. Нижняя Ведуга того же района «перещеголяли» все бывшие ранее «космические» улицы, дав одной из своих улиц название *Лунная*! А чего стоит название улицы *Красная печать* в городе Боброве?

Если в поселке Большие Базы Ольховатского района есть только одна улица, обозначающая месяц: *Февральская*, то в соседнем поселке Малые Базы того же района таких улиц уже три: *Апрельская*, *Майская*, *Ноябрьская*. А рядом в с. Бугаевка еще и улица *Январская*. Выбор месяцев понятен — советская идеология, непонятно только, как туда затесался *апрель*.

Редким названием сморится *Русская березка* — улица в с. Кучугуры Нижнедевицкого района. Почему улица так названа? То ли от безысходной безлесности, то ли в честь знаменитой когда-то советской гимнастки Полины Астаховой, которую за стройность фигуры и мастерство называли Русской березкой.

Но иногда дело доходит до абсурда: в г. Новохоперске до сих пор существует улица *Площадь Революции*. Такая же улица *Площадь Револю-*

ции и в с. Верхний Карачан Грибановского района. А в с. Новая Чигла Таловского района есть и площадь Революции, и проспект Революции. В с. Верхний Мамон есть улица *Площадь Октябрьская*. Как в Москве, но только улица, *Красная площадь* существует также в р.п. Панино. А в поселке Большие Базы Ольховатского района есть и улица *Площадь Стадиона*. Трудно понять: улицы это все-таки или же площади? Так ведь в с. Рождественское Поворинского района существует и просто *Площадная* улица.

В селе Першино Нижнедевицкого района никогда не было реки, но есть улицы *Заречье, Заречная и Зареченская!*

А в селе Новая Усмань, видимо, не хватило своих фамилий, поэтому улицу назвали фамилией известного французского естествоиспытателя *Жака-ива Кусто*. В этом же районе в селе Отрадное увековечили день смеха улицей *1 апреля*. Очень затруднительно теперь сказать, почему в селе Бабяково того же района улица названа *Зеркальной*.

Можно понять наличие в большинстве населенных пунктов Воронежской области улиц с названием *Садовая, Полевая, Лесная, Заречная, Набережная* и др. Но и улица *Советская* может быть обнаружена почти в любом населенном пункте. Для примера: улицы с таким названием существуют в г. Воронеже (бывшая *Екатерининская*), в райцентрах: Борисоглебске, Поворино, Терновке, Эртиле, Новохоперске (бывшая *Московская*). А еще такая же улица в селах и поселках: Первых Малых Алабухах Грибановского, Гороховке Верхнемаммонского, Почепском Лискинском района, Рождественской Хаве Новоусманского района. Всего более 280 улиц, не считая множества *советских* переулков. В с. Елань-Колено Новохоперского района есть даже переулок Советский. Почти в каждом населенном пункте Воронежской области (особенно в районных центрах) набор названий улиц стандартен. Характерны: *Ленина (Ленинская), Чапаева, Интернациональная, Коммунистическая, Народная, Трудовая, Пролетарская, Красноармейская...* К чему приводит такое однообразие в названиях улиц? Как ни странно, в противоположность желаемому, именованье одними и теми же названиями или фамилиями одних и тех же людей разных улиц разных городов и сел приводит к их обезличиванию и практически к полубезымянности. Хорошо и с должной иронией об этом сказал поэт В.В. Маяковский:

Куда бы
ты
ни направил разбег,
и как ни ерзай,
и где ногой ни ступи, —
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского —
переулок или тупик.
Где я?
В Ялте или Туле?
Я в Москве или в Казани?
Разберешься:
— Черта в стуле!
Не езда, а — наказание.
Каждый дюйм бытия земного
профамилен
и разыменован.

(«Ужасающая фамильярность», 1926)

Б. Лифшиц вспоминал близкое к этой теме О.Э. Мандельштама: «Лифшиц, говоря о Спасском и его жене, рожденной Урицкой, вспомнил словечко Мандельштама: «Не люди, а площади!» (Ивнев Рюрик. Жар прожитых лет. СПб., 2007, с.376).

А в Богучаре несколько улиц именуется суперофициально: их название начинается так, как раньше назывались колхозы, совхозы, предприятия и т.д. — то есть начинаются со слова «имени»: *им. Анлетова, им. Бондарева, им. Кищенко, им. Котова, им. Масловского...*

Как правило, стандартные названия улиц в городах и селениях нашей области появлялись за счет уничтожения старых названий, отражавших индивидуальную специфику поселения. Вот образец таких переименований только по городу Борисоглебску:

*Базарная > Юбилейная,
Большая > Свободы,
Болховитинская > К.Маркса,
Гусевская > Садовая,
Дровяная > Победы,
Кирпичная > Середина,
Кузнечная > Павловского,
Мыльная > Октябрьская,
Охлябинская (Дворянская) > Советская,
Петровская > Пролетарская,
Поворинская > Гагарина,
Торговая > Народная,
Тюковская > Советская,
Хоперская > Первомайская,
Ярмарочная > Пешкова.*

Или изменения названий улиц в г. Боброве:

*Береговая > Турбина,
Большая Воронежская > Космодемьянской,
Большая Дворянская > Пролетарская,
Большая Московская > 22 Января,
Воронежская > Авдеева,
Дачная > Калинина,
Земское шоссе > Фрунзе,
Икорецкая > Гагарина,
Клементовская > Карла Маркса,
Коммерческая > Спартака,
Мещанская > Парижской Коммуны,
Миллионная > Кирова,
Нагорная > Свободы,
Павловская > Комсомольская,
Прогульно-Дворянская > Алексеевского,
Расторгуевская > III Интернационала,
Солдатская слобода > Краснофлотская,
Турбиевская > Красной печати.*

Аналогичная картина переименований и в районном центре Кантемировке:

*Болотная > Танкистов,
Залиман > 25-го партсъезда,*

Криничная > 19 Декабря,
Сахалин > Комсомольская,
Театральный пер. > Школьная,
Украинская > Колхозная,
Червоный Гай > 10-й пятилетки.

Правда, не всегда шаблонные названия являются переименованиями. Так, в с. Байчурово Поворинского района только после Октябрьской революции на пустырях «выросли новые улицы: Октябрьская, Ленинская, Колхозная, Свободы, Льва Толстого, Максима Горького» («Прихоперье», Поворино, 2007, 13 сент.). И такая шаблонность затронула набор названий улиц в большинстве сел Воронежской области.

Но народ не сдает своих позиций. Зачастую те улицы, которые получили официальные, искусственные названия, в народе справедливо именуются совсем иначе. Например, в с. Нижний Икорец Лискинского района улица Г.Титова слывет Нахаловкой, К.Маркса — Грязновкой, а А.Суворова — Вшивой («Лискинские известия», 2004, 13 июля).

Симптоматичным, как призыв, смотрится заголовок в газете «Ольховатский вестник» (2008, 31 янв.): «В название улицы — имя земляка». Жители Ольховатки требуют: «У нас в поселке большинство улиц носят отвлеченные названия, никак не связанные с историей нашего района. А надо бы увековечивать в названиях имена тех, кем гордится земля наша».

Жители немногих населенных пунктов Воронежской области могут похвастаться как жители села Пады Панинского района: «...в Падах сохранились все исторические названия улиц, и теперь они имеют официальный статус» (Королева О., «Селиться на Битюге не разрешать», // «Наш край», 2005, 11 янв.).

Палитра «цветов» в названиях улиц ограничивается тремя цветами: повсеместно (но чаще в райцентрах и крупных поселениях) встречаются улицы *Зеленые*, изредка по кустам сирени на улице — *Сиреневые*, но *красный* цвет доминирует. И если можно понять идеологическую и историческую подоплеку названий улиц *Красноармейская*, *Краснознаменная*, *Красный Партизан*, то труднее разобраться с другими. Так, в селе Верхний Мамон обнаруживается «красный букет» улиц помимо *Красного Партизана*: *Красный Дон*, *Красный Крым*, *Красная Полянка*, *Красный Мост*, *Красная Вязоватка*.

Социальное расслоение мощно затронуло и микротопонию. Вот названия, отличающие поселения «новых русских»:

Долина бедных — часть с. Митрофановка Кантемировского района. Названа столь иронически, поскольку застраивалась в последние 10 лет разбогатевшими людьми.

Долина богатых, она же *Долина Нищих* — часть города Новохоперска, здесь строятся в основном весьма состоятельные люди.

Долина Нищих — ироничное название территории, отданной под частные застройки на окраине села Гремячье Хохольского района. Аналогичное название в г. Воронеже.

А в г. Нововоронеже даже в газетном объявлении сообщают: «Продаю коттедж на *Поле чудес*» («Мой город», 2008, 10 дек.).

Мафиозная — улица в с. Ступино Рамонского района. Название идет от того, что на этой улице живет все начальство «из конторы», которое люди откровенно называют *мафией*.

При изучении микротопонимии Воронежской области крайне важно учитывать, что эти названия существуют как на русском языке, так и на украинском. Это необходимо как для познания своего края, так и для воспитания истинного патриотизма, лишённого узколобного великодержавного шовинизма.

Литература:

Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000.

Жданов С. Такого не придумаешь... Воронеж, 2002.

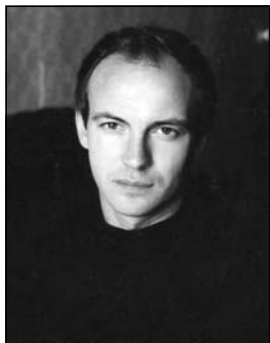
Кригер Л.В. Семь луков на семи ветрах. У донских берегов. Воронеж, 2008.

Кучин С.В. 1-я Ивановка, Толбзинка тожь. СПб., 2005.

Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999.

Паустовский К.Г. Книга скитаний // Собр. соч.: В 8-ми тт. Т.5. — М.: Художественная литература, 1968.

Игорь Маркин,

член Союза журналистов России

«КОГДА ПЕСОК ВЗЫЙДЕТ...»

(Народные поверья
в обыденной жизни)

Потустороннее, неведущее, и материалистическое, осязаемое, соседствует в нашем сознании на равных правах, а народные представления русского человека о «потустороннем» бытуют как среди тех, кто доживает свой век, так и среди молодого поколения, насквозь, казалось бы, пропитанного реалиями современной жизни. Взгляды эти, естественно, отличаются от прадедовских, но не противопоставим им, а лишь приобрели на современной почве некое своеобразие, не утратив, в свою очередь, и седой-седой архаики.

Еще лет сто назад в Старой Ольшанке нынешнего Семилукского района при падеже скота практиковался обряд «Опахивания смерти».

В одном из домов собирались вдовы женщины, раздевались до исподнего и распускали волосы. Приготовившись таким образом, вдовы выходили на улицу с иконой Святого Власия — покровителя скота, где их ждали мужики и ребятишки, вооруженные кольями и топорами. Со словами: «Помоги нам, Боже и Святой Власий, выгнать смерть из села», процессия начинала с шумом ходить по улице, время от времени приговаривая: «Смерть, смерть, выходи из нашего села, мы с ладаном, со свечой, со Власием со Святым». На каждом перекрестке толпа останавливалась, выкапывала яму, куда клался ладан с песком. Затем яма тщательно засыпалась с приговором: «Когда песок взыйдет, тогда коровья смерть придет». Подобным образом обход продолжался две ночи подряд. На третью, решающую, смерть выгонялась окончательно. Одна из вдов впрягалась в соху, другая начинала пахать, остальные шли следом, и так — «до свету».

Философски-сакральный смысл одного из обрядовых элементов — закапывание, есть не что иное, как похороны самой Смерти.

В этом редком и забытом обряде нетрудно отыскать очень древние черты.

Само имя Святого — Власий — напрямую связано с дохристианским Велесом, тоже покровителем скота. Подобное слияние славянских божеств с их христианским «дубликатом» — весьма распространенное явление.

Под этим архаичным слоем скрыт еще более древний, ведь главными действующими лицами обряда выступают не мужчины, считавшиеся в повседневном быту главой семьи, а женщины. Женское начало — определяющее, однако, и Смерть того же рода...

Следы обряда опахивания, ограждение от Смерти, можно отыскать на современных сельских кладбищах — вокруг любого из них имеются пусть небольшие, но ров и вал — граница между миром живых и обиталищем мертвых.

Обряд весьма строг, даже жесток: если во время ночного хождения по селу людям встречалось животное, его безжалостно убивали. Если на свое несчастье повстречается человек, то пока не удостоверятся, что он «такой же», не колдун и не ведьма, встречного могли избить до полусмерти. И в этом акте снова-таки угадывается вечное представление о потустороннем. Согласно поверьям, во время избиения ведьма обязательно «скинется», т.е. превратится в какой-нибудь предмет. Кстати, слово «ведьма» означает «ведать», и знания те изначально воспринимались как добрые. Но вот уже не одно столетие мы представляем ведьму исключительно существом злым.

Вообще, вера в ведьм сильна до сих пор. Ее наибольшая концентрация зафиксирована в северо-западной части нашей области, очерченная реками Ведуга, Гнилуша и Перлевка.

За целый век совсем не изменились и методы «узнавания» ведьм.

Самый нехитрый способ — пройти мимо той, о ком ходит дурная слава, при этом спрятать руки в карманы, сложив пальцы в кукиш. Если «подозреваемая» громко заругается на чем свет стоит — значит, ведьма.

Считается, что воткнутая в дверную притолоку булавка либо иголка «пригвоздит» ведьму, и она ни за что не перешагнет порог дома. В этом случае проведение незримой границы весьма созвучно обряду «опахивания».

Иногда и в наши дни пловцы прикалывают булавку к трусам. Спросив, зачем им это, услышим убежденное: «От судороги». Все верно, укол булавки в воде поможет «оживить» сведенную судорогой ногу. Но отчего бывает судорога? Современный человек объяснит с медицинской точки зрения, а вот наши предки свято верили, что такую напасть насылала русалка, и острые железные предметы при этом здорово помогают.

В русалках верят не меньше, чем в ведьм. Самые подробные рассказы о русалках географически четко вписываются в тот же северо-западный ареал Воронежской области.

Согласно поверьям, ведьма может обернуться колесом и ночью кататься по селу. Встреча с «ведьминым колесом» не сулит человеку ничего хорошего. Чтобы спастись, надо успеть просунуть в ступицу колеса веревку, ремень — да что окажется под рукой, и завязать узел. Наутро ведьма ни за что не выйдет на улицу, а если покажется, то непременно с веревкой во рту. Колесо как атрибут всегда считалось оберегом, однако в данном случае оно ассоциируется с нечистой силой.

Открыто противостоять потустороннему — значит быть бесстрашным. Смелость среди современной сельской молодежи зачастую проверяется через ночной поход на кладбище. Если кто-либо из собравшихся на общем гулянии — «улице», прилюдно объявит, что ничего не боится, то в полночь идет на кладбище один, а в доказательство исполненного приносит с погоста какой-либо предмет. Объявив о своем намерении, отступить поздно. Засмеют. Причем смех воспринимается как форма опозоривания.

Поход на кладбище есть прямой отголосок обряда времен неолита, а именно — посвящения подростка в мужчину, в охотника, воина.

На кладбище отправляются не только парни, но и девушки. Здесь уместно припомнить хорошо знакомый вариант русской народной сказки — троекратную ночевку героя на могиле умерших родителей, и менее известное мордовское сказание «Как девка Казань взяла». Связь неудивительна, ибо мордовская колонизация края до сих пор отражена в топонимике, быту и народных представлениях местного населения. Обряд «опахивания», кстати, длится именно три ночи.

Сюжет сказания выстроен следующим образом: похвальба девушки — данный ею зарок — исполнение его — печальные последствия. В современных «кладбищенских» рассказах, которых в наши дни не стало меньше, подобная схема соблюдается неукоснительно. Сейчас они, естественно, «подогнаны» под реалии нынешней жизни. К примеру, если раньше по дороге с кладбища персонажу встречались покойники, запряженные в карету, бричку, телегу, то теперь гужевой вид транспорта заменил мотоцикл.

Пик душевного напряжения в любом таком рассказе наступает не на самом кладбище, но по дороге с него, ибо вопреки устоявшемуся мнению, кладбище всегда считалось «чистым» местом, где не было «заложных» покойников, т.е. умерших не своей смертью, а оттого — неприкаянных. До революции «заложных» никогда не хоронили на общем кладбище, но всегда — отдельно.

Кстати, нежить, по поверьям, может появляться не обязательно ночью. Имя одного из таких — Полуденник, говорит само за себя. Еще в 30-е годы рассказы о встречах людей с нежитью в дневное время были весьма популярны. Нет-нет, а схожие истории можно услышать и в наши дни.

Если современная ведьма — безусловная «та сторона», то своеобразным «пограничным» звеном в отношении человека с представителями потусторонних сил считался и считается колдун. Он живет среди селян, он — один из них, но он — «не такой». Крестьяне никогда не отгораживались от колдунов «наглухо», не игнорировали их, но дистанция в отношениях сохранялась всегда.

Конечно, попадались и шарлатаны. В конце XIX века в тех краях был очень популярен некий старец, отчитывавший больных по книге «Бова Королевич», иногда держа ее вверх ногами, ибо картинки в книге отсутствовали, а старик был неграмотен. Когда же «знахарю» сделали по этому поводу замечание, он не растерялся и ответил, что если над книгой произнести нужное заклинание, она получает чудесные свойства.

Но шарлатанство несколько не поколебало веры в «настоящих» сельских колдунов, «светлых» и «темных», между которыми соблюдается некий паритет и негласное разделение сфер влияния. В Чистой Поляне Рамонского района уже в советские времена повитуха баба Настя наговоренной водой вылечивала от болезней детей за один сеанс. А в той же Старой Ольшанке и сегодня хорошо помнят «сильного колдуна» деда Симбиря.

Как бы жизнь ни менялась, какие бы социальные и иные потрясения ни происходили в нашем быту и нашем сознании, у русского человека никуда не делись четкие и ясные представления о нематериальном, сложились отрегулированные, неотделимые друг от друга понятия о Добре и Зле. Со Злом уживаются как с данностью, неизбежностью, частью Мира, при полном равновесии с Добром.

Татьяна Пухова,
*кандидат филологических наук,
Воронежский государственный
университет*

ЗОРЮШКА ВЕЧЕРНЯЯ, СОЛНЫШКО ВОСХОЖЕЕ

(Фольклор сел Панинского района)

Фольклор сел Панинского района Воронежской области разнообразен и богат. Его изучение на филологическом факультете Воронежского государственного университета ведется давно. Многочисленные записи песен, частушек, преданий, собранных в с. Панино, были сделаны в 1968 году. Впоследствии этот материал был обработан и проанализирован в дипломных работах за 1969 год студенток-заочниц филфака Валентины Антоновны Касаткиной (руководитель доцент А.И. Кретов) и Татьяны Стефановны Филатовой (руководитель доцент Я.И. Гудошников). Через 40 лет в 2010 году в селах Панинского района (Алое Поле, Пады, Красные Холмы, Малые Ясырки, 2-е Катуховские выселки, Казиновка) побывала фольклорная экспедиция филологов ВГУ. Конечно, многое из традиционного фольклора утеряно, забыто. Но все же удалось записать некоторые фольклорные произведения, отсутствующие в архиве кафедры. Речь идет о календарных обрядах и обрядовой поэзии, духовных стихах, быличках и преданиях.

Попытаемся кратко коснуться наиболее интересных в художественном смысле материалов экспедиций.

Следует отметить, что в 60-е годы XX века предпочтение отдавалось в записи определенных жанров: песен и романсов, частушек, сказок, преданий. И можно сразу сказать, что фиксация этого материала велась очень основательно. Например, в 1968 году в с. Панино было записано 356 песен. Тексты песен имели хорошую сохранность, были представлены все тематические группы обрядовых и необрядовых лирических песен: свадебных, любовных, семейно-бытовых, солдатских, шуточных и других. В 1960-е годы в с. Панино было немало песенниц и песенников, знающих бесчисленное множество песен.

В с. Панино существовал хор, которым руководил Андрей Петрович Ситников (1888 г.р.).

Хор Ситникова состоял из десяти человек, куда входили и его сыновья. Выступали народные артисты на сцене Дома культуры, а в 1956 году

выезжали на областной фестиваль в г. Воронеж. К 1969 году хор распался, но Андрей Петрович продолжал петь со своими родными. От него и его сына записано 35 песен. Есть в репертуаре Андрея Петровича исторические и солдатские песни. Например, песня «Как мы в Ливере стояли» о событиях русско-турецкой войны:

Ты покушай русской булки,
Русский любит угощать.
Штык трехгранный не согнется,
Грудь турецкую пробьет.

Эту песню Андрей Петрович запомнил от своего отца, который был участником русско-турецкой войны, имел награды за боевые заслуги. Другая песня «На возморье мы стояли» посвящена событиям Первой мировой войны. В песне говорится о готовности русских солдат дать отпор врагу:

Врешь ты, врешь ты,
Враг, германец,
Тебе неоткуда зайтить,
Как у русских войска много,
Русский любит угостить.
Угостить свинцовой пулей,
На закуску — стальной штык.

Среди солдатских песен были и такие, в которых рассказывалось о смерти солдата на чужбине в «чистом поле», далеко от родины. В песне «Во чистом поле огонек» смерть солдата изображалась символически, как его новая «женидьба»:

Лети, лети, мой верный конь,
Лети в отцовское именье,
Моим малюткам-сиротам
Снеси мое благословенье.
Жене скажи, товарищ мой,
Что я женился на другой.
Стрела мне свахою была,
Она сосватала меня.
А в брачную постель меня
Вложила пуля роковая.
Жене скажи, чтоб обо мне
Она не вспоминала.

Эта песня была любимой песней Марии Мартьяновны Сухоцкой (1883 г.р.), у которой муж погиб на войне 1914 года.

От песенницы Марии Михайловны Струковой записывались забытые ныне и необычайно ценные свадебные песни. Мария Михайловна, несмотря на то, что ей уже 86 лет, полна задора и бодрости. «Очень люблю песни», — говорит она. Мария Михайловна прожила трудную жизнь. «Отдали меня замуж 17 лет в большую семью, свекрови не было в живых, и вся тяжесть домашней работы легла на мои плечи. Приходилось рано вставать, доить коров, носить воду, топить печь, а потом вместе со всеми идти в поле работать. И так каждый день. Но песни не забывала ни на минуту. Да и работа с ними спорилась. А потом забрали мужа на службу. Пела песни и солдаткой. Началась война, сына забрали на фронт, и там он погиб. Сколько я пережила за это время. Оплакивала свое горе тоже песнями. Если бы я не пела, то меня давно и на свете не было бы». Ма-

рию Михайловну часто приглашали на свадьбы как запевалу и знатока свадебных песен.

Мария Михайловна так говорит о свадьбе: «Отдавали сестру замуж. Сколько было плача. А то сейчас я была на свадьбе внучки. Что ж, на свадьбе были песни да пляски, шутки да смех». Она подробно рассказала о старинном свадебном обряде в с. Панино.

Свадьбы обычно устраивали осенью, чаще в сентябре, по окончании полевых работ. Главными действующими лицами были жених и невеста. Со стороны невесты представителями были «игрицы», т.е. подруги и сваха (обычно крестная мать невесты). Со стороны жениха — дружок, опытный мужчина из родственников жениха. Начиналась свадьба со сватовства и сговора, на котором договариваются о дне свадьбы. После запоя (вечеринки с выпивкой) невеста собирала к себе подруг «дары шить» (шить и вышивать рубашки для жениха, вышивать полотенца, готовить платки для золовок, пояса для деверей и т.д.). Невеста встречала своих подруг причитанием:

Пойдите, мои милые подружки,
Проведайте меня в большом горю,
Пропил меня батюшка, горькую кукушечку,
В чужие люди за винную рюмочку,
А мамочка — за пирожную закусочку.
Свет ты, моя воля девичья,
Отходила я, горькая кукушечка,
Со своими любезными подружками
По красной улице.
Отстояла я, горькая кукушечка,
В больших карагодах
Поздними вечерочками.
Отсидела я у мамушки
Под красным оконушком.
Отдает меня мамушка
Во чужие люди,
О чужие люди, незнамые,
Они много видят,
Много слышат.

(АКТЛФ, от Ходяковой Е.И., 1872 г.р.)

«Невеста горько плакала, да и обыгрывающие смахивали слезы с ресниц. Родственники невесты и посторонние «глядельщики» не могли оставаться равнодушными к словам и мелодии песни», — вспоминает М.Я. Барбашина, которая была почетным гостем на всех свадьбах.

Когда невеста переставала голосить, подруги запевали песню «Заря, моя зорюшка»:

Заря, моя зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее!
Высоко солнце восходило,
Далеко светило:
Через лес, через поле,
Через быструю речушку,
Через быструю речушку.
Там лежала кладочка,
Кладочка дубовая,
Перекладочка калиновая.

Там никто не хаживал,
Никого не важивал.
Там шел Васюшка,
Перешел Михайлович,
За собой перевел
Все Варварушку,
Все радость — Михайловну,
Перевел да слово молвил,
Он душою называл:
«Ой, душа, моя душечка,
Все радость — Михайловна».
(АКТЛФ, от Ходяковой Е.И., 1872 г.р.)

Но невеста продолжала плакать. За свадебными приготовлениями проходило семь дней. В эти дни подружки пели невесте еще одну грустную песню:

Кукушка, кукушка рябая,
Что ж ты, кукушка,
Летишь, не кукуешь?
Прошло твое, кукушка,
Все девичье кукованье.
Кукушка, кукушка рябая,
Что ж ты, кукушка,
Летишь, не кукуешь?
Прошла твоя, кукушка,
Вся девичья воля.
(АКТЛФ, от Ходяковой Е.И., 1872 г.р.)

За день до свадьбы родственники жениха, перевязанные яркими платками, украшенные лентами и цветами, приезжали за «постелью» и «узлом» (убором жениху). Когда они подъезжали к воротам, подружки невесты запевали песню «Вереюшки покачнулись». Содержание этой песни отражает давно минувший обычай умыкания невесты, которой полагалось прятаться от жениха и его свиты. Поэтому жених называется в песнях разорителем, погубителем:

Вереюшки покачнулись,
Воротушки растворились.
Незначай гости въехали
Нежданные, незваные.
Аннушка испугалася,
Николаевна сторопилася,
К красным девушкам бросалася:
«Схороните меня, девушки,
Схороните меня, красные,
Что разоритель мой приехал,
Разоритель, погубитель мой,
Разорил мою головушку,
Погубил мою буйную».
(АКТЛФ, от Лантевой Е.И., 1912 г.р.)

Начинается торг за «постель» и «узел», в конце концов сваты забирают все, что просили, и хозяйева сажают их за стол, начинают их угощать, а игрицы обыгрывают гостей, т.е. поют дружку и невестиной свахе песни («Мы пойдем по ряду», «Ой, сваха, сваха»). Когда сваты начинали связывать постель, игрицы пели песню:

Кто мне дорог, да и кого мне жаль?
Кто на ручушке моей лежал?
Ой, гуляла я да, девчоночка,
По зеленому да по саду,
Ой, рвала, рвала да я, девчоночка,
Я незрелый в саду виноград.

(АКТЛФ, от Кузнецовой Е.И., 1920 г.р.)

Когда же выносили постель из дома, игрицы пели песню «Эй, вьюн над водой увивается».

В 1960-е годы в с. Панино помнили еще об одном старинном элементе свадебного обряда — «кормлении жениха». После того, как сваты увезли постель, невестина мать угощает игриц, затем кладет в чашку куренка, блинцы, заворачивает все в узел, и игрицы, в сопровождении трех мужчин, идут жениха кормить. Возле ворот жениха начинают петь песню «Вокруг Дона». Когда сам жених открывает ворота, они входят. Вот что рассказывали об этом обряде: «Игрицы вошли в дом, посадили жениха за стол под «святые» (под иконы), сами сели вокруг него, развернули узел, достали блюдо с едой и стали смотреть, с чего жених начнет есть куренка. Жених вначале оторвал у куренка крылья, как бы показывая этим, что жена не должна лететь из дома, а потом стал есть все остальное». Затем все выходят из-за стола, подружки начинают убирать постель, вешать шторы, полотенца на иконы, потом жених идет их провожать, и все ходят до рассвета по селу, пляшут и поют.

Наступает день свадьбы, самый насыщенный различными обрядовыми действиями. В селе Панино они выражались в следующем.

Утром перед венцом невеста «голосит», причитает:

Встань ты, мой батюшка,
И родимая матушка,
Заря белая занимается,
Все союзнички,
Все разлучнички,
Все съезжаются.
Родимый ты мой батюшка,
Поехай ты в темные леса,
Сруби ты деревцо,
Положи ты, батюшка,
Поперек дорожки,
Чтоб мои союзнички,
Все разлучнички,
Не прошли, не проехали.
Разлучить меня,
Родимый батюшка,
С вами хочут.

(АКТЛФ, от Ходяковой Е.И., 1872 г.р.)

Расплетение девичьей косы. Исполнялась песня «Не трубушки трубили рано по заре».

Посещение бани сопровождалось песней «Как это быть, как это стать свекора батькой называть». Посещение бани представляло собой как бы рубеж между девичьей жизнью и женской.

После бани подружки и крестная мать одевают невесту к венцу в женский наряд: надевали чистую рубашку, белую юбку, а сверху другую юбку из хорошей материи, кофту шелковую, фартук, попояску зеленую

(в виде широкого пояса с бахромой внизу), на голову ей надевали «пограмку» (в виде платка, завязанного назад концами), а сверху надевали «дымку» (покрывало, которое почти совсем закрывало лицо).

Невеста просит благословения у родителей.

В доме жениха сооружают свадебный поезд, состоящий из пяти подвод, украшенных лентами, «колокольцами». Исполнялась песня «Не с поля, не с поля ветры винули, невзначай гости въехали».

Выкуп невесты, сохраняющий следы «купли-продажи».

Благословение молодых и угощение за столом перед венчанием. Заводят молодых за стол и сажают на «войлок», в котором был завернут овес (символ сытой, богатой жизни). Исполнялась песня «Катилось солнце из-за леса».

Отъезд к церкви. Исполнялась песня «Отлетала лебедушка от стада лебединова».

Венчание.

Одевание в караулке церкви головного убора замужней женщины: «крестная мать сняла с головы невесты головной убор, расчесала волосы, заплела две косы и заложила их на затылке в прическу, надела на голову кичку, повязала платок, поверх платка — голубую ленту, накрыла дымкой, а сзади к дымке приколола две ленты — и вот уже перед вами замужняя женщина».

Приезд молодых в дом невесты. Игрицы встречают их песней «Варварина мать, мела она сени».

Родители невесты встречают молодых хлебом-солью и иконой, родственники осыпают овсом.

Свадебный пир в доме невесты. Исполнялись величальные песни молодым «Чарочка моя, серебряная», «У голубя, у голубя, золотая голова», «Сокол, ты мой сокол», «На ком кудри, на ком русые», «Ой, кто хорош во большой беседе», «Виноград в саду растет», «Вдоль по морю»;

Ох, кто хорош
Во большой беседе,
Ох, все хороши.
Ох, один лучше всех.
Один лучше всех, Васюшка.
Ох, не один он хорош,
Да все с Варварушкой.
Ох, надо их калачами кормить,
Надо их сытой поить.
Ох, с калачей тело белое,
Со сыты лицо румяное.

(АКТЛФ, от Лантевой Е.И., 1912 г.р.)

Исполнялись также величальные песни неженатому родственнику: «Соловей, соловей, горюн бедный, молодой».

Соловей, соловей,
Горюн бедный, молодой,
Ой ли, ой, ляли.
Горюн бедный, молодой,
Горюн бедный, молодой.
Из садику вылетал...
На разные вишенки...
На зеленый виноград...
Да кто ж у нас не женат,

Ой ли, ой, ляли.
Да кто ж у нас не женат,
Василь-сударь холостой,
Михалыч не женат,
Ой ли, ой, ляли.
Михалыч не женат.

(АКТЛФ, от Струковой М.М., 1900 г.р.)

Вечером после свадебного пира молодых везут в дом жениха, их благословляли и продолжали праздновать уже в доме жениха. После гульбы все разъезжались по домам, а дружок и сваха с иконою и со свечами вели молодых укладывать спать в клеть (кладовая при избе).

На следующее утро молодых приходит будить дружок со свахой. После завтрака приезжают родные невесты «искать пропажу». Начинают «носить каравай», т.е. выводят молодых из клетки, дружок со свахой несут пирог на вышитом полотенце. Дают молодым графин с водкой и двумя рюмочками, чтобы они подносили гостям. И тут же начинается взаимный обмен подарками. Начинаются шутки: бьют горшки, вводят лошадь или злую собаку в дом. Все разбегаются. Звучат песни, пляшут — идет гульба. В конце свадьбы звучала песня «Пора, пора гостям со двора».

Пора, пора
Гостям со двора,
Пора собираться,
Пора собираться,
А еще ли не пора ли
Со двора сдвигаться,
Со двора сдвигаться.
Запрягайте, хлопцы, коней,
Поедем кататься,
Поедем кататься.

(АКТЛФ, от Струковой М.М., 1900 г.р.)

В современных фольклорных записях в Панинском районе мы уже не встретим тех прекрасных свадебных песен, которые были приведены выше, о которых поведали исполнительницы в 1968 году. В 2010 году записали отдельные воспоминания о свадебном обряде и частушки, исполняемые во время свадебного пира: «На второй день всю танцевали. Как только заиграет гармонь, вставали на лавки, кто на каком месте сидел (так как в избышках тогда было мало места, по рассказам мамы), и начинали плясать. Страдали до свадьбы и на свадьбе. Страдания:

Голосочек тонок-тонок,
Ты услышь меня, миленок,
Голосочек хрипловат,
А кто ему виноват...

Затем плясали под матани-частушки:

Ох, Петя мой,
А я Петина.
Петя кур воровал,
А я метила.

Бывали на свадьбе так называемые соперники, которые соревновались в пении частушек:

Первая:

А соперница моя
В коротенькой юбочке,
Я любила — бросила,
Люби мои облюбочки!

Вторая:

Ах, она — стерва,
Меня срамотит.
Сама ходит-косолапит,
Картаво говорит.

Таким образом, исполнители не ругались, а подыгрывали друг другу.

Опасались колдунов, которые могли сглазить или подложить проклятые вещи жениху и невесте, поэтому прежде, чем выпить — переkreщивали стаканы, тем самым обезопасив себя от нечистых сил.

На второй день идут гулять к жениху, по приглашению его родственников. Идут ряженные — то есть женщина переодевается в мужчину и наоборот, развлекают гостей. Ловят перед выходом двух кур и наряжают их женихом и невестой, украшают бантиками. Этих кур невеста забирает в новый дом, как часть прошлой жизни, чтобы молодая не скучала и прижилась в новой семье.

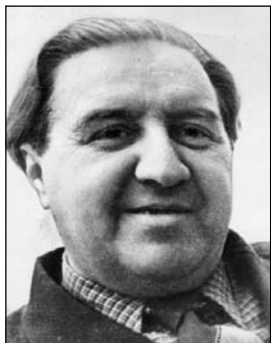
Через неделю проводили «обнедельки» в доме жениха».

(Записано от Ушаковой Нины Степановны, 1947 г.р., в с. Алое Поле Панинского района).

Мы коснулись только некоторых сторон фольклора Панинского района Воронежской области середины XX и начала XXI веков. Последние записи, к сожалению, показывают крайне низкий уровень сохранности традиционной культуры. Но, к нашему счастью, в архиве кафедры теории литературы и фольклора ВГУ хранятся ценнейшие записи 60-х годов прошлого века.

Свадебный обряд, свадебные песни, исторические и солдатские песни — это наиболее архаичные жанры фольклора. Они затрагивают поворотные, пороговые моменты в жизни человека. Обращение к этим жанрам помогает нам понять специфику традиционной символики свадебного обряда как обряда «умыкания», обряда «купли-продажи», понять символику народного художественного слова, обрядовой и необрядовой лирики. Изучение народного наследия даст возможность еще раз соприкоснуться с богатством народной культуры в различных ее проявлениях.

Николай Задонский

ЭТЮДЫ ИЗ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Весной 1380 года чуть южнее нынешнего Воронежа стали скапливаться татарские конники. Отсюда до самого Крыма и Золотой Орды лежали привольные ковыльные степи, где издавна хозяйничали воинственные кочевники. Проезжавший в те годы эти места митрополит Пимен записал: «Бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничто же, ни града, ни села; нигде бо видети человека, точию пустыня велия и зверей множество».

А путь на север преграждали дремучие леса. Они сплошной стеной стояли по обоим берегам верхнего Дона и его притокам — Тихой Сосне, Хопру, Воронежу, Тешеву. Татары лесов опасались: не было там разворота для ордынской конницы — в непроходимых лесных чащобах укрывались бежавшие из разоренных татарами селений русские люди. Они были неуловимы и беспощадны. Редко какой татарский наездник возвращался живой из лесу.

Хан Мамай, решив наказать непокорного московского князя Дмитрия Ивановича, думал обойти леса стороной и выйти к Москве через рязанские земли.

Но кто мог знать замысел хитрого и коварного Мамаю? Не сократит ли он дорогу, приказав, как некогда Батый, рубить и выжигать просеки в лесах?

Осторожный московский князь, узнав о сборах хана Мамаю, приказал немедленно послать на верхний Дон, да на Воронеж, да на Тихую Сосну лучших воинов-разведчиков. По свидетельству летописца, они должны были «стеречи за татарами и под орду ехать языка добывать и истину уведать Мамаева хотения».

Как же добирались московские воины до татарской орды? Конный лесной путь шел из Москвы к Дону через Елец. Донская переправа находилась близ устья Тешева. Отсюда по левому берегу Дона, лесными тропами, воины пешком достигали устья Воронежа за два дня.

Так, верной службой Московскому государству, начиналась задонская дорога — самый ближний выход в степные ордынские владения.

После знаменитой Куликовской битвы, где была одержана решительная победа над войсками Мамаю, земли и леса, расположенные по верхнему Дону и Воронежу, становятся достоянием Москвы. Татар все настойчивее оттесняют на юг. В 1494 году московский царь Иван III передает в удельное владение князю Федору Рязанскому «Воронеж верхний, Тешев весь и в Дону реце жребий с прочими доходы по старине». Спустя еще почти сто лет на реке Воронеж закладывается пограничный сторожевой город Воронеж, который связывается задонской дорогой с городком Тешевом, возникшим при впадении одноименной речки в Дон, а отсюда через Елец и Тулу — с Москвой.

В Тешеве и близ него, на Галичьих горах, стоят стрелецкие конные сторожевые посты. Татарские наездники еще рыщут по придонским землям, приходится быть начеку. В 1659 году большая татарская орда, прорвав сторожевую линию под Чертовицком и Усманью, добралась до Карачуна, в сорока верстах от Тешева. Десятки селений были сожжены, тысячи русских людей погибли.

А городок Тешев продолжал расти. Еще в 1610 году беглые московские монахи Кирилл и Герасим, учтя выгодное расположение городка, строят здесь с помощью стрелецкого головы Филиппа Тюнина небольшой деревянный монастырь. Приезжих становится все больше. Появляются заезжие двory и конюшни, где содержатся лошади для «государевой службы». Монахи берут в свои руки весьма доходный перевоз через Дон, строят мельницы, захватывают рыбные промыслы и пойменные сенокосы, бойко торгуют хлебными припасами и фуражом.

Московское правительство, стремясь упорядочить связь с донскими окраинами, поощряет охочих людей заниматься ямщиной. Условия были соблазнительны. Ямщики освобождались от разных государственных повинностей, от подушной подати и от рекрутства, наделялись землей и лугами и получали денежное жалованье по десяти рублей в год — огромные по тем временам деньги. Но стать ямщиком мог далеко не всякий. Надо было представить «поручную запись» других ямщиков в трезвости и надежности, надо было иметь известные средства, чтобы за свой счет «держат на ямскую гоньбу по три мерина добрых со всякою гонябной рухлядью». А добрый мерин стоил тогда около четырех рублей. Следовательно, в ямщики попадали лишь зажиточные крестьяне.

Ямской стан закладывается на полдороге от Тешева до Воронежа (ныне деревня Ямань), а в 1624 году по указу царя Михаила Федоровича устраивается Ямская слобода в Воронеже, близ Воскресенской церкви (где Каменный мост). В слободе поселили семерых ямщиков из Ельца и троих из Брянска. Места под двory им отмерили, лес и камень на постройку дали, а когда пришли ямщики сено косить на отведенный для них луг, там встретили их городские стрельцы, закричали:

— Эй, ямщина толстозадая, поворачивай назад, пока не бита!

Минка Пупынин, староста ямщицкий, попробовал возразить:

— Сенокос сей, господа стрельцы, нам самим воеводой отведен...

Стрельцы схватились за самопалы, угрожающе надвинулись:

— Ничего не ведаем! Лугами сими наши сотники стрелецкие владеют, а вы свои луга в иных местах ищите...

Ямщики почесали в затылках. Может, и впрямь местом ошиблись.

С воеводским подьячим, отводившим сенокос, были тут после изрядной попойки, запомнили лишь, будто близ трех береговых лозинок ихняя делянка. Лозинки-то вот они, а делянка, возможно, где-то рядом... Зашли ямщики с другой стороны, а там монахи сено косят. Стали ямщики с ними спорить, монахи закричали:

— Убирайтесь отсель, сатанинское отродье, луг сей за Успенским монастырем писан...

Тогда пошли ямщики к подьячему, который им сенокос отводил, потрепали его малость за бороду, он признался:

— Воевода Иван Васильевич Вольтинский и товарищ его Степка Стрешнев игумену Успенского монастыря, да попу Дмитровскому, да стрелецким сотникам ваши угодыя пропили... Надо царю челом бить...

Минка Пупынин оказался малым дошлым. Добрался до царя Михаила Федоровича, добился возврата отведенной ямщикам земли. Но воевода в отместку стал жалованье задерживать. Опять пришлось ямщикам челобитную в Москву посылать, откуда вскоре получена была строгая царская грамота: «Воронежским ямщикам дать наше жалованье тотчас все сполна, не волоча, чтоб за нашим жалованьем у воронежских ямщиков ямская гоньба не стала и волокиты и убытков не чинили и челобитья б их впредь не было».

Ямщики того времени возили главным образом государеву почту и посылаемых правительством по казенным надобностям чиновников. Частные лица ездили редко, ибо каждая поездка была сопряжена с огромными трудностями. Свободного выезда из Воронежа не разрешали. Желаящий ехать должен был подать на имя царя челобитную, в которой указывалось место, срок и цель поездки, а также представить поручительство нескольких добрых горожан, что ему «ни в Немцы, ни в Орду, никуда не съехать». Только после этого выдавалась проездная грамота — своеобразный паспорт того времени. В архивах сохранилось одно из прошений о выезде, поданное воронежскими торговцами яблоками Львом Пономаревым и Марком Талуиковым: «Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, нас с Воронежа отпустить до Куротояку и до Рыбного с яблоками. Царь-государь, смилуйся, пожалуй».

Задонская дорога тех времен хотя и была несколько расчищена, расширена, однако по-прежнему пролегалла среди девственного лесного массива до самого Воронежа. И это обстоятельство вскоре сделало езду небезопасной, ибо леса не пустовали...

Близ лесных родников селились бежавшие от «проклятых никониан» раскольники. Бесперывно двигались на юг толпы крепостных мужиков, спасавшихся от тяжелой боярской кабалы. В оврагах копали землянки «гультаи и воровские люди», промышлявшие дорожным разбоем. Они нападали не только на обозы, но и на ездивших с воинской охраной служилых людей. Старинные документы свидетельствуют о любопытном случае, когда воронежский воевода в течение целого года не осмеливался отослать в Москву собранные с населения налоги, опасаясь, что «государева казна попадет в руки разбойников». Но вот однажды произошло событие, последствия которого решительным образом преобразили жизнь верхнедонского края и вместе с тем, необычайно подняв значение задонской дороги, изменили существовавшие здесь порядки...

ДОРОГА СТРОИТСЯ

Воронеж при Петре I сделался большим и шумным городом. Помимо корабельных верфей здесь находились литейный и лесопильный заводы, канатная и парусная фабрики, смолокуренные, столярные, кузнечные и множество иных заведений, занятых выполнением государевых корабельных подрядов. Трудились тысячи согнанных сюда крепостных людей. Днем и ночью стучали топоры, визжали пилы. Воронеж строил морскую силу России.

Но вскоре после успешного Азовского похода случилась беда. Пятнадцать военных кораблей, построенных из сырого дерева на воронежских верфях, при спуске на воду грузно осели, затонули и начали летом загнивать в обмелевшей реке.

Царь Петр встревожился. Необходимо спасти корабли, а главное, принять меры, чтобы беда не повторилась вновь. Петр в 1702 году послал в Воронеж взятого им на службу опытного английского инженера Джона Перри. Тот устроил в устье реки шлюзы, и, когда вода поднялась на несколько футов, затонувшие корабли с помощью блоков были поставлены на сушу. Петр остался доволен работой Джона Перри. Вызвал его к себе, спросил:

— А можно ли, устроив еще несколько шлюзов, сделать реку Воронеж судоходной на всем протяжении от города до Дона?

Джон Перри утвердительно кивнул головой:

— Можно, государь.

— И чтоб по ней могли свободно проходить мои восьмидесятипушечные корабли? — пытливо взглядываясь в лицо англичанина, добавил Петр.

— Можно, государь, — спокойно повторил Джон Перри. — Вполне удобоисполнимо, хотя и нелегко... Много народу нужно.

— Народ будет, — пообещал Петр. — Я указал всем губернаторам и воеводам собирать по человеку со ста дворов и гнать сюда... О прочем, что потребно, господина адмирала Апраксина спрашивай. И приступай к делу не мешкая! Работы были завершены в течение одного года. Шлюзы сделали шириной в 43 фута и такой глубины, что они вполне обеспечивали необходимый подъем воды для прохождения восьмидесятипушечных кораблей. Сооруженные из местного камня дамбы выдерживали самый сильный напор весеннего паводка. Кроме того, были устроены шлюзы для спуска весенних вод. Мелководный Воронеж превратился в широкую и глубокую судоходную реку, по которой легко, под распущенными парусами плыли тяжелые военные корабли.

Как видно, первый опыт шлюзования реки Воронежа, несмотря на примитивную технику того времени, совершенно оправдался. Джон Перри описал это в своей книге «Состояние России при нынешнем царе», изданной в Лондоне в 1716 году. И думается, изучение опыта шлюзования реки Воронежа может иметь некое практическое значение и теперь.

Книга Джона Перри ценна и в другом отношении. Обычно иностранцы, путешествовавшие в стародавние времена по российским землям, не вникая в существовавшие тогда крепостнические отношения, писали, будто русские ленивы, грубы, тяжелы на подъем, невежественны. Джон Перри, пробывший в России при Петре I четырнадцать лет, высказывает иное мнение.

Джону Перри часто приходилось видеть «простолюдинов, сидящих в праздности на улицах или в домах своих», но, как он убедился, это про-

исходило не от лениости народа, а потому, что занятие каким-либо промыслом порождало бесчисленные своевольные поборы и притеснения со стороны господ и чиновников, «простой народ утрачивает всякую охоту к промыслу и занимается им лишь настолько, насколько потребно для удовлетворения своих нужд». Джону Перри приходилось тесно соприкасаться с огромными массами народа, занятого на государевых работах, и он утверждает, что люди эти по природе своей трудолюбивы, способны, смышлены, но страшный крепостнический гнет заставляет их «скрывать свои способности и притворяться невежественными».

Однажды в Воронеже, где сооружался снаряд для выкачивания воды, Джон Перри приказал мастеру-голландцу, служившему под его началом, выбрать из русских плотников наиболее искусных для самой ответственной и трудной работы. Мастер назвал несколько плотников. Джон Перри удивился:

— Я знаю этих плотников, но никогда не видел, чтобы они выделялись чем-нибудь из среды других.

— А я видел однажды, — возразил мастер, — как они действовали инструментом, и залюбовался... У них золотые руки!

— Почему же, однако, они нигде и ничем не выказывают своего искусства?

— Им нельзя этого делать, — пояснил мастер. — Если станет известно, что они люди искусные и способные, то их уже не оставят в покое, постоянно будут давать работы по приказанию чиновников или дворян, у которых они находятся в рабстве. Они не смогут уже распоряжаться своим временем и не будут притом получать никакого вознаграждения, а вместо того, если ими останутся недовольны, за труды свои будут получать удары.

Все оказалось действительно так, как говорил мастер. Тогда Джон Перри отправился к адмиралу Апраксину, чтобы выхлопотать для наиболее способных работников вознаграждение, хотя бы по копейке в день, чтобы тем поощрить и прочих. Адмирал Апраксин, выслушав англичанина, усмехнулся:

— Не было до сих пор примера, чтобы из царской казны выдавались людям деньги за исполнение их обязанностей в деле, на которое они отправлены. Но взамен этого растут в России батоги, и если люди не исполняют требуемых от них работ, то их следует за это бить!

Джон Перри, записав этот ответ Апраксина, справедливо замечает: «Если все это взять в соображение, то нельзя удивляться тому, что русский народ... при всяком удобном случае готов возмутиться и принять участие в самых варварских жестокостях в надежде избавиться от рабства, которое наследственно тяготит его». Так трудился крепостной люд всюду: и на строительстве кораблей, и на сооружении шлюзов, и на дорожных работах, о которых необходимо сказать особо.

Большой приток народа в Воронеж, непрерывный подвоз строительных и продовольственных грузов, небывалое расширение почтовых отправлений — все это заставило правительство заняться приведением в порядок основной дороги, соединявшей Воронеж с Москвой и центральными губерниями. На всем протяжении от Москвы до Воронежа была произведена расчистка, устроены мостки через овраги, загатированы болота и топи, поставлены высокие, окрашенные красной краской верстовые столбы, на которых указан 1701 год, время установки столбов, и рас-

стояние до Воронежа и ближних окрестных мест. Дорога с тех пор стала называться столбовой. А по обеим сторонам ее высадили свыше двухсот тысяч деревьев: они помогали в зимнюю метельную погоду не сбиваться с пути. Для удобства проезжих Петр приказал через каждые двадцать верст построить «царевы дома», или кабаки, где можно было погреться, закусить и выпить.

Именно такой описал дорогу голландский живописец Корнилий де Бруин, приезжавший в Воронеж вместе с Петром в начале 1703 года. И еще он отметил: «Мы видели огни по всем селениям, через которые проезжали, так как крестьяне стояли у своих ворот с пучками зажженной соломы для выражения их радости приезде царя. Огни эти производили ночью приятное впечатление».

Вероятно, так оно и было. Сомнительно в этих записках лишь радостное чувство крестьян, ибо производимое ими благоустройство дороги было делом столь тяжелым, что «выражение чувств» при проезде знатных путешественников вряд ли могло быть радостным.

Архивные документы рисуют довольно мрачную картину дорожной крепостной повинности.

Людей на дорожные работы сгоняли из ближних и дальних селений без различия пола и возраста, «лишь бы лопату в руках держали», иной раз попадали в партию и старики, и подростки, и бабы с грудными детьми. Партия обычно работала две-три недели, затем сменялась, но бывало и так, что людей задерживали на более длительные сроки. Вот тут приходилось «трудникам» особенно туго. Работали они на своих харчах, состоявших из ржаного хлеба, капусты, лука и кваса, но харчей всегда было в обрез, люди постоянно недоедали, и всякая задержка на дорожном строительстве приводила к настоящим голодовкам. А за бегство, за плохую работу, за ропот и возмущение нещадно пороли. Тяжелые земляные работы особенно мучительны бывали в холодную дождливую погоду: тогда начинались повальные простудные и эпидемические болезни — сотни безвестных тружеников зарыты в придорожных могилах.

Шли годы, менялась жизнь, а дорожная повинность по-прежнему оставалась едва ли не самой тяжелой из всех других крепостных повинностей.

В конце мая 1818 года в Воронеж по старой задонской дороге ехал император Александр I. Только что прошли обильные дожди, зеркальные лужи прикрыли дорожные рытвины и кочки, царскую тяжелую карету изрядно потряхивало и обдавало фонтанами воды. Император болезненно морщился. Его раздражали и эта неприятная езда, и обряженные в новые рубахи бородатые мужики, выставленные полицией для встречи в придорожных селениях. Императору, побывавшему недавно в европейских землях, вспоминались гладкие, прекрасно вымощенные, обсаженные каштанами и тополями дороги, веселые кирпичные островерхие домики с палисадниками, кокетливые пейзажи в белоснежных чепчиках. Все там, в Европе, было императору мило, а здесь, в стране, которой он правил, ненавистно.

В Бестужеве, на полпути от Задонска до Воронежа, была короткая остановка. Сменяли лошадей. Воронежский губернатор Николай Порфирьевич Дубенский, сопровождавший государя, осмелился заметить:

— Как жаль, ваше величество, что несносная погода лишает ваше путешествие всякой приятности...

Император посмотрел на него злыми глазами.

— Надо дороги исправлять, а не о приятностях размышлять, — сказал он резко. — Почему я вижу лишь глазеющих бездельников и нигде не вижу работающих на дороге мужиков?

— Губернию в прошлом году посетил сильнейший недород, ваше величество, — ответил Дубенский, — я не считал возможным посылать голодающих...

— Напрасно! Мои мужики выносливы, — произнес император. — Что они дома сосут, то могут сосать и на больших дорогах... И потом, — добавил он, — этот кавказский тракт весьма важен, следует мостить его камнем, как это делают немцы...

— Слушаю, ваше величество! Будет исполнено, — заверил губернатор, привыкший без рассуждений исполнять волю монарха.

Однако на этот раз губернатор попал впросак. Воронежские инженеры, произведя обследование дороги и подсчитав расходы по устройству шоссе от Воронежа до Задонска, составили такую смету, что губернатор схватился за голову. Думал обойтись обычной повинностью, помощью дворянства и купечества, а теперь стало ясно, что помимо того потребуются огромные средства, сотни тысяч рублей, и без субсидии правительства ничего не выйдет. Но казна была пуста, и рассчитывать на субсидии трудно...

Вызванный губернатором для совета городской голова Мещеряков, осведомившись о стоимости шоссе, крикнул:

— Эх, сколько деньжищ-то нужно на каменную дорожку! Всех воронежских купцов хоть с торгов пускай — столько не сыщешь. Откажись от затеи, батюшка Николай Порфирьевич!

— Нельзя, — вздохнул губернатор. — Я самому государю слово дал...

— Ну, ежели так... тогда одно остается... у графа Аракчеева милости искать...

Царский всеильный фаворит при желании мог, конечно, оказать помощь, губернатор знал это, только очень уж противно было обращаться к свирепому, грубому и невежественному временщику. А пришлось, иного выхода не было.

Аракчеев, выслушав губернатора, покрутил сизым носом, пошевелил отвислыми губами, присипел:

— Надо было прежде все обдумать, сударь мой, а потом уж перед государем выхваляться!.. Ничего для вас не могу. Честь имею!..

Дубенский заболел от огорчения и вышел в отставку. Вопрос о шоссе от Воронежа до Задонска отложили еще на добрых тридцать лет. Не под силу была «шоссейка» воронежскому дворянству и купечеству.

Лишь в середине века, когда обострилась борьба русских войск с кавказскими горцами и назревала война с турками, а дорога на юг приобретала особое значение, царское правительство отпустило необходимые средства.

Работы продолжались несколько лет. Наживались, богатели подрядчики и приказчики, надрывался, стонал крепостной народ. Никакой механизации тогда не существовало, все делалось вручную. В зыбких известковых шахтах ломали кирками камень, чугунными трехпудовыми бабками вбивали камень в дорогу, тачками перевозили сотни тысяч тонн земли и песка.

1 февраля 1859 года «Воронежские губернские ведомости» объявили, что «шоссе от Воронежа до Задонска окончено сооружением и открыто для езды».

Вскоре, однако, выяснилось, что Задонское шоссе не имеет надлежащей прочности. Известковый камень быстро разрушался, требовался постоянный ремонт, и работы на шоссе не прекращались.

Помню хорошо, как ремонтные рабочие в холщовых портах и в лаптях, напрягая мускулы, кряхтя и охая, трамбовали тяжелыми бабками каменные заплаты. Получали они за это в день, на своих харчах, сорок копеек. И обязательно грыжу.

Участковые врачи, осматривая совсем еще молодых мужиков с явными признаками этой болезни, сразу догадывались о причинах.

— На шоссейной дороге, что ли, работал?

И ответ следовал весьма красноречивый:

— На ней на самой, на шаше на каторжной... А вот когда асфальтировалось Задонское шоссе, я встретился с двумя молодыми парнями, работавшими на больших машинах-катках. Один из них, высокий, сероглазый, с лихо взбитым чубом, недавно окончил специальные курсы, другой, чуть постарше, темноволосый крепыш, имел десятилетнее образование. Они неплохо зарабатывали, хорошо питались, много читали, а вечерами надевали шелковые рубашки и парадные костюмы, шли в соседнее село смотреть кино и танцевать с девушками. Я спросил их:

— Значит, живется вам неплохо?

Тот, который постарше, пожал плечами:

— Так себе... хвалиться нечем... Товарищ его, тряхнув чубом, добавил:

— Занятие наше, в общем, чепуховое и скучноватое...

— А чем же, собственно говоря, вы недовольны?

Парни охотно пояснили:

— Ползаем по дороге, словно черепахи... Кругом лес, поле да небо... Автолавка приезжает редко, иной раз без папирос сидим. В городе и веселей, и культурней, там и театры, и стадионы... А тут что?

Претензий, в общем, высказали немало, и, вероятно, многие из них были справедливы, но я, слушая их, думал о другом.

С необычайной отчетливостью оживали в памяти работавшие когда-то здесь за сорок копеек в день деды таких вот ребят; я пытался мысленно сравнить век минувший и век нынешний и чувствовал, как трудно найти между ними точки соприкосновения. Слишком велико различие внешнего и внутреннего облика дедов и внуков. Одно было несомненно: молодые собеседники мои не знали прошлого своего отечества, не знали, как трудились их предки, иначе собственный их нынешний труд, облегченный сильными и умными машинами, представлялся бы им не будничным, скучным занятием, а деянием глубокого исторического смысла и значения.

ЖИВОТИННОВСКИЙ ОБРАГ

С тех пор, как началось в Воронеже корабельное строение, как нахлынули сюда государевы начальные и мастеровые люди да иноземцы, для воронежских ямщиков настала беспокойная жизнь. Они содержали по цареву указу тридцать лошадей, и прежде этого хватало, езда была редкая, но теперь ямской староста Костка Астафьев не успевал подавать лошадей всяким чиновным господам, курьерам и офицерам. Ямщикам дома и ночь поспать не удавалось — постоянно в гоньбе, лошади телом опали, а от воеводы в Ямскую слободу каждый день дьяк жалуует, старосте нака-

зывает: давай лошадь тому, давай другому, да смотри, чтобы ехать борзо, господа знатные, строгие, и скулу свернуть, и в ухо захватить не постесняются!

А вскоре ямщиков ожидала и худшая напасть. Начальные всех чинов люди, не желая терпеть никакой задержки, стали сами наведываться в слободу. И разговор у них с ямщиками короткий:

— Запрягай да подавай, пока не бит!

Ямщики от непрошенных гостей начали укрываться. Воевода Д.В. Полонский, проведав о том, приказал:

— Брать на правез ямщицких женок да взбадривать их хорошенько розгами, небось хозяева отыщутся...

В Ямской слободе поднялся крик и визг несусветный. Стрельцы хватили женок, тащили их «на правез». Ямщики, жалея баб, выходили из укрытий, принимали удары батогах на свои спины, и если в разгоне были ямские лошади, то за свои кровные деньги брали коней у соседей — отвезти до ближнего яма начального человека. А тот зачастую и установленных прогонов не платил.

Костка Астафьев о всех этих беззакониях написал челобитную государю: «Воронежский воевода во всякие посылки и многим начальным людям и иноземцам ямщиков с подводами отдает без твоего, великого государя, указа и без московских подорожен, а указных у нас на яму тридцать лошадей. И как-де те тридцать лошадей бывают все в гоньбе, то сверх тех указных лошадей берут у нас лишние многие подводы под всяких чинов людей без прогонов, и с тех лишних подвод бьют нас на правезе; а как ямщики бывают все в гоньбе, и без них те подводы правят на женах их. И те лишние подводы дают ямщики, нанимая дорогою ценою без прогонов, и от того они оскудели и одолжали многими долгами и лошадьми опали».

Петр строжайше приказал воронежскому воеводе притеснения ямщиков прекратить и сверхуказных тридцати лошадей «без прогонов лишних подвод с них, ямщиков, ныне и впредь иметь не велел».

Однако этот указ лишь озлобил воеводу против строптивых ямщиков. Их стали преследовать на каждом шагу, донимать не мытьем, так катаньем, а жалобы на «озорничество, чинимое во взятии подвод, и несносные ямщикам с боями обиды» приказные дьяки не разбирали.

Что оставалось делать ямщикам? Некоторые из них, «обезлошадев и разорясь», бежали. Другие продолжали ямскую службу и с «обидчиками» разделялись по-свойски.

В двадцати двух верстах от Воронежа, в животинновском лесу, задонскую дорогу пересекает поросшая редким кустарником глубокая балка, уходящая в обе стороны от дороги. Место глухое, издавна облюбованное лихими людьми для разбойных нападений; говорили старики, будто здесь некогда сам знаменитый атаман Кудеяр с кистенем похаживал.

И вот спустится ямщицкая тройка в балку, а тут ее поджидают:

— Вылезай, барин, приехали!

Расправа у дорожных молодцов, находившихся в тайном сговоре с ямщиком, была короткой, а следы попробуй отыщи, коль проезжий никаких подорожных ямскому старосте не являл!

Но чаще дело кончалось одним грабежом, причем дорожные молодцы для виду вязали и ямщика. А когда трясущегося от страха проезжего вытаскивали из повозки, начинали раздевать да обирать, ямщик слезно упрашивал:

— Побойтесь бога, молодцы, не берите греха на душу, не губите человека хорошего, безвинного!

И рад-радешенек бывал проезжий, ежели разбойники, смилостивившись, отпускали его живым.

Ямщик Афонька Ерохин, как видно из старых приказных дел, принимал участие в четырех подобных ограблениях, пока не был уличен, схвачен, бит, клеймен и сослан на каторгу.

Впрочем, сговор ямщиков с дорожными грабителями был явлением кратковременным. Оно прекратилось, как только правительство пресекло самовольство проезжих, ввело обязательное предъявление подорожных и прописку на почтовых станциях.

Однако овраг в животинновском лесу долгие годы продолжал считаться гиблым местом.

В прошлом веке кроме ямщиков, служивших при почтовых станциях, существовали в Воронеже и Задонске, как, впрочем, и в других местах, ямщики вольные. Они имели тройки рысистых лошадей, хорошие экипажи, обслуживали богатых любителей быстрой езды. Слово птица, летит, бывало, по зимнему первопутку вольная тройка! Вихрится снег, звенят колокольцы, на облучке саней ковровых в суконном синем кафтане и надетой набекрень шапке малинового цвета лихой молодец ямщик, и, кажется, никакой черт ему не страшен, не становись никто на дороге, сомнут, растопчут горячие, бешеные кони! А как только покажется мостик через животинновский овраг, забеспокоится ямщик и встанет, шапку поправит, крепче вожжи подберет да присвистнет:

— А ну, быстрее выносите, милые!

Неспокойно было здесь и в первые советские годы, когда нагоняли страх на проезжих дезертиры и недобитки из колесниковских и антоновских банд. Как-то раз ехал я из Задонска в Воронеж на паре исполкомовских лошадей, правил которыми пожилой опытный кучер Минаич. Дела были спешные, и я надеялся вечером быть в городе, но сильные метели последних дней испортили дорогу, образовалось много глубоких ухабов, это затрудняло езду, и мы подъехали к животинновскому лесу, когда уже начало темнеть.

Минаич огляделся по сторонам и произнес со вздохом:

— Не успею овраг проскочить... Придется, видно, у Ивана Тимофеича заночевать...

Я запротестовал:

— Да ты что, Минаич! Время еще не позднее, лошади хорошие, а на всякий случай и револьвер у меня...

— Вот разве игрушки этой вашей испугаются! — с презрительной усмешкой отозвался Минаич. — Нет, вы меня послушайте!.. Или Ивана Тимофеича спросите, вон, кстати, и он, легок на помине.

С правой стороны шоссе, на веселой полянке, окруженной лесом, виднелись бревенчатая контора и конный двор: тут прежде происходила смена лошадей под дилижансы. А у конторы с ружьем за плечами стоял человек высокого роста, с круглой курчавившейся черной бородкой и чуть выпуклыми живыми глазами. Это и был Иван Тимофеевич, бывший конторщик владельца дилижансов Копенкина, а ныне лесной сторож и заядлый охотник, знавший всю окрестность как свои пять пальцев.

Я был знаком с Иваном Тимофеевичем, мы повидались как хорошие приятели. Он сказал:

— Дело, конечно, случая, может быть, вас овражные и не остановят,

а только последнее время озоруют они сильно... На той неделе ехавшего в Рамонь милиционера убили, а вчера хлевенских кооператоров дочиста ограбили. Лучше всего оставайтесь ночевать.

Мы так и поступили. И не мы одни. Часа через два просторная, хорошо натопленная горница была до отказа набита проезжими. Общий разговор, естественно, сосредоточился на дорожном разбое. Народ в прежние времена вообще любил потолковать на эти темы, а тут и случай самый подходящий, слушаешься такого, что ночью не спится, хотя нелегко заснуть и по другой причине: в горнице душно, чадно от тяжелого махорочного дыма, подвешенная к потолку семилинейная керосиновая лампа еле просвечивает, а спящие вповалку на полу люди оглушают богатырским храпом.

Выехали мы на следующий день рано, ясное морозное небо лишь начинало румяниться, а когда подъехали к знаменитому оврагу, увидели страшную картину. Метрах в ста от мостика лежали окоченевшие трупы двух неизвестных. Они были в одном окровавленном холщовом солдатском белье. Вытопанная множеством ног полянка, побуревшие кровавые пятна и до неузнаваемости изуродованные каким-то холодным оружием лица убитых свидетельствовали о том, что люди упорно сопротивлялись и, вероятно, кого-то из бандитов поранили: на лесной тропе, уходящей в глубь леса, виднелся красный след.

Что же за трагедия разыгралась здесь этой ночью и кто были погибшие? Был потом слух, будто так жестоко расправились бандиты с посланными к ним для слежки агентами уголовного розыска, однако ничего более достоверного узнать не удалось.

А картина запечатлелась крепко. И до сих пор, проезжая животинновским лесом, любясь чудесной спокойной красотой его, невольно вспоминаешь о былых дорожных разбойных делах и радуешься, что все это в безвозвратном прошлом.

Анатолий Жигулин

СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ

Родился я в Воронеже 1 января 1930 года. Но первые несколько лет прожил в воронежском селе Подгорном, где мой отец работал начальником почты. Там я впервые увидел и ощутил землю: чернозем, полынная степь, тихие степные речки с ивняками, меловые обрывы... Самое мое раннее детское зрительное воспоминание такое. Раннее утро, роса, огород за почтой. Большие, просто огромные синеватые кочаны капусты и крупные на них капли росы. И такая свежесть, чистота и тишина... Может, меня и вправду нашли в той капусте?..

Первые встречи с землей. В это же время и первые встречи с поэзией. Моя мать, Евгения Митрофановна Раевская, много читала нам вслух — мне и моему младшему брату. Одна из первых книг — «Кавказский пленник» Л. Толстого. Оба мы горько рыдали, когда описывались страдания Жилина и Костылина в татарском плену. Одно из первых услышанных в детстве стихотворений:

Поздняя осень. Грачи улетели.
Лес обнажился, поля опустели.
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Мать вообще любила стихи и много их знала. В семье хранился ее девичий гимназический альбом с любимыми стихотворениями. Перед стихами были рисунки (мать рисовала). Одинокий домик с соломенной крышей в пустом поле. Стога сена. Колодец с журавлем. И в небе косяк улетающих птиц. И снова стихи:

Вырыта заступом яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая...

А отец рассказывал нам сказки. Вернее, одну и ту же сказку «Про Илью Муромца и Соловья-разбойника». Диким свистом свистел Соловей-разбойник. Пугался свиста и припадал на передние ноги богатырский конь. А Илья Муромец ругал своего коня: «Ах ты, волчья сыть! Травя-

ной мешок!..» Других сказок отец мой не знал, но и одна эта никогда не надоедала. Совсем недавно эта былина попалась мне в каком-то сборнике, и я удивился близости текста к тому, который я запомнил в начальные свои годы. А ведь отец, по его словам, знал эту сказку вовсе не по книге, а от своего отца, моего деда (матери своей отец мой не помнит, она умерла, когда ему было два года).

Году в 36-м наша семья переехала на родину матери, в Воронеж. Мы поселились на тихой улочке Лассалья в одном доме с братьями и сестрами матери — большой, бедной, но дружной и веселой семьей Раевских, потомков первого декабриста и поэта Владимира Федосеевича Раевского. В детском моем воспитании, кроме родителей, участвовали и мои дяди и тети Раевские. Всем им я очень благодарен.

О войне объявили из большого черного круглого репродуктора, а спустя год она ворвалась в Воронеж немецкими танками. Это был неожиданный прорыв. Мы с братишкой оказались отрезанными от города в детском санатории в селе Чертовицком, километрах в двадцати севернее Воронежа. Никто не знал, что творится в Воронеже, была только слышна канонада, а ночью были видны пожары. Детей решили отвезти в город к родителям. Маленький санаторский автобус был набит до отказа. Я успел втиснуться, но для брата Славки места не было, а оставить его я не мог и не хотел. Пришлось остаться, ждать второго рейса. Но автобус не вернулся. Позже узнали: вблизи города в автобус попала бомба. Там было много детей папиных сослуживцев. Отец узнал об этом и считал нас погибшими.

А мы со Славкой пытались пройти в горящий Воронеж. Навстречу катилась беспорядочная масса машин, повозок, бойцов. Шли обочиной по лесу. Низко летали самолеты. Ясно были видны черные кресты на крыльях. Раздался вдруг необычный, какой-то железный, густой свист, нарастающий и дикий. Кто-то крикнул: «Бомба!..» В ужасе бросились мы на землю, на траву под деревьями. Раздались взрывы, ударило волною в уши, сознание померкло, заходила, заколыхалась земля... Мы лежали, обняв друг друга за плечи, держась за корявые корни дуба.

Смрадный дым и запах тротила. И тишина... Когда встали, увидели: все вокруг изуродовано. Черные ямы воронок. И всюду — на траве, на деревьях — кровь, земля, обрывки одежды. Стоны раненых. Четырех красноармейцев положили на телегу, — с нами были еще другие дети, была девушка-пионервожатая и еще кто-то из взрослых. Видимо, санаторский кучер. Вернулись. Санаторий был уже пустым... Раненые к утру умерли. Могилу им вырыли (и я тоже копал) в саду возле санатория. А ночью мы почти не спали. На юге в полнеба полыхало зарево — догорал Воронеж.

На следующий день начались наши скитания. Небольшой группой мы ушли в лес: несколько детей, пионервожатая и чья-то мама (за кем-то она приехала из Воронежа, но вернуться уже не смогла). Шли лесными дорогами, но даже они прочесывались «мессершмиттами». Несколько раз мы попадали под пулеметный огонь. К вечеру пришли в село Старое Животинное, там ночевали. Рано утром нас переправили на левый берег реки Воронеж на большом черном смоляном баркасе. Заливные луга. Когда шли к лесу открытым лугом, нас снова обстрелял немецкий самолет. Жили на кордоне Песчаном. Было относительно спокойно. Иногда приходили партизаны. Вот тогда у одного парня я впервые увидел винтовку СВТ. С кордона Песчаного лесными дорогами мы вышли

к железной дороге, к селу и станции Углянец. Наш путь был долгим и трудным. Во время этих беспризорных скитаний по Воронежской области во фронтовой полосе во мне окрепла зародившаяся еще в Подгорном любовь к земле, к природе, к деревне. Я узнал, увидел и принял в сердце многие дорогие мне обычаи и понятия, картины средней, лесостепной России.

Отец нашел нас случайно поздно осенью в селе Анна, километрах в ста восточнее Воронежа. Только теперь, когда у меня самого есть сын, я могу представить себе и страдания моего отца, когда он узнал об автобусе, и его радость, когда он нас встретил. Он изъездил за лето всю не оккупированную часть области, везде спрашивал о двух мальчиках десяти — и двенадцатилетнего возраста. В поисках помогали ему работники районных и сельских контор связи. Зимой мы пережили в Борисоглебске. О матери и сестренке, которые остались в Воронеже, мы ничего не знали.

Я сравнительно подробно останавливаюсь на некоторых главных «нервно-эмоциональных» узлах своей жизни, чтобы читателю яснее были видны истоки моих стихов. Для поэта очень важна его судьба — его личный жизненный и душевный опыт. В творчестве, особенно поэтическом, его ничем нельзя заменить, даже большими знаниями. Хотя они тоже очень нужны для творчества.

О возвращении в освобожденный, совершенно пустой и разбитый, родной город я написал несколько стихотворений — и в юности, и в зрелые годы. Лучшее из них, на мой взгляд, — «Больше многих других потрясенный...» Любовь к родному городу занимала много места в моем детстве, потом юношеском сердце. Позже иные боли и испытания потеснили ее. Но в детстве и ранней юности я любил Воронеж любовью особенной — одухотворенной, щемящей, заинтересованной. Мы (я, мой брат, товарищи, родные) гордились своим городом, его историей, каждым малым его достоинством. Вот почему в 1943 году при встрече с разрушенным, сгоревшим Воронежем боль была такой долгой и неутешной.

То же можно сказать и о нашем доме на улице Лассалья. Больше всего люблю и вспоминаю всю жизнь именно его, хотя наша жигулинская семья жила там едва ли шесть лет. Но нет для меня в моей памяти роднее того дома. Может, потому, что его давно нет, потому, что он сгорел?.. Мы укрепили на пепелище кусок обгорелого железа и написали на нем мелом: «Мама! Мы живы! Наш адрес — Студенческая, 32, кв. 8. Папа, Толя, Слава». Но сами мы не знали, жива ли наша мать. Они с сестренкой нашлись только летом 1943 года... Вместе с нашим домом сгорела библиотека и архив Раевских (нашей ветви семьи Раевских; была еще близкая нам ветвь в Ростове, но она угасла, пропала еще до войны). Библиотеку я помню — золотые корешки Брокгауза и Ефрона и многие другие книги. Помню какие-то документы — большие хрустящие листы с орлами, фотографии моего деда Митрофана Ефимовича Раевского — и в штатской форме, и в военной — со шпагой, с орденами. Когда смотрели снимки, мать иногда шепотом говорила мне:

— Дворянин... Кавалер орденов святой Анны, святого Владимира...

Сразу вмешивалась старшая сестра — тетя Катя:

— Что ты говоришь ребенку! Какой дворянин! Служащий!..

Бумаги и снимки эти прятали...

А вокруг Воронежа широко раскинулись поля недавних сражений. Взойдешь на взгорок за Гражданским аэродромом — и, насколько хватит взора, поля, плавные спуски к лугам, к Дону, — все изрыто, все покрыто

тeлaми убитых. Я хорошо помню лица погибших, этих восемнадцати-двадцатилетних мальчишек с длинными винтовками, принявших на себя в 1942 году страшный удар — лавину танков на земле и лавину бомб с неба. Промороженные, высушенные ветром их тела хорошо сохранились к весне 1943 года... Я часто вспоминаю войну, часто обращаюсь к ней в творчестве, хотя сам не воевал, не успел по возрасту. Но я не просто видел войну. Я ее пережил. Мое сердце болело живой болью. Я видел врагов не в кино, а живыми. Они стреляли в меня. Это тоже опыт, тоже судьба. И она отразилась в моих стихах.

Стихи я начал писать в ранней юности, и они — уже тогда — были о пережитом, о войне. Году в 1947-м мне посчастливилось прочесть четырехтомник Есенина, изданный в конце двадцатых годов. Стихи Есенина потрясли меня. Они дали новый толчок моему творческому сознанию.

Наступил 1949 год, переломный в моей судьбе. В этом году мои стихи впервые появились в печати — в областной газете «Коммуна» и в альманахе «Литературный Воронеж». В этом году я окончил среднюю школу и поступил в Воронежский лесотехнический институт. В этом же году судьба распорядилась со мной по-своему: я попал сначала в Сибирь на железную дорогу Тайшет — Братск, а спустя два года — на Колыму, на золотые и иные рудники. Об этом периоде моей жизни (до 1954 г. включительно) читатель хорошо знает по «северным» моим стихам, таким, как «Хлеб», «Летели гуси...», «Бурундук», «Кострожоги» и другим. Они опубликованы в трех моих последних книгах избранного: «Горящая береста» (1977), «Соловецкая чайка» (1979) и «Жизнь, нечаянная радость» (1980). Печатались они и раньше. Несмотря на особые условия и понятную горечь тех лет, это время явилось для меня большой жизненной школой, научило мужеству. Я был молод и здоров, а мир был жесток, но интересен. Очень хорошо об этом сказано у А. Межирова:

Но даже смерть — в семнадцать — малость,
В семнадцать лет — любое зло
Совсем легко воспринималось,
Да отложилось тяжело.

Хотя, конечно же, формула Межирова не бесспорна, но и в ней, как говорится, есть правда...

Осень, прозрачная осень 1954 года. Радость возвращения в родной город, в родные места — Углянец, Утиные Дворики, Подгорное... Это уже Россия. А Сибирь? Сейчас, через много лет, когда прошлое отстоялось в сердце и отразилось в стихах, я и Сибирь ощущаю одной из ипостасей Родины. Ведь лежит, звенит она там до сих пор, та железная дорога Тайшет — Братск, которую я строил. Между прочим, это начальный, самый западный участок нынешнего БАМа. А Колыма? Это там, на Колыме, спас я своего бурундука из одноименного стихотворения. Такой он славный зверек, и так хорошо он устроился в моих стихах, что меня самого друзья-поэты иногда называют бурундуком. А магаданские газеты трогательно рецензируют мои книги, называют своим, колымчанином. Значит, и без Колымы понятие Родины будет неполным. Все это неповторимое время — детство, война, тайга, вся эта необъятная наша Россия — давняя и сегодняшняя, все эти жизненные реалии, чувства и мысли и составляют главную поэтическую суть, ту почву, тот фундамент, на котором стоят мои стихи. Это и есть Родина, это и есть судьба. А без судьбы, без личного переживания стихи невозможны. Ведь что такое поэзия? В самой общей

форме: это выражение словами, стихами — чувства. А чтобы чувство выразить, надо его сначала пережить.

Ветер свистит в сухом камыше
Близким посвистом зимних вьюг.
Больше того, что есть в душе,
Мы — увы! — не напишем, мой друг.

В 1959 году в Воронеже у меня вышла первая книга — «Огни моего города», тоненькая и слабенькая. Но в ней, к счастью, уже были «Рельсы» и «Обвал». Еще не очень четко, но судьба начала отражаться в моих стихах. В это время большую помощь оказал мне Борис Иванович Стукалин. Он печатал мои стихи, будучи редактором воронежских областных газет (в «Молодом коммунаре», затем в «Коммуне»). Многие из этих стихов вошли в эту книгу.

В 1960 году я закончил Воронежский лесотехнический институт. Этот институт привел в соответствие с биологическими науками мою изначальную любовь к природе, дал мне бесценные знания, научил меня точности и бережности в общении с прекрасным миром трав, деревьев и зверей. По словам моих младших товарищей, уже после окончания мною института профессор И.Я. Шемякин, читая курс «Эстетики леса», цитировал мои стихи и говорил студентам:

— Чем хороши стихи Жигулина? Читаешь и видишь, в каком типе леса ты находишься...

Это, конечно, своеобразная похвала, но мне она дорога.

А в 1961 году мне выпало счастье познакомиться с Твардовским. Произошло это так. Воронежский критик и литературовед А.М. Абрамов послал Александру Трифоновичу вторую мою книжку стихов «Костер-человек» (я об этом не знал). Твардовский прислал нам телеграмму на Воронежское отделение Союза писателей с просьбой ко мне дать новые стихи в «Новый мир», а к Абрамову — написать обо мне статью для журнала. Так в первом номере «Нового мира» за 1962 год появился цикл моих стихов.

Иногда говорят, что Твардовский был очень строг к молодым поэтам, но мне открылся в нем прежде всего человек добрый и отзывчивый. За строгость принимали, видимо, его высокую требовательность к стихам. Я в шестидесятые годы много болел. Твардовский хлопотал об устройстве меня в московскую больницу, звонил хирургу, который меня оперировал. Запомнился один эпизод, который помог мне понять главную суть, главную задачу поэзии. Однажды Твардовский обратил внимание на одно из моих стихотворений, в котором обыгрывалась старинная поговорка «Москва слезам не верит». В стихах говорилось о жизненных испытаниях, об их преодолении. Заканчивались они словами:

Я сам теперь не верю в слезы.
Я верю в мужество людей.

Стихи понравились Твардовскому. Но лобовое окончание его не устроило:

— Перепишите конец! Сделайте его теплее, тоньше, человечнее. Знаю, что это трудно, но попробуйте раскалить, расплавить себя до того состояния, в котором писали... Зачем эта твердокаменность: «Не верю в слезы»? Слезам нужно верить... Перепишите! У вас должно получиться — это же ваша судьба!..

Эти слова Твардовского запали мне в душу. Высокая человечность и необходимость личного душевного и жизненного опыта — вот главные, важнейшие и непренные условия поэзии... Стихи я переписал. Они были приняты в журнал. Нынче я все чаще вспоминаю именно эту встречу с Твардовским и вспоминаю замечательные стихи великого поэта:

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых, — знаю только я.
Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.
А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Я твердо верю, что вся суть действительно в этом — «единственном завете». И в своей поэтической работе пытаюсь ему следовать.

*Москва.
Сентябрь 1980 г.*

Департамент культуры Воронежской области.

**«Подъём»-регион» — приложение
к литературно-художественному журналу «Подъём».**

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); контактную информацию (тел., адрес электронной почты).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.
Дизайн обложки Новохатского В.Е.

На 1 стр. обложки репродукция картины заслуженного художника России
Золотых А.С. «Хлеб» (фрагмент)

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.

Факс: 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

*Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.*

*Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в
ООО «Тамбовский полиграфический союз».*

Подписано в печать 23.12.15. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,8.

Тираж 1000 экз. Заказ .

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Тамбовский полиграфический союз»:
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А.
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru